

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Историко-географический факультет

Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»

**Человек труда в истории: актуальные
вопросы исторической науки,
архивоведения и документоведения.
III Смирновские чтения**

Сборник статей
III Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

Чебоксары 2016

УДК 93/94
ББК 63.3
Ч-39

Редакционная

коллегия: **Широков Олег Николаевич**, главный редактор, д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета ФГБОУ ВПО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова», член общественной палаты Чувашской Республики 3-го созыва
Харитонов Михаил Юрьевич, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВПО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»
Смирнова Алина Леонидовна, помощник редактора, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин ФГБОУ ВПО «ЧГУ им. И.Н. Ульянова»
Яковлева Татьяна Валериановна, ответственный редактор, генеральный директор ЦНС «Интерактив плюс»

Дизайн

обложки: **Катякова Наталия Михайловна**, дизайнер

Ч-39 Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения : статьи III Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 марта 2016 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – 428 с.

ISBN 978-5-9907919-0-9

В сборнике представлены статьи участников III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Юрия Петровича Смирнова. Статьи представлены в авторской редакции. Сборник размещен в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

ISBN 978-5-9907919-0-9

УДК 93/94

ББК 63.3

© Коллектив авторов, 2016

© Центр научного сотрудничества
«Интерактив плюс», 2016

Предисловие

Историко-географический факультет Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» совместно с Центром научного сотрудничества «Интерактив плюс» представляют сборник материалов по итогам III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) **«Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения»**.

В сборнике представлены статьи участников III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященные вопросам исторической науки, архивоведения и документоведения. В 67 публикациях нашли отражение результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Человек труда в истории.
2. Роль университетской корпорации в формировании трудового потенциала России.
3. Методологические и историографические вопросы исторической науки и образования.
4. Социально-экономическое развитие России в XVII – начале XXI вв.
5. Архивоведение и документоведение: теория и практика.
6. Власть и общество в истории.

Авторский коллектив сборника представлен широкой географией: городами России (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Армавир, Арзамас, Белгород, Великий Новгород, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Краснодар, Магнитогорск, Нижний Новгород, Оренбург, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Самара, Томск, Тюмень, Усть-Илимск, Чебоксары) и Республики Казахстан (Астана).

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Самарская государственная сельскохозяйственная академия), университеты и институты России (Байкальский государственный университет, Байкальский государственный университет экономики и права,

Иркутский государственный медицинский университет, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, Краснодарский университет МВД России, Кубанский государственный университет, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный технический университет гражданской авиации, Московский педагогический государственный университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Оренбургский государственный институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей, Петрозаводский государственный университет, Российский государственный гуманитарный университет, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Ростовский государственный медицинский университет, Самарский государственный технический университет, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова) и Республики Казахстан (Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки от докторов и кандидатов наук ведущих вузов страны, профессоров, доцентов, аспирантов, магистрантов и студентов до преподавателей вузов и учителей школ, а также научных сотрудников. Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, участие в III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) **«Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения»**, содержание которой не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Главный редактор – д-р ист. наук, проф.
Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова,
декан историко-географического факультета
Широков О.Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК ТРУДА В ИСТОРИИ

<i>Агафонов И.А.</i> Инженеры: памятники человеку труда	9
<i>Анучин А.С.</i> Профессия – лесной инженер (к юбилею Владимира Ивановича Скрыпника).....	17
<i>Вершель В.П.</i> Рабочее движение на этапе перестройки: причины и результаты (1989–1991 гг.).....	20
<i>Головина Н.С.</i> Изменения в образовательном уровне женщин-работниц индустрии Чувашии в конце 1950-х – первой половине 1980-х гг. ..	26
<i>Гордиенко С.Н., Московченко Н.Н., Московченко Е.Н.</i> Жизнь Василия Горина как ориентир духовно-нравственного воспитания молодежи.....	29
<i>Кондратьева С.Б.</i> Метаморфозы труда в контексте экономических проблем современности.....	32
<i>Негруль С.В.</i> Трудовое поведение в фокусе организационных культур: исторические константы и противоречия становления	36
<i>Сергачёва К.В.</i> Трудовой вклад семьи Сергачёвых в хозяйственно-экономическое развитие страны	41
<i>Склярова Е.К., Харламов Е.В.</i> Женщины-выпускницы Ростовского медицинского института в годы Великой Отечественной войны.....	46
<i>Смирнова О.А.</i> А.Н. Энгельгардт – человек труда и исследователь национальной культурно-производственной традиции в условиях пореформенной России.....	49
<i>Смирнова Н.Б.</i> Труд военнопленных в спецгоспитале №3064 как средство решения кадровой проблемы	58

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

<i>Валерианова М.В.</i> Формирование студенческих общественных объединений в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.	61
<i>Василенко О.В., Павлова А.Н.</i> Интернет-технологии в профессионализации студентов-бакалавров, обучающихся по направлению «Документоведение и архивоведение».....	65
<i>Иванова Т.Н.</i> Петр Александрович Сидоров – второй ректор ЧГУ имени И.Н. Ульянова: труженик науки и образования	69
<i>Идрисов Р.А., Иванов А.Г.</i> Университетская газета «Ульяновец» как консолидирующий центр университетской корпорации	77
<i>Краснова М.Н., Иванов А.А.</i> Роль международного сотрудничества в подготовке специалистов на современном этапе (на примере ЧГУ им. И.Н. Ульянова).....	80

<i>Надреева Л.Л., Долгов А.В.</i> Взаимосвязь развития университетской корпорации и трудового потенциала.....	84
<i>Сорокина О.Г.</i> Роль кафедры физической культуры и спорта в подготовке студенческой молодежи к трудовой деятельности.....	88
<i>Харламов Е.В., Склярова Е.К.</i> Пётр Петрович Коваленко – выпускник «Огненного выпуска» 1941 г. и председатель Профкома Ростовского медицинского института.....	92
<i>Юстус Т.В., Андреева А.А.</i> Из истории трудового воспитания студенческой молодежи в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова.....	95
<i>Яковлева Т.В., Идрисов Р.А., Широков О.Н.</i> Инновационная деятельность Центров поддержки технологий и инноваций в Чувашии	102

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Агеева Н.Н.</i> Политические взгляды С.Ф. Фортунатова	105
<i>Бакланова И.С.</i> К вопросу об участии казачества в Белом движении: по материалам отечественной историографии	109
<i>Кириллова А.М., Идрисов Р.А., Широков О.Н.</i> Формирование историографии проблемы местного самоуправления в России в начале XX века.....	114
<i>Смирнова А.Л.</i> Рабочий класс России сквозь призму автономных республик: к историографии вопроса.....	117
<i>Сулима И.И., Фофанов Р.Ю.</i> Труд как ценность в истории философских взглядов	120
<i>Узлов Ю.А.</i> Человек труда в ситуации общественной трансформации	125
<i>Щербаков С.В.</i> Чувашская позиция на проект Волжско-Уральского штата в ноябре-декабре 1917 года: историографический обзор и перспективы изучения	135

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XXI вв.

<i>Архипов Ю.Р.</i> Территориальная дифференциация структурных изменений в сельском расселении России в начале XXI века	149
<i>Балабайкина Т.А.</i> Трансформация потребления алкоголя в русской культуре	153
<i>Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.</i> Учащиеся Чебоксар о выборе профессии, общественной работе и свободном времени	157
<i>Вязова О.Г.</i> Деятельность системы кооперативного социального страхования Чувашии в области культурно-бытового обслуживания кооператоров в 1930-х гг.	163
<i>Годинов А.Н.</i> Проблемы адаптации семей трудовых мигрантов.....	168

<i>Данильченко С.Л.</i> Вклад иностранных инвестиций в экономическую модернизацию СССР (1920–1930-е гг.).....	171
<i>Демидова И.И., Иванова Н.А.</i> Формирование системы школьного образования в Цивильском уезде в 1917–1927 гг.	197
<i>Джумагалиева К.В.</i> Развитие обрабатывающих промыслов и предприятий для переработки скотоводческого сырья в Степном крае в XIX веке.....	211
<i>Евдокимова А.Н.</i> Роль социальных институтов в реализации системы И.Н. Ильминского в чувашских приходах Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.	216
<i>Зотиков А.В.</i> Развитие отходничества в государственной деревне Чувашского края во второй трети XIX века.....	228
<i>Казаков Н.А., Житова Е.Н.</i> Уровень газификации жилого фонда в Чувашской Республике в начале XXI века на фоне других регионов России.....	233
<i>Караганова Н.Г., Кайсарова А.А.</i> Контрольно-надзорная деятельность в области охраны окружающей среды как аспект устойчивого развития региона (на примере Чувашской Республики).....	242
<i>Карпов А.П.</i> Аграрные реформы эпохи перестройки: замысел и результаты.....	249
<i>Курочкина Т.Н.</i> Промышленность Новгородской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.)	255
<i>Лобок Д.В.</i> Профсоюзы и Советское государство в годы новой экономической политики: опыт социального партнерства (1921–1928 гг.)	273
<i>Никонорова И.В., Сытина Т.Ф., Мулендеева А.В.</i> Анализ проблемы продовольственной безопасности на территориях неустойчивого земледелия европейской части России (на примере Чувашской Республики)	290
<i>Носырева А.В., Муратова И.А.</i> Оппортунистическое поведение в контексте нравственно-этического измерения	294
<i>Орлова И.В.</i> Роль купцов и промышленников в развитии здравоохранения Восточной Сибири в XVIII–XIX вв.	299
<i>Селиванова С.А.</i> К вопросу об определении основных черт городской экономики в Алатырской провинции в XVIII веке	302
<i>Сухомлинова К.Ю.</i> Значение ярмарок для становления предпринимательства на Кубани	305
<i>Шарипова Е.В.</i> Региональные проблемы современного социального обслуживания пожилого населения Чувашии	310
<i>Шлемпа О.А., Житова Е.Н.</i> Геоинформационные технологии как инструмент исследования объектов историко-культурного наследия Чувашии	313
<i>Юманова У.В.</i> Социально-демографические условия формирования пожилого населения Чувашии в начале XXI века.....	317

**АРХИВОВЕДЕНИЕ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

<i>Григорьев А.В.</i> Работа с обращениями граждан в МВД по Чувашской Республике и Республике Марий Эл в 2012–2014 гг.	321
<i>Карпов А.В., Карпова О.В.</i> Правовое регулирование в сфере государственной статистической деятельности в Российской Федерации на рубеже XX–XXI веков	325
<i>Матюшин П.Н.</i> Информационные технологии телефонных переговоров и работы с электронной почтой в практике деятельности руководителя (на примере ОАО «АБС ЗЭиМ Автоматизация»)	331
<i>Смирнова А.Л.</i> Архивная история «Истории фабрик и заводов»	338
<i>Тарасова Т.С.</i> Предпосылки возникновения государственных (муниципальных) услуг в России	348
<i>Тюрина Ю.А., Киселева Е.Л.</i> «Мое время – это время моей советской жизни». Перспективы изучения трудовой деятельности советского управленца (по материалам личного фонда последнего руководителя Главархива СССР Ф.М. Ваганова).....	354
<i>Шумилова О.В.</i> Документирование деятельности коллегиального совещательного органа (на примере Совета молодых ученых и специалистов Чувашской Республики)	369

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ

<i>Абишева Ж.Р.</i> Роль биев в кочевом обществе.....	374
<i>Багновская Н.М.</i> Социокультурные традиции государственного регулирования в России.....	377
<i>Байжума Г.Б.</i> Ханская власть в казахском обществе	383
<i>Лебедева Е.В.</i> Отношения власти и общества на примере организации Самарского университета в начале XX в.	391
<i>Муравьева И.В.</i> Новая жизнь наказа избирателя	395
<i>Стародубова О.Ю.</i> Журналистская деятельность рабочих г. Магнитогорска в годы Великой Отечественной войны.....	400
<i>Суханова Н.И.</i> Политика большевиков в отношении православной церкви в 1917–1918 гг.	405
<i>Упоров И.В.</i> «...Быть им на каторгах в работе»: формирование государственной политики по эксплуатации труда осужденных при Петре I	415
<i>Ялтаев Д.А.</i> Оценка местного крестьянского самоуправления в Казанской губернии по ревизии М.Е. Ковалевского в 1880–1881 гг..	422

ЧЕЛОВЕК ТРУДА В ИСТОРИИ

Агафонов Игорь Анатольевич

канд. хим. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Самарский государственный
технический университет»

г. Самара, Самарская область

ИНЖЕНЕРЫ: ПАМЯТНИКИ ЧЕЛОВЕКУ ТРУДА

Аннотация: как отмечает автор, тема работы навеяна мероприятиями, приуроченными к столетнему юбилею СамГТУ, и связана с образами инженеров в искусстве. Рассмотрен вклад выдающегося инженера В.Г. Шухова в развитие нефтяной и строительной отраслей нашей Родины.

Ключевые слова: инженер, монумент, нефтепереработка, транспорт нефти, инженерные сооружения.

В 2014 году Самарский государственный технический университет отмечал свой столетний юбилей. Среди многочисленных мероприятий, посвященных празднованию этой даты, у стен университета был поставлен памятник российскому инженеру – не какому-то конкретному, а инженеру вообще. Образ, использованный для памятника, олицетворяет некий расхожий типаж инженера конца XIX – начала XX века. Идея поставить памятник человеку интеллектуального технического труда заслуживает уважения. Заинтересовавшись идеей памятника, автор обратился к мировой паутине Интернет в поисках аналогов.

В Самаре существует памятник инженеру П.А. Суткевичу, расположенный на территории трамвайного парка, напротив музейных вагонов. История трамвая в Самаре в 1909–1915 годах весьма драматична и заслуживает отдельной статьи. Важную роль в ней сыграл инженер Павел Антонович Суткевич, прибывший из Москвы и возглавивший трамвайную комиссию по постройке и эксплуатации трамвая при городской думе. Проект, разработанный Суткевичем, как и полагается комплексному инженерному решению, предусматривал развитие инфраструктуры, обеспечивающей эксплуатацию системы трамвайного снабжения, в частности планировалось расширить центральную городскую электростанцию, осуществить монтаж уличного электрического освещения, а также

подвод тока к предприятию. Первый трамвай в 1915 году (запущенный по ряду причин со значительным отставанием от графика), развивавший скорость до 22 км/час, вел сам П.А. Суткевич [1].

Весьма необычно решен образ инженера в памятнике, выполненном екатеринбургским скульптором Владимиром Кривушиным. Памятник был открыт 20 июля 2009 года в Екатеринбурге. Строго говоря, из самого памятника никак не выводится, что на нем изображен именно инженер. Два человека – мужчина и женщина – тащат огромные сумки. Фигуры водружены на постамент в виде земного шара. Автор памятника утверждает, что композиция символизирует типичных представителей челноков 90-х годов века – инженера и учительницу, и трагичную судьбу работников бюджетной сферы в переломный момент истории, когда традиционные знания и умения неожиданно и бездумно были выведены из приоритетов развития государства. Стоит отметить, что памятники челнокам существуют также в Белгороде и Калининграде. Однако, именно здесь мы видим фигуру инженера – согласно замыслу автора [2].

В Белгороде, в том самом городе, где существует один из памятников Челнокам, существует много очень интересных памятников, связанных с инженерной, студенческой, научной деятельностью. На территории Белгородского государственного технологического университета существует памятник «Студенчество» – юноша и девушка с книгами (или конспектами лекций?) на скамейке у стен родного вуза. В том же вузе есть два забавных памятника – монументы «Гранит науки» и «Слеза декана» [3]. В Самаре, кстати, тоже есть монумент «Гранит науки» – правда неофициальный. Огромный гранитный камень лежит у входа в Самарский архитектурно-строительный университет. В 2007 году, когда праздновался пятидесятилетний юбилей Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, на его территории состоялось открытие памятника Науке в образе женщины с книгой на стеле [3].

Белгородская область является родиной выдающегося инженера Владимира Григорьевича Шухова, который родился 16 (28) августа 1853 в городе Грайворон. В области очень гордятся своим выдающимся земляком, в 2001 году был открыт памятник В.Г. Шухову, выполненный скульптором А. Шишковым и архитектором В. Пер-

цевым. Авторы памятника изобразили великого инженера работающим над очередной конструкцией, в которой угадываются очертания знаменитой Шаболовской башни, пожалуй, наиболее известного творения инженера. В 2003 году имя В.Г. Шухова было присвоено Белгородскому государственному технологическому университету [4]. Также памятник великому инженеру В.Г. Шухову, созданный группой скульпторов под руководством С.А. Щербакова, был открыт в Москве на Сретенском бульваре в 2008 году. Памятник располагается и рядом с квартирой, где жил великий инженер, и с офисом ЛУКОЙЛа, сделавшего подарок столице [6]. В год столетия СамГТУ, второго февраля исполнилось 75 лет со дня смерти выдающегося советского инженера и ученого. Научная и практическая деятельность Владимира Григорьевича поражает своим масштабом и разнообразием, ее содержание очень близко основным направлениям деятельности нашего вуза. В детстве семья Шуховых часто переезжала, только в 1863 году Шухов оказался в Санкт-Петербурге и начал обучаться в гимназии, где обнаружил способность к точным наукам и даже предложил оригинальное доказательство теоремы Пифагора, разработанное им самим. В 1871 году он поступил в Императорское Московское техническое училище, (ныне Московский государственный технический университет). Еще будучи студентом Шухов изобрёл особый тип паровой форсунки. В 1876 году Шухов закончил курс обучения в училище с золотой медалью. Ему было присвоено звание инженера-механика и предложено место ассистента у Пафнутия Львовича Чебышева – выдающегося математика и механика, основоположника петербургской математической школы. Шухов отказался от лестного предложения. Как лучшего ученика училища его включают в состав научной делегации, направляемой на Всемирную выставку в США для ознакомления с достижениями промышленности этой страны. На выставке он познакомился с выдающимся российским инженером и предпринимателем, создателем первой в России инжиниринговой компании Александром Вениаминовичем Бари, который к этому времени довольно долго жил в Америке и принимал участие в строительстве зданий для Всемирной выставки, в качестве ответственного за так называемые «металлические работы». Знакомство оказалось судьбоносным для обоих. В 1877 году

А.В. Бари вернулся в Россию и пригласил Шухова возглавить отделение фирмы в Баку – в это время на Апшеронском полуострове началось бурное развитие нефтяного дела. Уже в 1878 году В.Г. Шухов создает и в качестве главного инженера реализует проект первого российского нефтепровода между Балаханами и Черным Городом (Бакинские нефтепромыслы). Работа была выполнена для нефтяной компании «Бр. Нобель». В дальнейшем В.Г. Шухов неоднократно выполнял проекты и лично руководил работами по постройке нефтепроводов фирм «Бр. Нобель» и «Лианозов и К°», в том числе и первого в мире мазутопровода с подогревом. В ходе работ на нефтяных промыслах на Апшеронском полуострове он разработал основы теории подъёма нефти, реализовав его в методе, основанном на использовании сжатого воздуха (эрлифт). В это же время им была разработана методика расчёта и опробована технология строительства цилиндрических стальных резервуаров для хранения нефти. В 1880 году А.В. Бари пригласил Шухова на должность главного конструктора и главного инженера в фирму «Техническая контора инженера А.В. Бари» (позже «Строительная контора инженера А.В. Бари»). На эту контору Шухов проработал более сорока лет. Он отмечал, что Александр Вениаминович шел навстречу всем его задумкам. Известны слова Владимира Григорьевича, сказанные, по-видимому, после революции: «Говорят, что Бари эксплуатировал меня. Это верно. Но и я эксплуатировал его, заставляя выполнять мои даже самые смелые предположения». Очень многие достижения, связанные с деятельностью Владимира Григорьевича носят дополнение: «первые в мире» или «впервые в России». Уже через полгода после начала работы с А.В. Бари Шухов изобрёл форсунку, позволившую впервые в мире осуществить промышленное факельное сжигание мазута, что дало мощный толчок развитию нефтеперерабатывающей промышленности. Чисто практическая реализация проектов соседствовала у Шухова с глубоким знанием теории. В статье 1884 года «Нефтепроводы» и в книге 1894 года «Трубопроводы и их применение в нефтяной промышленности» Шухов привёл точные математические формулы, описывающие гидродинамику движения нефти и мазута по трубопроводам, создав тем самым классическую теорию нефтепроводов и основ нефтяной гидравлики.

Теоретические изыскания были реализованы В.Г. Шуховым в проектах первых российских магистральных трубопроводов, соединивших Баку с Батумом (1907 г., протяженность 883 км) и Грозный с Туапсе (1928 г., протяженность 618 км). С 1885 года Шухов приступил к строительству первых речных танкеров – барж. В 1896 году Шухов изобрел новый водотрубный паровой котел в горизонтальном и вертикальном исполнении (отмечены патентами Российской империи №15434 и №15435 от 27 июня 1896 года). В 1900 году на Парижской Всемирной выставке разработанные им паровые котлы были отмечены золотой медалью. До и после революции по патентам Шухова были произведены тысячи паровых котлов.

В 1891 году В.Г. Шуховым и его помощником С.Г. Гавриловым был изобретен промышленный непрерывный процесс термического крекинга нефти, позволяющий получать бензин из нефтяных остатков. На процесс был получен патент Российской империи №12926 от 27 ноября 1891 года. Сравнение, которое В.Г. Шухов провел с патентами американцев, выданных на этот процесс в 1912–1916 годах (то есть на 21–25 лет позже) показало, что американские установки повторяют его изобретение. Правда практическое воплощение патента было реализовано в России только в 1931 году, после революции, когда по проекту и при техническом руководстве В.Г. Шухова в городе Баку был построен нефтеперерабатывающий завод «Советский крекинг». Именно на нем впервые в России были созданы установки для получения бензина методом термического крекинга. Таким образом, исследования, и, самое главное, практическое воплощение в жизнь их результатов, определило развитие нефтепереработки в сторону углубления переработки нефти и увеличения выхода светлых нефтепродуктов, чему в настоящее время уделяется большое значение. Так в Энергетической стратегии России на период до 2030 года [8] указывается, что поставленные перед народным хозяйством страны задачи будут решаться, в том числе с помощью реализации государственной политики в сфере... глубины переработки нефти. Отмечается, что с 2000 по 2008 год. Объем переработки нефти возрос с 173 млн тонн до 237 млн тонн, а ГПН – с 70,8 до 72,6 процента. Следует отметить, что к концу второго этапа Стратегия предусматривает повышение ГПН до 83%, а к концу третьего (т.е. к 2030 году) – до 89–90%.

Огромный пласт работ В.Г. Шухова был связан с разработкой и созданием новых строительных конструкций, прежде всего первых

в мире (в который раз!) гиперболоидных, а также металлических сетчатых оболочек. Для Всероссийской промышленной и художественной выставки, проходившей в 1896 году в Нижнем Новгороде, В.Г. Шухов построил восемь павильонов с перекрытиями в виде сетчатых оболочек. Там же были созданы первое в мире перекрытие в виде стальной мембраны (носит название Ротонда Шухова) и гиперболоидная башня (оболочка гиперboloида вращения). Все эти объекты были спроектированы и построены впервые в мире. Башню после выставки приобрел меценат Юрий Степанович Нечаев-Мальцев, который перенес ее в имение Полибино, расположенное в Липецкой области. Удивительно, но эта башня сохранилась до настоящего времени, является памятником федерального значения, хотя и нуждается в срочном ремонте.

После выставки в Нижнем сетчатые стальные оболочки были использованы В.Г. Шуховым в огромном числе сооружений, среди которых стоит отметить сетчатый стальной Аджигольский маяк под Херсоном, который при высоте 70 метров является самой высокой односекционной гиперболоидной конструкцией В.Г. Шухова. Построенный в 1910 году он существует до сих пор, что является убедительным свидетельством прочности конструкции. Самой высокой многосекционной шуховской башней стала радиобашня на Шаболовке в Москве. Ее высота составляет 160 метров, она состоит из шести стальных секций. Строительство башни началось в 1919 году, а уже 19 марта 1922 года с нее началась трансляция радиопередач. 10 марта 1939 года через передатчики Шуховской башни начались регулярные трансляции советского телевидения, и на долгие годы изображение этой башни стало эмблемой советского телевидения, включая современные развлекательные передачи.

В 2006 году в Москве прошла Международная научная конференция «Heritage at Risk. Сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие». В конференции приняли участие более 160 специалистов из 30 стран мира. В декларации конференции Шуховская башня была названа в числе семи архитектурных шедевров русского авангарда, рекомендованных на Включение в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [9].

В число уникальных памятников архитектуры русского авангарда входит также Шуховская башня на Оке, которая была воздвигнута в ходе реализации плана ГОЭЛРО – с 1927 по 1929 годы. Она имеет высоту 128 метров и является единственной в мире гиперболоидной многосекционной опорой линии электропередач. По мнению многих западных специалистов, эта башня более совершенна, чем шатровская [9]. Эти башни являются самыми известными. Всего за 34 года – с 1896 по 1930 годы – было воплощено в жизнь более двухсот проектов стальных сетчатых гиперболоидных башен, около двадцати из которых сохранились до наших дней. Одна из них находилась в Самаре на территории Завода имени А.А. Масленникова.

Шухов изобрёл и ввел в использование арочные конструкции покрытий с тросовыми затяжками. Примерами таких покрытий, созданных В.Г. Шуховым и сохранившимися до наших дней, являются покрытия над крупнейшими московскими магазинами: Верхними торговыми рядами (ГУМ) и Петровским (ранее Фирсановским) пассажем.

В конце XIX века Шухов вместе со своими сотрудниками спроектировал новую систему московского водоснабжения. В 1897 году Шухов создал первое в мире сводообразное выпуклое перекрытие – оболочку на Выксунском металлургическом заводе, которое также сохранилось до наших дней.

В.Г. Шухов изобрел новые конструкции пространственных плоских ферм и использовал их при проектировании покрытий Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина), Московского главного почтамта, Бахметьевского гаража и других многочисленных построек.

В 1912–1917 гг. В.Г. Шухов спроектировал перекрытия залов и дебаркадер Брянского (ныне Киевского) вокзала в Москве и руководил их возведением (размеры конструкции: ширина пролёта – 48 м, высота – 30 м, длина – 230 м). Как и все инженеры, В.Г. Шухов отдал дань военным заказам. Во время Первой мировой войны он спроектировал несколько конструкций морских мин, платформ тяжёлых артиллерийских систем и батопортов (судопропускных сооружений) морских доков.

Последним выдающимся достижением В.Г. Шухова в области строительной техники стало выпрямление накренившегося во время землетрясения минарета древнего медресе Улугбека в Самарканде.

Когда читаешь жизнеописание Владимира Григорьевича Шухова, невольно закрадывается мысль: один человек не мог сделать так много! Имя Владимира Григорьевича увековечено многими памятниками: помимо упомянутых, его бюст находится на территории Центрального научно-исследовательского и проектного института строительных металлоконструкций имени Н.П. Мельникова, в честь него названы улицы в Москве (на которой находится знаменитая радиобашня), Туле, городах Старый Оскол и Сызрань. Но главным памятником творцу являются творения его разума, воплощение его идей в металле и технологиях, приносящих пользу людям.

Памятники технике широко распространены в России. Самый яркий пример в Самаре – это ракета, ставшая уже символом нашего города, наряду с «летающим танком» Ил-2 и Монументом Славы, расположенным на площади Славы и символизирующим вклад самарцев в создание авиационной промышленности страны. Памятники Шухову – это уникальные конструкции, возведенные им в России и за ее пределами (шуховские башни есть в Бухаре и Николаеве, что на Украине), а также созданные его последователями – например, светопрозрачное перекрытие «Большого дворца Елизаветы» и новое перекрытие Рейхстага в Берлине Нормана Фостера [10] или башня порта Кобе, соответствующая шуховскому патенту, построенная в 1963 году и выдержавшая удар землетрясения 1995 года силой в семь баллов!

Лучшим памятником инженеру служат его творения, и главнейшая задача государства – не допустить, чтобы символом экономической ситуации в стране становился памятник техническим работникам в образе «челноков».

Список литературы

1. Памятник инженеру Павлу Антоновичу Суткевичу, строителю Самарского трамвая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://samara.onfoot.ru/sights/monuments/209.html>
2. В Екатеринбурге появился трехметровый памятник челнокам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/world/russia/907892-v-ekaterinburge-poyavilsya-trehmetrovyj-pamyatnik-chelnokam>
3. Достопримечательности Белгорода: экскурсии во времени и пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trans-continental.ru/belgorod-dostoprimechatelnosti/>
4. Памятник В.Г. Шухову [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.2do2go.ru/bel/places/28990/pamyatnik-v-g-shuhovu>

5. Памятник Шухову на Сретенском бульваре в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://progulkipomoskve.ru/publ/monument/pamjatnik_shukhovu_na_sretenskom_bulvare_v_moskve/43-1-0-1313

6. ЛУКОЙЛ передал в дар Москве памятник инженеру Владимиру Шухову [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lukoil.com.ua/rus/press/release/corporate/2008-12/708>

7. Реставрация Шуховской башни в Москве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sergei-arssenev.livejournal.com/2327.html>

8. Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. №1715-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96681/>

9. Фонд Шуховская Башня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shukhov.ru/shukhov.html>

10. Фелькер Н. Норман Фостер. Основатель стиля хай-тек в архитектуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sakura.bloglit.ru/2012/03/24/norman-foster-osnovatel-stilya-haj-tek-v-arxitekture/>

Анучин Александр Сергеевич

аспирант

ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

г. Петрозаводск, Республика Карелия

ПРОФЕССИЯ – ЛЕСНОЙ ИНЖЕНЕР (К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА СКРЫПНИКА)

***Аннотация:** в данной статье автором приведены некоторые результаты инженерной и научной деятельности ведущего инженера Владимира Ивановича Скрыпника. Показано, что классическое лесное образование и нацеленность на формирование и внедрение новых идей способствовали результативности его работы.*

***Ключевые слова:** внедрение, идеи, лесной инженер, классическое образование.*

В марте 2016 года исполняется 75 лет ведущему инженеру кафедры технологии и организации лесного комплекса Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) Владимиру Ивановичу Скрыпнику. В.И. Скрыпник получил классическое лесоинженерное образование на лесоинженерном факультете ПетрГУ. Очную аспирантуру он прошел в Московском лесотехническом институте (ныне Московский университет леса) на кафедре промышленного и транспортного строительства, где его научным руководителем стал известный российский ученый, профессор Б.И. Кувалдин. Именно с Б.И. Кувалдиным, В.И. Скрыпник подготовил и

опубликовал одну из своих первых научных работ [10], посвященную расчетам на ЭВМ режимов движения лесовозных автопоездов. По мнению специалистов отрасли, для того времени (1976 г.) это направление было очень сложным, но, безусловно, прорывным.

Благодаря этому, начав с 1971 года работать в КарНИИЛПе старшим научным сотрудником в лаборатории лесосечных работ, В.И. Скрыпник стал одним из ведущих разработчиков системы автоматизированного проектирования лесовозных дорог и транспортных сетей лесозаготовительных предприятий. Созданные с его участием системы автоматизированного проектирования лесовозных автомобильных дорог (САПАД-1 и САПАД-ЕС) нашли широкое применение в проектных организациях, прежде всего в Гипролестрансе и его филиалах. С использованием разработанной системы программ облегчался и ускорялся процесс проектирования и их множества конкурентоспособных вариантов обосновывался и выбирался оптимальный по сумме строительных и эксплуатационных затрат, что обеспечивало значительный экономический эффект. Несмотря на имеющиеся проблемы В.И. Скрыпник продолжает работы в этой области и в настоящее время, о чем свидетельствуют его публикации [7; 9; 13; 14].

Еще одно важнейшее направление работы В.И. Скрыпника в КарНИИЛПе – научная работа с Онежским тракторным заводом по теме «Совершенствование параметров и технологии работы машин ОТЗ». В этот период он принимал участие в обосновании оценки параметров, отработки технологии работы трелёвочных гусеничных тракторов с манипулятором, валочно-трелёвочных машин на их базе, а также форвардеров, тракторов с манипулятором и пачковым захватом, ВТМ на базе вновь создаваемых колёсных базовых машин [2; 3] и др. Трелёвочный трактор с манипулятором и захватным устройством, обеспечивающим обрезку вершин, был запатентован и достаточно широко внедрен в отрасли [2], экспонировался на ВДНХ, а В.И. Скрыпник, как один из авторов внедрённого изобретения награждён медаль ВДНХ и ему присвоено звание «Изобретатель СССР».

С 1998 года В.И. Скрыпник работает в ПетрГУ вначале руководителем научно-производственного участка, а с 2001 г. – ведущим

инженером на кафедре технологии и оборудования производственного комплекса.

В.И. Скрыпник автор 295 научных работ, из них 35 в журналах, входящих в перечень ВАК, 7 монографий, 6 учебных пособий, 28 защищенных в Роспатенте объектов интеллектуальной собственности. В числе публикаций хорошо известные специалистам отрасли работы [12; 14]. Важно, что он полон новых идей и нацелен на их внедрение на производстве [1; 4–6; 8; 11].

Список литературы

1. Валочно-трелевочно-процессорная машина – перспектива для отечественного лесного машиностроения [Текст] / В.И. Скрыпник // Наука, образование, инновации в приграничном регионе: Материалы 2-ой Республиканской научно-практической конференции / Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 2015. – С. 12–13.
2. Из опыта создания захватно-режущих устройств для лесозаготовительных машин / В.И. Скрыпник // Научные исследования: от теории к практике. – 2015. – №3 (4). – С. 217–218.
3. Испытания колесного трактора с пачковым захватом / В.И. Скрыпник, Ю.Е. Рыскин, Н.А. Петраков // Лесная промышленность. – 1992. – №8. – С. 21.
4. Методика оптимизаций транспортно-технологического освоения лесосырьевой базы с минимизацией затрат на заготовку и вывозку древесины / И.Р. Шегельман, А.В. Кузнецов, В.И. Скрыпник [и др.] [Текст] // Инженерный вестник Дона. – 2012. – Т. 23. – №4–2 (23). – С. 35.
5. Минимизация затрат при строительстве усов с покрытием из древесных отходов [Текст] / И.Р. Шегельман, В.И. Скрыпник, А.В. Кузнецов // Перспективы науки. – 2012. – №1 (28). – С. 103–106.
6. Модернизация процесса управления рабочим органом валочно-трелевочных машин и харвестеров [Текст] / В.И. Скрыпник // Наука, образование, инновации в приграничном регионе: Материалы 2-ой Республиканской научно-практической конференции / Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 2015. – С. 15–16.
7. Определение параметров неустановившегося движения лесовозных автопоездов [Текст] / В.И. Скрыпник, А.В. Кузнецов // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2014. – Т. 2. – №2–2 (7–2). – С. 357–361.
8. Потенциал Онежского тракторного завода в осуществлении импортозамещения на лесосечных работах / Скрыпник В.И., Петухов Р.А. // Образование и наука в современных условиях. – 2015. – №3. – С. 320–322.
9. Принципы подхода к объемному календарному планированию при проведении лесотранспортных работ [Текст] / А.В. Кузнецов, В.И. Скрыпник, А.М. Крупко // Инженерный вестник Дона. – 2012. – Т. 20. – №2. – С. 770–775.
10. Расчеты на ЭВМ режимов движения лесовозных автопоездов [Текст] / Б.И. Кувалдин, В.И. Скрыпник // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. – 1976. – №6. – С. 60.

11. Способ выполнения лесосечных работ агрегатной машиной [Текст] / И.Р. Шегельман, П.В. Будник, В.И. Скрыпник [и др.] // Патент на изобретение RUS 2426303 18.03.2009.

12. Техническое оснащение современных лесозаготовок [Текст] / И.Р. Шегельман, В.И. Скрыпник, О.Н. Галактионов. – СПб., 2005.

13. Экспериментально-расчётные исследования движения лесовозных автопоездов [Текст] / И.Р. Шегельман, В.И. Скрыпник, А.В. Кузнецов [и др.] // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. – 2008. – №4. – С. 39.

14. Эффективная организация автомобильного транспорта леса [Текст] / И.Р. Шегельман, В.И. Скрыпник, А.В. Кузнецов // Федеральное агентство по образованию / Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 2007.

Вершель Валентина Прокофьевна

д-р ист. наук, профессор

Северо-Западный институт управления (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»

г. Санкт-Петербург

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЭТАПЕ ПЕРЕСТРОЙКИ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (1989–1991 гг.)

***Аннотация:** автор данной статьи отмечает, что в последнее десятилетие до забастовок бюрократизация общественной жизни, неэффективность социальных программ, нарушение принципа социальной справедливости деформировали и мораль в сторону развития ее эгалитарных и авторитарных аспектов. На этом фоне негативные экономические и политические процессы в обществе не могли не вызвать возмущения шахтеров. Анализируя причины и результаты шахтерских выступлений, исследователь опирается на материалы текущего архива Конфедерации труда 1991 г.*

***Ключевые слова:** перестройка, рабочее движение, рабочий класс, политизация, забастовка, стачечные комитеты.*

Возникшее во второй половине 80-х гг. новое рабочее движение явилось одним из самых массовых и активных общественных движений в стране. Оно стало важным фактором современного экономического и политического процесса в России. Этим понятием

охватывались прежде всего забастовки 1989, 1990 и 1991 гг. в шахтерских регионах и в Белоруссии; съезд независимых рабочих и общественно-политических движений в Новокузнецке весной 1990 г., где была учреждена Конфедерация труда; два всесоюзных съезда шахтеров в Москве и Донецке, итогом которых стало создание в конце 1990 г. Независимого профсоюза горняков (НПГ), а в марте 1991-го – межрегионального координационного Совета рабочих (стачечных) комитетов.

Объем свершенного, его характер, нарастающий ряд акций и мероприятий забастовочных, а затем рабочих комитетов, других инициативных руководящих звеньев убеждали в том, что это было уже серьезное и вполне сформированное движение. Впервые принадлежавшая официальным структурам монополия на социально-политическую инициативу была отвергнута самостоятельным социально-политическим творчеством рабочих. В несколько дней в Кузбассе, Донбассе, Воркуте, Карагандинском угольном бассейне сложилась структура стачечных, забастовочных комитетов разных уровней – на предприятиях (шахты, разрезы); городские забастовочные комитеты; региональные (областные) советы забастовочных комитетов.

Нас будет интересовать, какие причины побудили шахтеров к столь крайней мере?

Следует выделить две большие группы причин: *внешние*, то есть, те, которые находятся за пределами предприятий и образуют негативный социально-политический и экологический фон, и *внутренние*, которые связаны с функционированием самого предприятия. За годы перестройки произошло усиление как внешних факторов забастовки, так и внутренних.

К *внешним* причинам можно отнести рост цен, инфляцию, отсутствие товаров первой необходимости. С трудом заработанные шахтерами деньги не имели стоимости: на них невозможно было прокормить семью и восстановить собственные силы. С другой стороны, рядом живущие кооператоры, различного рода махинаторы на глазах у всех безбоязненно занимались скупкой и перепродажей государственных товаров.

К *внешним* причинам можно отнести и систему гласности. Нельзя не учитывать, что поток информации в период перестройки

и гласности показал горнякам новые образцы уровня материального благосостояния и дал пищу для размышлений. Та заработная плата, что казалась прежде шахтерам высокой в рамках их привычного окружения, перестала их удовлетворять. К тому же средства массовой информации, сами того не желая, лишили рабочих привычных ориентиров и ценностей. Со страниц газет практически ушел человек труда с его проблемами, мыслями и чувствами. В очень короткое время главными героями газет стали проститутки, кооператоры, священнослужители, бывшие диссиденты.

Важной причиной стало и недоверие шахтеров к официальным структурам власти, начиная от администрации и кончая правительством СССР, не говоря уже о местных и отраслевых органах власти. На чем было основано это недоверие? Характерный пример: за десять лет по Кузбассу было принято 15 постановлений высших органов власти и управления, но ни одно из них не оказалось выполненным. Поэтому забастовщики требовали, чтобы их переговоры велись на самом высоком уровне и выполнение договоренностей в тот период гарантировалось М.С. Горбачевым и Н.И. Рыжковым.

Еще об одной причине упоминал М.С. Горбачев: «...причина забастовок во многом в том, что Министерство угольной промышленности пытается до сих пор решать все вопросы сверху или в промежуточных структурах отраслевого управления. Получилось так, что министерство все делало для того, чтобы держать и не допускать коллективы шахт к управлению своими делами, т. е. к тому, что им дает Закон о предприятии» [4, с. 17]. То есть, перестройка управления экономикой и новые принципы хозяйствования не проникали в гущу жизни трудовых коллективов. Методы осуществления экономической реформы были выбраны без учета интересов тружеников и коллективов.

И, наконец, еще одна причина – запущенность социальной инфраструктуры и экологической ситуации в бассейнах. Колониальная стратегия центральных ведомств и министерств, ориентированных на безвозмездное выкачивание ресурсов, в конечном итоге привела к резкой деградации условий существования трудящихся.

Эгоизм, варварство ведомств превратили этот заповедный край в экологически грязную зону – здесь разлиты моря нефти, порушен

ягелевый верхний слой. К тому же пожары ежегодно наносили непоправимый ущерб. Такой циничный колониальный подход к краю, как к резервации – побольше взять, урвать, выкачать из него, вызывал такое же отношение и к людям, к условиям их труда и быта: изношенная техника, отвратительные дороги, гибнущие на пути к работе люди. Родившиеся к тому времени 20 лет назад города Севера – уже были глубоко больным социумом с людьми, выброшенными за пределы человеческой цивилизации.

Это внешние – для предприятия – причины. *Внутренние причины* коренились в характере отношений, складывавшихся в рамках самого трудового коллектива. Этих причин было несколько. Во-первых, неудовлетворенность уровнем заработной платы и условиями труда. Согласно данным ВЦСПС, 90% техники и оборудования не отвечало либо санитарно-гигиеническим, либо эргономическим, либо техническим требованиям безопасности. Отсюда высокий уровень травматизма среди шахтеров. Во-вторых, – недоверие шахтеров к административно-управленческому аппарату шахт. За месяц после забастовки только в Донецкой области стачкомы объявили недоверие 42 директорам шахт и объединений. Почти каждому третьему [1, с. 63]. В-третьих, отсутствие действенных механизмов социальной защиты рабочих. И, в-четвертых, нежелание официальных профсоюзов отстаивать интересы трудящихся.

Внутренний пласт причин заключал в себе и ответ на вопрос, почему забастовали именно шахтеры, а не рабочие иных отраслей, чьи условия жизни были ничуть не лучше. Высокий уровень организованности именно этого отряда рабочего класса объяснялся тем, что они представляли собой довольно замкнутую социальную группу, пополнявшуюся за счет жителей шахтерских поселков, «своих людей», объединенных общими заботами, общей социальной средой, постоянством места проживания.

Анализ причин и условий возникновения забастовки шахтеров подводит к пониманию требований, выдвинутых ими. Буквально в течение года произошло быстрое политическое созревание рабочих. Начав в основном с экономических требований, шахтеры, будучи неудовлетворенными их выполнением (многие меры, преду-

смотренные постановлением Совета Министров СССР №608, оказались нереализованными), стали выдвигать политические требования.

Процесс политизации шахтеров получал новый импульс всякий раз, когда правительство страны либо игнорировало просьбы бастующих, либо усиливало нажим на последних. Так, например, 11 марта 1991 г. шахтеры ожидали ответ союзного правительства на предложение сесть за стол переговоров. Ответа не последовало. Тогда в Донбассе остановилось сразу 25 шахт. В панике были энергетики и металлурги. «Верхи» делали расчет на то, что топливный кризис вызовет недовольство по отношению к шахтерам со стороны остального населения, и стачечные волнения захлебнутся на местах. Против забастовщиков были включены и другие механизмы: им отрезали телефонную связь, угрожали судом и судили, скрывали информацию об истинных масштабах забастовок. Те, к кому апеллировали отчаявшиеся шахтеры, избрали тактику пренебрежения. Премьер-министр Павлов не пожелал вести переговоры с людьми, «которые не работают». Министр Щадов пообещал «суровое возмездие» [3].

Но все эти меры вызывали противоположную реакцию, и события развивались не по тому сценарию, который ожидали в Москве. Противодействие стачке только еще шире раздвигало ее границы. Из локальных требований горняков постепенно рождались общие, направленные прежде всего против центра. Не удивительно, что в июле 1990 г. в стране была проведена чисто политическая забастовка. Шахтеры требовали отставки правительства СССР, национализации имущества КПСС, выведения парткомов с предприятий, пересмотра Конституции СССР и т. д.

Средства массовой информации только через несколько дней сообщили населению страны правду о размахе и силе однодневной забастовки: только в Кузбассе в ней участвовало около 300 тысяч человек. Бастовали шахты «Капитальная», «Шушталепская», имени 60-летия СССР в Осинниках, в Берёзовске – 6 шахт, в Междуреченске – 12, в Кисилёвске – 10, в Прокопьевске – 11. На сутки остановились 124 шахты Донбасса. В Павлограде – 11. В Воркуте – 13. На проходившем в эти дни (12 июля) XXVIII съезде КПСС было

объявлено, что на площадь в Кемерове вышли 70 экстремистов. Через три дня после стачки диктор центрального телевидения, как бы исправляя ошибку, объявил о том, что в тот день стояла половина добыточных шахт страны [15].

Итак, в результате забастовочного движения на арене политической жизни страны появился новый социальный субъект, у которого стали оформляться собственные общие интересы, отличающиеся от интересов других классов и социальных групп, формироваться общие ценности, единство действий и чувство солидарности.

Кроме того, в ходе забастовок были созданы политические и экономические организации рабочих, оперативно решающие сложные задачи производственного, социального и политического характера. Началось стремительное, радикальное обновление профсоюзов, решивших выйти из государственно-бюрократической системы управления и заявивших о социальной защите трудящихся как своей главной функции.

Забастовочное движение ускорило также принятие новых важных законов — Закона о забастовках, Закона о профсоюзах, Закона о занятости и др. Оно явилось результатом того, что *обществом было принято само забастовочное движение и забастовка как способ разрешения производственных, социальных и политических проблем.*

После 1991 года рабочая активность пошла на спад. Она не вызвала, как ожидалось, создания новых политических форм и институтов. Большое число организаций, ассоциаций и групп ушли в небытие, не оставив отпечатка на исходе политической борьбы в стране. Участвовавшая в забастовочном движении интеллигенция, предав интересы шахтеров, которые оказались обманутыми, быстро устроилась во власти, где пребывает и по сей день.

Список литературы

1. Андрианов В. Горный удар // Диалог. — 1990. — №1. — С. 63.
2. Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь? — М., 1989. — С. 17; 43.
3. Материалы получены автором из текущего архива Конфедерации труда в 1991 году при подготовке публикаций для центральной и ленинградской прессы.
4. Текущий архив межрегионального координационного Совета рабочих (стачных) комитетов 1991 года.

Головина Наталия Сергеевна

канд. ист. наук, научный сотрудник
БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ ЖЕНЩИН-РАБОТНИЦ ИНДУСТРИИ ЧУВАШИИ В КОНЦЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

***Аннотация:** в статье рассмотрены положительные перемены в образовательном составе работниц индустриального производства Чувашии конца 1950-х – первой половины 1980-х гг., приведены количественные данные о росте их уровня образования в разрезе отдельных отраслей индустрии, а также в сравнении с мужчинами. Автором отмечено противоречие между ростом образовательного уровня и невысоким содержанием труда у части работниц.*

***Ключевые слова:** женщины, отрасли индустрии, уровень образования, специалисты.*

В конце 1950-х – первой половине 1980-х гг. произошли значительные изменения в образовательном уровне женщин-работниц, занятых в индустрии Чувашии. Широкое развитие системы образования и подготовки кадров в республике, расширение масштабов занятости в индустриальном производстве, формирование устойчивой ориентации на профессиональный труд явились причинами постоянного роста их уровня образования. По данным Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 гг. наиболее высокая доля лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием у женщин-работниц в индустрии Чувашии отмечалась в отрасли с преимущественно женской занятостью – в связи – соответственно 87,2 и 91,5% (у мужчин в этой отрасли показатели равнялись 81,3 и 87,1%), затем в промышленности – 76,2 и 85,9% (74,4 и 86,5%), строительстве – 75,2 и 82,7% (74,4 и 88,8%) и самая низкая – на транспорте – 70,4 и 81,4% (76,2 и 87,4%) [5]. При этом в связи наблюдалось даже опережение женщин над мужчинами по данному уровню образования. В промышленности удельный вес лиц,

имевших высшее, полное и неполное среднее образование, по результатам двух переписей у работавших женщин и мужчин был примерно одинаковым. Однако в строительстве (в конце исследуемого периода) и на транспорте женщины заметно уступали мужчинам по указанным выше видам образования. Это в основном объяснялось существенным превышением численности женщин над мужчинами в старших возрастных группах, уровень образования в которых являлся самым низким. Что касается молодых возрастов, то образовательный уровень обоих полов здесь был практически одинаков. В рассматриваемое время численность женщин, обучавшихся в учебных заведениях республики, увеличивалась даже более быстрыми темпами, чем мужчин. Так, доля женщин среди студентов вузов выросла с 39% в 1965/66 учебном году до 59% в 1985/86 учебном году. А в составе учащихся средних специальных заведений их удельный вес за эти же годы увеличился с 54 до 58%, в том числе в учебных заведениях, готовивших кадры для промышленности, строительства, транспорта и связи – с 32 до 45% [1]. В результате в индустрии Чувашии устойчиво росло число женщин-специалистов с высшим и средним специальным образованием. С 1960 по 1985 гг. наибольшее увеличение данного показателя произошло в строительстве – в 14,2 раза (у мужчин – в 11,4 раза), далее в связи – в 13 раз (в 13,3 раза) и промышленности – в 8,9 раза (в 7,3 раза) и наименьшее – на транспорте – в 5,1 раза (в 5,6 раза). Женщины составляли более половины всех специалистов среднего звена в промышленности (52,1% в 1960 г. и 58,6% в 1985 г.) и подавляющее большинство в связи (соответственно 74,4 и 72,7%). В этих же индустриальных отраслях женщины занимали примерно равные позиции с мужчинами среди специалистов высшей категории (в промышленности – 42,2 и 45,8%, в связи – 33,3 и 53,4%). В свою очередь, в сугубо «мужских» отраслях – в строительстве и на транспорте – женщины «не добирали» по сравнению с мужчинами в области применения труда дипломированных специалистов. Так, в первой отрасли доля женщин в общей численности специалистов со средним специальным образованием равнялась в 1960 г. 34,7%, в 1985 г. – 41,4%, с высшим образованием – 30 и 31,4%, во второй – соответственно 37,4 и 34,2%; 24 и 25,3% [2]. Женщины были широко представлены во многих профессиональных группах дипло-

мированных специалистов. Особенно их много было, по сравнению с мужчинами, среди специалистов гуманитарного труда – экономистов, товароведов, плановиков и т. д. (более 55%). В то же время их доля была заметно меньше среди представителей таких ведущих профессий индустриального труда, как инженеры (менее 35%) и техники (около 30–45%) [3].

Таким образом, в конце 1950-х – первой половине 1980-х гг. произошло значительное повышение уровня образования женщин, занятых в отраслях индустрии Чувашии. Однако, несмотря на достаточно высокий уровень образования работниц, их трудовой потенциал не всегда использовался эффективно. Женщины-специалисты нередко занимались рутинной учетно-статистической или канцелярской работой, а высокий образовательный уровень скорее определял их социальный статус, чем реальные профессиональные возможности. Высокое образование зачастую практически не стимулировало экономическую мобильность, продвижение по службе, не влияло на рост материального положения женщин. При довольно широкой представленности женщин среди дипломированных специалистов особенно заметным было их слабое участие, за исключением «женской» отрасли – связи, в процессах принятия решений. Большинство руководящих должностей традиционно оставалось за мужчинами. Например, доля женщин среди руководителей промышленных и строительных организаций республики составляла в 1985 г. 18,6% [4]. Следует также отметить, что повышение уровня образования женщин, работавших в индустриальном производстве, шло более быстрыми темпами, чем прогрессивные изменения в содержании труда. При высоких темпах роста степени механизации женского труда на всем протяжении исследуемого периода оставалась заметной доля работниц с высоким образовательным уровнем, занятая ручным трудом, не требовавшим значительных умственных затрат и высокой квалификации. В целом, в 1985 г. в промышленности доля занятых ручным трудом не при машинах и механизмах составляла среди женщин 34,4%, тогда как среди мужчин – 17,9%, в строительстве – соответственно 53,1 и 34%, на автотранспорте – 65,2 и 4,1% [6]. Противоречие между высоким уровнем образования и несодержательным трудом являлось

одним из центральных элементов неудовлетворенности работой, высокой текучести кадров.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-872. Оп. 13. Д. 424. Л. 206.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 16. Д. 718. Л. 5, 11; Оп. 28. Д. 1692. Л. 2–5.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 16. Д. 1024. Л. 28 об., 32 об., Д. 1177. Л. 5, 11; Оп. 28. Д. 1692. Л. 28 об., 29, 48 об., 65 об., 157 об., 158.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 28. Д. 1592. Л. 55, 56.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 31. Д. 186. Л. 1–3, Д. 312. Л. 57–59, 66–68.
6. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. Х. Ед. хр. 1404. Л. 32, 34, 62, 73, 77.

Гордиенко Светлана Николаевна

учитель истории

Московченко Николай Николаевич

учитель технологии

Московченко Елена Николаевна

учитель технологии

МБОУ «СОШ №45»

г. Белгород, Белгородская область

**ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ГОРИНА
КАК ОРИЕНТИР ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО
ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация: в данной статье авторами рассматриваются духовно-нравственный подвиг председателя колхоза как пример достойного служения человека труда своему народу и своей Родине.

Ключевые слова: патриотизм, герой, сельское хозяйство, характер, новатор, коллективизм.

Жизнь и судьба Василия Яковлевича Горина – дважды Героя Социалистического труда, почётного гражданина Белгородской области, новатора сельскохозяйственного производства, поистине является образцом преданности делу во благо родной земли и её жителей. Его вклад в развитие сельского хозяйства Белгородчины, да и всей страны, в сохранение и возрождение исконно русского, коллективного уклада жизни – колоссален и неоценим.

Главный принцип Василия Яковлевича, «жить не для себя, а для людей», позволил существенно улучшить условия труда, рост благосостояния работников хозяйства, а в целом повысить качество жизни селян.

Василий Горин родился 9 января 1922 года в селе Бессоновка Белгородского района. Окончив среднюю школу, он поступает в Харьковское военно-медицинское училище. Диплом фельдшера и повестку на фронт молодой человек получил практически одновременно – летом 1941 года.

Самоотверженно сражался с немецко-фашистскими войсками на Западном и Калининском фронтах. Но в июле 1942 года был ранен и попал в плен. Выстоял и не сломался в аду концлагерей, а после освобождения вновь продолжил службу в рядах Советской Армии.

Демобилизовавшись в 1945 году, Василий возвращается в родное село, и продолжает работать фельдшером Бессоновского фельдшерско-акушерского пункта. А в 1959 году общим собранием колхозников избирает В.Я. Горина председателем колхоза имени Фрунзе, объединившего в то время, несколько мелких, по всем показателям отстающих сельхозартелей.

Василий Яковлевич бесценно возглавлял родное хозяйство на протяжении 55 лет, до последнего дня своей жизни. Главным богатством и достоянием своего хозяйства председатель колхоза всегда считал людей. Объединив артельные хозяйства с 346 работниками, уже через несколько лет колхоз становится флагманом в Центрально-Чернозёмном районе. А за более чем 55 летний срок руководства, коллективное хозяйство стало примером социально-ориентированного бизнеса, образцом заботы о своих работниках, пенсионерах, семьях с детьми, обеспечивая максимально комфортные условия для всестороннего развития подрастающего поколения

«Человек жить должен, а не вкладывать всего себя в работу. Чтобы он мог отдохнуть, посмотреть телевизор, почитать книгу, сходить в Дом культуры. А молоко и мясо можно купить в колхозном магазине», считал Василий Яковлевич [1].

В сложные «перестроечные» годы, твёрдый характер Горина, не позволил ликвидировать колхоз, как форму собственности. Тем более, что сами колхозники не согласились на перестройку хозяйства. От добра – добра не ищут, рассуждали они. В самые трудные

времена дефицита, колхозники, пенсионеры, работники социальной сферы были обеспечены мукой, маслом, крупами, мясом, сахаром и даже товарами повседневного спроса. Детский сад за минимальную плату посещали дети работников хозяйства, школьники обеспечивались двухразовым бесплатным питанием. А в посевную и уборочную все задействованные труженики получали трёх разовое бесплатное питание. Таким образом, чётко разработанная система организации и оплаты труда, позволила колхозникам заинтересованно и дисциплинированно относиться к своему делу.

Василий Яковлевич в своей работе всегда стремился применять передовые технологии и инновации. Ему не чужды были рыночные методы экономики, но достоинство коллективного хозяйства перед фермерским доказывал на личном примере. «Фермеру не позавидуешь. У нас семичасовой рабочий день, два выходных дня, платный отпуск, путёвки даём, больничные листы оплачиваем. А фермер что видит? Допустим, он держит сорок коров. Так он от них никуда ни отойти, ни отъехать не может. Заболеет – где ему замену брать? Я много думал и теперь твёрдо убеждён, что для сельских людей лучше иметь коллективную организацию труда. Они этим застрахованы» [2].

4 апреля 2014 года Василия Яковлевича Горина не стало с нами, но дело его живёт и процветает. Имя его было увековечено еще при жизни.

Василий Горин – первый лауреат Столыпинской премии, дважды Герой Социалистического Труда. Его именем в 2003 году названа премия, учрежденная в Белгородской области и ежегодно вручаемая в день рождения Горина, самым достойным работникам сельского хозяйства, преданным делу и любви к родной земле. В посёлке Майский, перед зданием Белгородского аграрного университета имени Горина, к девяностолетию юбиляра открыт памятник Василию Горину. Скульптура в полный рост изображает задумавшегося председателя колхоза в пиджаке с орденскими планками. А в селе Бессоновка установлен бюст дважды Героя социалистического труда.

В советские годы награждён тремя орденами Ленина (1965, 8.04.1971, 2.04.1985), орденом Октябрьской Революции (1981), 2 орденами Отечественной войны 2-й степени (в т.ч. 11.03.1985), орденом Трудового Красного Знамени (1976), а также российскими орденами «За заслуги перед Отечеством» 2-й (9.12.2006), 3-й (7.06.1996) и 4-й (29.04.2011) степени, Почёта (15.01.2004), медалями. Удостоен благодарности Президента РФ (14.01.2002).

Фамилия Горина стала символом Белгородской области и давно гремит за ее пределами. Василий Яковлевич – образец преданности делу и любви к родной земле, – человек, который всегда остается верным своим убеждениям, идеалам чести, порядочности, доброты. Поборник высокой духовности, крепкий государственный, патриот и гражданин. Человек, чей организаторский талант ограничен человеческими качествами самой высокой пробы, сказал о нём губернатор Белгородской области Евгений Савченко [3].

Список литературы

1. Феномен Горина / БелПресса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belpressa.ru/news/news/fenomen-gorina/>
2. Имя Горина – в истории России! / Белгородская правда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belpravda.ru/news/13.1.12–1229.html>

Кондратьева Светлана Борисовна

канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
г. Москва

МЕТАМОРФОЗЫ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: статья посвящена философскому анализу проблемы труда. Автор дает обобщенную характеристику понятиям «труд», «деятельность», «работа», предлагает сравнительный анализ осмысления роли труда в историко-философском контексте, поднимает актуальные проблемы трудовой мотивации и самореализации личности в труде в эпоху экономического рационализма современности.

Ключевые слова: труд, деятельность, работа, детский труд, гендерные отношения, самореализация в труде, принудительный труд.

Современный дискуссии по вопросу осмысления роли труда в жизни человека детерминируются, как правило, кризисными ситуациями общественного бытия, негативно влияющими на процесс трудовой мотивации личности. Главенствующая роль экономического рационализма, предлагающая конкуренцию на рынке труда,

обнажает целый спектр актуальных проблем современности. К таким проблемам следует отнести расслоение общества на богатых и бедных, отчуждение в коллективе, безработицу. Труд уже не рассматривается как необходимое условие самореализации в личном или институциональном смысле. Ослабевающий интерес современных социальных философов к проблемам, связанным с трудовой сферой человеческого бытия очевиден.

Предложенная Г.В.Ф. Гегелем трактовка труда как предметной деятельности сознания представляет собой совокупность физической и интеллектуальной активности индивидов в обществе, их «рефлектированное в себе произведение наружу...» [2, т. 1, с. 306]. Однако сегодня подмена понятий «труд» и «карьера» предполагает рассматривать последнее в аспекте успешного самоутверждения личности в обществе, тогда как сам труд зачастую выступает синонимом работы и принуждения, как источник человеческих несчастий. Такое понимание труда характерно для представителей анархизма, утверждающих следующие положения: «Работа – *принудительный труд*, иными словами недобровольная принудительная деятельность...Труд, или работа – это производство, вынуждаемое политическими или экономическими средствами, кнутом или пряником» [1, с. 29].

Реализация человеком себя как «проекта» возможна в различных сферах общественного бытия. В системе социалистических отношений одним из способов самореализации личности выступала трудовая деятельность. Государство четко гарантировало каждому гражданину трудоустройство, а нежелание трудиться попадало под статью уголовного кодекса о тунеядстве. Отношение к труду в наши дни претерпело кардинальные изменения, что породило ряд негативных последствий. На смену коллективному труду пришел труд индивидуальный. В этой связи Ф. Фукуяма отмечает, что «все демократизировавшиеся страны Восточной Европы столкнулись с проблемой восстановления трудовой этики на базе личного собственного интереса после десятилетий привыкания к работе на процветание государства» [7, с. 354]. Сегодня на смену промышленного производства пришла сфера услуг. Это привело к появлению рынка труда и ужесточению профессиональных и возрастных требований к личности, к созданию барьеров на пути раскрытия ее потенциала.

Генерализация понятия «труд» в современном обществе представляется как деятельность, направленная на выполнение одного из

видов работы. К такому выводу приходят некоторые западные исследователи, по мнению которых, искусство и интеллектуальную деятельность также следует рассматривать как разновидность работы [8, с. 167]. С этим тезисом нельзя не согласиться, поскольку в ситуации экономической нестабильности механизмы регуляции трудовых процессов и исключение из сферы занятости целого ряда трудоспособных граждан ставит перед человеком труда дилемму выбора между интеллектуальным, творческим трудом и работой для получения достойной зарплаты. Частная собственность и наемный труд трансформируют аксиологическую значимость труда, лишая его творческой составляющей и рассматривая человека как «средство обогащения». Сложная иерархия рынка труда, утрата целым рядом профессий своего престижа, привела к появлению категории безработных.

Дезаффиляция человека труда, его дезориентированность в социальном пространстве позволяет говорить о появлении в проблемном поле социальной философии целого ряда проблем, требующих своего осмысления. Одной из таких проблем можно считать гендерное неравенство, наиболее ярко проявляющаяся в трудовой сфере, где отношения к мужчине и женщине как к субъектам труда носят неоднозначный и противоречивый характер. Это находит свое отражение в марксистской трактовке, утверждающей, что труд женщин и детей может быть использован в случаях, когда нет необходимости в «мускульной силе» [6, с. 406]. Гендерное неравенство в трудовой сфере жизни общества во многом обусловлено и тем, что психологически мужчина не готов как к доминирующему, так и к равноправному положению женщины. Для многих из них является болезненным и унижительным факт подчинения женщине-руководителю.

Не менее актуальной проблемой для исследователей является появление в проблемном поле феномена труда термина «работающие дети». Причиной использования в мировой практике детского труда, как правило, выступает бедность, вынуждающая родителей вовлекать в трудовую деятельность своих детей для выживания. Число беспризорных детей, не посещающих школу, с каждым годом возрастает. Причиной этого выступают социальные катаклизмы, лишаящие многих родителей достойного труда и, как следствие, четких перспектив и гарантий. Трудные жизненные ситуации, выход из

которых не представляется части граждан возможным (потеря работы, жилья, бедность, алкоголизм и т. д.), вынуждает их детей самостоятельно зарабатывать на жизнь, зачастую вовлекаясь в наихудшие формы детского труда. Обращаясь к историческим фактам, следует подчеркнуть, что проблема детского труда, ее производственный характер, не нова для современных исследователей. Еще Ф. Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» ссылается на фабричный закон 1833 года, который... «установил рабочее время для детей, ввел обязательные перерывы для еды..., запрещение ночного труда для детей моложе 18 лет. Одновременно вводилось обязательное посещение школы..., запрещалось принимать на работу детей без справки от фабричного врача и без справки от учителя о посещении им школы» [9, с. 399]. Наблюдаемое сегодня отношение к детскому труду значительно разнится с положением работающего ребенка в Англии XIX века. Недобросовестные работодатели, нелегально использующие детей в различных формах труда, в том числе и наихудших, не обременяют себя заботой об их здоровье и образовании. Более того, находящиеся в трудных жизненных ситуациях дети все чаще вовлекаются нечистоплотными взрослыми в криминальную деятельность. Сложность ситуации заключается в том, что, несмотря на ратифицированную нашим государством Конвенцию МОТ «О запрещении и незамедлительных мерах по использованию детского труда», в России нет четких механизмов по решению проблемы работающих детей, в том числе и вовлечению их наихудших формы детского труда. И, как следствие, не применяются профилактические меры по ликвидации социальных проблем, связанных с нарушением прав ребенка. Сегодня неизвестны случаи наказания недобросовестных работодателей за незаконное использование детей в трудовом процессе.

Смещение акцентов в отношении личности к труду от стремления к самореализации до удовлетворения материальных запросов, наводит многих исследователей на мысль о «конце труда», характеризуя современного человека как «человека экономического», что позволяет говорить об актуальности исследований и осознании всей сложности положения, в котором на сегодняшний день находится труд.

Список литературы

1. Блэк Б. анархизм и другие препятствия для анархии. – М.: Гилея, 2004.
2. Гегель Г. Иенская реальная философия // Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 1. – С. 285–387.
3. Кондратьева С.Б. Современные проблемы самореализации личности в труде: Материалы международной научно-практической конференции «Самореализация потенциала личности в современном обществе» (Чехия, г. Прага, 28–29 апреля 2013 г.) – Прага: Sociosfera-CZ, 2013. – С. 64–67.
4. Кондратьева С.Б. Самопознание как основа личностно-профессионального развития: Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы становления профессионала» (Чехия, г. Прага, 25–26 сентября 2013 г.) – Прага: Sociosfera-CZ, 2013. – С. 57–59.
5. Кондратьева С.Б. Самопознание и самореализация личности в труде: социально-философский аспект. – М.: Прометей, МПГУ, 2009.
6. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 406.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фрэнсис, пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: АСТ: АСТ Москва: Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
8. Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / Пер. с итал. В.В. Ванюшкиной. – СПб.: Наука, 2005. – 192 с.
9. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 2. – С. 231–517.

Негруль Светлана Валерьевна

канд. социол. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Томский государственный университет»

г. Томск, Томская область

ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ФОКУСЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КУЛЬТУР: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация: в данной статье автором представлено становление «человека труда» в России в контексте влияния организационной культуры. На основе анкетирования сотрудников организаций выявлены противоречия в трудовом поведении и его исторически неизменные черты.

Ключевые слова: типы организационной культуры, кластерный анализ, инновационно-активные организации.

Трудовое поведение и отношение к труду работника подчиняется воздействию многих факторов. Его историческая динамика

обусловлена во многом изменением форм взаимодействия человека и организации. Развитие трудового потенциала человека российскими авторами рассмотрено через раскрытие на каждом новом этапе такого взаимодействия новых «резервов» эффективности труда, человеческих возможностей, начиная от экономических резервов труда и заканчивая организационной культурой [3].

Организационная культура – относительно новый исторический феномен. Ее ядром выступают ценности и нормы, которые объединяют практики социально-исторической целостности. В России в советское время доминировал унифицированный подход к управлению. Отдельная организация была встроена в систему государственных хозяйственно-экономических связей и не являлась автономным субъектом деятельности. Трудовое поведение работников подчинялось единым регулирующим предписаниям, господствовали патерналистские формы взаимоотношений внутри организаций. Взаимодействие работника и организации строилось на приоритете однообразных организационных требований, определяющих линию поведения работников.

Сегодня в рыночных условиях, в условиях распространения гибких форм занятости, все больше можно говорить о вариативности выбора форм трудового поведения, активности самих работников как социальных субъектов в выстраивании своей трудовой траектории. На фоне отсутствия общеразделяемых ценностей и норм в российском обществе в качестве ценностно-ориентационных основ трудового поведения начинают все больше выступать организационные культуры. Формирование организационных культур, обретение самобытности происходит через противоречия между ценностями (например, между ценностью патернализма и ориентациями на партнерские отношения и др.). Стратегия трудового поведения работника зависит от принятых им ценностей. Изменение трудового поведения и отношения к труду становится возможным через преодоление противоречий в ценностях субъектов.

Какие ценности и формы поведения в формировании российских организационных культур остаются исторически неизменными? Какие противоречия характерны для организационных культур российского общества?

В поле нашего рассмотрения организационные культуры, складывающиеся в инновационно-активных организациях (предприятиях наукоемкого бизнеса, высших учебных заведениях, научно-исследовательских организаций). Специфика функционирования таких организаций (особенно наукоемкого бизнеса) предполагает маневренность и динамичность, что и отражается на изменении их культур. В данных организациях более заметно проявлены противоречия, характерные для процесса изменений. Можно выявить некоторые тенденции.

Исследование проводилось методом анкетирования (анкета разработана авторами с опорой на методику С. Хэнди). В качестве методов анализа информации использовались анализ таблиц сопряженности, методика многомерного шкалирования (шкалы Лайкерта), кластерный и факторный анализ данных. Социологическое исследование опиралось на типологию К. Камерона и Р. Куинна (клановая, рыночная, бюрократическая, адхократическая культуры) [1]. Благодаря возможности применения методов многомерного анализа данных можно увидеть латентные комбинации и противоречия.

В процессе исследования удалось распознать 3 типа организационных культур, каждый из которых имеет внутренние противоречия. Так, были выявлены следующие типы (кластеры).

Кластер 1 – «условно-инновационная» модель. Для первого кластера актуальны следующие факторы: фактор авторитарности и личной преданности, фактор разрешения конфликтов, фактор защищенности трудовым законодательством и контрактами, фактор нормативности, процедурности [2, с. 77]. Обнаружена высокая ориентация на «сильного и справедливого начальника». Данный факт имеет культурные архетипические корни – предприятие должно опираться на сильную личность, хозяина. Эту черту клановости отношений можно оценить двояко: с одной стороны, как атавизм патернальной системы, с другой стороны, – свидетельство наличия харизматичной фигуры первого лидера. Преданность авторитарному руководителю является значимой чертой взаимодействия, что в некоторой степени обусловлено условиями – промышленным производством, не предполагающим самостоятельность и инициативность исполнителей.

В данном кластере наблюдается противоречие между реально существующей жесткостью предписаний и декларируемой инновационной направленностью данных предприятий. Наукоемкий бизнес же по своей сущности требует гибкости, ситуативности управления, поскольку действует в условиях неопределенности. В данном кластере стихийно сочетаются полярные нормативные требования: административно-клановых черты и командная работа, ориентация на эффективность бизнеса, ориентация на самостоятельность и профессионализм. Из-за этих диссонансов тип организационной культуры назван «условно-инновационным».

Кластер 2 – «активно-инновационная» модель. Для второго кластера (наиболее изменчивая и гибкая организационная культура) значимы фактор сотрудничества команды, ведомой сильным демократичным руководителем, фактор поиска компромиссов в конфликтных ситуациях – через открытое обсуждение, фактор самостоятельности исполнителей, фактор иерархичности. Инновационные предприятия данного кластера занимаются бизнесом в сфере информационных технологий, причем на мировом уровне (низкие издержки на производственные мощности, помещения и высокая востребованность разработок в разных сферах (внешние возможности)). Выявлено максимальное согласие относительно наличия на предприятии «сильного и справедливого начальника». Однако в данном случае, это свидетельствует об уважении личности первого руководителя-основателя, определяющего направление развития и масштаб деятельности. Культура «авторитета личности» не свойственна инновационным структурам, где низок уровень лояльности «знающих себе цену» высококвалифицированных кадров. В рамках этого типа культуры можно говорить об «авторитете идеи». Отметим высокую степень нонконформизма представителей данного кластера – им не свойственно замешательство по поводу негативных высказываний или «неправильных» устоев (как в первом кластере), а, напротив, выражена открытая демонстрация мнения: согласия или не согласия с высказываниями. Налицо – неприятие клановости в отношениях. Судя по оценкам высказываний, на этих предприятиях нивелируются и принципы бюрократического управления. На этих предприятиях формируется адхократия.

Кластер 3 – «бюрократически-клановая» модель. Очевидно, здесь сохраняются исторически устойчивые черты поведения человека в организации, характерные для советского времени. Костяк кластера составляют сотрудники НИИ. Можно констатировать, что данный тип культуры является полярным в отношении двух предыдущих описаний. Он обладает крайне низким (отрицательным) потенциалом инновационности, поскольку данная система стремится к стабильности и сдерживает инициативность исполнителей. А внутренняя противоречивость обусловлена сочетанием исключительно частных семейно-клановых отношений и жестких бюрократических условий.

В качестве латентных признаков, характеризующих данный тип взаимоотношений (исходя из факторного анализа), направление задают такие векторы, как «фактор стабильности и социальной ориентированности», «фактор правил и законов» и «фактор иерархии власти и авторитарного контроля». Отрицается принцип командной работы и обсуждение задач с сотрудниками. Это указывает на наличие идеально-типической конструкции по М. Веберу – обезличенной бюрократической модели управления. На уровне личного восприятия формируется неудовлетворенность такой организационной культурой. При этом представители данного типа меньше других демонстрируют готовность к риску, ориентируясь на стабильность.

Таким образом, несмотря на инновационные трансформации, во всех типах оргкультуры проявляются авторитарные черты, которые могут подавлять инициативность и профессионализм сотрудников. Ослабление авторитарных тенденций происходит в организациях, не имеющих советской предыстории, конверсионной биографии, действующих на мировом уровне.

Список литературы

1. Камерон К. Диагностика и изменение организационной культуры / К. Камерон, Р. Куинн; пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с.
2. Негруль С.В. Формирование инновативных организационных культур: от идеологием к реальным социальным практикам / С.В. Негруль, Н.А. Лосенкова // Вестник ТГУ. – 2009. – №323. – С. 73–80.
3. Тощенко Ж.Т. Социология труда / Ж.Т. Тощенко, Г.А. Цветкова [Текст]. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – 464 с.

Сергачёва Ксения Валерьевна

студентка

Арзамасский филиал

ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

г. Арзамас, Нижегородская область

ТРУДОВОЙ ВКЛАД СЕМЬИ СЕРГАЧЁВЫХ В ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

***Аннотация:** в данной статье отражены вехи трудовой деятельности нескольких поколений обычной российской семьи Сергачёвых. Они – крестьяне, рабочие, служащие – внесли свой вклад в хозяйственно-экономическое развитие нашей страны в XX – начале XXI веков.*

***Ключевые слова:** Мухтолово, Сергачёвы, трудовая деятельность, БАМ.*

В советский период истории нашей страны одной из ключевых фигур официальной пропаганды был человек труда. Его образ (нередко идеализированный) культивировался в кино, театральных постановках, художественной литературе, публицистике и т. д. Подчеркивалось, что право на труд – одно из главных достижений социалистической системы. Но с крушением коммунистической идеологии рухнула и система ее общественных ценностей. Взамен обществу стали навязываться искаженные представления о критериях успешности человека. Труд перестал восприниматься многими – особенно представителями молодого поколения – как нечто заслуживающее почета и уважения. Человек труда ассоциировался с неудачником, «не умеющим жить». В недалеком прошлом молодые люди мечтали стать бандитами или, например, банкирами (что в их понятии было связано с быстрым и не требующим особого труда обогащением), девушки грезили о мужьях-олигархах.

Но общество потребления, в котором не воспитывается уважение к человеку труда – производителю материальных благ – обречено на вымирание. В данной статье автор обращается к истории своей семьи, члены которой, безусловно, относятся к категории людей труда.

Семья Сергачёвых принадлежит к числу первопоселенцев поселка Мухтолово Ардатовского района Нижегородской области.

Само это поселение, по одной из версий, возникло в начале XVIII столетия, когда 12 семей из Ардатова было выслано «за непослушание властям» [1, с. 218]. Поселились они в глухом лесу по берегам речки Мухты, давшей название селу.

Обустройство на новом месте потребовало огромных усилий. Прежде всего, требовалось вырубить участок леса под пашню. Кроме земледелия, первые жители могли заниматься плетением лаптей, заготовкой грибов и ягод, охотой, рыболовством, животноводством. Продукты своего труда мухтоловцы возили на базары в Ардатов и соседние селения, где обменивали их на хлеб, инструменты, домашнюю утварь.

Повседневный быт мухтоловцев в XVIII – начале XIX вв. не отличался от крестьянского быта нижегородской глубинки. Жили в избах с маленькими окошками и низкими потолками. Для приготовления пищи и сушки одежды использовали русскую печь. Она же была и одним из спальных мест. Освещались избы березовой щепой (лучиной). Другие источники света могли позволить себе не многие. К избам примыкали дворовые хозяйственные постройки и земельные участки – усады. На усадях мухтоловцы выращивали лен, зерновые и огородные культуры – морковь, репу, огурцы, лук, а с XIX века и картофель. Земледелие из-за качества почв практически не приносило дохода, поэтому многие занимались местными или отхожими промыслами [5, с. 720].

Таким образом, можно говорить о том, что в XVIII–XIX вв. Мухтолово было обычным русским селом, захолустьем с тараками и кислыми щами.

К 1903 г. в Мухтолове было 114 домов, располагавшихся на двух улицах – Ардатовской и Красной Слободе (ныне это улицы Степаненко и 8 Марта). Всего в селе насчитывалось 540 жителей, из них 260 мужчин и 280 женщин [1, с. 219].

Мощным толчком к развитию Мухтолова и его округи, к изменению культурно-бытового облика местности стало строительство Московско-Казанской железной дороги в начале XX века. Магистраль прошла чуть севернее Мухтолова, но через некоторое время село и станция слились воедино [2, с. 7].

В данное время мы пока имеем возможность проследить историю семьи Сергачёвых только с начала XX столетия. В этом мы

опираемся на воспоминания Валентины Петровны Наместниковой – старейшей представительницы рода Сергачёвых и других его членов.

В начале XX века крестьянская семья Григория и Евдокии (Громова) Сергачёвых с пятью детьми (Петр, Василий, Афанасий, Екатерина, Наталья) проживала в доме по улице Красная Слобода. По воспоминаниям их внучки В.П. Наместниковой, семья была бедной, часто голодали. Занимались земледелием, выращивали пшеницу, мололи ее на мельнице, находившейся на краю улицы (и села). На приусадебных участках выращивали картошку, репу, редьку, капусту, кабачки. Земля давала невысокие урожаи. Приходилось заниматься животноводством. Несмотря на тяжелые времена (революция 1917 г., Гражданская война), дети получили среднее и даже высшее образование. Так, Василий Григорьевич работал директором шахты на Дальнем Востоке, а Афанасий Григорьевич стал ректором одного из пединститутов Сибири [3].

Отец Валентины – Петр Григорьевич Сергачёв (12.06.1907 г.р.) – был в семье самым старшим. Родители умерли рано. В 15 лет Петр окончил семилетнюю школу и поступил в кооперативный техникум г. Арзамаса. После его окончания работал товароведом в потребкооперации. Проработав три года в торговой лавке, в 1922 г. он женился на Евдокии Николаевне (25.07.1905 г.р.). У них родилось шестеро детей, двое из которых умерли в младенчестве. Петру пришлось содержать не только свою семью, но и растить двух младших сестреноч (одной было 12 лет, другой – 13), выдать их замуж.

Мирную жизнь нарушила внезапно начавшаяся война. 24 июня 1941 г. Петр Сергачёв был призван Ардатовским райвоенкоматом Горьковской области и отправлен на фронт [6]. Был ранен, лежал в госпитале в г. Троицке Челябинской области. После излечения вновь был отправлен на фронт под Москву. Эшелон с солдатами шел через Мухтолово. Жены с детьми пришли к поезду, встретились со своими мужьями. Командир разрешил 10–15 минут побыть с семьей. Петр тоже увидел свою жену и четверо детей. Больше писем он не присылал, а потом пришло извещение, что Петр Сергачёв пропал без вести. Евдокии Николаевне пришлось одной «поднимать» малолетних детей.

Один из них – Виталий Петрович (1938–1985) после окончания Мухтоловской средней школы поступил в Ветлужский техникум

механизации и электрификации. В 1956 г. ушел в армию. Через год после армии он женился и поступил заочно в Горьковский Лесной институт на факультет механизации лесного хозяйства. После его окончания как молодой специалист был распределен в поселок Пижма Кировской области механиком лесного хозяйства. В 1970 г. Виталий Петрович с семьей вернулся в Мухтолово, был принят главным механиком в Лесозаготовительную контору (ЛЗК), а в 1975 г. назначен главным инженером. Его жена Тамара Ивановна (1938–2006) работала главным бухгалтером сети торговых магазинов районной потребительской кооперации (ОРСа). В семье родилось трое детей: Игорь, Валерий и Оксана.

Валерий Витальевич (1968 г.р.) в 1985 г. окончил Мухтоловскую среднюю школу №1. После ее окончания школы поступил на курсы школы машинистов в г. Муроме. Год проработал помощником машиниста тепловоза Арзамасского локомотивного депо, а в 1987 г. был призван в ряды Советской армии. Попал он в Хабаровскую воинскую часть, на строительство Байкало-Амурской магистрали.

БАМ – великая массовая комсомольская стройка XX века. Строительство магистрали планировалось еще в 1930-е годы. Но тогда главной проблемой строительства была нехватка рабочих рук. Поэтому использовались силы военнослужащих и заключенных. Строительство велось одновременно с двух конечных станций: Тайшета и Советской Гавани. В 1938 г. был сдан в эксплуатацию западный участок, а в 1950 г. было открыто движение по восточной ветке. Затем стройка была приостановлена из-за нехватки денежных средств. В 1970-е годы строительство магистрали возобновилось. БАМ был объявлен всесоюзной ударной комсомольской стройкой, сюда отправляли массы молодых людей на стажировку. Вот сюда и попал Валерий Сергачёв. Условия жизни и труда были нелегкими. Температура воздуха зимой опускалась ниже 40 градусов, летом был тучи мошкеры. Укладка железнодорожного полотна в условия вечной мерзлоты была тяжелым делом. Десятки КАМАЗов подвозили песок, щебенку и гранитный камень. А уже затем на утрамбованный грунт ложились рельсы. Сотни путейцев, среди них и солдаты, можно сказать, вручную укладывали эти рельсы, стыковая их между собой.

Жили строители и военнослужащие в небольших деревянных домиках барачного типа, построенных рядом с железной дорогой. Позже из этих маленьких домиков выросли крупные города. Кругом была тайга. Зимой здесь часто можно было увидеть подходявшего близко к жилью «хозяина тайги» – бурого медведя.

На БАМе прошли два года военной службы Валерия, в 1988 г. он был удостоен медали «За строительство Байкало-Амурской магистрали». После демобилизации Валерий Сергачёв вернулся в Арзамасское локомотивное депо, куда был принят помощником машиниста тепловоза. Через год он стал помощником машиниста междугороднего пассажирского дизель-поезда. В 1990 г. женился на Елене Николаевне Конаковой, родом из многодетной крестьянской семьи. В настоящее время Валерий Витальевич работает машинистом электропоезда междугороднего следования. Весной 2015 г. он был награжден медалью «За безаварийный пробег на локомотиве 1000000 км». Воспитывает двоих детей [4].

Таким образом, мы проследили вехи трудовой деятельности нескольких поколений обычной семьи из российской глубинки. Эти и подобные им люди – люди труда – вносили и продолжают вносить свой вклад в хозяйственно-экономическое развитие нашей страны.

Список литературы

1. Ардатовский край: прошлое и настоящее [Текст] / Сост. Л.В. Гладкова, А.В. Седов. – Н. Новгород: ГИПП «Нижеполиграф», 2000. – 366 с.
2. Бугров Ю.А. Мухтолово: от А до Я [Текст] / Ю.А. Бугров. – Курск, 2002. – 104 с.
3. Запись беседы со старейшей представительницей рода Сергачёвых В.П. Наместниковой // Хранится в личном архиве К.В. Сергачёвой.
4. Запись беседы с В.В. Сергачёвым // Хранится в личном архиве К.В. Сергачёвой.
5. Проняева Е.Л. Социально-экономическое развитие поселка Мухтолово в XVIII – начале XXI вв. [Текст] / Е.Л. Проняева // Наука молодых: Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции. Часть 1. (г. Арзамас 23–27 марта 2015 г.) / Ассоциация ученых г. Арзамаса, Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ, Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас, 2015. – С. 719–724.
6. Мемориал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.obd-memorial.ru

Склярова Елена Константиновна

канд. ист. наук, доцент

Харламов Евгений Васильевич

д-р мед. наук, профессор, заведующий кафедрой

ГБОУ ВПО «Ростовский государственный
медицинский университет» Минздрава России
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ЖЕНЩИНЫ-ВЫПУСКНИЦЫ РОСТОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация:** в данной работе авторами на основе историко-генетического метода исследования предпринята попытка обобщить роль женщин-выпускниц Ростовского медицинского института в годы Великой Отечественной войны.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Ростовский государственный медицинский университет, деонтология, Огненный выпуск.*

Актуальность исследования роли женщин-выпускниц Ростовского медицинского института в годы Великой Отечественной войны обусловлена необходимостью обобщить имеющиеся документы, данные архивов, фотодокументы. Большинство исследований последних лет, посвящены учёным, выдающимся представителям медицины Дона. Большинство из них – это известные учёные и участники Великой Отечественной войны [1], их имена вошли в учебники по истории фармации и медицины [2]. В последние годы их деятельность рассматривалась с позиций их трудовой деятельности в Ростовском университете – «50 лет с Alma Mater» [3], последствий Отечественной войны 1812 г. для становления РостГМУ [4], «деонтологии жизни» [5], «100-летия эвакуации Варшавского университета в Ростов-на-Дону» [6]. В данной работе на основе историко-генетического метода предпринята попытка дополнить пробелы истории, обобщая роль женщин Ростовского медицинского института в годы войны.

Е.Г. Локшина в июне 1939 г. окончила Ростовский медицинский институт и поступила в аспирантуру. Но учёбу пришлось прервать. Она

ушла на фронт добровольцем, став военно-полевым хирургом. В составе действующей армии воевала на Кавказе, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Работала хирургом медсанбата. Нередко приходилось выносить раненых с передовой. После войны профессор Е.Г. Локшина способствовала расцвету ортопедии и травматологии Ростовской области, занималась общественной деятельностью, возглавляя работу научно-практического общества ортопедов.

В 1944–1945 гг. в завершающий период войны Председателем месткома Ростовского мединститута стала женщина. М.А. Уколова возглавила профсоюз, совмещая научную и общественную деятельность. Будучи в эвакуации в Тбилиси, она поступила на работу в эвакогоспиталь, сначала в качестве ординатора хирургического отделения, став начальником хирургического отделения. Здесь впервые был применён «пульмин» для остановки кровотечений при удалении осколков. Эта работа была отражена в трудах эвакогоспиталя Грузинской ССР. В конце 1944 г. она возвратилась в Ростов-на-Дону на кафедру физиологии, где продолжала исследования по свёртыванию крови [7].

Урзова Ольга Григорьевна (Тимошенко-Гурьева) была выпускницей «Огненного выпуска» 1941 г. Она поступила в институт благодаря своей настойчивости, целеустремлённости и любви к профессии. Однокурсники и сотрудники РостГМУ, врачи Ростовской области и областного тубдиспансера её хорошо знали, как специалиста по вопросам туберкулёза. Её отец – Григорий Тимошеко был репрессирован в годы сталинизма, поэтому сироте было не просто поступить в мединститут, получить высшее медицинское образование. Получив квалификацию врача и диплом из рук директора РМИ А.И. Мироненко, она, как и её молодые однокурсники ушла на фронт. «К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне о ней был снят документальный фильм ростовского телевидения. Её внучка Юлия Урзова стала доцентом Ростовского университета, затем эмигрировала в Австрию, а другая внучка – Елена Константиновна – доцент Ростовского медицинского университета» [8].

А.А. Колосова – российский морфолог, гистолог, основатель научной Ростовской научной гистологической школы, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук, профессор в 1940 г. с отличием окончила лечебный факультет Ростовского

мединститута. В 1941 г. её уже зачислили в ряды армии в качестве врача стрелкового полка, а впоследствии начальника медицинской службы войсковой части. В годы войны она была дважды ранена. После демобилизации защитила кандидатскую диссертацию, была избрана на должность доцента и заведующего кафедры гистологии и эмбриологии.

Таким образом, женщины-фронтовики Ростовского мединститута вызывают особую гордость. Их трудовая деятельность отмечена правительственными наградами. Ими гордятся студенты, их дети [9]. На примере медицинских династий воспитываются новые поколения врачей, заставляя молодёжь уважать человека труда, фронтовиков, особенно если это – женщины.

Список литературы

1. Вечерний Ростов. – 1975. – 29 марта. – С. 1.
2. Склярова Е.К. История фармации / Е.К. Склярова, Л.В. Жаров, Т.Г. Дергосова. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – С. 303–304.
3. Склярова Е.К. История медицины / Е.К. Склярова, Л.В. Жаров. – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – С. 337–339.
4. Харламов Е.В. 50 лет с Alma Mater / Е.В. Харламов, Е.К. Склярова, О.Ф. Киселёва [и др.]. – Ростов н/Д: ГБОУ ВПО РостГМУ МЗ РФ, 2015. – 184 с.
5. Склярова Е.К. Международные аспекты и социо-медицинские последствия Отечественной войны 1812 года / Е.К. Склярова, Е.В. Харламов // Гуманитарные и социально-экономические науки. СКНЦ ВШ ЮФУ. – 2012. – №4. – С. 77–80.
6. Харламов Е.В. Деонтология жизни / Е.В. Харламов, О.Ф. Киселёва, Е.К. Склярова. – Ростов н/Д: Мини Тайп, 2014. – 244 с.
7. Склярова Е.К. От Варшавского университета до РостГМУ: история вуза в коллекциях библиотек и музеев Ростовского государственного медицинского университета (к 100-летию высшего медицинского образования на Дону) / Е.К. Склярова, Е.В. Чаплыгина, Е.В. Харламов [и др.] // История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев: Материалы II межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Волгоградского государственного медицинского университета / Главный редактор В.И. Петров. – Волгоград, 2015. – С. 128–131.
8. Профессор М.А. Уколова 1906–1994. – Ростов н/Д: РНИОИ, 1996. – 187 с.
9. Склярова Е.К. Ростовский государственный медицинский университет в годы Великой Отечественной войны / Е.К. Склярова, Е.В. Чаплыгина, О.Н. Камалова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – №2. – С. 73–77.
10. Тихомирова В.А. Верность призванию // Баллада о матери. – Ростов н/Д, 1982. – С. 113–126.

Смирнова Ольга Алексеевна

канд. ист. наук, доцент, профессор
ГБОУ ВПО «Оренбургский государственный
институт искусств им. Л. и М. Ростроповичей»
г. Оренбург, Оренбургская область

А.Н. ЭНГЕЛЬГАРТ – ЧЕЛОВЕК ТРУДА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация:** в статье рассматривается стратегия хозяйственной деятельности А.Н. Энгельгардта (1832–1893) и процесс изучения им основ национальной производственной традиции, нашедших отражение в его публицистическом наследии, в частности, в работе, известной под названием «Из деревни. Двенадцать писем».*

***Ключевые слова:** национальная культурно-производственная традиция, русский хозяин, работник, хозяин-работник.*

Во второй половине XIX – начале XX в. в российском обществе развернулся процесс выработки национальной экономической доктрины, ориентированной на учет отечественной культурно-производственной традиции. В числе отечественных мыслителей и исследователей-практиков, обратившихся к изучению проблемы, особое место принадлежит Александру Николаевичу Энгельгардту. Он – военный инженер, ученый-химик, декан химического факультета Петербургского земледельческого института – был счастливым обладателем теоретических знаний и практических навыков хозяйственной деятельности, сторонником идеи опрощения и необходимости «мозольного мужицкого труда» для каждого. Свои взгляды о специфике хозяйствования в России Энгельгардт изложил в ряде очерков, в числе которых наибольшую известность получили письма «Из деревни», публиковавшиеся в 1872–1887 гг. в «Отечественных записках». По свидетельствам современников, образованное общество ждало каждого очередного письма и именного с него начиналось чтение того номера журнала, в котором оно печаталось [1; 2, с. 582].

Все двенадцать писем, стали результатом наблюдения жизни русской пореформенной деревни и личного трудового опыта, связанного с ведением хозяйства в родовом имении – деревне Батищеве Дорогобужского уезда Смоленской губернии. В этом отдаленном от Петербурга крае профессор оказался 6 февраля 1871 г., когда началась его бессрочная под надзором полиции ссылка, присужденная ему за «поддержку студенческих волнений».

Будучи деятельной личностью, он, оказавшись оторванным от цивилизации и привычной научно-педагогической практики, решил не приобщаться к помещичьей праздности, а хозяйствовать, хотя большинство помещиков твердило, что в пореформенное время этим заниматься стало невозможно, что имения ничего кроме убытка не дают. Несмотря на обнаруженное в Батищеве запустение – заросшие березняком поля, погибший фруктовый сад, поглощенный сорняком огород, одичавшие луга, сократившееся поголовье скота, полуразвалившиеся постройки, А.Н. Энгельгардт, не отказался от своей идеи, а стал настойчиво создавать рациональную систему хозяйства.

С этой целью он поставил задачу овладеть основными принципами ведения сельскохозяйственных работ, чтобы иметь возможность «самому во все входить, все знать, за всем следить, все учитывать» [6, с. 521]. Для решения этой задачи в качестве учителей-наставников он избрал хозяйственных мужиков, а именно, крепких крестьян близлежащих деревень, в числе которых были и его бывшие крепостные. Один из таких «наставников» – крестьянин Степан – в диалоге с Энгельгардтом дал максимально четкий совет по поводу того, что нужно делать помещику, решившему стать человеком труда:

– «...делайте так, чтобы и вам было выгодно, и мужику было выгодно, тогда у вас все пойдет хорошо.

– Да как же это сделать?

– Хозяином нужно быть для этого. Коли сделаетесь хозяином, так и будет все хорошо... По-деревенски только все делайте, а не по-петербургски. Здесь иначе нельзя, сами увидите» [4, с. 56].

Вскоре Энгельгардт убедился, что множество «высоко научных» книг по агрономии не содержат необходимых сведений по ведению хозяйства – как семена подбирать, когда и как следует сеять какую

культуру, когда лучше к уборке приступать и как надежнее зерно хранить. Он писал: «Сейчас видно, что все эти книги пишутся людьми, которые никогда не хозяйничали... Ничего своего, все из немцев взято: такой-то немец говорит то-то – давай сюда; другой немец говорит совершенно противоположное – давай сюда; третий немец говорит... Учености в каждой статье тьма, а дела нет» [4, с. 78]. Ему стало очевидно, чтобы дело развивалось, надо не копировать англичан и немцев, а, изучая научные истины, перерабатывать их, согласуясь с местными условиями и опираясь на крестьянские знания, проверенные поколениями [4, с. 81, 515].

Вот одно из описаний, где А.Н. Энгельгардт повествует, как он поначалу определял время посева той или иной культуры: «Не найдя в книгах ничего путного относительно времени посева овса... я пошел бродить по полям и лугам... Возвращаясь домой, встретил «деда» (старика из ближайшей деревни. – О.А.). Вот, думаю, кто мне скажет насчет посева... «Дед» – хороший хозяин, знает все приметы, и его мнение всегда уважается на совете «стариков», который решает, когда сеять коноплю, овес, рожь и лен...

– Здравствуй дед! что, рыбки принес?

– Рыбки, рыбки свеженькой...

– А ведь рано нынче пошел головль?

– Рано...

– Сев, значит, овсяный?

– Да сев, головль трется, – скоро сев.

– Когда же сеять будем?

– А когда пора придет, когда пора придет. Рано нынче сеять будем.

– Я думаю сеять.

– Нет, нет, нет, рано еще, обожди маленько, когда матушка начнет выколашиваться... обожди маленько, а лен сей, лен сей» [4, с. 82].

Погрузившись в дела имения, Энгельгардт-профессор превратился в Энгельгардта-хозяина, видевшего в хозяйстве главное занятие, в которое, по его словам, он вкладывал душу и которым жил. Результатом настойчивого труда стала выработка хозяйственной системы для средне-северной полосы России, а также создание, базирующейся на опыте, целостной теории хозяйства, в которой клю-

чевой фигурой был провозглашен хозяин. А.Н. Энгельгардт подчеркивал: «Ни машины, ни симментальский скот, ни работники не могут улучшить наше хозяйство. Его улучшить могут только хозяева», т.к. только от них зависит вся хозяйственная система [4, с. 108]. Так, идя от практики к теоретическим обобщениям, он поставил вопрос об антропологическом аспекте хозяйственной деятельности, осмысление которого осуществлял через постижение феноменологии хозяина.

Мыслитель-практик обращал внимание на то, что хороших хозяев очень мало, что они являются редкостью, что подавляющее большинство составляют люди, неспособные к самостоятельному хозяйствованию. Он писал: «Иные думают, что достаточно родиться мужиком, с малолетства приучаться к мужицким работам, чтобы стать хорошим хозяином... Это совершенно неверно... И между крестьянами есть много таких, которые не только не могут быть хорошими хозяевами, не только не могут работать иначе, как за чужим загадом (наряд, приказ [3]. – О.С.), но даже и работать хорошо не умеют». Причина такого положения, по его мнению, состояла в том, что дело хозяина является чрезвычайно трудным. Недаром, подчеркивал он, народ говорит: «Хозяйство вести – не портками трясти» и «Хозяйство водить – не разиня рот ходить» [4, с. 281]. Чтобы быть хозяином человек должен обладать особыми склонностями и способностями, иметь специальную психологическую организацию, выдающийся склад ума и характера. В результате многолетнего пристального наблюдения за жизнью деревни и осуществленного скрупулезного анализа Энгельгардт сумел выявить ряд существенных черт «русского хозяина».

Во-первых, он считал, что хозяин должен быть своего рода суровым деспотом, способным осуществлять непосредственное руководство и неусыпный контроль над всем хозяйством. Однако, подчеркивал он, основу хозяйского деспотизма должна составлять не жестокость, а нравственная сила, обеспечивающая хозяину абсолютное уважение и признание правоты всех его распоряжений работающими под его началом людьми, которые видят в нем не только хозяина, но и отца [4, с. 257].

Во-вторых, хозяину необходимо иметь особое «хозяйственное соображение», способность к хозяйству, состоящую в умении «все хорошо «загадать» (задумывать, замышлять [3]. – *О.С.*)», т. к., отмечал Энгельгардт, ссылаясь на мнение хозяйственных мужиков, «хороший загад – первое дело», только «при хорошем загаде и работа идет скорее и результаты получаются хорошие» [4, с. 283]. Хозяин, подчеркивал мыслитель, должен уметь, загадывая одну работу, видеть другую, третью, только так он может создать крепкое хозяйство, в противном случае дело не пойдет. Этот тезис он подтверждал рядом примеров, показывающих неспособных к хозяйству мужиков, не знающих как спланировать и распределить текущие дела, но умеющих хорошо исполнять любые хозяйственные работы под чужим руководством, по «чужому загаду» [4, с. 282].

В-третьих, чтобы быть хозяином, человек должен любить хозяйство, любить эту черную, тяжелую работу. Энгельгардт писал, что существует много людей, способных работать, но не любящих хозяйство, занимающихся им плохо, без души, лишь бы поскорее отделаться от нудных и не интересных, по их мнению, дел. Он подчеркивал: «То не пахарь, что хорошо пашет, а вот то пахарь, который *любуется* на свою пашню» [4, с. 281].

В-четвертых, хозяин сам должен быть первым работником, хозяйство требует работника-хозяина. Он доказывал, что без непосредственного знания всех хозяйственных работ, а также и умений их качественно выполнять и демонстрировать работникам, как их нужно делать, хорошим хозяином стать невозможно [5, с. 507]. Энгельгардт утверждал: «Тот не хозяин, кто не умеет пахать, косить. Та не хозяйка, что не может выдоить корову, испечь хлеб, приготовить кушанье» [6, с. 525].

В-пятых, для настоящего хозяина высшей ценностью в хозяйстве как живом деле должен быть работник [4, с. 108]. Этой установкой Энгельгардт указывал на необходимость понимающего отношения к трудящимся в хозяйстве людям, умение хозяина учесть особенности их психологического склада и найти средства для возбуждения в них заинтересованности в выполняемом деле. Он подчеркивал, что люди будут трудиться хорошо, если хозяин, разбираясь в работе, знает, что можно требовать при ее исполнении, умеет, когда нужно, возбудить энергию и не провоцирует на приложение

сверхчеловеческих усилий, понимая, что работник, например, «может в день перетаскать на тачке 1½ куба земли, но не может в 10 дней перетаскать 15 кубов» или работница «может в день выбрать 2, даже 3 копы льну, но не выберет в 10 дней 20 коп», а если и выполнит такой объем, то убоится на работе. Он доказывал необходимость помнить об особенностях внутренней организации русского работника, у которого нет склонности к методично-размеренному труду, какой, например, отличается немец. Будучи сформированным спецификой климатических условий, русский работник ориентирован на производство колоссального объема работы в краткий срок, при которой после каждого рывка требуется период отдыха, чтобы восстановить силы. Если хозяин не понимает этой особенности внутренней организации русского человека, то ему будет казаться, что работник ленив, вял, неаккуратен, и он будет только и смотреть, чтобы тот «от дела не бегал», а работник, в свою очередь, будет чувствовать, что «барской работы не переделаешь» и, действительно, начнет относиться к делу спустя рукава [4, с. 97].

Также, по мнению Энгельгардта, хозяин должен помнить, что работник живет «хорошим харчем да ласковым словом», а поэтому в нем всегда надо видеть человека и уметь ценить его труд, т. е., зная, какая работа сколько стоит, рассчитывать «по-божески, чтобы и себе в убыток не было, и мужик остался бы доволен». Только в этом случае работник будет трудиться с желанием и максимальной отдачей, а хозяйство – процветать [4, с. 95].

В-шестых, хозяин, заботящийся о развитии хозяйства, должен придерживаться стратегии сбережения трудовых сил и природно-материальных ресурсов, в противном случае его ожидает пореформенная судьба большинства помещичьих хозяйств, в которых земля, как правило, использовалась хищнически, не удобрялась, скот содержался неудовлетворительно, крепостной труд применялся непроизводительно, ценясь «ни во что» и, нередко, направляясь туда, где, учитывая качество почвы, работать не стоило бы вовсе [5, с. 481]. Энгельгардт подчеркивал, как человек должен восполнять потраченные силы, так и природе хозяин, если не хочет обеднеть, должен возмещать изымаемые в ходе хозяйственного оборота ресурсы [4, с. 390]. Он писал: «Брать нельзя до бесконечности. Природа не неразменный рубль. Кто берет и не возвращает, тот истощает, и наступит минута,

когда, истощив грудь матери-земли, он найдет ее сосцы пустыми» [5, с. 515]. Средством такого возмещения он считал ведение рационального хозяйства на основе предупреждения излишеств в потреблении, экономного использования имеющихся ресурсов и активного использования удобрений – от навоза до разного рода специально добываемых минеральных веществ.

В-седьмых, Энгельгардт считал, что в современных условиях, т. е. в условиях научного прогресса и существенно изношенного состояния природных ресурсов («недаром говорят, что в старые годы жить было привольнее, и хлеба родились лучше, и трава была сильнее, и скот и люди были рослее» [5, с. 517]), хозяину для успешного ведения дела необходимо образование, которое поможет поднять хозяйство, вывести его на новый производственный уровень, пустив в ход «втуне лежащие богатства» [4, с. 393, 529]. Он заявлял: «Я хочу, чтобы в массе земледельцев были работающие лично интеллигентные люди, научно развитые, которые прилагали бы науку к практике, изыскивали способы увеличить производительность земли, т. е. чтобы были интеллигентные мужики, земледельцы-агрономы. Нужно, чтобы были мужики-механики, мужики-инженеры, мужики-архитекторы, т. е. интеллигентные деятели, умеющие работать как мужики» [5, с. 530]. В 1881 г., отвечая на просьбу одного интеллигента-просителя о приеме на практику в батищевское хозяйство, он писал: «Если вы желаете сделаться земледельцем... сесть на землю, то прежде всего вы должны научиться работать, как умеет работать мужик, и приобрести те практические знания, какими обладает мужик. Раз вы приобретете знания, то умение работать, ту выносливость, какими обладает мужик, – вы, как образованный, интеллигентный, развитый человек, просвещенный светом науки, умеющий пользоваться книгой, отлично поведете всякое хозяйство. Нужно заложить фундамент. Один фундамент у вас есть – образование. Заложите другой фундамент – умение работать. У мужика один фундамент; у интеллигента есть уже другой фундамент. Соедините то и другое в одном лице – и выйдет настоящий хозяин» [5, с. 528].

Осмысление феноменологии хозяина на основе наблюдения за деятельностью хозяев-крестьян и хозяев-помещиков привело А.Н. Энгельгардта к заключению о чрезвычайно благотворном воздействии на человека принадлежности к этому социальному статусу, который только, как он считал, и позволяет во всей полноте пережить личностную состоятельность, уверенность в самом себе,

в своей силе [4, с. 275]. Обосновывая этот тезис, он сравнивал крестьян, ведущих свое хозяйство, с теми, кто, бросив землю, уходил искать либо поденной работы в деревне, постепенно впадая в полную бедность, либо места в городе, надеясь «попасть на линию», т. е. поступить в услужение, в лакеи, чтобы, по словам Энгельгардта, научиться «ловко мерсикать ножкою». Он писал: «Попавший на линию начинает обыкновенно презирать черную мужицкую работу, предпочитает более легкую лакейскую службу, одевается по-немецки, ходит при часах, старается о том, чтобы у него было как можно более всякой одежды. Жена его стремится в барыни и завидует такой-то и такой-то товарке, которая ранее ушла из деревни в Москву, живет с купцом и имеет семнадцать платьев. Детей своих она водит, *как панинчат*, и хотя бьет, но кормит сахаром и учит *мерсикать ножкой*» [4, с. 274].

Однако, отмечал хозяйствующий публицист, в этих «попавших на линию», зовущихся обращением «человек», уже невозможно увидеть, того сознания собственного достоинства, какое светится в открытом, честном лице мужика-хозяина. Неслучайно, подчеркивал он, для хозяина нет ничего более унижительного, чем превратиться в «мерсикающего ножкой».

Подтверждая это наблюдение, он привел фрагмент диалога, состоявшегося у него с хозяйственно смышленным мужиком:

– «А хорошее жалованье получают эти курятники – 250 рублей, да еще рвет с кого билетик, с кого трояк! (сказал мужик. – *О.С.*).

– А ты бы разве пошел на эту должность?

– Я-то?

– Ну да, ты.

– Избави меня Господи! Я? В батраки!» [4, с. 275].

«И сколько презрения было в этих словах», – отмечал Энгельгардт, – т. к., пояснял он далее, для мужика «батрак» – это такое бранное слово, хуже которого нет». Это слово, подчеркивал он, выводит из себя даже самого «ловкомерсикающего ножкой», поскольку как бы хорошо он на линии ни стоял, но «тайничок-то русский мужицкий» (праведным может быть только земледельческий доход. – *О.С.*) у него в мозгу сохранялся, а поэтому и для него оставалось очевидным, что независимым и имеющим собственное достоинство может быть лишь тот, кто осиливает землю, осиливает

хозяйство, в противном случае – его судьба в руках тех, под которыми, он, «укусив пирожка, лизнув медку», принужден подлаживаться, отказываясь от заложенного в нем дара создателя и творца, наиболее полно раскрывающегося только в деятельности хозяина-земледельца [4, с. 276].

Благотворность хозяйственного самостоянья А.Н. Энгельгардт доказал личным опытом, фактически став совершенным хозяином. Собственный высоко результативный опыт и наблюдения за деятельностью хозяев-крестьян позволили ему установить ключевые принципы эффективной трудовой стратегии как основы национального процветания. В 1870–1880-х гг. – в условия преобладания в обществе либерально-экономических доктрин, пропагандировавших западную экономическую стратегию, он сумел убедительно обосновать необходимость освоения национальной культурно-производственной традицией. В 1878 г. он писал: «Я, веря в русского человека, убежден, что... мы, русские... совершив это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья... Что мы можем сделать, идя по следам немцев? Разве не будем постоянно отставать? И, наконец, полнейшая неприменимость у нас немецкой агрономии разве не доказывает, что нам необходимо нечто самобытное» [4, с. 278]. Только в обращении к человеку, реализующему функцию хозяина, в учете его интересов и национальной трудовой мотивации, он видел основу хозяйственного процветания России.

Список литературы

1. Богданович А.И. Письма из деревни А.Н. Энгельгардта (1897) / А.И. Богданович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib10.ru/russian_classic/bogdanovich_ai/pisma_iz_derevni_a_n_engelgardta.2388
2. Будаев Д.И. Письма «Из деревни» как исторический источник [Текст] / Д.И. Будаев, О.Д. Будаева // Энгельгардт А.Н. Из деревни 12 писем. 1872–1887. – СПб., 1999. – С. 582–596.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. – М., 1999. – Т. 1. – С. 566.
4. Энгельгардт А.Н. Из деревни 12 писем. 1872–1887 [Текст] / А.Н. Энгельгардт. – СПб., 1999. – С. 1–475.
5. Энгельгардт А.Н. Письма 1863 г. [Текст] // Энгельгардт А.Н. Из деревни 12 писем. 1872–1887. – СПб., 1999. – С. 479–509.
6. Энгельгардт Н.А. Александр Николаевич Энгельгардт и Батищевское дело [Текст] // Энгельгардт А.Н. Из деревни 12 писем. 1872–1887. – СПб., 1999. – С. 511–557.

Смирнова Наталья Борисовна
канд. ист. наук, научный сотрудник
БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРУД ВОЕННОПЛЕННЫХ В СПЕЦГОСПИТАЛЕ №3064 КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ КАДРОВОЙ ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация:** в статье рассмотрена проблема использования труда военнопленных в лечебных учреждениях на примере Козловского спецгоспиталя №3064. Автором приведены документы, на основании которых это было возможным, воспоминания очевидца. На основе использования примеров показана роль лагерного контингента в качестве рабочей силы.*

***Ключевые слова:** военнопленные, спецгоспиталь, использование труда, квалифицированные специалисты, решение кадровой проблемы.*

30 мая 1943 г. вышел приказ наркома здравоохранения СССР Г.А. Митерева на имя начальников эвакуогоспиталей о привлечении выздоровевших военнопленных к работам по самообслуживанию с целью сокращения расходов на содержание лечебных учреждений для данного контингента [1, с. 103]. К ним относились заготовка дров, починка мебели, уборка больничной территории, стирка белья, мытье посуды, резка хлеба, работа в подсобном хозяйстве и т. д. На основании этого приказа и директивы НКВД СССР от 25 августа 1944 г. №28/4/95 «Об упорядочении режима спецгоспиталей» руководство лечебных учреждений использовало выздоравливающих военнопленных в качестве рабочей силы. Не остался в стороне и Козловский спецгоспиталь №3064, действовавший в 1943–1946 гг. Его начальник Н.С. Соколов обратился к вышестоящему руководству оставить ряд пленных специалистов на весь период функционирования больницы [2, л. 94]. В частности, врачей Зигфрида Краузе, Бернхарда Бруммера, Октовияна Давидянца и др.

З. Краузе попал в плен под Сталинградом, поступил в госпиталь с дистрофией первой степени и сыпным тифом. После выздоровления приступил к исполнению обязанностей врача-терапевта. По словам сотрудницы госпиталя З.Г. Карповой, он «был врачом

опытным, ежедневно участвовал в обходах, устанавливал диагнозы и назначал лечение. Надо признаться, что у него в диагнозах опечаток не было... Нам, советским врачам, медсестрам, он диктовал диагнозы и назначенное лечение, а мы эти указания заносили в тетрадь и принимали к исполнению. Считаю, что он свято соблюдал клятву Гиппократата, а потому к обязанностям врача относился добросовестно». Б. Бруммер был ранен под Сталинградом в грудную клетку. В госпитале он специализировался на лечении больных туберкулезом. Д. Октовитян – румынский врач-хирург, в больницу поступил с пулевым ранением голеностопного сустава. После выздоровления выполнял указанные обязанности. Кроме них, военнопленных лечили рентгенолог Эдмунд Клос и рентгенографик Гергард Майдер.

В каждом корпусе работали военнопленные санитары: Александр Дынку (румын), Людвиг Гроб (немец), Дмитрий Вынту (румын), Петро Чортыко (итальянец), Тимофей Иванов (румын), Андреас Фелюлвилле (француз). Несомненно, это способствовало повышению уровня доверия пациентов к медицинскому персоналу и благоприятно сказалось на их психологическом состоянии. В конце марта 1946 г. их отправили в Темниковский лагерь №58, расположенный в Мордовской АССР.

Некоторые военнопленные, чтобы улучшить условия содержания и задержаться в госпитале на более долгий срок, шли на хитрость. Так, австриец Молостык выдавал себя за врача, но обман быстро раскрылся. Им занялся особый отдел НКВД, дальнейшая судьба военнопленного неизвестна [3, с. 28].

Среди контингента спецгоспиталя имелось значительное количество высококвалифицированных специалистов не только в области медицины, но и в различных сферах деятельности: портные, монтеры, жестянщики, сапожники, парикмахеры, слесари, механики. Так, немец Рудольф Шаговец сконструировал автомобиль из двух старых и работал шофером-механиком, завозил продукты питания и дрова. О высоком доверии к нему руководства свидетельствует отсутствие конвоя, свобода передвижения по Козловскому району. Военнопленный Михель Гербет был опытным каменщиком, Генрих Лянгольц – штукатуром и печником. Под их руководством в 1944 г. во дворе больницы бригада пациентов соорудила 2 фонтана. Они состояли из больших чаш, на первом ярусе которых были установлены лягушки, вылепленные из глины. Снизу подвели железную трубу для воды. Впоследствии эта территория стала местом отдыха и различных торжественных мероприятий.

Румынские военнопленные в основном изготавливали вазы и горшки, которые дарились сотрудникам госпиталя или использовались для выращивания цветов. Специально для этого ими была построена печь за зданием хирургического корпуса. Кроме того, печи были сложены военнопленными во всех лечебных корпусах, свинарниках и кухне-пекарне. Пленные агрономы и садоводы посадили 2 ряда лип, разбили клумбы, возвели оранжереи и теплицы, к которым вели посыпанные песком дорожки, ухаживали за растениями. Некоторые военнопленные направлялись на заготовку дров, картофеля, сена, овощей, фруктов, на работы в подсобном хозяйстве, занимались растопкой печей в больнице, ремонтом одежды и обуви, уборкой туалетов, копали могилы для умерших на кладбище спецгоспиталя.

В 1943 г., когда в течение двух недель отсутствовало электричество, пациенты изготавливали осветительные приборы, напоминающие лампы (Карпова Зоя Гавриловна, 1916 г. рождения, жительница г. Козловка) [4]. Кроме того, на железнодорожной станции Тюрлема располагались бараки, в которых жили выписавшиеся из госпиталя военнопленные и временно не отправленные в учреждения НКВД. Они использовались при погрузке на станции и других неквалифицированных работах. Что касается интернированных женщин, то они следили за порядком в госпитале, ухаживали за комнатными цветами, шили. Кроме того, одна из них использовалась в качестве переводчицы [3, с. 39].

Таким образом, военнопленные и интернированные не только лечились в госпитале, но и трудились. Благодаря их использованию удалось частично ликвидировать как проблему с кадрами в больнице, так и улучшить психологический климат среди пациентов.

Список литературы

1. Русский архив: Великая Отечественная: иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. – М.: Терра, 1996. – Т. 24 (13). – 560 с.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 3044. – Оп. 1. – Д. 7.
3. Ксенофонов Г.Н. Эвакогоспиталь для военнопленных №3064 / Г.Н. Ксенофонов. – Чебоксары: Новое время, 2008. – 84 с.
4. Полевые материалы автора.

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

Валерианова Марина Валериановна

аспирант

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМИРОВАНИЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ЧУВАШСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА В КОНЦЕ 60-х – НАЧАЛЕ 70-х гг. XX в.

***Аннотация:** в данной статье представлен процесс формирования основных студенческих объединений в начальный период становления Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первичной организации ВЛКСМ, студенческих строительных отрядов, профсоюзной организации, студенческого научного общества.*

***Ключевые слова:** Чувашский государственный университет, студенческое объединение, ВЛКСМ, студенческие строительные отряды, студенческие научные общества.*

Данная статья посвящена системе студенческих общественных объединений в ЧГУ им. И.Н. Ульянова в 60–70 гг. XX в.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что, на данном историческом этапе перед отечественными вузами наиболее остро стоит вопрос о развитии системы студенческого самоуправления. На передний план выходит проблема изучения методов воспитания молодёжного коллектива, возвращения духа коллективизма, что присутствовал в вузах в Советский период. Возникает острая необходимость воспитания у современной молодежи таких качеств как самостоятельность, ответственность, то есть всех тех качеств, что необходимы для успешной социализации личности.

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова основан в 1967 году Постановлением Совета Министров СССР от 17 августа 1967 г. [5, с. 114]. Согласно Приказу по Министерству

высшего и среднего специального образования СССР и по Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР от 30 августа 1967 г. №561/392 вуз принял от Волжского филиала Московского энергетического института контингент студентов, штат, лимит по труду и бюджетные ассигнования, предусмотренные на 1967 год., а также входящие в его состав подсобные организации со всеми зданиями, сооружениями, оборудованием и другими основными фондами [1, л. 2–3].

Таким образом, 60–70-е гг. XX в. являются для ЧГУ тем периодом, когда закладывалась и формировалась структура вуза, а также зарождались и формировались все те студенческие объединения, что в дальнейшем оказали огромное влияние на жизнь и деятельность студенческой молодёжи того времени, а также всего университета в целом.

Процесс организации воспитательной системы вуза в данный период был основан на коммунистических, марксистско-ленинских основополагающих идеях и принципах. Основа управления воспитательным процессом во многом зависела от решений съездов ЦК КПСС, ВЛКСМ и других политических организаций. Внеучебная деятельность студенческой молодёжи в основном была направлена на активное участие в общественной и партийной жизни. В 60–70-е гг. XX в. ведущую роль в организации внеучебной деятельности студенческой молодёжи играли партийная и комсомольская организации университета (ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи), а также местный комитет профсоюзной организации (местком) который принимал и утверждал социалистические обязательства вуза и руководил процессом общественных работ.

Как пишет Т.В. Юстус: «...в 1960–1980-е годы основным направлением воспитательной деятельности было совершенствование у студенческой молодёжи идейно-политических взглядов, которые основывались на усилении коммунистического воспитания и мировоззрения, опирающиеся на изучение марксистско-ленинской теории, решений и постановлений высших государственных органов» [10, с. 557].

Комитет ВЛКСМ выступал за развитие творческого отношения студентов к учебе во всех её формах – как в учебном процессе, так и в самостоятельной научно-исследовательской работе [7, с. 1].

Направлял усилия «на воспитание студентов в духе верности ленинизму, героическим традициям партии и народа на примере жизни и деятельности В.И. Ленина и его соратников; на привитие навыков работы с произведениями В.И. Ленина, документами партии и комсомола; на активное участие всех студентов в общественной жизни университета, комсомольской организации» [9, с. 1].

Главной задачей профкома являлось оказание помощи ректорату и партийной организации в коммунистическом воспитании молодежи. В 1968 году общеуниверситетская профсоюзная конференция постановила: «повысить роль профсоюза в идейно-политическом воспитании студентов; шире практиковать участие студентов в общественно-полезном труде, в студенческих строительных отрядах, в агитационно-массовой и пропагандистской работе среди населения, подчиняя эти мероприятия задаче подготовки высококвалифицированных специалистов; вовлечение всех работающих и студентов в члены профсоюза» [6, с. 1].

Особое место в воспитательном процессе университета занимало студенческое самоуправление. В студенческое самоуправление входили учебно-воспитательные, стипендиальные комиссии, студсовет, который в своей практической деятельности руководствовался планом, утвержденным профкомом университета и комитетом ВЛКСМ, рекомендацией по работе комсомольской организации университета в студенческих общежитиях, правилами внутреннего распорядка и распоряжениями вышестоящих органов.

Учебно-воспитательная комиссия (УВК) играла значительную роль в воспитательном процессе вуза, в круг её обязанностей входил контроль за успеваемостью и посещаемостью студентов, а также контроль за соблюдением дисциплины в академических группах. Результаты проделанной работы регулярно освещались через специальный печатный орган – бюллетень УВК, а также через факультетскую отчётную газету. Кроме того, УВК занималась вопросами по улучшению учебно-воспитательной работы в вузе. В конце 1969/70 учебного года были поставлены следующие задачи:

- 1) дальнейшее повышение воспитательной роли факультетских и групповых комсомольских организаций;
- 2) добиться слияния работы преподавателей-кураторов с работой общественных организаций в единую глубоко продуманную конкретную систему морально-политического и интеллектуального воспитания студентов университета;

3) расширение сферы деятельности студенческого самоуправления;

4) совместно с партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями улучшить работу по коммунистическому воспитанию студентов, повысить качество преподавания общественных наук [2, л. 39].

Большую роль в становлении коммунистического мировоззрения, гражданственности и патриотизма молодёжи сыграли студенческие строительные отряды (ССО), сформированные ещё на базе Волжского филиала энергетического института в 1964 году. Работа ССО проходила под девизом: «Пятилетке – ударный труд студентов» [3, л. 20]. Они стали основным показателем трудового воспитания в вузе, а также общественно-политической активности студентов.

В организации и осуществлении культурно-массовой работы в вузе важное место занимал Студенческий клуб. Это была самостоятельная общественная организация, работающая под руководством профсоюза. Студенческий клуб возглавлялся правлением, избираемым сроком на два года из числа активистов, и работал на общественных началах. Большое внимание в его работе уделялось и эстетическому воспитанию студентов [1, с. 1].

Важное значение в воспитательной работе имело студенческое научное общество (СНО) – единственная студенческая общественная организация ЧГУ, непрерывно действующая с момента открытия вуза [4, с. 358].

Список литературы

1. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 1. Приказ по Министерству высшего и среднего специального образования СССР и по Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР от 30 августа 1967 г. №561/392 «О создании комиссии по приемке-передаче дел Волжского филиала Московского энергетического института Чувашскому государственному университету». Л. 2–3.

2. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 298. Студенческое самоуправление и студсоветы. Работа учебно-воспитательных и стипендиальных комиссий. Отчёт о научно-методической и учебно-воспитательной работе университета за 1969/70 уч. год. Л. 39.

3. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 782. Отчет объединенного профкома ЧГУ им. И.Н. Ульянова за период с 15 ноября 1972 – 16 ноября 1973 гг. Материалы профсоюзной конференции университета. Отчетный доклад и стенограмма. Л. 20.

4. Иванова Т.Н. На рубеже веков: эволюция форм и направлений деятельности студенческого научного общества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в конце XX – начале XXI вв. // Университетское образование в полиэтнических регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – 580 с.

5. Страницы истории высшей школы Чувашии: Учеб. пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. – 192 с.
6. Ульяновец. – 1968. – №24. – С. 1.
7. Ульяновец. – 1969. – №13. – С. 1.
8. Ульяновец. – 1969. – №16. – С. 1.
9. Ульяновец. – 1971. – №31. – С. 1.
10. Юстус Т.В. Правовое воспитание студентов и профилактика правонарушений в истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова / Т.В. Юстус, А.Л. Андреева // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – 580 с.

Василенко Оксана Витальевна

канд. филос. наук, доцент

Павлова Алевтина Николаевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ- БАКАЛАВРОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ И АРХИВОВЕДЕНИЕ»

***Аннотация:** информатизация профессионального образования является важнейшей составляющей формирования современного специалиста на рынке труда. Данная статья посвящена рассмотрению интернет-технологий, используемых в профессионализации студентов, обучающихся по направлению «Документоведение и архивоведение».*

***Ключевые слова:** профессионализация, интернет-технологии, компетенция, информационная компетенция.*

Новый образовательный стандарт (ФГОС 3) поставил перед педагогическим сообществом новые задачи. Одной из таких задач являются компетенции, которые в процессе обучения должны освоить студенты. Под компетенциями обычно понимают способность применять знания, умения и навыки в процессе профессиональной

деятельности. Довольно часто используется понятие «компетентностный подход», а одним из его компонентов является «информационная компетентность». В процессе освоения данной компетенции студент должен научиться работать с информацией, информационными технологиями, быть креативным и готовым брать на себя ответственность за принятие решений. Следующая задача, которая встает перед вузами – это первичная профессионализация студенческой молодежи, но «интенсификация производства, обусловленная компьютеризацией и автоматизацией, внедрением новых технологий приводит к изменению содержания профессиональных функций, к интеграции некоторых видов труда, их взаимообогащению, к возникновению новых профессий и отмиранию старых» [2, с. 260].

Проблемы профессионализации студентов-бакалавров, обучающихся по направлению 46.03.02 «Документоведение и архивоведение», можно рассмотреть на основе преподавания дисциплины профессионального цикла по выбору студента «Делопроизводство в органах государственной и муниципальной службы» для профиля «Документационное обеспечение управления и архивное дело в органах государственной власти и местного самоуправления». Изучение дисциплины предусмотрено в 6 семестре (3 курс) в количестве часов: 16 ч. – лекций, 16 ч. – лабораторных занятий, зачет; в 7 семестре (4 курс) в количестве часов: 16 ч. – лекций, 32 ч. – лабораторных занятий, 6 ч. – контроль самостоятельной работы, экзамен. Количество часов, отведенных учебным планом на преподавание данной дисциплины, достаточно для усвоения студентами основного материала курса в рамках традиционного обучения. Основная цель дисциплины заключается в формировании у студентов целостного представления о развитии делопроизводства государственных учреждений России в различные исторические периоды, изучении современных требований к документированию и организации работы с документами, образующимися в деятельности органов государственной и муниципальной службы. Задачи дисциплины включают:

- рассмотрение становления и развития делопроизводства в государственных учреждениях России в дореволюционный и советский период;

- изучение современного законодательства и нормативно-методического обеспечения делопроизводства в органах государственной и муниципальной службы;
- ознакомление с основными комплексами документации органов государственного и муниципального управления;
- рассмотрение организации работы с документами в них; изучение постановки кадрового и конфиденциального делопроизводства в органах государственной и муниципальной власти;
- рассмотрение особенностей работы с обращениями граждан в данной сфере;
- ознакомление с постановкой делопроизводства в различных органах государственной и муниципальной службы;
- изучение современных автоматизированных технологий выполнения делопроизводственных операций;
- приобретение навыков проектирования локальных нормативно-методических документов по делопроизводству в органах государственной и муниципальной службы.

На занятиях студенты получают навыки анализа нормативных правовых актов, регламентирующих организацию и осуществление профессиональной служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих; готовят образцы различных видов документов, занимаются оформлением, подшивкой дел, приобретая необходимые профессиональные навыки и умения, которые в дальнейшем закрепляются в ходе учебной и производственной практики. Необходимо отметить, что постоянные изменения в нормативно-методическом регулировании делопроизводства, формирование умений работы с законодательной и нормативной базой требуют повышенного внимания со стороны как преподавателей, так и студентов.

Для студентов-бакалавров, обучающихся по направлению 46.03.02 «Документоведение и архивоведение», предусмотрено два профиля – «Документационное обеспечение управления и архивное дело в органах государственной власти и местного самоуправления» и «Делопроизводство, архивы и кадровая работа в организации». Базовыми дисциплинами для обоих профилей являются «Документоведение» и «Документационное обеспечение управления». Проблема заключается в сложившемся на практике традици-

онном, узком подходе к документоведению, как специалисту по документационному обеспечению административной деятельности. Не случайно некоторые исследователи отмечают, что документовед заиклен на «административном документоведении» [1]. В то время как в процессе обучения обеспечивается фундаментальная подготовка студентов, овладение ими знаниями в области гуманитарных, документоведческих наук и информатики, что позволяет им в будущем работать во всех основных сферах информационно-документационной деятельности. В условиях информационного общества специалисты в области документоведения должны целенаправленно и творчески воздействовать на различные направления информационно-коммуникационной деятельности, формируя цивилизованное информационное пространство XXI века. Поэтому исходя из требований нового стандарта, преподавателям необходимо периодически обновлять рабочие программы, быть в курсе изменений законодательства.

При подготовке к практическому занятию студенты самостоятельно изучают и анализируют нормативную правовую базу определенного ведомства (муниципального образования), регламентирующую организацию и осуществление кадрового делопроизводства и кадрового учета, используя Интернет. В ходе аудиторной работы студенты представляют доклады с использованием средств мультимедиа.

Таким образом, использование интернет-технологий при подготовке студентов-бакалавров, обучающихся по направлению «Документоведение и архивоведение» позволяет поддерживать учебный процесс на должном уровне.

При чтении курса «Делопроизводство в органах государственной и муниципальной службы» преподаватель дисциплины может предложить студентам составить собственный тематический список источников и литературы, используя Интернет, обратившись к таким ресурсам, как <http://archives.ru>; <http://www.vniidad.ru>; <http://www.delo-press.ru>; <http://www.directum.ru>.

Подводя итог выше сказанному, для целей профессионализации содержание учебных планов, учебных программ должно периоди-

чески меняться, учитывая технологические инновации, в образовании необходимо делать акцент на практическую составляющую, а также необходимо вводить интерактивные методы обучения.

Список литературы

1. Ларьков Н.С. Актуальные проблемы документоведения на современном этапе / Н.С. Ларьков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.if.tsu.ru/chair5/works/Larkov_st1.htm
2. Цвык В.А. Профессионализация как социальный процесс / В.А. Цвык // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2003. – №4–5. – С. 258–269.

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, заведующая кафедрой, доцент
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ СИДОРОВ –
ВТОРОЙ РЕКТОР ЧГУ ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА:
ТРУЖЕНИК НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

***Аннотация:** статья посвящена анализу жизненного пути доктора экономических наук, профессора, ректора ЧГУ имени И.Н. Ульянова в 1981–1990 гг. Петра Александровича Сидорова. Автором рассмотрены факторы формирования его мировоззрения, основные этапы деятельности и причины его отставки с поста ректора.*

***Ключевые слова:** Чувашский государственный университет, деятельность, жизненный путь, Петр Александрович Сидоров.*

Вторым ректором Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова был П.А. Сидоров, жизненный путь которого, по мнению его учеников, «может служить примером накопления и использования интеллектуального потенциала не только и не столько для личностного карьерного роста, сколько для более высоких целей развития страны и региона» [6, с. 225].

Петр Александрович Сидоров родился 27 августа 1927 г. в деревне Яншихово Батыревского района Чувашской АССР в крестьянской семье. В 1941 году он закончил с похвальным листом семилетнюю школу и поступил в Батыревское педагогическое училище, где получил не только педагогическое образование, но и научился играть на скрипке [4, с. 244].

С июля по август 1944 г. он работал в колхозе, а когда ему исполнилось 17 лет, ушел на фронт. Его служба началась в 16-й бригаде оперативных войск НКВД (г. Сарны Ровенской области), а затем, уже после окончания войны он служил в 98-м погранотряде (г. Любомль Волынской области УССР). 12 августа 1945 года во время боя с бандеровцами П.А. Сидоров был ранен. В период избирательной компании в Верховный Совет СССР Петр Александрович обеспечивал круглосуточную охрану избирательных участков от бандитских формирований. Позже он вспоминал: «Что бы ни говорили, а западная молодежь Украины тянулась к советской власти» [6, с. 226]. Тяжелое ранение напомнило о себе, и поэтому в мае 1947 г. П.А. Сидоров был демобилизован с должности помощника начальника погранзаставы по политработе. За свою боевую службу он был награжден орденом «Отечественной войны II степени» и медалями.

После возвращения на родину П.А. Сидоров стал работать в родной семилетней школе, сначала учителем истории и географии, затем завучем и директором. Одновременно он поступил заочно в Чувашский государственный педагогический институт имени И.Я. Яковлева на отделение «история».

В 1951 году он женился на учительнице Ефросинье Сергеевне, родилась дочь. Казалось бы, жизнь вошла в накатанную колею. Но Петр Александрович решает получить очное образование в Московском государственном университете. Блестяще сдав экзамены, он становится студентом географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Как вспоминал П.А. Сидоров, учеба давалась ему легко, практически все годы он был ленинским стипендиатом, сдавал экзамены досрочно, чтобы подольше побыть в Яншихово, где его ждала семья [6, с. 227]. В эти годы Петр Александрович начинает публиковать заметки и статьи в университетской и чувашской республиканской прессе [4, с. 249]. Талантливый студент решил писать дипломную работу по географии Китая и прошел интенсивные курсы китайского языка. Однако именно в это время ухудшились советско-китайские отношения, поэтому П.А. Сидорову порекомендовали сменить тему исследования [6, с. 227].

В 1957 г. П.А. Сидоров окончил университет с красным дипломом, получив специальность экономиста-географа, защитив дипломную работу по теме «Чувашия как часть Волго-Вятского экономического района». В том же году он стал научным сотрудником сектора, литературы, истории и экономики при Совете министров ЧАССР. Здесь он заинтересовался проблемами населения [4, с. 249]. В 1962 году П.А. Сидоров защитил кандидатскую диссертацию на тему «Население Чувашии (опыт историко-географического и экономико-географического исследования)» и становится кандидатом географических наук.

В 1961 году П.А. Сидоров был избран научным сотрудником Забайкальского Комплексного НИИ Сибирского отделения АН СССР (г. Чита), где стал руководителем тематической группы географии населения и трудовых ресурсов. Здесь он участвовал в научных экспедициях по Забайкалью. В августе 1963 г. П.А. Сидоров с семьей переезжает в г. Минск, пройдя по конкурсу на должность заведующего сектором промышленных узлов и городов Института экономики и экономико-математических методов планирования при Госплане БССР. В 1966 году ВАК СССР утвердил П.А. Сидорова в ученом звании старшего научного сотрудника [4, с. 250]. Работа в Белоруссии шла успешно. Его книга «Города Белоруссии. Экономический очерк» (в соавторстве с А.В. Богдановичем) и труд «Об основных направлениях схемы размещения производительных сил и комплексного экономического района на 1971–1980 гг.» (в соавторстве с В.Ф. Медведевым и А.А. Раковым) принесли ему известность в науке.

В августе 1967 г. Петр Александрович получает телеграмму с приглашением работать в только что открывшемся Чувашском государственном университете. Здесь он организовал и возглавил кафедру экономики народного хозяйства ЧГУ. Сохранился протокол заседания кафедры от 27 сентября 1967 года, определяющий кадровый состав и основные научные направления [9, с. 1].

Одна из первых студенток А.В. Яковлева вспоминает, что аудитория Е-202 была одновременно помещением и кафедры, и деканата. Первый декан экономического факультета В.Н. Якимов был сотрудником кафедры. Именно отсюда «берет свое начало высшее экономическое образование в нашей республике», – считает

А.В. Яковлева [9, с. 10]. Кафедра первой на экономическом факультете начала проводить исследования по хозяйственным договорам, открыла аспирантуру.

В декабре 1974 г. П.А. Сидоров защитил диссертацию на соискание доктора экономических наук по теме «Проблемы планирования территориальной структуры промышленности района (на материалах Волго-Вятского экономического района)», а в апреле 1977 г. ему присвоено звание профессора [4, с. 252]. В 1980 году, благодаря усилиям П.А. Сидорова и В.А. Ильдеменова, был открыт первый тогда в университете и Чувашии диссертационный Совет по защите диссертаций по присвоению ученых степеней кандидата и доктора экономических наук. 10 июня 1980 года состоялась первая защита диссертации И.В. Львова «Совершенствование рентных отношений в строительстве».

В конце 1970-х гг. П.А. Сидоров стал секретарем парткома университета. Научный потенциал, человеческие параметры и жизненный опыт говорили о том, что П.А. Сидоров – человек большого размаха и возможностей [4, с. 252].

Когда в 1981 году первый ректор ЧГУ С.Ф. Сайкин подал заявление об уходе с этого поста по собственному желанию, кандидатура П.А. Сидорова в качестве приемника была одобрена коллективом университета. 17 июля 1981 г. Коллегия Минвуза СССР назначила его ректором Чувашского университета им. И.Н. Ульянова. К этому времени университет был уже авторитетным вузом со сложившимся профессорско-преподавательским составом, системой разных по профилю факультетов, хорошей материально-технической базой. Однако был необходим переход на новый уровень развития.

Одной из важнейших задач новый ректор считал повышение эффективности научно-исследовательской работы ученых университета. «ЧГУ почти не участвует в целевых комплексных программах министерств и промобъединений, не применяется сквозное планирование, предусматривающее двухсторонние обязательства завершения работ внедрением» [2] – указывал он в одном из своих выступлений. Необходимо было сосредоточить силы на главных направлениях: подготовке докторов и кандидатов наук, внедрении НИР, сочетании фундаментальных исследований с прикладными,

координировании работы ученых ЧГУ с НИИ АН СССР и министерств, поиске новых, более действенных форм, укрепления связи с производством [7].

П.А. Сидоровым были предприняты большие усилия по соединению инженерного образования с производственной деятельностью промышленных, строительных и других предприятий, с работой научных и проектно-конструкторских подразделений. Были созданы филиалы кафедр на заводах ЧЗПТ, Электроприбор, ЧАЗ, Текстильмаш, ЧЭАЗ и др. Таким образом, была расширена совместная производственная база. Появились студенты, которые принимались по направлению промышленных предприятий [4, с. 254].

П.А. Сидоров неоднократно говорил о решающей роли кафедры в организации учебно-воспитательного процесса и научных исследований. Он считал необходимым поддерживать и укреплять самостоятельность кафедр [7]. В то же время он считал: «...Нельзя нам, профессорам, считать себя стоящими где-то на горе, а внизу – студенты. Нужно чтобы они во взаимоотношениях с преподавателем чувствовали себя на равных, раскрепощенными, чувствовали к себе уважение...». В 1990 году, уходя с поста ректора, он вспоминал: «Постоянно старался быть внимательным к студентам. На приемах по многим вопросам их <...> через меня прошло много тысяч. Бывало, что и откладывал в решении конкретных вопросов, чего-то просто не мог решить из-за отсутствия ресурсов, из-за несогласия по принципиальным вопросам. Думаю, что нельзя быть просто добреньким, решать надо справедливо» [5].

Немало внимания П.А. Сидоров уделял повышению престижа преподавателей. Профессор Д.Д. Ивлев писал: «Первое, о чем надо сказать, это уважение Петра Александровича к профессорам. Он отлично понимал, что движущей силой университета являются профессора, отсюда его внимание к профессорскому корпусу. Не забывал он и доцентов, и преподавателей, но именно при нем «лед тронулся», «поголовье» профессоров – докторов науки – в университете выросло почти вдвое. В этом его заслуга, его радость и гордость» [4, с. 254].

В университете быстро росло количество студентов. Так, в 1990 году в ЧГУ обучалось 1397 студентов очного отделения, 629 – вечернего и 422 заочного. Т.е. всего студентами ЧГУ было 2448 человек, что на 408 человек больше, чем обучалось в

1990 году в Горьковском государственном университете. Быстрыми темпами шла компьютеризация обучения, в новом корпусе появился филиал Вычислительного центра ЧГУ, расширилось число компьютерных классов и лабораторий по физике [5].

Заслугой П.А. Сидорова стала организация строительство новой площадки корпусов ЧГУ по ул. Университетской. Хотя проект этих зданий готовился еще в 1979 году, именно при новом ректоре в строй были введены корпус I, корпус II, здание научной библиотеки и Дворец культуры ЧГУ. Всего было введено в строй 21 тыс. м² производственных площадей, что значительно увеличило материальную базу университета [5]. Были расширены на основе реконструкции действующие корпуса, введены в строй три общежития студенческого городка. С декабря 1983 года в университете стал действовать студенческий санаторий-профилакторий на 100 мест. В плане было строительство спорткомплекса и общежития на 1000 мест. Вокруг нового комплекса ЧГУ должен был возникнуть настоящий университетский кампус. Кроме того, был разработан проект строительства между корпусами «Б» и «В» высотного здания [5]. Когда в 1988 году проходило переизбрание П.А. Сидорова на пост ректора, он получил поддержку всех факультетов и кафедр, 75% голосов членов Ученого Совета было отдано за него.

Однако в годы перестройки возникли сложности с осуществлением намеченных планов. Количество студентов продолжало увеличиваться, а ввод в эксплуатацию новых площадей замедлился. Это привело к тому, что на одного студента приходилось всего 12 м² учебной площади при норме 18 м². Критическое положение сложилось с обеспечением студентов местами в общежитии. В 1989 г университету должно было быть передано общежитие с блоком для семейных студентов в юго-западном районе г. Чебоксары. В профкомах студентов и сотрудников начали готовить списки нуждающихся и ордера на заселение. Однако 21 марта 1990 г. горисполком г. Чебоксары отменил предстоящее постановление и отобрал это общежитие, построенное на средства университета [3].

Выступая на Ученом Совете ЧГУ 31 мая 1990 г. П.А Сидоров был возмущен тем, что «командно-административной системой» ректор «в грубой форме был сломлен». «Признаюсь, что такое насилие меня подорвало, понял, что моих сил на такую тяжелую

работу недостаточно» [5]. Кроме того, по его словам, «противоречивые условия перестройки» привели к ряду негативных моментов: принижению роли профессорско-преподавательского состава в подготовке и воспитании кадров. «Мы столкнулись с ростом волны некомпетентности, с тем, что напористость и крикливость подменяют знания, убежденность – отмечал П.А. Сидоров. – Особенно тяжело я воспринимаю падение у молодежи интереса к хорошей учебе <...>. Поднялась волна преступности, проникающая в вузы. Практически на нет, сошел авторитет комсомола. Тяжелые проблемы возникли в связи с наметившейся тенденцией к падению уровня народа [5].

П.А Сидоров просил принять его отставку с поста ректора: «Высшей школе становится очень трудно, трудно и повседневно ею руководить. Пришел к выводу, что сил моих и знаний для этого уже недостаточно, я не успеваю за быстро меняющейся жизнью» [5]. Так Петр Александрович решил уступить дорогу молодым. В сентябре 1990 г ректором ЧГУ был избран Л.П. Кураков.

С сентября 1990 года П.А. Сидоров становится профессором кафедры экономики народного хозяйства на экономическом факультете. Он решил осуществить свою давнюю мечту – открыть в университете специальность «География». В результате, на историческом факультете появилась кафедра физической географии, а затем – кафедра социально-экономической географии, которую он возглавлял до последних дней своей жизни.

Петр Александрович успешно сочетал учебно-методическую и организаторскую работу с научно-исследовательской. Им было опубликовано 130 научных работ, 11 монографий и более 20 учебно-методических пособий. Под его руководством выполнялись крупные исследования по прогнозированию экономического роста Чувашской Республики и Волго-Вятского региона [4, с. 256].

Жизнь П. А. Сидорова оборвалась внезапно, в результате несчастного случая 12 ноября 1995 года. Заслуги П.А. Сидорова перед отечественной наукой, перед чувашским народом в деле образования и воспитания молодого поколения по достоинству оценены. Ему присвоены звания академика Академии Наук Чувашской Республики (1992), Почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской АССР» (1990). Он награжден орденами Отече-

ственной войны 2 степени, Дружбы народов, юбилейными медалями за победу в Великой Отечественной войне, почетными грамотами Верховного Совета Чувашской АССР, знаками отличия министерства высшего и среднего специального образования РФ «Отличник высшего образования РФ» (1986), «Почетный работник высшего образования РФ» (1995) [4, с. 258].

В памяти коллег и учеников он остался как блестящий ученый, хороший организатор, любимый студентами преподаватель и человек высоких нравственных качеств. Профессор Е.А. Арчиков писал: «Следует отметить прекрасные человеческие качества П.А. Сидорова, его глубокую интеллигентность, неизменную доброжелательность, корректность в научных дискуссиях и выступлениях по любому вопросу» [4, с. 253]. Один из учеников П.А. Сидорова профессор Л.Н. Толстов вспоминал: «Петр Александрович обладал большой трудоспособностью, проявлял настойчивость и целеустремленность. На лекциях и практических занятиях, спецкурсах вооружал студентов глубокими теоретическими знаниями, развивал самостоятельное мышление, творческий подход к решению выдвигаемых задач» [8]. Е.С. Сидорова и А.Е. Яковлев отмечают: «Его отличали не только широкая эрудиция, но и целеустремленность, потребность постоянно учиться, много знать, делиться своими знаниями и умением со всеми, кто его окружал» [4, с. 244].

Лучшей памятью о П.А. Сидорове является продолжение главного дела его жизни – процветание родного университета.

Список литературы

1. Львов И.В. Воспоминания от 10.12.2015 // Полевые исследования автора.
2. НИР – высокую эффективность // Ульяновец. – 1981. – №5 (510).
3. Обращение профсоюзных организаций, студентов и сотрудников Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова к советским и профсоюзным органам города и республики // Личный архив М.П. Мурзина.
4. Сидорова Е.С. Рынок к качеству образования / Е.С. Сидорова, А.Е. Яковлев // Организаторы науки и образования. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2008. – С. 244–258.
5. Сидоров П.А. Выступление на Ученом Совете ЧГУ: 31.05.1990 г. // Музей ЧГУ имени И.Н. Ульянова.
6. Трифонова З.А. Биография и география Петра Александровича Сидорова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 224–229.

7. Ульяновец. – 1981. – №5 (510).

8. Ульяновец. – 1995. – №44 (1054).

9. Яковлева А.В. О первом наборе студентов экономического факультета // Кафедре региональной экономики 45 лет [Буклет]. – Чебоксары, 2012. – 57 с.

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Иванов Ананий Герасимович

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ГАЗЕТА «УЛЬЯНОВЕЦ» КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ЦЕНТР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ

Аннотация: как отмечает автор данной статьи, газета «Ульяновец» сыграла большую роль в формировании корпоративных традиций трудового коллектива ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Она способствовала выработке общих жизненных и профессиональных ценностей и ориентиров.

Ключевые слова: средства массовой информации, университетская корпорация, коллектив преподавателей, редакция, журналистика.

Роль СМИ в жизни современного общества достаточно давно является предметом научного изучения. Рост их прямого влияния на уровень культурного, политического, экономического состояния социума сегодня отмечается абсолютным большинством исследователей проблемы. В этой связи следует особо обращать внимание на облик целевой аудитории средства массовой информации (если таковая имеется). В нашем случае мы должны изначально предполагать общий высокий уровень образования аудитории, социальной ответственности, владения профессией и научными знаниями, ведь речь идет об элите педагогической и научной мысли – преподавателях.

Несмотря на обладание явными базовыми характерными чертами, способствующими формированию полноценной профессиональной и интеллектуальной корпорации, было бы ошибочным считать ее представителей как нечто абсолютно единое целое. Для превращения трудового коллектива, объединенного по принципу принадлежности к общему месту работы, требуется прежде всего выработка чувства прямой сопричастности к делам, принципам, функциональным особенностям данной корпорации. Ее члены должны сознательно причислять себя к составу корпорации, ощущая общность интересов, жизненных ценностей, целей. Подобная эволюция может занимать большой период времени и не всегда фиксируется самими участниками процесса. Средство массовой информации играет в его ходе не последнюю роль.

Газета «Ульяновец» Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в этом отношении не является исключением. Она родилась как обычная ведомственная многотиражная газета. Уже общеизвестным фактом стала дата выхода первого номера газеты – 10 апреля 1968 г. А собственно первой статьей в газете можно считать статью первого ректора ЧГУ им. И.Н. Ульянова доктора технических наук С.Ф. Сайкина. Она называлась «В добрый путь!». Статья содержала напутственное обращение первого руководителя вуза к его детищу: «Пусть она растет и шагает в ногу с жизнью, в ногу с университетом и как живой участник и свидетель всех событий и этапов развития университета, пронесет наши дела, планы и мечты через годы и десятилетия, как эстафету к следующим поколениям студентов» [1]. Всего в первый год существования газеты вышли в свет 29 ее номеров. Уже в первый год был открыт ряд рубрик, ставших впоследствии традиционными: «Воспитанники университета», «Отличники учебы», «Из истории университета», «Спортклуб сообщает», «Университетские новости». Газета в те первые годы существования выходила исключительно на 2-х полосах.

Редакторами газеты были известнейшие в будущем журналисты республики. Таким был, например, первый редактор «Ульяновца» – Арсений Васильевич Изоркин. Ко времени своего приглашения на эту работу он уже имел за своими плечами солидный профессиональный

опыт. После окончания учебы на факультете журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова работал в Ядринской районной газете, газете Чебоксарского производственного округа, объединенной редакции республиканских газет [2, с. 8]. Предложение возглавить университетскую газету Арсений Васильевич получил из Чувашского обкома КПСС, прямо заинтересованного в успешном развитии флагамена высшего образования в республике.

Традиции прошлого развивает современный состав редакции под руководством Олеси Витальевны Герасимовой. Коллектив корреспондентов продолжает свой творческий поиск, освещая все значимые события в жизни преподавательского и студенческого коллектива университета. Работа коллектива редакции значительно усложнилась. Повысились требования к оформлению газеты, сегодня нередки ее выпуски на 6, 8 и даже 12 полосах.

Легко заметить, какой значительный путь за эти годы прошла главная газета Чувашского госуниверситета. Конечно за это время многое в ней изменилось. Многие из редакторов, например, указывают на идеологическое давление, которое существовало в их нелегком деле в 60–70-е гг. Это было обычным явлением в журналистской деятельности тех лет. Тем не менее, всегда в важной составляющей работы редакции был творческий поиск, ориентир на реалии дня, подбор и обновление коллектива авторов, желающих проявить себя на журналистской стезе. Поэтому вокруг газеты всегда действовали творческие объединения, кружки студентов и преподавателей, филологов и журналистов, просто интересующихся жизнью университета.

В наши дни газета стала современным высокопрофессиональным корпоративным изданием, мобильно реагирующим на те запросы, которые возникают в деятельности коллектива университета. Неизменным осталось главное – газета осталась неотъемлемой частью жизни каждого преподавателя и большей части студентов.

Список литературы

1. Сайкин С.Ф. В добрый путь! // Ульяновец. – 1968. – 10 апреля.
2. Симулин А.М. Одаренный исследователь // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2002. – С. 5–16.

Краснова Марина Николаевна

канд. филос. наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Иванов Алексей Ананьевич

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА)

***Аннотация:** статья посвящена рассмотрению влияния международных связей ЧГУ им. И.Н. Ульянова на подготовку кадров в настоящее время. Автором выделяются основные формы международного сотрудничества, сложности в их реализации. Результатом исследования является вывод о необходимости развития международного сотрудничества, создания условий его развития как факторов повышения квалификации и конкурентоспособности трудовых ресурсов в Чувашской Республике.*

***Ключевые слова:** международное сотрудничество, формы сотрудничества, международные договора, соглашения, конференции.*

Международное сотрудничество является сегодня не только эффективным средством повышения качества результатов научно-образовательной деятельности и конкурентоспособности вуза по приоритетным направлениям развития науки и техники, но и повышения качества трудовых ресурсов. Международная деятельность становится неотъемлемой частью общей стратегии развития ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» и служит целям активизации вхождения Университета в мировое и образовательное пространство. Это также важно в подготовке специалистов на современном этапе.

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова – активный участник международного образовательного, научного и

культурного сотрудничества. Сегодня университет поддерживает договорные отношения с более чем 50 зарубежными партнерами. Международное сотрудничество университета имеет корни с самого его открытия. Как они складывались до 90-х г. XX века рассмотрено в предыдущих статьях автора [3]. Важное место в международных связях университета принадлежит вузам стран ближнего зарубежья. На 2015 г. университет заключил и поддерживает договорные отношения с 10 вузами из стран СНГ (Белоруссия, Украина, Армения, Таджикистан, Казахстан и Туркменистан). Инициаторами международных контактов часто является профессорско-преподавательский состав нашего университета.

Университет сотрудничает с различными международными региональными и национальными организациями, фондами и программами в области образования и науки. Укрепляются и расширяются связи нашего университета с генеральными консульствами и посольствами различных государств мира.

В Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова реализуется ряд крупных проектов с участием авторитетных международных организаций и фондов, научно-образовательными учреждениями Европы, Америки и Азии. Наличие грантов, получаемых университетом от международных фондов и программ являются свидетельством международного признания Чувашского государственного университета.

Основными формами международного сотрудничества ЧГУ им. И.Н. Ульянова на современном этапе являются:

- 1) обучение иностранных студентов в университете;
- 2) работа и стажировки зарубежных ученых, преподавателей в ЧГУ;
- 3) стажировки преподавателей и студентов ЧГУ, участие в международных конференциях в Российской Федерации и за рубежом;
- 4) проведение встреч, заключение договоров и соглашений с зарубежными предприятиями и образовательными учреждениями;
- 5) организация международных конференций в ЧГУ.

Все эти формы способствуют подготовке кадров как для собственной республики, страны, а также других стран.

Университет находится на рынке экспорта образовательных услуг с 1991 года. К 2014 г. диплом Университета о высшем профессиональном образовании получили более 400 иностранных граждан из 30 государств дальнего и 7 ближнего зарубежья по

17 специальностям высшего профессионального образования. За прошедшие годы возросла значимость Чувашского государственного университета на международном рынке образовательных услуг и его привлекательность для иностранных студентов. Как подтверждение возросшего международного статуса университета существенно увеличилось число иностранных граждан из различных регионов мира, обучающихся в Чувашском государственном университете. Расширяется и география стран, откуда приезжают обучаться [4].

В рамках образовательных, культурных и деловых проектов с зарубежными партнерами проходят открытые лекции, встречи, подписываются договора и соглашения. Количество их ежегодно растет. В 2010–2015 гг. на стажировке, для чтения лекций в ЧГУ побывали профессор из Германии Вольф Дитер Гримм, гражданин Германии Роберт Лук [4], декан исторического факультета Харьковского университета Бережная С.В [1], профессор Натан Найт, заведующий кафедрой истории университета Сетон-Холл, штат Нью-Джерси (США).

Для совершенствования профессиональной подготовки кадров полезен передовой зарубежной опыт. Российская Федерация продолжает интеграцию в мировое сообщество и это требует знакомство с особенностями развития других стран. Ежегодно увеличивается число представителей университета, принявших участие в международных конференциях, проводимых в таких странах как ФРГ, США, Франция, Ирландия, Армения, Греция, Казахстан, Австрия, Болгария, Нидерланды, Аргентина, Швейцария, Австралия, Украина, Италия, Таиланд, Доминиканская Республика, Белоруссия, Израиль, Польша, Китай, Австрия и др. Студенты участвуют в международных Олимпиадах. В 2013 году делегация студентов машиностроительного факультета выезжала в Шанхайский университет (КНР) для участия во 2-й международной олимпиаде по теории механизмов и машин, где заняла первое место среди иностранных команд-участниц [5].

Преподаватели и студенты участвуют в грантах для стажировок за границей. Благодаря грантам Германской службы академических обменов ДААД в 2014 г. в ЧГУ была организована Международная летняя школа ЧГУ: «Чебоксары – жемчужина России на Волге», а также студенты выезжали в Германию по программе «Ознакомительные студенческие поездки», а преподаватели на стажировку. Участие и проведение подобных мероприятий позво-

ляет студентам и преподавателям повысить свою профессиональную квалификацию, совершенствовать знание иностранного языка, налаживать международное сотрудничество, а также способствует тому, что вуз становится известным не только в России, но и за ее пределами. В аналогичных программах принимают участие преподаватели и студенты, организованных Анхойским университетом (Китай) [2]. С этим вузом у Чувашского госуниверситета завязались прочные связи. Осуществлены Дни Анхоя в Чувашии и Дни Чувашии в Анхое, проведено несколько совместных онлайн конференций (2015 г.), руководитель Центра по изучению России Ши Хуншэн в 2016 г. преподавал китайский язык.

Для обсуждения итогов научных исследований в университете регулярно проводятся международные научные и научно-методические конференции, в которых принимают участие специалисты из Франции, Германии, Норвегии, Швеции, США, Сербии, Черногории, Болгарии, Чехии, Словакии, Польши, Китая, Испании, Канады, стран СНГ и Балтии.

Налаживание международных связей и сотрудничества позволяет повысить квалификацию профессорско-преподавательского состава, их конкурентоспособность на рынке. Налаживание академической мобильности преподавателей и студентов является важным фактором в формировании квалифицированных кадров, которые могут реализоваться как в стране, так и за рубежом. Осознавая это, сотрудники и студенты Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова все чаще стали принимать участие на международных конференциях, форумах, встречах, круглых столах. За 2010–2015 гг. количество международных конференций, в которых принимают участие представители ЧГУ выросло более чем в 2 раза. Также в этот период увеличилось количество партнеров Чувашского госуниверситета со стороны иностранных предприятий.

Список литературы

1. В Чувашии празднуют Международный Фестиваль дружбы народов России и Украины... // Историко-географический факультет ЧГУ им. И.Н. Ульянова. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://igf.chuvsu.ru>
2. Краснова М.Н. Чувашско-китайское сотрудничество (на примере международных контактов между Чувашским государственным университетом и Анхойским университетом (КНР) / М.Н. Краснова, Линьци Ли // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сб. ст. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 135–140.

3. Краснова М.Н. Международные связи Чувашиского государственного университета им. И.Н. Ульянова в 1967 – 1990 гг. / М.Н. Краснова, А.В. Спиридонова // Университетское образование в полиэтнических регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сб. ст. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 441–453.

4. Отчет о самообследовании (по состоянию на 01.04.2014 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://100-edu.ru/doc/>

5. Студенты машиностроительного факультета ЧГУ участвуют во II Международной олимпиаде, проходящей в Шанхае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cheboksary.ru>

Надреева Людмила Львовна

канд. экон. наук, профессор

Долгов Александр Васильевич

ассистент

ФГБОУ ВПО «Казанский национальный
исследовательский технический
университет им. А.Н. Туполева-КАИ»
г. Казань, Республика Татарстан

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КОРПОРАЦИИ И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

***Аннотация:** современные условия накладывают на вузы новые, более современные требования к способам управления образовательным процессом, проведению занятий, постоянному обновлению методов обучения и внедрению новых форм коммуникаций между преподавателем и слушателем. Статья рассматривает использование в образовательном процессе интерактивных образовательных технологий, нацеленных на развитие трудового потенциала будущего работника и общества в целом.*

***Ключевые слова:** трудовой потенциал, университетская корпорация, дистанционное образование, интерактивная образовательная технология.*

Трудовой потенциал представляет собой совокупность всех способностей человека к труду и может быть рассмотрен на уровне отдельного человека, предприятия, города, области, всего общества.

Исходной структурообразующей единицей трудового потенциала является трудовой потенциал работника, составляющий основу формирования трудовых потенциалов более высоких структурных уровней.

Трудовой потенциал работника не является величиной постоянной, он непрерывно изменяется. Трудоспособность человека и накапливаемые в процессе трудовой деятельности созидательные способности работника возрастают по мере развития и совершенствования знаний и навыков, улучшения условий труда и жизнедеятельности.

Трудовой потенциал работника зависит от степени взаимного согласования в развитии психофизиологического, квалификационного и личностного потенциалов.

Развитие квалификационного потенциала достигается в первую очередь повышением качества образования, что требует модернизации высшего образования, превращения университетов в мощные образовательные, исследовательские и научно-производственные комплексы, предполагает совершенствование структуры университетской корпорации, ее содержания, системы управления.

При проведении модернизационных процессов необходим переход от иерархических моделей к матричным, сетевым, инновационным, предпринимательским моделям, повышающим эффективность функционирования университетских корпораций, восприимчивость к инновациям. Развитие университетской корпорации предусматривает модернизацию учебно-образовательной деятельности, ее критериев оценки, интеграцию образовательной и научно-исследовательской деятельности, совершенствование материально-технической и информационной базы, социально-культурной инфраструктуры, интеграцию в международное образовательное пространство. Условия современного этапа развития общества требуют усиления функций университетской корпорации по воспроизводству социокультурных ценностей, социальных инноваций.

Повышение качества образования в России, в свою очередь, тесно связано с необходимостью использования современных коммуникационных технологий [1, с. 693]. С помощью коммуникационных технологий студент имеет возможность в зависимости от

своих индивидуальных особенностей самостоятельно регулировать порядок изучения курса и скорость усвоения информации. За рубежом исследователи такие технологии называют интерактивными образовательными технологиями.

В настоящее время в Казанском национальном исследовательском технологическом университете применяется система Blackboard Learn. Система Blackboard Learn – американский продукт, существующий на рынке с 1998 г. В настоящее время используется в 65 странах мира, на российский рынок технология вышла в 2007 г.

В сравнении с другими системами дистанционного образования Blackboard обладает более полным набором инструментов доступа к обучающему материалу, группового обучения и оценки учеников.

Система Blackboard создает единую интерактивную среду для обучения, взаимодействия, обмена информацией между студентами и преподавателями на уровне университета. Технология Blackboard позволяет управлять виртуальной обучающей средой, предоставлять платформы для курсов дистанционного обучения, накапливать, структурировать, управлять доступом и пополнять образовательную базу. Система представляет собой набор высококачественных легко интегрируемых приложений с единой системой управления и масштабируемой архитектурой. Навигация пользователей между сервисами различных приложений системы осуществляется с помощью портала, обеспечивающего удаленный web-доступ к учебным курсам системы.

Система Blackboard Learn дает возможность создавать новые курсы и обучающие модули, строить учебные планы и контролировать их выполнение, управлять персональной информацией, создавать виртуальные классы, форумы, командные проекты и другие средства для взаимодействия, проводить опросы, анкетирование, осуществлять мониторинг успеваемости, проводить аттестации отслеживать развитие обучающегося (Grade center), генерировать отчеты по студентам, курсам, преподавателям и школам, создавать и настраивать персональные разделы пользователей [2, с. 150].

Наряду с системой Blackboard Learn огромный интерес с точки зрения возможностей для развития трудового потенциала представляет также онлайн-обучение. Определенные проблемы создает языковой барьер, но современные программы перевода текстов позволяют решить и эту проблему.

Первые онлайн-курсы прошли в 2008 г. в Университете Минитобы, США. Но массовое распространение они приобрели в последние годы с запуском проектов «большой тройки»: Coursera, Udacity и EdX, а также «Академия Хана» и Lynda.com. Для такой формы обучения существует специальный термин – Массивный открытый онлайн курс, MOOK (англ. Massive open online course, MOOC). Данные проекты позволяют получить знания по определенным направлениям бесплатно и не выходя из дома. Достаточно зарегистрироваться и выбрать дисциплину. Для получения сертификата об успешном окончании курсов нужно посмотреть видео, почитать материалы и выполнить задания онлайн. Данные программы позволяют общаться с другими слушателями, задавать вопросы читателям курсов, которыми являются преподаватели ведущих вузов разных стран. Можно найти курсы на разных языках, в том числе и на русском.

В последнее время появляются новые проекты: CanvasNovoED (США), Open2Study (Австралия), FutureLearn (Великобритания), Iversity (Германия).

Наибольший интерес россияне проявили к проекту Coursera. С 2013 г. участниками данного проекта стали и российские вузы: Московский физико-технический институт (МФТИ), НИУ Высшая школа экономики и Санкт-Петербургский государственный университет.

Есть и чисто российские проекты онлайн-курсов, например, Univeb и Eduson.

Таким образом, чтобы развивать трудовой потенциал общества, необходимо в первую очередь обращать внимание на систему образования [3, с. 37].

Развитие университетской корпорации, предусматривающее модернизацию учебно-образовательной деятельности, использование современных обучающих технологий будет способствовать развитию трудового потенциала работника и общества в целом.

Список литературы

1. Надреева Л.Л. Некоторые аспекты управления развитием персонала в инновационной среде / Л.Л. Надреева, А.Г. Баширова // Научное обозрение. – 2014. – №7–2. – С. 692–695.
2. Бакеева Й.Р. Применение дистанционной образовательной технологии «Blackboard» в вузе // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – Барнаул: АГУ, 2014. – №12. – С. 146–151.
3. Надреева Л.Л. Эффективное использование потенциала института высшего образования в целях построения национальной инновационной системы // Инновационное развитие экономики: российский и зарубежный опыт: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией О.Б. Казаковой, Н.А. Кузьминых, Э.И. Исхаковой. – Уфа, 2015. – С. 36–40.

Сорокина Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**РОЛЬ КАФЕДРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И СПОРТА В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

***Аннотация:** в данной статье автор рассматривает роль кафедры физической культуры в подготовке молодежи. Исследователь отмечает, что работа преподавателей кафедры направлена на укрепление здоровья студентов, повышение уровня их физической подготовленности и развитие профессионально важных физических качеств, формирование навыков здорового образа жизни и самостоятельной организации досуга средствами физической культуры.*

***Ключевые слова:** физическая культура, спорт, студенты, университет, учебные занятия, спартакиада, трудовая деятельность.*

Процесс подготовки студенческой молодежи к квалифицированному профессиональному труду является основной задачей любого образовательного учреждения. В этом процессе участвуют все структуры университетской корпорации. В данной статье рассматривается роль кафедры физической культуры и спорта в деле подготовки высококвалифицированных специалистов.

Кафедра физической культуры и спорта, разумно используя все формы физического воспитания, обеспечивает включение физической культуры в образ жизни студентов, достижение оптимального уровня физической активности. Этими формами являются как учебные занятия по физическому воспитанию, так и внеучебные занятия, к которым можно отнести физические упражнения в режиме учебного дня («минуты бодрости», «физкультминутки»), занятия в спортивных секциях, самостоятельные занятия физическими упражнениями, спортом и туризмом, а также массовые физкультурно-оздоровительные («Кросс наций», «Лыжня России», «День здоровья») и спортивные мероприятия [1, с. 4].

Используя все вышеперечисленные виды занятий физической культурой и спортом, имея хорошо оборудованные спортивные залы и стадионы, а также высокопрофессиональные кадры преподавателей и тренеров, кафедре по физическому воспитанию удалось добиться значительных успехов в деле физического воспитания студенческой молодежи.

Учебные занятия по физическому воспитанию проводились с первых дней работы Волжского филиала МЭИ в г. Чебоксары в далеком 1962 г. Самым первым дипломированным специалистом стала Л.А. Щедрина. Она проводила учебные занятия, вела спортивно-массовую работу со студентами и преподавателями, исполняла обязанности заведующего кафедрой физического воспитания. В 1967 г. на базе ВФ МЭИ и исторического факультета ЧГПИ им. И.Я. Яковлева был открыт Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Кафедра пополнилась молодыми специалистами. В разные годы свою трудовую деятельность здесь начинали О.А. Маркиянов, Ю.Г. Паршагин, В.Г. Волков, А.А. Смирнов. В последующие годы на кафедре успешно трудились мастера спорта Г.И. Савельев и Е.С. Савельева, И.М. Московкин, заслуженные тренеры Чувашии Г.Ф. Киселев и А.Х. Ермолаев, заслуженный тренер России В.Н. Краснов и другие. Кроме учебных занятий эти преподаватели вели спортивные секции, организовывали учебно-тренировочные сборы и семинары по подготовке общественных физкультурных кадров, проводили соревнования в вузе, областном совете студенческого спортивного общества «Буревестник» и республике. Они же организовывали строительство зимних и летних спортивных площадок при университете и спортивно-оздоровительном лагере.

Большое значение в жизни студентов играли спартакиады. Преподаватели кафедры физической культуры и спорта совместно со

спортивным клубом ежегодно проводили и проводят множество соревнований по программам спартакиад «Ульяновец», «Первокурсник» и между студенческими общежитиями. Также преподаватели ведут активную спортивно-массовую работу на факультетах, привлекая студентов к регулярным занятиям физкультурой и спортом, организуя их в команды по разным видам спорта и побуждая принимать участие в вышеуказанных спортивных мероприятиях. Наиболее массовыми являются соревнования по программе спартакиады «Ульяновец», на которых разыгрывается острая борьба за призовые места среди сборных команд факультетов по 23 видам спорта. Особой популярностью пользовалась легкоатлетическая эстафета на призы газеты «Ульяновец». Каждый год победители эстафеты менялись. В 1969 г. победила команда факультета электрификации промышленности, в 1973 г. первыми оказались студенты историко-филологического факультета, в 1974 г. – снова факультет электрификации промышленности, а вслед за ними медики. В 1988–1990 гг. переходящий кубок газеты «Ульяновец» находился на строительном факультете, что свидетельствовало о хорошей спортивной форме и настрое команды [2, с. 21]. Начиная с 1994 г. эту эстафету в основном выигрывали студенты медицинского факультета. Эстафетный пробег продолжает привлекать внимание студентов и поныне. Кафедра постоянно дополняет его программу новыми видами. Например, в последние годы проводятся забеги руководителей факультетов, что не замедлило сказаться на активности студентов. Также очень оживленно проходит забег семейных команд с участием семей студентов и преподавателей университета.

Значительное внимание кафедры и спортивный клуб обращают на спортивно-массовую работу по месту жительства студентов. С этой целью проводится спартакиада студенческих общежитий университета, включающая следующие виды спорта: дартс, перетягивание каната, волейбол, лыжная эстафета, шашки, настольный теннис. Виды спорта с годами менялись. Ранее это были футбол, гиревой спорт, легкоатлетическая эстафета.

Большой популярностью пользовалась также спартакиада «Первокурсник», проводившаяся по следующим видам: шашки, шахматы, легкоатлетический кросс, лыжные гонки, волейбол, футбол. Сейчас эта спартакиада включает 15 видов спорта. Так, в 1977 г. победителями этих состязаний стали студенты физико-ма-

тематического факультета, на втором месте оказались первокурсники химического факультета, а студенты общетехнического факультета заняли почетное третье место. В 1984 г. пьедестал почета заняли студенты факультета электрификации и автоматизации промышленности, строительного и электротехнического факультетов. В 1986 г. уверенную победу одержала дружная команда медицинского факультета [3, с. 23].

Руководство университета большое внимание обращало на участие студентов и преподавателей в сдаче нормативов комплекса ГТО. Преподаватели кафедры являлись активными организаторами связанных с этим комплексом мероприятий. К сожалению, в 90-е годы прошлого века в связи с происходящими в стране событиями это замечательное движение было забыто. В 2014 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал указ о возрождении системы «Готов к труду и обороне», благодаря которому выросло не одно поколение активных здоровых людей. Университет одним из первых в республике стал внедрять в жизнь студентов и профессорско-преподавательского состава новые нормы ГТО. Еще в 2014 г. кафедра по физической культуре и спорту и спортивный клуб организовали пробные соревнования по сдаче нормативов ГТО среди студентов, преподавателей и сотрудников. В 2015 г. нормы ГТО сдали 450 студентов и более 300 преподавателей и сотрудников.

Проведением всех вышеперечисленных и многих других мероприятий спортивные организации вуза преследуют множество целей. Эти мероприятия заполняют досуг студентов, делая их жизнь интересной и содержательной, позволяют пробовать себя в разных видах спорта, дают возможность серьезно заниматься спортом. В дальнейшем эти студенты участвуют в первенствах города и республики, а самые целеустремленные идут дальше. Таких примеров в истории университетского спорта много. Готовясь к многочисленным соревнованиям и участвуя в них, студенты укрепляют свое здоровье, совершенствуют свою физическую форму. Нельзя забывать, что, учась сочетать учебные, научные и спортивные занятия, студенты получают хорошую закалку для будущей трудовой деятельности. Также, что немаловажно, они получают навыки самостоятельной организации досуга с использованием средств физической культуры и спорта. Кроме того, тренировки и участие в соревнованиях формируют у студентов чувство коллективизма, товарищества, гордости за принадлежность к своей команде, вузу,

спортивному обществу, воспитывают такие важные качества, как упорство в достижении целей, ответственность – перед своими друзьями, командой, Родиной.

Таким образом, преподаватели кафедры физической культуры и спорта с первых дней возникновения университета, ведя активную физкультурно-оздоровительную и спортивную работу со студентами, достойно участвуют в подготовке будущих специалистов.

Список литературы

1. Маркиянов О.А. Физическое воспитание в вузе / О.А. Маркиянов, А.И. Орлов, Т.А. Трофимова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – 130 с.
2. Николаев Ю.М. Спортивная жизнь Чувашского государственного университета: возможности и достижения (1960–1980-е годы) / Ю.М. Николаев. – Чебоксары: Клио, 2003. – 60 с.

Харламов Евгений Васильевич

д-р мед. наук, профессор, заведующий кафедрой

Склярова Елена Константиновна

канд. ист. наук, доцент

ГБОУ ВПО «Ростовский государственный медицинский
университет» Минздрава России
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

**ПЁТР ПЕТРОВИЧ КОВАЛЕНКО –
ВЫПУСКНИК «ОГНЕННОГО ВЫПУСКА» 1941 г.
И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРОФКОМА РОСТОВСКОГО
МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА**

***Аннотация:** авторами на основе историко-генетического метода предпринята попытка дополнить биографические исследования выпускника «Огненного выпуска» 1941 года П.П. Коваленко, рассматривая его деятельность в контексте Великой Отечественной войны, работы в качестве председателя Профкома РостГМУ.*

***Ключевые слова:** Огненный выпуск, 1941 год, Великая Отечественная война, РГМУ, профсоюзный комитет, деонтология.*

Актуальность исследования деонтологии жизни Петра Петровича Коваленко обусловлена необходимостью обобщения имеющихся документов и исследований, посвящённых этому «Человеку

труда». Так его мы называем впервые. До этого в большинстве исследований его деятельность рассматривалась с позиций хирургии, деонтологии [1], 100-летия Ростовского (Варшавского) [2] университета [3]. На основе историко-генетического метода предпринята попытка дополнить эти исследования, рассматривая его деятельность в контексте Великой Отечественной войны [4], работы в качестве председателя Профкома и ректора РостГМУ.

Пётр Петрович Коваленко (1919–2008) стал гордостью Ростовского медицинского института ещё в годы Великой Отечественной войны. Студент-выпускник «Огненного выпуска» 1941 г., военно-полевой хирург, председатель профкома и ректор Ростовского мединститута, Лауреат Государственной премии СССР, Заслуженный деятель науки РСФСР, член-корреспондент АМН СССР, доктор медицинских наук, профессор. Он досрочно окончил Ростовский мединститут в связи с началом Великой Отечественной войны. На фронте в военно-полевых условиях вчерашний студент проводил сложнейшие операции на кишечнике, сердце, лёгких.

Молодой хирург принимал участи в боях за освобождение Крыма, Прибалтики. В боях за освобождение Севастополя, будучи уже начальником медсанбата, в течение многих суток в прифронтовых условиях, не покидая операционную палату, оказывал помощь раненым. Позже многие из них с благодарностью вспоминали молодого майора медицинской службы. П.П. Коваленко участвовал в боевых действиях, занимая должности старшего врача стрелкового полка (1941–1942 гг.), командира медсанбата в составе стрелковых дивизий Южного фронта (в 1942–1945 гг.). В мае 1945 г., получив приказ принять военные лазареты немцев в городе Либаве (Лиепая), собрал немецких врачей и навёл порядок в немецких лазаретах, спасая жизни раненым. День Победы выпускник «Огненного выпуска» встретил в звании майора медицинской службы. Член профкома РостГМУ В.Л. Капустянский, зная его лично, в стихах отмечал: «Майор медслужбы начал с рядового, был выше всех, но вновь хотел расти, чтоб бой вести за каждого больного» [5].

После войны П.П. Коваленко работал ординатором, ассистентом, затем доцентом кафедры госпитальной хирургии. Под руководством профессора З.И. Карташева защитил кандидатскую диссертацию, а затем докторскую. Научные исследования отражали актуальные вопросы консервирования и трансплантации трупных тканей в восстановительно-пластической хирургии. С 1957 г. П.П. Коваленко возглавив кафедру общей хирургии, одним из первых в СССР организовал при ЦГБ Ростова-на-Дону региональный тканевый банк, обеспечивающий донорскими тканями больницы Северного Кавказа.

В 1960–1970-х гг. П.П. Коваленко по обмену опытом представлял СССР в Румынии, ГДР. В 1959–1963 гг., пройдя все ступени карьерного роста, бывший фронтовик, «Человек труда» заслуженно стал ректором Ростовского мединститута. Его ученики возглавили хирургические отделения вузов России, а также Сирии, Бангладеш, Нигерии, Непала, Ливана, Кипра), стран СНГ (Грузии, Украине, Азербайджане, Узбекистане).

В 1951 г. выпускник «Огненного выпуска» [6; 7] «был избран Председателем профсоюзного комитета Ростовского медицинского института» [8]. Именно эта общественная организация после распада СССР сохранила своё значение для обеспечения профессиональной защиты трудовых коллективов России. Человек труда награждён орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», им. Н.И. Пирогова [9]. «Человек труда» стал Почётным гражданином Ростова-на-Дону.

Список литературы

1. Харламов Е.В. Деонтология жизни / Е.В. Харламов, О.Ф. Киселёва, Е.К. Складорова. – Ростов н/Д: Мини Тайп, 2014. – 244 с.
2. Складорова Е.К. Международные аспекты и социо-медицинские последствия Отечественной войны 1812 года / Е.К. Складорова, Е.В. Харламов // Гуманитарные и социально-экономические науки. СКНЦ ВШ ЮФУ. – 2012. – №4. – С. 77–80.
3. Харламов Е.В. 50 лет с Alma Mater / Е.В. Харламов, Е.К. Складорова, О.Ф. Киселёва, Ю.А. Сидоренко. – Ростов н/Д: ГБОУ ВПО РостГМУ МЗ РФ, 2015. – 184 с.
4. Складорова Е.К. Ростовский государственный медицинский университет в годы Великой Отечественной войны / Е.К. Складорова, Е.В. Чаплыгина, О.Н. Камалова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – №2. – С. 73–77.
5. Капустянский В. Л. Неполное собрание полного человека. – Ростов н/Д, 2013. – С. 277–279.
6. Складорова Е.К. История медицины / Е.К. Складорова, Л.В. Жаров. – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – С. 337–339.
7. Складорова Е.К. История фармации / Е.К. Складорова, Л.В. Жаров, Т.Г. Дергусова. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – С. 303–304.
8. Харламов Е.В. Профсоюз ростовского государственного медицинского университета / Е.В. Харламов, Е.К. Складорова, Ю.А. Сидоренко. – Ростов н/Д: ГБОУ ВПО РостГМУ МЗ РФ, 2014. – С. 65–66.
9. Складорова Е.К. От Варшавского университета до РостГМУ: история вуза в коллекциях библиотек и музеев Ростовского государственного медицинского университета (к 100-летию высшего медицинского образования на Дону) / Е.К. Складорова, Е.В. Чаплыгина, Е.В. Харламов, Л.В. Жаров // История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев: Материалы II межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Волгоградского государственного медицинского университета / Главный редактор В.И. Петров. – Волгоград, 2015. – С. 128–131.

Юстус Татьяна Владимировна

канд. ист. наук, доцент

Андреева Алла Андреевна

аспирант

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИЗ ИСТОРИИ ТРУДОВОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЧУВАШСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА

***Аннотация:** в статье раскрывается исторический опыт осуществления воспитательной деятельности в системе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Авторами рассматриваются основные этапы, особенности, формы, методы, направления и мероприятия трудового воспитания студенческой молодежи. Методы приобщения студенческой молодежи к общественно-полезному труду советского времени и сегодня помогают в проведении воспитательного процесса в системе университета и формировании конкурентоспособной личности в современных условиях.*

***Ключевые слова:** история, труд, воспитание, студенческая молодежь, строительные отряды, гражданственность, патриотизм.*

Воспитание студента в условиях современного вуза – одна из главнейших категорий педагогики высшей школы и является неотъемлемой частью образовательного процесса. Именно воспитание молодежи закладывает в человека общественные желания, а они являются основной почвой дальнейшего развития общества и государства. Личность студента, будущего специалиста формируется под воздействием политического, социально-экономического и культурного уклада жизни общества.

Трудовое воспитание является неотъемлемой частью воспитательного процесса студенческой молодежи в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова. Оно лежит в основе эффективного взаимодействия гражданского и нравственного воспитания, состав-

ляет психологический фундамент творческой активности и продуктивности в учебной деятельности, в физкультуре и спорте, в художественной самодеятельности и в общественной деятельности.

Основными направлениями трудового воспитания студентов является их участие в строительных студенческих отрядах, общественно-полезной работе, в субботниках по уборке территорий вуза, района и города, реализующиеся в процессе всей образовательной системы университета.

Исторический опыт организации трудового воспитания свидетельствует о том, что данное направление всегда было актуально в стенах вуза. Студенты университета с большим энтузиазмом принимали участие во всех мероприятиях, связанных с общественно-полезным трудом, направленный на строительство и благоустройство окружающей среды.

В 1970–1980-е годы огромную роль в становлении мировоззрений, гражданственности и патриотизма молодежи играли студенческие строительные отряды (ССО), которые сформировались еще на базе Волжского филиала энергетического института в 1964 году. Они стали школой трудового воспитания, общественно-политической активности студентов. Главное в этом движении – возможность каждого ощутить себя продолжением истории Ленинского комсомола, увидеть свою полезность обществу, свое место в рабочем строительстве коммунизма [1].

За двенадцать лет своей деятельности студенческие строительные отряды стали эффективной формой трудового воспитания студенчества университета. Стройотряд за это время превратились в школу конкретного применения знаний на практике. Новым в деятельности ССО ЧГУ с 1976 года являлось то, что факультетские фирменные отряды закреплялись за определенными районами республики [2].

К работе студенческих строительных отрядов относились очень серьезно, разворачивались подлинно социалистические соревнования за выполнение плана строительно-монтажных работ, за качество, за экономию и бережливость под девизом: «Пятилетке – ударный труд студентов» [1]. Об этом свидетельствует выступление ректора университета С.Ф. Сайкина, посвященное XXV съезду КПСС, на котором были оглашены основные задачи студенчества университета. За время летних каникул нужно было занять общественно-полезным трудом каждого студента университета. Сфор-

мировать студенческий строительный отряд численностью не менее чем тысяча человек, добиться повышения качества работы и увеличения выработки [4, с. 321].

ССО оказывали большую помощь строителям, колхозам, совхозам, предприятиям города, республики и других областей. Студенческие строительные отряды работали в Чувашской и Тувинской АССР, Алтайском крае. Так же строительные отряды работали и были заняты на строительстве университетских объектов, например, университетской столовой и машиностроительного корпуса. В селах отрядами выполнялись строительно-монтажные работы. Отряды в системе Министерства коммунального хозяйства РСФСР и Министерства легкой промышленности СССР занимались строительством комбинатов бытового обслуживания для колхозов и совхозов [5].

Участники ССО университета трудились на важнейших стройках республики – строительстве Чебоксарского завода промышленных тракторов, крупных животноводческих комплексов, также, в г. Астрахани, в Молдавии, в г. Эгере Венгерской Народной Республики. Большую работу строительные отряды университета вели в электрификации республики, Волгоградской и Саратовской областей, Норильска, а также в строительстве Усть-Илимском ГЭС.

Среди студенческих строительных отрядов особое внимание было обращено на их участие в общественной деятельности. Студенты читали лекции, направленные на коммунистическое просвещение населения республики, давали концерты, передавали в сельские школы книги художественной литературы и методические пособия, организовывали консультативные пункты, а также привлекали к совместным работам трудных подростков.

В Чувашском государственном университете существовали следующие студенческие строительные отряды: «Прометей», сформированный на историко-филологическом факультете; «Сириус», обслуживающий поезда, следовавших по маршруту Чебоксары–Москва; «Спектр», «Импульс», «Квант», «Электрон», сформированные техническими факультетами и др.

Помимо основных работ на стройках, студенты помогали колхозам и совхозам Чувашской АССР в уборке и заготовке сена и фуража, в уборке овощей, соломы, хмеля, картофеля и других сельскохозяйственных культур. Студенческие отряды университета вносили большой вклад в битву за урожай.

За активную и качественную работу директора и главные агрономы совхозов периодически выражали свою благодарность студентам Чувашского государственного университета. Вот что пишет в редакцию газеты «Ульяновец» директор совхоза «Знамя» Цивильского района В. Кульметьев: «На уборку картофеля мы приглашали студентов ЧГУ им. И.Н. Ульянова. У нас работали четыре группы первого курса электротехнического университета. Несмотря на тяжелые погодные условия, студенты успешно справились с поставленной перед ними задачей. Шла в полном смысле слова битва за урожай <...> помощь совхозу в спасении урожая неоценима. Студенты вручную выкопали картофель на площади 30 гектаров и вывезли с площади 19 гектаров. С их помощью мы завершили уборку картофеля. Особо отличившиеся студенты награждены Почетными грамотами и ценными подарками. Коллектив совхоза выражает сердечную благодарность всем активным участникам уборки урожая в совхозе» [6].

Периодически в университете проходили Всесоюзные коммунистические субботники, посвященные годовщине со дня рождения В.И. Ленина. В них принимали участие студенты, преподаватели и сотрудники вуза. В этот день проходила уборка территории и помещений университета, посадка деревьев и кустарников, разбивка газонов, строительство важных объектов города. Для проведения данных работ на высоком и качественном уровне в университет выходили специальные распоряжения ректора, согласно которым начальники штабов по организации субботников должны были уточнять закрепленные территории и объекты, устанавливать контакты с работниками хозяйства в целях удовлетворения участников субботника инструментами. По окончании работ докладывалось о выполненной работе преподавателю центрального штаба по организации субботника согласно прилагаемой форме рапорта [3].

Что касается современной системы трудового воспитания, то она не во многом, но все же отличается от той работы, которую выполняли советские студенты. На сегодняшний день основные формы трудового воспитания остались прежними, за исключением того, что выезды в колхозы и совхозы на уборку урожая прекращены. Хотя еще буквально семь лет назад студенты факультета чувашской филологии и культуры работали на уборке овощей в сельскохозяйственном кооперативе «Атлашевский» Чебоксарского района [8].

В Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова существует штаб студенческих трудовых отрядов. В его состав входят: педагогический отряд «ЧуГУнОк», сервисный отряд «Пегас», строительный отряд и для любителей путешествовать создан отряд проводников РЖД.

Педагогический отряд «ЧуГУнОк» – это молодой, динамичный творческий коллектив. Занятия в Школе вожатского мастерства ЧГУ – это не скучные лекции, а игры и тренинги, позволяющие познакомиться и подружиться, танцы, песни и художественные мастер-классы, объединяющие студенческий коллектив. Для того чтобы стать вожатым, необходимо пройти бесплатный курс вожатского мастерства, где каждого научат, как работать с детьми. Оформление на работу осуществляется согласно ТК РФ. По окончании летнего трудового сезона лучшим бойцам вручаются благодарности.

Педагогический отряд «ЧуГУнОк» – самый многочисленный и взрослый студенческий трудовой отряд университета. Педотряд является одним из успешных педагогических отрядов Чувашской Республики. Руководителем педотряда на сегодняшний день является выпускник ЧГУ Сергеев Владимир Анатольевич (согласно протоколу-совещания Студенческого совета ЧГУ №1 от 14.02.2011 г.) [7].

В 2013 году был образован сервисный отряд «Волна», в последующем переименованный в «Пегас» в честь педагогического отряда ЧГУ, который прекратил свое существование в 2006 году.

Сервисный отряд «Пегас» – самый молодой, но перспективный трудовой отряд ЧГУ. Официант, работник кухни, горничная и грузчик – эти профессии сервисного обслуживания предоставляются для выбора студентам. Оформление на работу осуществляется согласно ТК РФ. По окончании летнего трудового сезона лучшим бойцам вручаются благодарности.

Сервисный отряд «Пегас» выезжает для работы в Краснодарский край, в ДОЛ «Лазурный» (Туапсинский район, пос. Лермонтово, на берегу Черного моря) и ДОЛ «Геолог» (Туапсинский район, пос. Новомихайловский, на берегу Черного моря) [9].

Самые популярные и элитные трудовые отряды в России на сегодняшний день – это строительные отряды. Высокая заработная плата, полное обмундирование и опыт работы по технической специальности – всё это неотъемлемая составляющая данного направления. Строительные отряды в ЧГУ делятся на две категории: работающие

за пределами Чувашской Республики и местные. Строительные отряды, работающие за пределами Чувашской Республики, участвовали в стройках всероссийского масштаба (Олимпиада в Сочи, Универсиада в Казани, Красноярская и Самарская области и др.).

На сегодняшний день в Чувашском государственном университете действует три строительных отряда: Молодцы – первый строительный отряд Чувашской Республики, принявший участие во всероссийской стройке олимпийских объектов «Сочи-2014», Проспект 15 и Энергия 21. Бойцами строительных отрядов в основном становятся студенты технических специальностей (СФ, ФЭиЭТ, ФРЭиА и МСФ) ввиду профильной работы.

С 14 по 16 мая в Москве проходил I Слет командиров студенческих строительных отрядов атомной отрасли. От Чувашии участвовали командиры Штаба студенческого трудового и строительного отрядов «Энергия 21» Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

8 мая 2014 года по итогам конкурса среди студенческих строительных отрядов России для участия во Всероссийской студенческой стройке «Космодром «Восточный». «Проспект 15» – строительный отряд ФГБОУ ВПО «ЧГУ имени И.Н. Ульянова», получил путевку на Всероссийскую стройку в числе 44 отрядов России. Студенты строительного факультета трудились на стройке «Космодром «Восточный» в течение 2 месяцев. Стройка развернулась в Амурской области (закрытое административно-территориальное образование «Углегорск»). Организаторами стройки являются ФГУП ГУСС «Дальспецстрой» при Спецстрое России», ФГУП «Спецстройтехнологии» при Спецстрое России», МООО «Российские студенческие отряды», которые берут на себя гарантийные обязательства в своевременной выплате заработной платы каждому студенту, питании, безопасном обеспечении условий труда [10].

Гражданская позиция студентов университета проявляется в осуществлении комплексных мероприятий, направленных на обеспечение чистоты и порядка в студенческих общежитиях, благоустройстве территории университета и города, района, парков и садов, проведении экологических субботников и месячников. Студенты историко-географического и других факультетов университета совместно с другими вузами участвуют в акциях «Чистый берег», проводимых в Заволжье. Также в университете проходят экологические акции в рамках месячников «Берегите первоцветы»,

«Чистый воздух», «Зеленый интерьер» и «Опасные очаги города». Данная работа реализуется через деятельность Молодежной экологической дружины, клуба туристов, участие в работе по охране природы, разработку проектов экологической направленности, экскурсии по России и родному краю.

Трудовое воспитание в вузе осуществляется в тесной связи с решением экономических, социальных и организационно – управленческих проблем. Оно направлено на формирование профессионально-трудовой культуры высококвалифицированного специалиста, обладающего широтой знаний, высоким уровнем развития умственных, физических, духовных и социальных способностей.

Опыт трудового воспитания, заложенное в советское время в практике воспитательного процесса университета, помогает в формировании личности студента, обладающего современным мировоззрением, развитие в нем чувств гражданственности и патриотизма, умение работать в коллективе, с уважением и вниманием относиться к другим людям, их мнению и интересам.

Список литературы

1. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д.782. Отчет объединенного профкома ЧГУ им. И.Н. Ульянова за период с 15 ноября 1972 – 16 ноября 1973 гг.: Материалы профсоюзной конференции университета. Отчетный доклад и стенограмма. Л.-20.
2. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д.631. Организация и работа студенческих строительных отрядов. Отчет о научно-методической и учебно-воспитательной работе ЧГУ им. И.Н. Ульянова за 1971–1972 уч. год. Л.-44.
3. ГИА ЧР. Ф. 2453. Оп. 1. Д.1317. Распоряжения по ЧГУ им. И.Н. Ульянова №24 от 15 апреля 1976 г. Распоряжение ректора за 1976 год. Л.-24.
4. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова: 40 лет. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – С. 321.
5. И вновь продолжается бой // Ульяновец. – 1976. – №13. – С. 1.
6. Кульметьев В. Благодарим за помощь / В. Кульметьев // Ульяновец. – 1978. – №31–32. – С. 1.
7. Педагогический отряд ЧГУ «ЧуГУнОк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studsovet21.ru/pedagogicheskij_otryad_chgu_chugunok (дата обращения: 01.05.2015).
8. Сайкин С.Ф. XXV съезд КПСС и задачи студенчества университета / С.Ф. Сайкин // Ульяновец. – 1976. – №9. – С. 2.
9. Сервисный отряд «Пегас» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studsovet21.ru/servisnyu_otryad_pegas (дата обращения: 01.05.2015).
10. Студенческий строительный отряд «Проспект 15» Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова получил путевку на стройку «Космодром «Восточный» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chuvsu.ru> (дата обращения: 20.05.2015).

Яковлева Татьяна Валериановна

аспирант

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

генеральный директор

ЦНС «Интерактив плюс»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Широков Олег Николаевич

д-р. ист. наук, профессор,

декан историко-географического факультета,

член Общественной палаты

Чувашской Республики 3-го созыва

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРОВ ПОДДЕРЖКИ ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ В ЧУВАШИИ

***Аннотация:** данная статья посвящена основным формам работы Центров поддержки технологий и инноваций в Чувашской Республике. С момента их открытия состоялось уже 4 съезда этих организаций, причем IV съезд прошел в Чувашии.*

***Ключевые слова:** Центр поддержки технологии и инноваций, Всемирная организация интеллектуальной собственности, патентная деятельность, съезд.*

Современная инновационная деятельность требует постоянного сотрудничества с международными и общероссийскими организациями, действующими в этой сфере. При их участии облегчается обмен научной информацией, изучение опыта партнеров и его внедрение, ведение патентной деятельности. Одним из таких партнеров-организаций для современной Чувашии в последний период

стала Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), занимающаяся в том числе открытием Центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ) в различных регионах России.

Эта организационная работа началась относительно недавно. Первые ЦПТИ начали создаваться в России с сентября 2011 г. Основным смысл этой работы состоит в обеспечении доступа к специализированным базам данных и наращивании инновационного потенциала регионов. Одним из регионов, активно поддержавших это направление деятельности стала Чувашия. Уже 22–23 июня 2012 года в г. Чебоксары в рамках V Чебоксарского экономического форума «Время стратегических новаций» состоялся практический семинар «Создание сети Центров поддержки технологий и инноваций в Российской Федерации» [2]. Организаторами этого мероприятия стали в том числе Всемирная организация интеллектуальной собственности и Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Семинар носил обучающий характер и проходил в Национальной библиотеке ЧР. Его участники, в частности обучались навыкам работы с полнотекстовой информационно-поисковой системой ФИПС (Федерального института промышленной собственности). Тогда же было намечено открыть ЦПТИ на базе Национальной библиотеки ЧР. К этому времени в России уже действовали 65 ЦПТИ.

В том же году, 25 сентября в г. Санкт-Петербурге в рамках V Петербургского международного инновационного форума прошел I съезд Центров поддержки технологий и инноваций в России. На нем, в частности, была намечена работы по подготовке концепции развития сети ЦПТИ в России.

25–26 сентября 2013 г. в г. Санкт-Петербурге состоялся II съезд Центров поддержки технологий и инноваций. Организаторами Съезда вновь выступили ВОИС, Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), ФИПС и др. На съезде были подведены первые итоги деятельности ЦПТИ в Российской Федерации за период 2012 г. – первую половину 2013 г., отмечалось, например, что сеть ЦПТИ составляют уже 83 организации во всех федеральных округах в 56 регионах Российской Федерации.

24–25 сентября 2014 г. в г. Санкт-Петербурге в Доме ученых Российской академии наук им. М. Горького состоялся уже III съезд Центров поддержки технологий и инноваций. К этому времени сеть ЦПТИ представляли уже 95 хозяйствующих субъектов в 58 регионах Российской Федерации во всех 9 федеральных округах,

включая Крымский. Таким образом первые три съезда организации прошли в Санкт-Петербурге, выступившем застрельщиком нового дела.

А вот IV съезд, приуроченный к 60-летию Федеральной службы по интеллектуальной собственности, прошел в Чебоксарах. Заседания съезда проходили 9–10 сентября 2015 г. в Национальной библиотеке Чувашской Республики. На съезде присутствовали специалисты из 17 регионов России, а также представители ВОИС, патентных ведомств стран Евразийского экономического союза, зарубежных компаний из США, Великобритании, Нидерландов и Индии. Основной темой съезда стало электронное взаимодействие с заявителями, которое позволит сократить сроки получения охранных документов. К 2018 году количество поступающих в патентное ведомство России заявок в электронном виде должно составить не менее 70% и большую роль в выполнении этой задачи должны сыграть Центры поддержки технологий и инноваций.

Конечно основная работа ЦПТИ по наращиванию инновационного потенциала российских регионах, в том числе и Чувашии еще впереди. Однако уже сегодня роль этих организаций в нашей республике продолжает расти. На сегодняшний день ЦПТИ действуют уже не только в Национальной библиотеке ЧР, но и в АУ Чувашии «Институт усовершенствования врачей», Чебоксарском политехническом институте (филиале) Московского государственного машиностроительного университета, Автономной некоммерческой организации высшего образования «Академия технологии и управления» [1, с. 88–90]. При этом Национальная библиотека ЧР выступает уже в качестве опорной организации ЦПТИ. Активная деятельность этих организаций в Чувашии и перспектива расширения сети ЦПТИ обязательно принесут свои плоды в виде роста прикладных инноваций в науке, промышленности и сельском хозяйстве нашей республики.

Список литературы

1. Справочник Центров поддержки технологий и информации / Под общ. ред. Е.В. Королевой. – М.: ФИПС, 2015. – 168 с.
2. Центры поддержки технологий и инноваций. Сайт Федерального института промышленной собственности (ФИПС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www1.fips.ru/TISCs/wipo>

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Агеева Наталья Николаевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.Ф. ФОРТУНАТОВА

***Аннотация:** в данной работе впервые в отечественной историографии рассмотрены политические взгляды российского историка Степана Федоровича Фортунатова (1850–1918). Дана характеристика основных положений либеральных воззрений ученого, отмечены их особенности. Прослежена взаимосвязь политических взглядов С.Ф. Фортунатова и его научно-педагогической и публицистической деятельности.*

***Ключевые слова:** Фортунатов, политические взгляды, российский либерализм, права человека, конституционализм, парламентаризм.*

Историк и публицист Степан Федорович Фортунатов (1850–1918), имя которого оказалось незаслуженно забыто в отечественной науке, являлся одним из ярких представителей российского либерализма на рубеже XIX–XX вв. [1]. Изучение его политических взглядов и публицистической деятельности представляет несомненный интерес в плане осмысления роли интеллигенции в общественно-политической жизни предреволюционной России.

Последовательная приверженность либеральным воззрениям, которые сложились еще период учебы С.Ф. Фортунатова на историко-филологическом факультете Московского университета, определенно выделяла его среди российских историков. На наш взгляд, именно политические взгляды определили выбор тем его первых научных исследований – «Представитель индипендентов Генри Вен» и «История политических учений в Соединенных Штатах». В дальнейшем этот интерес к вопросам политико-правовой мысли и демократических институтов в Англии и США сохранился

на протяжении всей жизни. Ученый неуклонно отстаивал идеи конституционализма и прав человека и в своих лекциях по истории США и европейских стран в XIX в., которые он на протяжении многих лет читал в стенах Московского университета, Высших Женских курсов и университета имени А.Л. Шанявского, и в многочисленных статьях и рецензиях в периодической печати.

С.Ф. Фортунатов выступал сторонником поступательного реформирования общества по пути демократизации. В этом плане он особо выделял Англию, которая после революции XVII в. смогла выработать уникальный механизм решения политических конфликтов без обращения к насилию. Основную задачу демократического государства ученый видел в обеспечении условий для реализации прав и свобод личности. Среди наиболее важных прав человека он выделял религиозную веротерпимость, свободу слова и печати. Неоднократно в своих работах С.Ф. Фортунатов рассматривал различные аспекты реализации этих прав в европейских странах и США. Особенно часто он обращается к этой проблеме в годы первой русской революции: «Свобода печати и свобода собраний, безусловно, необходимые во всякое время, имеют особое значение, когда стране приходится переживать такой кризис, какой переживает теперешняя Россия» [7]. Он выступал на страницах «Русских ведомостей» с серией статей о свободе слова, печати, собраний, так как видел насущную потребность детального разъяснения важности этих прав.

В своих лекциях и статьях С.Ф. Фортунатов, обращаясь к истории Англии и США, показывал процесс утверждения в этих странах различных свобод, подчеркивал их значение для общества, анализировал существующие гарантии их реализации. В частности рассматривая вопрос о свободе собраний в Англии, ученый подчеркивал большую роль суда в решении вопросов, связанных с защитой этого права, благодаря чему «Англия сумела разрешить вопрос о свободе собраний в духе того гармонического сочетания свободы, законности и порядка, которое составляет характерную черту английского государственного строя» [7].

Рассматривая на примере Англии (где «впервые возникла свобода печати») вопрос о свободе печати, С.Ф. Фортунатов выдвигал ряд рекомендаций в связи с ожиданием появления «временных правил о печати в России». Он полагал, что такие правила только тогда «удовлетворят и успокоят страну» в это сложное время, если они будут включать следующие положения: «1) отмена всяких цензур

и всяких предварительных разрешений; 2) отмена залогов от издателей журналов и газет; 3) разбирательство всех процессов по делам печати исключительно судом присяжных» [8]. Рассматривая значимость последнего положения, ученый отмечал: «т.к. суд присяжных является лучшим выразителем общественного мнения и настроения страны, то и разбор процессов по делам печати исключительно судом присяжных является лучшей гарантией в том, что и печать явится верной выразительницей общественного мнения» [9, с. 19]. С.Ф. Фортунатов считал, что именно подобные меры способствовали тому, что в Англии восторжествовала полная свобода печати, в отличие от стран континентальной Европы.

С.Ф. Фортунатов подчёркивал, что наряду с провозглашением прав и свобод крайне важна и их защита от произвола со стороны государства. Сравнивая ситуацию с правами человека (прежде всего в нормативно-правовом аспекте) в разных странах, он отмечал: «Великая заслуга Англии в истории человечества заключается в том, что в ней раньше других государств были не только провозглашены, но и обеспечены два основных права гражданина – личная неприкосновенность и свобода печати.» [6]. Но если говорить о конституционных гарантиях прав и свобод, то здесь лидирующее положение, по его мнению, занимали США.

Важно отметить, что выступая последовательным защитником демократии, С.Ф. Фортунатов не идеализировал этот строй. Он обращал внимание и на слабые стороны этой политической системы, в частности, неоднократно подчеркивал, что одна из наиболее серьезных проблем, с которым может столкнуться демократическое общество, – это подавление меньшинства большинством. В качестве примера он приводил США, где существует «настоящая тирания большинства» [3, с. 106].

Анализируя взгляды представителей либерального лагеря, С.Ф. Фортунатов обязательно подчеркивал их понимание «философии демократии». Так А. Токвиля он относил к либералам-демократам, а Б. Константа считал «либералом, индивидуалистом, но антидемократом» [3, с. 107]. Реализация демократии на практике должна, по мнению С.Ф. Фортунатова, заключаться, не только в существовании соответствующих политических институтов, но и «демократическом социальном строе». Анализируя развитие Франции в начале XX в., он отмечал, что ошибочно считать Третью республику прочной: «Франция по своему политическому строю демократия. Но она не демократическая по своему социальному

строю. Нигде торжество буржуазии так не сильно, как во Франции [...]. Несоответствие политического строя с социальным делает шаткой саму республику. Она станет только тогда прочной, когда социальный строй будет гармонировать с политической демократической организацией» [4, с. 239]. Аналогичная ситуация, по мнению ученого, в начале XX в. сложилась и в США, где также необходимо «привести в гармонию экономический строй с крайностями развития капитализма и имущественного неравенства с политическим демократическим строем» [5, с. 226].

А.А. Кизеветтер отмечал в своих воспоминаниях, что С.Ф. Фортунатова нередко упрекали «в приверженности к доктрине старого либерализма манчестерского типа» [2, с. 72]. Это направление, основанное лидерами Лиги манчестерских предпринимателей Р. Кобденом и Д. Брайтом, проповедовало принципы неограниченной экономической свободы, отрицая любую социальную ответственность государства и общества. Однако в России за редким исключением сторонники либеральной доктрины не поддерживали принцип невмешательства, а наоборот, придавали большое значение вмешательству государства в экономические отношения в интересах социальной справедливости. Как совершенно верно отмечал А.А. Кизеветтер: «Степан Федорович не был, конечно, манчестерцем». Он считал, что интеллигенция в России скорее недооценивала, чем переоценивала значение политической гарантии личных свобод, не принимая во внимание, что правомерная свобода личности, являясь большим достижением для общества, вместе с тем служит необходимым условием для реализации социальных преобразований, обусловленных требованиями социальной справедливости. Исходя из этого, С.Ф. Фортунатов считал необходимым «именно эти дорогие ему начала выдвигать на первый план, пропагандируя их в научно-историческом освещении» [2, с. 151].

Изучение вопросов либерализма и конституционализма никогда не представляло для С.Ф. Фортунатова лишь сугубо научный интерес. Эти идеи для него были близки и ценны именно в том плане, что являлись образцом для реформирования российского общества. В своих лекциях и статьях он стремился обосновать необходимость усвоения российским обществом опыта в построении демократии, достигнутого западными странами к началу XX в.

Список литературы

1. Агеева Н.Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С.Ф. Фортунатова / Н.Н. Агеева, Т.Н. Иванова // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 50. – С. 287–306.
2. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: 1881–1914 / А.А. Кизеветтер.
3. Фортунатов С.Ф. История Франции XIX в. Лекции, сост. по зап. слущ. М.В.Ж.К.: в 2 ч. / С.Ф. Фортунатов. – М., 1916–1917. – Ч. I. – 146 с.
4. Фортунатов С.Ф. История Франции со времени Великой революции. Лекции, чит. на В.Ж.К., 1913–1914 / С.Ф. Фортунатов. – М., 1914. – 239 с.
5. Фортунатов, С.Ф. История Соединенных Штатов. Курс, чит. в 1915–1916 гг. По запискам слушательниц: в 2 ч. / С.Ф. Фортунатов. – М.: Изд. о-ва при ист.-филос. фак. Моск. Высш. жен. курсов, 1916. – Ч. II. – 230 с.
6. Фортунатов С.Ф. Охрана основных прав человека в Соединенных Штатах / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – №235.
7. Фортунатов С.Ф. Свобода собраний в Англии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – №268.
8. Фортунатов С.Ф. Свобода печати в Англии / С.Ф. Фортунатов // Рус. ведомости. – 1905. – №299.
9. Фортунатов С.Ф. Права гражданина в Англии и Северо-Американских Соединенных штатах / С.Ф. Фортунатов. – М.: Тип. Е.В. Кожевникова и Е.А. Коломийцева, 1906. – 19 с.

Бакланова Ирина Семеновна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ФПО «Московский государственный

технический университет

гражданской авиации»

г. Москва

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КАЗАЧЕСТВА
В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

***Аннотация:** в статье рассматриваются точки зрения отечественных исследователей по поводу политики большевистской власти как одной из основных причин перехода части казачества в ряды Белого движения. Особое внимание уделяется последствиям принятия и реализации циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.*

***Ключевые слова:** историография, Гражданская война, казачество, политика большевиков, Белое движение.*

В работах как отечественных, так и зарубежных исследователей не вызывает сомнения положение о том, что одной из основных сил антибольшевистского движения являлось казачество. Об этом, в

частности, достаточно определенно высказались хорошо знавшие суть вопроса эмигрантские авторы. По мнению участника Белого движения, известного журналиста, военного корреспондента в Добровольческой армии, Г.Н. Раковского, борьба большевистского Севера и белого Юга не была бы «столь кровопролитной и упорной», если бы не деятельное участие казачьих областей, чьи вооруженные формирования стали ядром ВСЮР. Да и временные успехи армий А.В. Колчака на Востоке страны данный автор обосновал так же, как и на Юге, поддержкой казаков и «оказаченного» сибирского крестьянства [8, с. 337]. Аналогичные суждения приводятся в работах советских авторов. Например, по мнению Н.Е. Какурина, являвшегося одним из первых большевистских военных историков, «основанием» белых армий Восточного фронта стали вооруженные формирования Оренбургского и Уральского казачества. Такое же положение имело место и на Юге страны [3, с. 156]. Отсюда, естественно, напрашивается вывод о том, что именно та антибольшевистская позиция, которую заняло войсковое руководство и значительная часть рядовых казаков, придала Гражданской войне более ожесточенный характер, оттянув сроки ее завершения. В данной связи, анализ проблематики заявленной темы дает возможность лучше понять расстановку общественных сил, подойти к разрешению вопроса об итогах противостояния в Гражданской войне. В то же время историографические работы помогают подытожить труды исследователей в данном направлении, привлечь внимание историков к наиболее актуальным проблемам темы.

Базировавшаяся на классовом принципе, советская историография характеризовала Гражданскую войну в соответствии с положением В.И. Ленина как «наиболее острую форму классовой борьбы» [5, с. 215]. Определялось, что она, с одной стороны, велась пролетариатом, возглавлявшим трудящиеся массы, с другой – буржуазией, объединявшей все эксплуататорские слои населения. В данной связи крестьянин-бедняк признавался советскими историками верным союзником рабочего класса, поддерживающим советскую власть, середняк – колебался, кулак, естественно, занимал враждебную позицию. Аналогичная градация действовала и по отношению ко всему казачеству, чей антибольшевистский настрой, в частности, объяснялся наличием более многочисленного, чем в остальных губерниях России, кулацкого слоя и его более равномерным

распространением на территории казачьих войсковых областей [3, с. 46].

Сложнее советским историкам было определить основные причины негативного отношения к большевистской власти так называемого «трудового казачества», ибо это требовало признания имевших место в период Гражданской войны политических ошибок. В работах первых лет советской власти, носивших часто агитационно-пропагандистский характер, историки делали упор на обман казачьей бедноты и середняков атаманами, офицерами и казачьей буржуазией, претендовавших, якобы, на защиту интересов всей сословной группы. На самом деле они боролись, по мнению большевистских историков, за сохранение своего господствующего положения, ибо, как указывал, в частности, один из первых исследователей Гражданской войны Д. Кин, новая власть собиралась отнимать вольности и землю только у эксплуататоров [4, с. 5–6].

Однако попытки дать объективный анализ причин перехода значительной части казачества в антибольшевистский лагерь приводили в дальнейшем советских историков к неизбежной констатации или «неловкости» действий красных вооруженных формирований по отношению к местному населению, или даже, – применения «насилия разного рода» [3, с. 201]. Известный отечественный исследователь Гражданской войны Л.М. Спирин констатировал, что ни летом 1918 г., ни в первой половине 1919 г. рабочему классу не удалось не только «перетянуть» трудовое казачество на свою сторону, но даже нейтрализовать его [9, с. 242, 324]. Данное положение ученый связал, в частности, с реализацией печально знаменитого циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., на основании которого стали проводиться активные мероприятия по «расказачиванию» (т. е. слову многовекового уклада жизни казаков): станицы переименовывались в деревни и села; запрещалось носить соответствующую одежду и т. д. Даже само слово «казак» изгонялось из обихода. Принятие и жесткий тон циркулярного письма, Л.М. Спирин объяснил теми «страшными зверствами», которые чинили казаки над рабочими и бедными крестьянами (что, в принципе, подтверждается данными и постсоветской историографии [1, с. 237]). Нарушение же классового подхода (пострадало большинство казаков, в том числе их «трудовая»

часть) связывалось с нечеткостью формулировок документа, а отсюда – ошибками в действиях местных партийных и советских работников. Последние, по мнению ученого, не смогли перестроиться и после приостановки 16 марта 1919 г. мер январского циркулярного письма. В результате весной 1919 г. донские казаки восстали [9, с. 322–324].

В постсоветской историографии, декларирующей намерение рассматривать явления Гражданской войны без предвзятости выводов, не объявляя заранее «хорошими» то красных, то белых, а определяя всех участников соответствующих событий «нашими людьми», январское письмо Оргбюро ЦК РКП(б) называется «страшным» [7, с. 390; 5]. Причем, современные отечественные авторы, чаще всего, отвергают попытки советской историографии оправдать проводившуюся политику только ошибками местных властей, а террор – исключительно революционной необходимостью. Коротко их аргументы таковы: подписан указанный документ был одним из руководящих работников партии, председателем ВЦИК Я.М. Свердловым. Среди видных деятелей большевиков было достаточно много сторонников ликвидации казачества как особой социальной группы. К таковым можно отнести И.И. Вацетиса, С.И. Сырцова, Р.С. Землячку, И.Э. Якира. Принимали соответствующие документы люди, не знавшие жизнь казаков и поэтому не понимавшие последствий реализации данных решений. Что же касается ревкомов и военных трибуналов, то в них часто входили люди «озлобленные», «сводившие личные счеты», к тому же не принадлежавшие «к коренным народам России». Из этих положений делается вывод о том, что формулировку о «беспоощадном массовом терроре» по отношению ко всем казакам, «принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью», нельзя назвать случайной. Любой же террор, какую бы окраску он не носил, объявляется деструктивным [7, с. 390; 5, 399, 401, 400, 404]. (Заметим в скобках, что в литературе русского зарубежья казачество рассматривалось в качестве естественного союзника антибольшевистских сил. Так, например, генерал А.С. Лукомский, последовательно занимавший должности начальника штаба Добровольческой армии у генерала Л.Г. Корни-

лова, затем – начальника военного управления, помощника главнокомандующего и председателя Особого совещания при генерале А.И. Деникине, в своих «Воспоминаниях» писал, что выбор места для формирования Белой армии объяснялся предположениями о невосприимчивости Донского, Кубанского и Терского казачеств к идеям большевизма [6, с. 274]. По мнению полковника Императорской армии А.А. Зайцова, одной из причин неприятия казачеством большевизма являлось противоречие между «особым корпоративным казачьим духом и укладом жизни» и «нивелирующими стремлениями большевиков» [2, с. 10]).

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в историографии наработан определенный опыт исследования темы. В настоящее время, в связи с провозглашенным принципом освобождения от диктата идеологии, появилась возможность благодаря анализу всего существующего и в России, и за рубежом массива источников, концепций советских, эмигрантских, западных авторов выйти на новый уровень понимания темы.

Список литературы

1. Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 376 с.
2. Зайцов А.А. 1918 год: Очерки по истории Русской гражданской войны. – Б. м., 1934. – 275 с.
3. Какурин Н. Как сражалась революция. – Т. 1: 1917–1918 / Под ред. Н.Н. Попова. – М.-Л.: Государственное издательство, 1925. – 269 с.
4. Кин Д. Деникинщина на Украине. – Б. м.: Книгоспілка, [1927]. – 49 с.
5. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Полн. собр. соч. – 5-е изд., доп. – Т. 34. – С. 214–228.
6. Лукомский А.С. Воспоминания. – Т. 1. – Берлин: Кирхнер, 1922. – 300 с.
7. Плеханов А.А. Казачество на рубежах Отечества / А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. – М.: Вече, 2009. – 464 с.
8. Раковский Г.Н. В стане белых (от Орла до Новороссийска). – Константинополь: Пресса, 1920. – Т. VI. – 340 с.
9. Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920). – М.: Мысль, 1967. – 438 с.

Кириллова Алена Михайловна

старший преподаватель

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

Широков Олег Николаевич

д-р ист. наук, профессор,

декан историко-географического факультета,

член Общественной палаты

Чувашской Республики 3-го созыва

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

***Аннотация:** в данной статье представлен анализ развития историографии проблемы местного самоуправления в России, который невозможен без учета особенностей его начального этапа. Авторами отмечается, что уже в начале XX в. в России был издан ряд интересных работ, посвященных данной тематике.*

***Ключевые слова:** местное самоуправление, земство, государственные органы, уезд, губерния.*

В современный период заметно усилился интерес историков к исследованию процесса эволюции системы местного самоуправления. Определенным толчком для этого стало принятие существенно обновленного Федерального закона Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 года. Этот факт подтолкнул в частности к проведению всестороннего анализа ранних исследований с позиций истории, философии и юриспруденции. При этом наблюдается общая интересная тенденция: современные историки, юристы, экономисты обращаются к опыту дореволюционных земств в поисках оптимальной модели системы самоуправления [10–12].

На наш взгляд, в этом отношении необходимо обратить внимание на тот опыт анализа, который был накоплен уже в современный для проведения земской реформы период.

Наиболее крупным специалистом в этом вопросе в начале XX в. был Б.Б. Веселовский. Им был собран значительный экономико-статистический материал, на основании которого автор делал выводы о составе и эффективности работы земств [5; 6]. Первым в России он попытался сравнить систему организации местного самоуправления в России, Англии, Франции и Пруссии. По своим убеждениям Б.Б. Веселовский не был западником, поэтому не считал, что Россия может пойти путем заимствования западных систем. Веселовский подчеркивал высокую степень значения деятельности земств и был сторонником увеличения их полномочий [6, с. 40]. Основной единицей всей земской системы он считал уездные земства, поэтому предполагал усиливать их, добиваясь полной самостоятельности от губернских [5, с. 6]. А.Д. Градовский и В.П. Безобразов считали со своей стороны, что земства следует включить в общую систему государственных органов [7, с. 492]. В.П. Безобразов вообще полагал, что как органы самоуправления земства добиться процветания не смогут. Этот исследователь принадлежал к числу российских либералов, подчеркивавшим специфику отечественной земской системы, не имевшей аналогов в мире [3, с. 52]. Однако его позиция в ключевом вопросе статуса земских органов не может не вызывать интерес на фоне современной дискуссии о соотношении принципов демократии и гражданского общества с системой органов самоуправления в России.

Новым толчком к актуализации общественного интереса к проблеме земства стала подготовка к празднованию 50-летнего юбилея земской реформы в 1914 г. В это время издаются работы обобщающего характера Н.Н. Авинова, И.П. Белоконского, В.Е. Трутовского [2; 4; 14]. Эти авторы изучали весь период существования земских органов в России, уделяя внимание характерным чертам их многогранной деятельности в стране. В целом представителей этой группы можно назвать апологетами земств, видевших в них полноценную возможность защиты интересов населения страны вне зависимости от сословной принадлежности. Все они отмечают, что земства могли бы проявить себя гораздо больше, чем это в реальности произошло [15, с. 325].

Ряд работ дореволюционных историков был посвящен отдельным сторонам деятельности земств. В частности, проблему земских финансов рассматривали В.Ф. Караваев и Г.Л. Содовский [8; 13]. Экономические мероприятия земств изучал С.Л. Маслов [9]. Определенные методологические наблюдения мы можем почерпнуть из работы Я.В. Абрамова [1].

В первые десятилетия после октябрьской революции 1917 года история земства в России практически не изучалась. Позиция большинства авторов сводилась к не очень основательной критике. Главным поводом для нее было то, что земства относились к системе царских органов власти, а значит ничего положительного в их опыте быть не могло. А. Шеффер, например, на основе анализа документов, освещающих деятельность земств в Самарской губернии, вообще обвинил их в пренебрежении к необходимым нуждам населения и распространении «религиозного мракобесия, темноты и невежества» [16, с. 62].

Таким представляется в самой общей форме первоначальный уровень историографии по проблеме земского (местного) самоуправления в России.

Список литературы

1. Абрамов Я.В. Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства) / Я.В. Абрамов. – СПб., 1889.
2. Авинов Н.Н. Местное самоуправление / Н.Н. Авинов. – М., 1913.
3. Безобразов В.П. Земские учреждения и самоуправление / В.П. Безобразов. – М., 1874.
4. Белокопский И.П. Земское движение / И.П. Белокопский. – СПб., 1914.
5. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет / Б.Б. Веселовский. – СПб., 1909. – Т. 1.
6. Веселовский Б.Б. Какое местное самоуправление нужно народу? / Б.Б. Веселовский. – СПб., 1906.
7. Градовский А.Д. История местного самоуправления в России: Собр. соч. / А.Д. Градовский. – СПб., 1899. – Т. 2.
8. Караваев В.Ф. Бюджеты губернских и уездных земств по сметам 1912 года / В.Ф. Караваев. – СПб., 1913.
9. Маслов С.Л. Земство и его экономическая деятельность за 50 лет существования, 1864–1914 / С.Л. Маслов. – М., 1914.
10. Панина Е.В. Земское движение – путь к созиданию России / Е.В. Панина // Россия и современный мир. – 1997. – №2.
11. Рокецкий Л.Ю. Местное самоуправление -важнейшее звено системы управления в Российской Федерации / Л.Ю. Рокецкий // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2005. – №2.

12. Санжиева Д.С. Формирование местного самоуправления в Республике Бурятия в 90-е годы XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.С. Санжиева. – Улан-Удэ, 2003.
13. Содовский Г.Л. Сборы с недвижимых имуществ на земские потребности в России / Г.Л. Содовский. – СПб., 1911.
14. Трутовский В.Е. Современное земство / В.Е. Трутовский. – СПб., 1914.
15. Чарнолусский В.И. Земство и народное образование: В 2 ч. / В.И. Чарнолусский. – СПб., 1911. – Ч. 2.
16. Шеффер А. Органы «самоуправления» царской России / А. Шеффер. – Куйбышев, 1939.

Смирнова Алина Леонидовна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

РАБОЧИЙ КЛАСС РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

***Аннотация:** в данной статье представлен историографический обзор серии межвузовских сборников, которая на протяжении двенадцати лет (1978–1989 гг.) издавалась в Чувашском государственном университете. Всю серию объединила общая идея – исследование наименее изученных проблем истории рабочего класса автономных республик РСФСР.*

***Ключевые слова:** историография рабочего класса, история автономных республик, РСФСР.*

Рассматриваемая серия оказала «значительное влияние на становление и развитие научного направления по изучению рабочей молодежи Марийской, Мордовской и Чувашской республик» [5, с. 50].

История серии берет начало в 1976 г., когда в Чебоксарах состоялась Всесоюзная конференция на тему «Актуальные проблемы рабочего класса автономных республик РСФСР», собравшая большинство ведущих специалистов по данной проблематике из многих союзных и большинства автономных республик. В рамках конференции была создана редакционная коллегия, составленная из представителей Москвы, Ленинграда и Чувашии. В редколлегию сборника вошли В.А. Ежов (ЛГУ), П.В. Денисов, Ю.П. Смирнов

и Г.А. Варюхин (ответственный редактор) (ЧГУ). Сборник вышел в свет в 1978 г. [1].

Ключевую роль в подготовке материалов к изданию сыграла кафедра истории СССР Чувашского госуниверситета и, прежде всего, бессменный ответственный редактор сборников, начиная с 1979 г., Ю.П. Смирнов.

Вслед за первым выпуском были подготовлены второй (1979 г.) и третий (1980 г.) под тем же названием, что и конференция 1976 г. [2; 3].

С 1982 г. несколько изменилась концепция всего издания [10]. Если первые три выпуска, по сути, издавались как материалы конференции, то, начиная с четвертого, оно приобрело отчетливый тематический характер: все последующие сборники были посвящены какой-либо одной проблеме. Всего вышло в свет восемь тематических сборников [4; 6–12].

Обращает на себя внимание то, что творческий коллектив не смог избежать влияния господствовавших в то время идеологических клише, отразившихся в названиях трех выпусков, где речь идет о «развитом социализме» и о процессах в рабочем классе, связанных с этой идеологической дефиницией. Начиная с выпуска 1986 г. и до 1989 г., когда вышел последний сборник серии, издание приобретает более академический характер.

Характерной особенностью данного издания стало то, что на страницах сборников на равных публиковались как признанные и авторитетные в научном сообществе специалисты, так и молодые исследователи, многим из которых публикации в этих сборниках открыли дорогу в большую науку.

Несомненным достоинством издания является широкий географический охват. В них представлены статьи исследователей Владивостока, Вологды, Горького, Грозного, Донецка, Йошкар-Олы, Казани, Кустаная, Ленинграда, Махачкалы, Могилева, Москвы, Одессы, Орджоникидзе, Петрозаводска, Сыктывкара, Улан-Удэ, Уфы, Чебоксар, Элисты, Якутска.

Таким образом, всего в свет вышло десять сборников серии, общим объемом около 100 п. л. Почти в 200 статьях серии нашли отражение ключевые аспекты истории рабочего класса автономий: общетеоретические вопросы, основные тенденции изменения его численности и состава, трудовая и общественно-политическая активность рабочих, подготовка новых пополнений, развитие трудовых коллективов, проблемы историографии и источниковедения и многое другое.

Редакционному коллективу удалось избежать эклектичности и «всеядности». Все статьи соответствуют проблематике сборников. В целом указанные сборники представляют серьезное исследование различных сторон деятельности рабочего класса автономных республик РСФСР.

Список литературы

1. Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР: Межвуз. сб. / Отв. ред. Г.А. Враухин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1978. – Вып. 1. – 180 с.

2. Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР (творческая и общественно-политическая активность рабочего класса автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма): Межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1979. – Вып. 2. – 118 с.

3. Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР (повышение культурно-технического уровня рабочего класса автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма): Межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1980. – 132 с.

4. Великий Октябрь и рабочий класс автономных республик Поволжья и Приуралья: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1989. – 230 с.

5. Михайлова С.Ю. Историография рабочей молодежи республик Волго-Вятского региона во второй половине XX – начале XXI века / С.Ю. Михайлова. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 124 с.

6. Подготовка и воспитание кадров рабочего класса автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма: Межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1983. – 140 с.

7. Производственная деятельность рабочего класса автономных республик РСФСР в развитом социалистическом обществе: Межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1985. – 144 с.

8. Развитие рабочего класса автономных республик РСФСР: Межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1986. – 128 с.

9. Роль русского рабочего класса в формировании рабочего класса автономных республик РСФСР: Межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1984. – 124 с.

10. Социалистическое соревнование рабочих автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма: Межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1982. – 152 с.

11. Социальная активность рабочей молодежи автономных республик РСФСР: Межвуз. сб. науч. трудов. / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1988. – 139 с.

12. Союз рабочих, крестьян и интеллигенции автономных республик РСФСР в условиях социализма: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю.П. Смирнов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1987. – 120 с.

Сулима Игорь Иванович

д-р филос. наук, профессор, доцент
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

Фофанов Роман Юрьевич

менеджер
ООО ЦОП «Градиент»
аспирант
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина»
г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ТРУД КАК ЦЕННОСТЬ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ

***Аннотация:** статья посвящена анализу критики общества потребления и поиску конструктива в этой критике. Исследуется представление о труде как ценности. Предлагается методология этой работы и показывается воспитательный потенциал формирования труда как ценности. Образование определяется как институциональная форма бытия человека. Статья опирается на исследование представлений о труде в истории философской мысли.*

***Ключевые слова:** труд, ценность, воспитание, общество потребления, идеал, гармония.*

Современное общество ориентировано на потребление. Критических соображений по этому поводу высказано огромное количество. Критика связана с этическими аспектами: потребление безнравственно, усиленное потребление – особенно безнравственно. Критика связана с экологическим мировоззрением: потребление нещадно и бездумно разрушает природу. Критика связана с проблемами неравномерности развития различных стран и различных народов: есть те, кто потребляет очень много и есть страны, регионы, отдельные социальные группы, где население живёт впроголодь. Социальному миру это никак не способствует. Не формирует это и стабильности в международных отношениях.

Критика общества потребления носит совершенно обоснованный характер. Нельзя не согласиться с самыми различными аспектами критического отношения к апологетике потребления, которое выхолащивает духовную и социальную жизнь людей, устремляет их краткое существование к радости обладания барахлом. С другой стороны, при всех моральных основаниях для этой критики, все критики сами едят, пьют, одеваются, имеют жилище и достаточные материальные возможности для того, чтобы на сытый желудок рассуждать на философские темы.

На наш взгляд, критика общества потребления должна быть:

- во-первых, реалистичной и не должна носить огульного характера;

- во-вторых, быть основанной на взвешенной системе сложившихся в истории философии взглядов на сущность труда, т.к. потребление возможно только произведенного.

Критика как таковая ценна только с точки зрения анализа и, как мы уже отметили, только при научном подходе. Только в таком случае критический анализ будет основой для дальнейшей обдуманной эффективной и конструктивной деятельности. Именно конструктивность и реалистичность особенно важны для того, чтобы сформированное отношение к потреблению, к предстоящему ему труду могло бы быть донесено до подрастающего поколения, которое в силу отсутствия жизненного опыта, в силу чрезмерного давления на него со стороны общества потребления, не всегда способно противостоять мощному и изощрённому напору прямых и косвенных требований приобретать, приобретать и приобретать. Система образования должна учить не потребителей. Этому люди и так научатся, ходя в магазины, на рынки, получая многообразные услуги, смотря разнообразнейшие передачи по телевидению и просматривая информацию в интернете о товарах, их свойствах и о бесчисленных современных маркетинговых ухищрениях, опирающихся на хорошее знание психологии человека и на социологические знания о потребителях, их доходах и образе жизни. Система образования должна быть направлена не на изучение прав потребителей, а на приоритеты духовного развития общества [4, с. 136–141].

Система образования должна показать, как в истории человеческой мысли формировалось представление о труде как ценности.

Это представление как результат, выработанный мудростью человечества в ходе равнодушного отношения к действительности, должно стать руководством к действию – ценностью подрастающего поколения.

Отношение к потребляемому должно формироваться через уважение к труду производшего продукт, через уважение к собственному труду (или труду близких), результаты которого обмениваются на результаты чужого труда. При этом очень важно формировать особое отношение к деньгам. Сместить акцент с весьма опасного мнения, что за деньги можно купить всё, на представление о том, что деньги – эквивалент *труда*.

Вопрос о сущности труда всегда рассматривался философией. Именно результаты этого рассмотрения должны, на наш взгляд, лежать в основе педагогических усилий по адаптации современной молодёжи к обществу потребления, предпринимаемому современной школой. Одна из самых больших проблем современного образования состоит в оторванности от производственных реалий, расхождении теоретических знаний и реальной производственной необходимостью. Следовательно, их синтез необходим для формирования личности человека-труженика в новом поколении.

Идея труда как ценности отнюдь не нова в истории человеческой мысли. Но чтобы выкристаллизироваться, ей понадобился долгий путь. То же самое происходило с осознанием воспитания в труде. Кратко рассмотрим эволюцию взглядов о воспитании в труде.

Платон представлял идеал человека в контексте концепта идеального государства. Каждый гражданин должен заниматься тем, что наиболее соответствует его натуре. Идеальный гражданин – тот, кто занимается «своим делом» на благо общества. Идеал человека по Аристотелю заключается, прежде всего, в добродетельности. Человек должен прикладывать все силы к соблюдению «золотой» середины. В средние века ценился более всего духовный подвижнический труд, а идеалом человека были монахи и аскеты, добровольно отказывающиеся от мирских благ с целью испытания души, однако, старательно ведущие хозяйство монастыря.

Идеал человека эпохи Ренессанса – образ свободного, универсального (разносторонне-развитого), человека творческого труда.

Превыше всего ставится индивидуальность, неповторимость личности. В эпоху Возрождения человеческая личность берет на себя божественные функции, она представляется творческой по преимуществу и труд человека мыслится как покорение природы. Лоренцо Валла провозглашает, что достичь нравственного идеала можно только в полнокровной земной жизни. Джованни Пико делла Мирандола предложил самому человеку трудиться над созданием своего идеала. Он писал о том, что человек сам определяет свое место в мире – либо возвышается над природой посредством интеллекта и нравственности, либо, отдавшись во власть плоти, опускается до животного.

Философия Нового времени сделала идеалом человека рационального, занятого интеллектуальным трудом. Френсис Бэкон в педагогических наставлениях делал акцент на воспитании человека уравновешенного, гармоничного. Средство к тому – труд по изучению природы, мира реальных вещей, целостной картины мира. Важнейший компонент ценного знания, знания необходимого – это знание о способах получения достоверного знания. Идея *совместного* труда конституирует знаменитую «Утопию» Томаса Мора, предтечу социалистических и коммунистических идей. В сконструированном идеальном обществе каждый обязан трудиться: «Главное и почти что единственное дело сифогрантов – заботиться и следить, чтобы никто не сидел в праздности» [3, с. 136–141]. Ж.-Ж. Руссо, наоборот, мыслил труд как тягостную повинность и предлагал вернуться к первобытному обществу. Дикари французского философа – это беззаботные здоровые самцы, живущие одиноко без труда и забот.

Иммануил Кант мыслил приближающегося к идеалу человека как понимающего необходимость совершенствования своего собственного человеческого рода и на практике к этому стремящегося. Идеал человека для Георга Гегеля – это уже не всесторонне и гармонически развитая личность, а только личность, умеющая мыслить диалектически. При этом совершенно безразлично, кем эта личность является во всем остальном.

Неклассическая (современная) философия, начавшаяся с Карла Маркса, понимает труд как атрибутивный признак человека. К. Маркс подчеркивал, что сущность человека воспроизводится в

труде, то есть в *целесолагающей* деятельности по изменению объективной реальности. К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали труд в качестве своеобразного «творца» человеческой истории, создали «трудовую гипотезу» происхождения человека и общества, развернутую и масштабную концепцию антропосоциогенеза. Соответственно, марксизм прямо предполагает обязательное воспитание в человеке трудовых навыков. Как подчеркивают К.Н. Любутин и П.Н. Кондрашов, принципиально важно различие К. Марксом понятий «труд» и «работа». «Труд» – это целесообразная необходимая деятельность без принуждения, «работа» – это деятельность с отчуждением результата от производителя» [2, с. 141–143]. Труд характеризует прежде всего самого человека, а работа характеризует общество (в этой связи нам видится изучение природы человека-*труженика* прежде всего предметом антропологической тематики).

У Фридриха Ницше проблематика труда присутствует в своеобразной форме. Он смещает акцент с физического аспекта труда на экзистенциальный, «духовный». Сверхчеловек и «чернь» соотносятся, грубо говоря, не как бездельник-господин и труженик-раб, а как человек, постоянно преодолевающий собственные пределы, раз за разом осиливающий сегодня то, что еще вчера было неподъемной задачей, – и человек, предпочитающий однообразную, отупляющую работу, дающую ему чувство стабильности и безопасности. Из этого ясно, что сверхчеловек должен постоянно воспитывать (культивировать) себя, самосовершенствоваться, т.е. трудиться над собой. Современные отечественные исследователи также уделяют этому пристальное внимание [1].

Подводя итог, можно уверенно сказать, что труд является безусловной ценностью, но в настоящее время его важность отодвинута на периферию массового сознания. Новые подходы в воспитании молодого поколения, основанные на прививании ему представлений о ценности, необходимости и нужности труда для развития и человека, и общества, могут исправить положение. Труд – основа как материального, так и духовного, так и социального благополучия. Труд в своём многообразии (физический, интеллектуальный, духовный, индивидуальный, коллективный, воспроизводящий, творящий) позволяет формировать гармонично развитую

личность – предмет постоянного внимания множества философских концепций. У современного человека, на наш взгляд, есть все возможности по существенному продвижению на пути к этому идеалу. А гуманистически ориентированное образование, ставящее трудовое воспитание, формирование труда как базовой ценности в сознании подрастающего поколения, – институциональная форма бытия человека, стремящегося к гармонии.

Список литературы

1. Аксиология славянской культуры: международный сборник научных статей молодых ученых, аспирантов, студентов [Текст] / Отв. ред. Е.М. Дзюба. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2015. – 140 с.
2. Любутин К.Н. Философская антропология Карла Маркса [Текст] / К.Н. Любутин, П.Н. Кондрашов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 141–143.
3. Мор Томас. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III [Текст] / М.Л. Гаспаров, Ю.М. Коган [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1998. – С. 80–81.
4. Треушников И.А. Приоритеты духовного развития Российского общества [Текст] // Вестник Российского университета кооперации. – 2012. – №4 (10). – С. 136–141.

Узлов Юрий Андреевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

ЧЕЛОВЕК ТРУДА В СИТУАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: в данной статье автором предпринята попытка через призму социокультурного анализа осмыслить некоторые исторические аспекты экономической жизни российского общества.

Ключевые слова: модернизация, менталитет, трудовая этика, традиционное общество.

В контексте перехода к модернизированному обществу, интенсификации процессов социальной мобильности усиливаются процессы социокультурной динамики и возникают новые формы и способы социализации и адаптации человека в социокультурном пространстве.

В условиях модернизации представляет интерес соотнесения национальных культурных традиций, ценностей, этнической, религиозной и иной идентичности с модернизационными процессами.

Необходимость теоретического осмысления проблемы российской модернизации во многом обусловлена все более высокими темпами исторической и социокультурной динамики, когда социально-политические, экономические и культурные перемены, порой носящие противоречивый характер, связаны с формированием новой реальности, новых моделей поведения и новых ценностей.

На современном этапе перехода российского общества к очередной модернизации наблюдается всплеск интенсификации взаимодействия традиций и новаций. Это сложная проблема, решение которой, в конечном счете, может повлиять на результаты отечественной модернизации. Возможности традиции заключаются в обеспечении гомеостатической устойчивости и воспроизводстве. Новации предполагают возможность адаптации к изменяющимся условиям внешней среды, способность к обновлению и развитию. Избыток новаций ведет к усложнению системы, уменьшает ее структурную устойчивость, повышает вероятность распада. Доминирование традиций, повышая структурную устойчивость системы, способно усиливать тенденции к деградации и неспособности адаптироваться к реалиям времени.

В условиях перехода российского общества к новому этапу модернизации происходит становления новых форм социальной дифференциации и интеграции, где одной из основных характеристик выступает фактор трудовых отношений, который существует и как специфическая самостоятельная система, и как органическая часть российского общества со своими характерными особенностями.

Из всей совокупности данных связей и отношений необходимо вычлениить наиболее существенные стороны: формирование рынка труда и занятости населения; уровень занятости и безработицы, уровень жизни и структура доходов населения, его социально-профессиональная и в целом трудовая мобильность и некоторые другие характеристики. От решения такого сложного комплекса проблем во многом зависит и успех российской модернизации в целом.

Реформы последних десятилетий со всей определенностью показали, что для позитивной адаптации к рыночной социокультурной системе требуется высокое качество человеческого капитала, личность, склонная к инноватике, творческая интерпретация в выработке адаптационных моделей поведения, акцентирующая индивидуальные способы достижения успеха.

При этом уровень экономического развития, темпы экономического роста во многом оказывают решающее влияние на становление политической демократии, формирование сильного среднего класса, межкультурной и межконфессиональной толерантности, приоритета личности. Все это требует серьезного осмысления места, роли и значение человека в современном обществе, а такие факторы как образование, наука, техника, культура становятся важными элементами, оказывающими позитивное воздействие на развитие общества и отдельной личности в ситуации модернизации и общественной трансформации.

Современная общественная трансформация – это сложный комплекс проблем и противоречий, прежде всего духовного развития, который характеризует состояние общества, которое вступив на путь капитализации и глобализации, попадает в орбиту вестернизации, где доминантой становится распространение на новой почве основных элементов культуры западного типа.

Процесс этот, как правило, связан с изменением общественных отношений, ориентацией на абсолютное доминирование товарно-денежных отношений. Такая политика предполагает преобразование духовно-культурных ценностей и приоритетов с целью их адаптации к новым политическим и экономическим реалиям – демократизации, капитализации, глобализации, и осуществление на этой основе интеграции в мировую экономику.

Отечественная и зарубежная наука серьезное внимание уделяет процессам трансформации стран с переходной экономикой, общественной жизни во всех ее проявлениях, выявлению роли личности, соотношения материальных и духовных факторов.

Личность в общественном сознании еще до недавнего времени представлялась как компонент социума, как производственная сила, которая принимает участие в производственных отношениях, независящих от его сознания. Личности приравнивалась орудиям труда [6, с. 101], а духовный мир и сознание оставались за его пределами. Опыт стран добившихся успехов в социально-экономических преобразованиях свидетельствует о том, что успех стал возможен при условии широкой поддержки населением проводимых реформ.

Российская модернизация и общественная трансформация проходят в сложных условиях глобализации и мирового экономического кризиса, поэтому корректировка социально-экономической политики государства и механизмов ее осуществления возможна

лишь на основе всесторонней оценки результатов аналогичных процессов. Страны существенно различаются по своим стартовым условиям, менталитету населения, уровню и специфике культуры, властных отношений и системе ценностей.

Сегодня мировое сообщество предлагает различные модели развития, однако, иностранный опыт будет намного эффективней, если он адаптирован к системе ценностей страны, где предполагается его практическое использование. Необходимо отказаться от шаблонного копирования, с чем приходится считаться России, пытающейся найти пути к собственной модели социально-экономического развития.

Такой подход позволит реально понять, что и как действует в экономике, как адекватно влиять на эти процессы и проводить эффективную политику. Нельзя упускать и такой важный аспект, что ключевую роль в современных интеграционных процессах играет и отдельная личность. Анализ экономических, социальных и политических трансформаций будет неполным без исследований роли самой личности. При выборе модели экономического развития необходимо учитывать состояние всей общественной структуры.

Переход к современной экономике предполагает кардинальное изменение социальных институтов и образа жизни, он охватывает все сферы жизни человека и общества, указывает вектор движения, с помощью которого отставшие в своем развитии страны могут достичь высокой стадии развития и войти в мировое сообщество.

В свое время С.П. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, И.А. Ильин рассматривали явления хозяйственной жизни общества в свете культурных и природных факторов. Они полагали, что хозяйственная деятельность осуществляется при определенных условиях и в определенной обстановке. Экономическая жизнь общества рассматривалась ими как взаимодействие человека с окружающей его средой обитания.

В.С. Соловьев и И.А. Ильин связывали экономику с такими понятиями, как собственность и нравственное отношение к земле, они считали, что сущность нравственного решения основных экономических проблем заключается во внутренней связи с жизненными интересами и целями человека.

Механизмом, предохраняющим традиционную культуру от разрушения целостности и устойчивости, было табуирование новаций, любых отклонений от традиционных образцов деятельности

на индивидуально-личностном уровне, такая ориентация на воспроизводство жизни в сложившихся, веками апробированных формах и негативное отношение к любым новациям, способным разрушить традицию, было характерно для русской общины вплоть до начала XX века.

Запрет этот распространялся на накопление денег, использование агротехнических нововведений, позволяющих повысить эффективность хозяйства, на развитие грамотности, излишнее усердие в труде, работу в праздничные и выходные дни [7, с. 317] – все то, что разрушало привычный социальный порядок и подрывало устойчивость и стабильность.

В таких условиях только государство могло быть главным субъектом инновационных изменений, опирающееся на силу принуждения, и в таких условиях Россия не раз пыталось приблизиться к передовым странам. Происходило это в эпоху петровских преобразований XVIII в., сталинской индустриализации XX в., рыночной модернизации конца XX – начала XXI в., при этом всегда использовалась модель «догоняющего развития», что не приносило в конечном итоге желаемого результата.

В новых исторических условиях России предстоит выстроить такую модель развития, чтобы побудить широкие массы населения включиться в творческий процесс по ее обустройству, как в экономике, так и на ниве культуры, просвещения и образования.

России нужны новые трудовые отношения, так как успех или неудача любых начинаний во многом зависят от состояния общества – умения и желания людей трудиться, способности власти побудить и воодушевить массы к творческой созидательной деятельности, зажечь их своим собственным примером.

Если областью экономики является набор средств, при заданных целях и предпочтениях, то трудовые отношения определяют, какие индивидуальные и социальные цели считать правильными, а какие нет – в такой плоскости лежит мир хозяйственной культуры.

Концепты и законы конституированы людьми, которые не воспринимаются как нечто данное свыше на вечные времена. Концепты позволяют ставить определенные цели. Ценности и цели не существуют друг без диспозиции концептов. В качестве смысловой мотивации ценность содержит в себе цель как свою возможную перспективу. Ценности вырабатываются человеком в ментальности и языке.

М. Вебер, Г. Шмоллер рассматривали народное хозяйство как мир культуры, объединенный общностью языка, истории, обычаев народа, идей господствующих в данной среде. Они определяли хозяйственную систему как организацию, которой присущ не только определенный уровень используемой техники, но и характерный хозяйственный образ мысли, подчеркивая главенствующая роль социокультурных факторов в экономической жизни. Они считали, что хозяйственная деятельность регулируется социальными механизмами: политическими, этническими, религиозным образованием, что, в конечном счете, и формирует необходимые качества поведения людей. Экономика представляет собой такую систему, участники которой основывают свои решения на рациональном сопоставлении полезности и издержек.

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер отмечал, что европейский капитализм обязан своим происхождением трудовой этике протестантизма, завещанной Богом. Причем труд должен был быть честным, упорным, успешным, приносящим прибыль, которая, в свою очередь, должна была направляться не на получение удовольствия или наслаждения, а на развитие своего дела [3, с. 32–54]. Западные социально-экономические успехи не могли бы существовать без новых трудовых отношений.

Таким образом, народное хозяйство можно представить как науку историческую, этическую, гуманитарную и культурную, где мир хозяйственной культуры возникает благодаря духовным силам людей, которые первоначально проявляются как чувства и побуждения, как представления и цели, а затем как действия и привычные направления воли. Хозяйственная деятельность человека осуществляется в рамках определенных социокультурных параметров, которые проистекают посредством ценообразования и через рынки.

В. Зомбарт, Ф. Бродель, И. Валлерстайн экономическую жизнь представляют как совокупность конкретно-исторических фактов, характеризующих человеческую деятельность с точки зрения изменений деятельности, способов организации совместного труда, изменений социальной среды [1, с. 85].

Осмысление трудовых отношений через анализ общественной трансформации позволяет определить значение субъективных нематериальных факторов в экономике, так как участники экономических отношений являются одновременно и производителями и

потребителями, их жизнь не ограничивается экономическими интересами, экономика для них всего лишь средство, которое обеспечивает жизнь в полном ее многообразии.

Среди комплекса проблем, характеризующий облик современной российской экономической системы, важное место занимает решение задач формирования и утверждения нового типа рыночных отношений и предпринимательской среды, создание условий свободной конкуренции. Это сложные и многоплановые вопросы, без решения которых невозможно понять суть происходящих в нашей стране социальных, политических и экономических процессов.

Рыночные отношения, как социально-экономические явления, представляют собой одну из форм экономической деятельности, прошли длительный и сложный путь становления и эволюции. Социально-экономические перемены, переживаемые в постсоветский период российским обществом, усилили интерес отношения наших граждан к результатам своего труда.

Трудовые отношения формируются под воздействием многочисленных факторов, среди которых важное место занимают религиозные воззрения, идеология и культура.

Отличительной чертой православия является наличие коллективистских ценностей, что связано с тем, что «русская модель хозяйственного развития принадлежала к общинному типу экономики» [9, с. 95].

Категориями общины и артели определялись условия совместного проживания и хозяйственной деятельности русских семей, причем не только в деревне, но и в городе. Община формировалась в исторически сложившихся условиях, где сообща легче было выжить. Община обеспечивала внутреннюю и внешнюю безопасность ее обитателей.

На протяжении длительной исторической перспективы православная церковь укрепляла статус общины. Ценности коллективизма в русской общине воплотились в соборности. Именно соборность стала духовной основой национального единства и создания великой российской державы.

В эпоху Российского государства (XIV–XVII вв.), империи (XVIII–XX вв.) и более поздние периоды отечественной истории, преобладал коллективизм над индивидуализмом. Еще до появления бригадной формы организации труда, наши соотечественники трудились в артелях и кооперативах. На фундаментальных основах

коллективизма формировалось и развивалось российское предпринимательство.

Если западная трудовая этика пошла по пути «тейлоризма», «конвейеризации», то российская совершенствовалась через традиционную артельную форму организации труда, стимулирующую интерес к труду и способствующую развитию смекалки, знаний, умений и взаимопомощи.

Российский коллективизм с его соборным духом способствовал тому, что государство стало одной большой общиной. Что же касается ценностей рационализма и практицизма хозяйственной культуры, то они проявляют себя больше не в индивидуальном хозяйстве, а в большой общине.

Регламент трудовых отношений представлен в старославянском издании «Домостроя», где было прописано, что праведный труд – это экономика нестяжательная и самодостаточная. С. Булгаков, отмечая важность религиозного фактора, формирующего ценностно-мотивационное отношение к труду, богатству и накоплению, отмечал, что труд имеет незаменимое значение для человека, как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями [2, с. 212].

Немецкий ученый Х. Хекхаузен находил зависимость экономических успехов общества от выраженности у людей, образующих это общество, мотивации достижения [11, с. 283–288].

Проблема отношения к труду с целью повышения его производительности является основным вопросом любого общества. Изменить отношение к труду, превратив его в первую жизненную потребность, являлась основой преобразований и Советской России. Однако, несмотря на сходство с протестантской этикой, большевистская идеология не смогла воспитать в человеке чувство личной ответственности и готовность принимать самостоятельные решения. Как показывают исследования социологов, уровень инициативы среди промышленных рабочих был довольно низким. В сочетании с принципом общественной собственности подобные качества порождали халатность, хищения, порчу общественного имущества. Низкой оставалась значимость для населения ценностей достижения, инициативы и ответственности [5, с. 113].

В конце XX столетия под лозунгом высвобождения трудовой инициативы начались перестроечные процессы и последующие рыночные реформы. Главной точкой пересечения различных социальных, политических сил, причиной острой политической борьбы,

поляризации общества, встал вопрос о путях и способах перехода к многообразию форм собственности, формированию рыночного механизма функционирования экономики, решение которого должно было кардинально изменить характер отношений в сфере труда [10, с. 201].

Мотивация рыночных отношений и реализация более высокой производительности, была одной из главных составляющих, легитимизировавших социально-экономические и социально-культурные трансформации. Институциональные изменения в части легитимизации частной собственности, снятие ограничений на формы трудовой деятельности, развитие предпринимательства, отказ от идеологического штампа на материальные блага, устранение ограничений в оплате труда, ликвидация уравниловки – все это должно было способствовать укреплению рыночных отношений и повышению трудовой активности масс.

Главными составляющими новой политики была направленность на улучшение качества жизни за счет перехода к более эффективной организации экономики, способной обеспечить существенное повышение оплаты труда. Социологические исследования свидетельствовали, что зарплата утвердилась на первом месте в мотивации труда, оттеснив такие факторы, как содержание труда, возможность реализации своих знаний и способностей. Население верило руководству страны и возлагало надежды на позитивные перемены в связи с переходом к рыночной экономике.

Реформы в условиях перехода от централизованной, административно управляемой экономики к рыночной оказались крайне сложными и болезненными. Негативные процессы глубинного характера, идущие из советского прошлого, дополнились дестабилизирующими факторами переходного периода.

Процесс разрушения основополагающих черт российского исторического менталитета с акцентом на очернение советского этапа российской истории стал фирменным знаком России 90-х годов. В обществе произошел очередной и разрушительный процесс краха идеалов и веры, самоуничтожения своей истории. Платой за либерализацию и вестернизацию стала девальвация морали, криминализация сознания значительной части населения.

В массовом сознании преуспевающие предприниматели – это стремящиеся к власти энергичные и инициативные люди, жадные к деньгам, не слишком порядочные и не обремененные моралью, безразличные к судьбе своей страны и нуждам народа. По данным

соцопросов только 9% респондентов верит в возможность существования честных предпринимателей [8, с. 13–21].

Рыночные отношения значительно ухудшили состояние ее культурной сферы. Европейский тип развития все еще оставался привлекательным в силу того, что западная цивилизация приобрела устойчивость и стабильность. Тем не менее, каждый народ продвигается в историческом пространстве своим собственным путем, сохраняя свое историческое своеобразие. Прогресс в развитии человечества заключается не в том, чтобы идти всем вместе в одном направлении, а в том, чтобы «исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях» [4, с. 109]. При всей важности рыночных отношений в развитии российского общества нельзя недооценивать роль внеэкономических факторов, в первую очередь специфику трудовых отношений, принятие в расчет которой будет способствовать ее адаптации к изменяющейся социально-экономической ситуации и стимулированию деловой активности населения.

Список литературы

1. Бродель Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск, Полиграмма, 1993.
2. Булгаков С.Н. Православие. – Киев, 1991.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; пер. с нем. М.И. Левиной // Избранные произведения / Пер. с нем. под ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому / Н.Я. Данилевский. – М., 2003.
5. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. – 1998. – №4.
6. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 20.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). В 2-х т. – СПб., 2000. – Т. 2.
8. Моисеева Н.А. Глобализация и «русский вопрос» / Н.А. Моисеева // Социологические исследования. – 2003. – №6.
9. Платонов О. Русская цивилизация. – М., 1995.
10. Узлов Ю.А. Образы России в геополитической и цивилизационной динамике: Монография [текст] / Ю.А. Узлов. – М.: Перо, 2015. – 234 с.
11. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Пер. с нем.; под ред. Б.М. Величковского. – М.: Педагогика. 1986. – Т. 1.

Щербаков Сергей Владимирович

канд. ист. наук, преподаватель
БОУ СПО «Чувашское республиканское
училище культуры»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЧУВАШСКАЯ ПОЗИЦИЯ НА ПРОЕКТ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО ШТАТА В НОЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1917 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация: *вопрос о проекте Волжско-Уральского штата в ноябре-декабре 1917 г. и позиции чувашских деятелей в отношении него для исторического чувашеведения довольно новый, малоизученный, переполненный штампами и стереотипами. Однако на современном этапе от выяснения этого вопроса зависит не только объективное воспроизведение картины произошедшего, но и историческая перспектива существования чувашской государственности. Автор полагает, что перед современными исследователями истории становления автономии и государственности чувашского народа в данной проблеме стоят две задачи: а) достоверно и детально определить позиции ведущих лидеров чувашского национального движения в ноябре-декабре 1917 г. по форме участия чувашского народа в региональном национально-государственном строительстве; б) выработать принципиальную позицию в отношении малообоснованной тенденции считать этот проект формой территориальной автономии и государственности татарского народа в пользу подчеркивания его интернациональной сущности.*

Ключевые слова: *национальные проекты, региональный проект, автономизация, Волжско-Уральский регион, переговорный процесс, национальные организации, органы власти, точки сохождений, точки разногласий.*

В статье мы ставим следующие задачи: 1) проследить как в современной исторической литературе отражен исторический материал и какие сделаны выводы по чувашской составляющей проекта Волжско-Уральского штата в ноябре-декабре 1917 года; 2) обозначить направления исследований, которые помогут объективно и комплексно разобраться с этим вопросом.

I. Историографический обзор исследований советского периода в отношении проекта Волжско-Уральского штата в ноябре-декабре 1917 г. мы не проводим на том основании, что советские историки не ставили задачу выявлять степень этнического компонента в данном проекте автономизации, более заостряя внимание на классовом анализе событий. В 1920–1980-ые гг. ограничивались однострочным шаблоном о буржуазном характере штата, после чего сразу переходили к описанию совместной борьбы партии большевиков и националов со своими классовыми врагами.

Современный тезис о том, что проект Волжско-Уральского штата образца ноября-декабря 1917 г. является продуктом государствообразующей деятельности мусульманского движения, прочно укрепился в массовом и научном сознании под влиянием традиций многочисленной татарской историографии. Он основан на подходе, в котором смешиваются четыре различных проекта автономизации казанских татар, которые те пытались реализовать в период с ноября 1917 г. до июня 1918 г. в один единый процесс становления мусульманской территориальной автономии. Напомним эти проекты:

1) *Волжско-Уральский штат* (ноябрь-декабрь 1917 г.), где преобладают демократические, антисоветские и интернациональные принципы;

2) *Средне-Волжский и Южно-Уральский штат* (январь-февраль 1918 г.) с признанием Советов и с незначительным доминированием мусульманского населения (от 43 до 51%);

3) *штат Идель-Урал* (февраль-март 1918 г.) – это татаризированная форма интернационального штата со значительным преобладанием мусульман (до 60%);

4) *Татаро-Башкирская советская республика* (март-июнь 1918 г.) – национально-территориальная автономия современного типа, где четко обозначены титульные нации, находящаяся на данной территории на особом положении.

Если внимательно и объективно посмотреть на эти проекты, то видно, что два последних действительно являются территориальной автономизацией мусульман (либо татар и башкир) и попыткой строить свою национально-территориальную государственность. Однако два первых проекта не являются таковыми по определению – по всем документам они носили областной и интернациональный характер. Это видно даже по названию проектов.

Примечание: напомним, что национально-территориальной автономии традиционно считается территория, где есть изначальный приоритет какой-либо нации. Другие нации в этой автономии находятся на общих основаниях и должны признавать приоритетность титульной нации. В областной автономии, по понятиям того времени, автономность строилась по экстерриториальному и культурному принципу. На одной и той же территории суверенными правами могли обладать все народы, включая и приезжие – главное создать собственные национально-представительные органы, которые и будут отстаивать культурно-национальные права членов своего сообщества.

Традиция смешивать эти проекты, даже не смотря на принципиальные противоречия, характерна почти для всех татароведов, работающих над этим вопросом. Их мотивы удревнить собственную государственность понятны и естественны. Не перечисляя всех работ, в качестве примера укажем наиболее позднее исследование, опубликованное в 2013 г. в фундаментальном академическом издании в 7 томах «История татар с древнейших времен». В нем Д. Усманова, профессионально занимающаяся темой, справедливо замечает, что согласно резолютивных документов проект Волжско-Уральского штата ноября-декабря 1917 г., должен был носить областной характер. То есть в штате не было исключительного приоритета одной или двух наций, где все национальности, языки и религии полностью равны. В публикации правдиво говорится, что считать Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири (Милли Меджлис) будущим парламентом штата – это грубая ошибка и что параллельно и на тех же экстерриториальных принципах должны были функционировать русские, чувашские и марийские национально-государственные учреждения. Все общеобластные решения в национальной политике должны были происходить совместно и коллегиально. Однако, при этом, автор все равно называет резолюцию Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г. проектом «территориальной автономией тюрко-татар» [18, с. 239]. Отчего такое противоречие? По-видимому, это дань устоявшейся традиции. Такое положение вполне устраивает татарскую общественность, но как к этому должны относиться чувашские исследователи? Ведь чувашский «след» в этом проекте явный.

В советское время, как говорилось выше, чувашские историки не давали этническую характеристику проекта Волжско-Уральского штата 1917 г., ограничиваясь кратким ярлыком о его буржуазности. Чувашские практические действия по включению своего народа в этот штат необоснованно приписали антисоветским лидерам Чувашского национального общества (Г.Ф. Алюнову, И.В. Васильеву и другим). На основе недостоверных поздних свидетельств чувашских левых социалистов (А.Д. Краснова, В.А. Алексеева, Д.С. Эльменя и других), раскручивался миф о наличии, якобы некоего левого крыла, который на декабрьском Чувашском военном окружном съезде 1917 г. и январском Всероссийском чувашском военном съезде 1918 г. сорвал вхождение чувашского народа в этот контрреволюционный штат.

Примечание: традиция трактовки проекта Волжско-Уральского штата конца 1917 г. в качестве буржуазного, проявилась уже в 1918 года. Чувашские политики и деятели национального движения, сотрудничающие с Советами, тогда в своих публикациях были вынуждены подчеркивать преданность советским идеалам и неприязнь к «буржуазным» проискам. Это же требовалось и в дальнейшем, когда они писали свои воспоминания.

Среди современных исследователей истории становления автономии и государственности чувашского народа в начале XX в. оценка освобожденного от цензуры архивного материала вызвала неоднозначную реакцию. Впервые подробно об участии чувашских деятелей в государствообразующих процессах начал писать видный исследователь А.В. Изоркин. При этом он обошел вниманием первый ноябрьский проект штата, сосредоточив основное внимание на втором, январском, проекте. С одной стороны, он занял верную позицию и описывал проект штата в январе 1918 г. как наднациональный, не указывая его этническую принадлежность, последовательно описывая чувашскую позицию на Всероссийском чувашском военном съезде в январе 1918 года [4, с. 20–23]. Но с другой стороны, он продвигал мысль, что для чувашских участников съезда этот вопрос якобы стал «совсем неожиданным» [5, с. 50, 51], тем самым неоправданно обошел вниманием предыдущую деятельность в ноябре-декабре 1917 года. Это невольно искажало картину произошедшего в пользу татар и башкир, выставляя их инициаторами государствообразующих процессов. Возможно, на такое мнение повлияло то, что

на рубеже XX–XXI вв., еще не были введены в оборот многочисленные документы, по данному вопросу, хранящиеся в архивах Уфы и Казани. Тем не менее, комплексно описать процесс создания штата, даже в общих чертах автору не удалось, так как в публикациях совсем не была проявлена русско-татаро-чувашиско-марийская составляющая второго январского проекта штата, больше известного как Средне-Волжский и Южно-Уральский штат.

Инициативу в государствообразующих процессах мусульманскому движению в Волжско-Уральском регионе отдает другой чувашский исследователь Т.В. Немцева. Так, в частности она сообщает, что в июле 1917 г., поволжские мусульмане приняли решение о провозглашении мусульманской автономии, а «чувашские национальные организации, ознакомившись с материалами собрания (мусульман – С.Щ.), приступили к разработке проекта совместной автономии» [14, с. 57]. Автор не пояснил о каком типе автономизации идет речь и это создает путаность и искажение. Известно, что на том съезде было принято решение о культурной автономизации российских мусульман. Но тогда описанная чувашская позиция отражена неправильно и не соответствуют реалиям – о необходимости создания для народов Поволжья и Приуралья культурной автономии резолютивно было принято еще на предыдущем съезде мелких народностей Поволжья в мае 1917 г. в Казани, а также на Общечувашском национальном съезде в июне 1917 г. в Симбирске [15, с. 14; 16, с. 2]. Если автор писал о территориальной автономии, то тогда эти сведения тоже не соответствуют действительности, так как этот вопрос действительно обсуждался, но не в июле, а в ноябре 1917 года. Несмотря на запутанное и неполное изложение проекта Волжско-Уральского штата ноября 1917 г. в публикациях Немцовой есть важный позитивный момент – пожалуй, впервые в чувашской историографии создаваемый штат был верно назван «региональной (областной) федеративно-территориальной республикой национальностей» [14, с. 57].

Консервативную позицию заняла видный исследователь современности Е.К. Минеева, который рассматривал проект Волжско-Уральского штата сквозь призму реализации национальной политики большевиков в регионах. В работах не дается оценка об этнической принадлежности штата и его инициаторах и при этом верно пишется, что создавался он как совместная автономия чувашей, татар и башкир. Чувашская позиция по отношению проекта штата 1917 г. отдельно не изучалась. При этом автор приводит сведения

чуваши́х историков советского периода, которые говорят о том, что, якобы, декабрьский Казанский чувашский военно-окружной съезд 1917 г. отверг идею штата, а на январском Всероссийском чувашском военном съезде 1918 г. согласие было получено «некоторым большинством голосов при огромной массе воздержавшихся» [11, с. 45, 46; 12, с. 241–243]. Это было не так. Во второй части нашей статьи мы постараемся разобраться с этим вопросом.

От изучения истории становления советской государственной системы в Чувашии к изучению чувашского национального движения, в последнее десятилетие пришел другой исследователь – В.Н. Клементьев. В то же время, вопросы образования чувашской автономии стал объектом исследования историка-архивиста С.В. Щербакова, т. е. нас, автора данной статьи. В трактовке двух авторов намечались различные методологические подходы. Рассмотрим вкратце их, так как они наложили контрастный отпечаток и в вопросе описания проекта Волжско-Уральского штата.

Клементьев, несколько трансформировав прежнее советское наследие считать национальные движения порождением классовой борьбы и традицию выявлять в 1917 г. ведущую роль партии большевиков, сформировал концепцию об определяющей роли в чувашском движении российского просвещения с одной стороны, и стимулирования процесса татарским автономизмом с другой. То есть чувашское движение – это не самобытное и равноправное движение, а инспирированное со стороны общероссийской интеллигенции явление, стимулируемое со стороны мусульманами. Автор, на основе многолетних исследований делает вывод, что все лидеры чувашей в начале XX в., несмотря на всестороннюю просветительскую деятельность российского и советского правительства, оказались «морально-психологически и интеллектуально неуверенными» [10, с. 311]. Что они наделены особыми «этнопсихическими» свойствами – «застенчивость, нерешительность, уступчивость, низкая самооценка, инертная реакция на меняющиеся жизненные реалии... незрелость и неумение самостоятельно принимать решения» [9, с. 33, 41]. Такой методологический подход мы можем характеризовать как обоснование концепции об исторической неполноценности чувашского народа.

Щербаков на основе углубленного и всестороннего изучения архивных документов Чувашии пытается пересмотреть устоявшиеся

в советское время стереотипы, восполняя «белые пятна» и исправляя прежние пропагандистские искажения. Чувашское национальное движение мы рассматриваем не со стороны воздействия только государства или их соседей, а комплексно – выявляем объективные социально-экономические, политические и духовные приоритеты народа, после чего изучаем то, как они реализовывались на стыке взаимодействия с региональной и центральной властью страны с одной стороны, и с другими национальными движениями с другой. К сожалению, публичного мнения специалистов и научной общественности Чувашии, на три десятка статей и две монографии Щербакова, не смотря на их значимость и актуальность, так и не были опубликованы. Зато наша деятельность не была оставлена без внимания историков Татарстана, где были высказаны позитивные и приветственные отзывы [17]. Теперь рассмотрим, как два автора трактуют этническую принадлежность проекта Волжско-Уральского штата.

Примечание: лакуна была заполнена недавно, когда одним предложением, искусственно и без единого доказательства, наша деятельность была охарактеризована как некомпетентность, нигилизм и аутсайдерство. [10, с. 28]. Ждем более основательной оценки и надеемся, что после этой статьи, будет развешиваться не только ярлыки, а произойдет действительно научная дискуссия...

В 2007 г. вышли знаковые статьи обоих авторов на схожую тему. Щербаков впервые в чувашской историографии стал трактовать проект Волжско-Уральского штата на рубеже 1917–1918 гг., как равноправный и интернациональный, где нет приоритета какой-либо нации или религии [19, с. 388, 389]. Клементьев же напротив занял обскурантистскую позицию и впервые в чувашской историографии, вслед за татарской традицией, дал однозначную оценку ноябрьского проекта Волжско-Уральского штата как территориальной автономии татар и башкир. Утверждал, что в резолюции Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г., якобы, написано, что это будет «тюрко-татарский штат, включающий в себя Южный Урал и Среднее Поволжье, причем в нем не должно быть других образований» [8, с. 24]. То есть настаивал, что на территории штата, кроме татарской и башкирской, не будет никаких территориальных, либо

культурных автономий других народов, в том числе русских, чувашей и марийцев. Это грубейшее искажение документа и реальности. Такое искажение имеет далеко идущие негативные последствия, как для чувашеведения, так и для современного национального самосознания и для будущего чувашской государственности. Данный «татаризированный» тезис о вторичности чувашского участия в проектировании штата, без изменений, и не смотря на наши многочисленные статьи и своевременные замечания в адрес исследователя, без изменений перешли в последующие монографии Клементьева в 2009 году [3, с. 33] и в 2014 году [10, с. 289].

Примечание: думаю, будет нелишне процитировать настоящую резолюцию Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г.: «1. Принимая во внимание, что большинство членов тюрко-татарской нации населяет территории между Южным Уралом и средним течением Волги, и имея в виду национальные и экономические интересы как тюрко-татар, так и других народов (выделено нами – С.Щ.), населяющих эту территорию, Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири признало необходимым образование штата... 6. В Урало-Волжском штате должно осуществляться полное равенство наций, языков и религий». В дополнительном и пояснительном постановлении Милли Меджлиса «О правах наций, языков и религий в Урало-Волжском штате» говорится, что «5. Каждая нация, имеющая органы самоуправления, признается юридическим лицом. Все органы национального самоуправления, как центральные, так и местные, признаются органами публично-правовыми... 7. Из средств штата, предназначенных на национальные нужды, все нации пользуются в одинаковой степени – пропорционально своей численности... 19. В средних учебных заведениях всех национальностей, кроме родного языка учащегося, должно быть обязательное изучение еще одного из языков: татарского, русского, чувашского и черемисского. 20. Для лиц, окончивших высшие учебные заведения штата, обязательно знание двух их языков: татарского, русского, чувашского и черемисского» [13, с. 269–272]. Где здесь – тюрко-татарский штат и национальная государственность татар и башкир? Очевидно, что здесь заложены принципы интернационализма.

В последней монографии, уже осознавая ошибочность своего утверждения, Клементьев пошел на новую хитрость. Речь идет о том, что, имея на руках реальный и полный текст резолюции

Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г., Клементьев использует его с искажающими купюрами. Так, описывая границы штата, использует оригинал, а при описании этнической принадлежности штата, ссылается на тенденциозную информацию со статьи 1999 г. татарского историка С.М. Исакова [6, с. 51]. То есть, видя, что он не прав, идет на сознательное искажение документов. В его «фейковой» трактовке получается, что на территории западной (чувашиско-марийской) части Казанской губернии должен был быть исключительно «тюрко-татарский штат, причем в нем не должно быть других образований». Это обман читателя. Что особенно примечательно, в 2004 г. Исаков в новой монографии исправился и написал тот же материал уже правдиво, указывая на равноправие и интернационализм в штате [7, с. 405]. Клементьев знает эту книгу и использует ее в 2014 году [10, с. 289] Отчего же он тогда использовал устарелую и ошибочную информацию Исакова 1999 года? Думаем, что это недопустимо для научной этики. На этом заканчиваем историографический обзор и перейдем к изучению отдельных моментов ноябрьского проекта Волжско-Уральского штата 1917 года.

II. Изложим некоторые соображения, которые на наш взгляд, в дальнейшем помогут комплексно, всесторонне и полно осветить вопрос об участии чувашских организаций в реализации как проекта Волжско-Уральского штата, так и других альтернативных ему направлений.

1. Необходимо четко определиться, что на Казанском чувашском военно-окружном съезде в декабре 1917 г. и Всероссийском чувашском военном съезде в январе 1918 г. не было никаких фракций. Первая официальная левая фракция зафиксирована только на Общечувашском рабоче-крестьянском съезде в июне 1918 года. Это необходимо, чтобы избавиться от иллюзий, которые формировали чувашские политики советского времени, чтобы не дискредитировать «чувашское дело» перед новой властью. А что же на этих трех съездах было принято в отношении проектов региональной автономизации в ноябре 1917 г. – июне 1918 года?

На декабрьском чувашском военном съезде вопрос о вхождении не обсуждался, но был вопрос о том, какой должна быть Россия – унитарной или федеративной. Согласно резолюций по докладу И.В. Васильева, съезд впервые официально изменил прежнюю унитаристскую позицию чувашского движения в пользу при-

знания федеративности и создания в регионе областной автономии [1, оп. 1. д. 2. л. 33]. Это можно трактовать как идею поддержки проекта Волжско-Уральского штата, адептом которого был Васильев. А на январском чувашском военном съезде, практически единогласно было принято принципиальное решение о вхождении чувашских территорий в Волжско-Уральский штат. Согласно протоколов самого съезда, за вхождение чувашских территорий в Волжско-Уральский штат 19 января 1918 г. проголосовало 44 депутата съезда и 4 воздержались [1, оп. 1. д. 24. л. 32]. Подавляющего большинства воздержавшихся не отмечено. Попутно, со своей стороны заметим, что на основании анализа протоколов, видно, что, по крайней мере, двое воздержавшихся, были противниками принципов федерализации в России вообще и стояли на принципах культурной автономизации всех народов страны в унитарном государстве. Зато предложение о провозглашении штатов до 1 февраля, т. е. пока советский областной съезд «не пошел против штата», было принято единогласно без воздержавшихся [1, оп. 1. д. 24. л. 32 об]. Пора избавляться от советского мифа, что на этих съездах якобы левая фракция голосовала против штата. Зато вот на июньском съезде 1918 г. такое действительно имело место. Но, это было сделано в отношении сталинского проекта Татаро-Башкирской республики, причем в пользу восстановления принципов интернациональной областной автономии образца ноября-декабря 1917 года [1, оп. 1. д. 27. л. 28, 28 об.].

2. Важные сведения со ссылкой на татарские газетные издания «Кояш» и «Известия Всероссийского мусульманского Совета», сообщает в своей монографии С.М. Исхаков. Он напоминает, что до ноября 1917 г. единым лозунгом национального движения казанских татар было требование реализации культурной автономии. Впервые смена лозунга на территориальную автономию произошло 12 ноября 1917 г. на заседании татарских организаций, организованное по инициативе Харби Шуро. Затем это решение было передано на рассмотрение Милли Меджлиса, который, кстати, по мысли организаторов собирався в ноябре как представительный орган автономизации, основанный на культурном принципе. Вот там под напором территориалистов и был выдвинут проект Волжско-Уральского штата, который сочетал в себе принципы культурной и территориальной автономии. Так вот, Исхаков пишет, что со-

бране 12 ноября было созвано после обращения чувашских, марийских и мордовских представителей в Харби Шуро, которые предлагали преобразовать Казанскую губернию в Казанскую республику «обещая при этом свою поддержку и защиту». Основанием такого обращения, по сведениям автора, стало то обстоятельство, что после избрания 3 ноября 1917 г. председателем Казанского губсовдепа Я.С. Шейкмана, в основном все руководство губернской власти стало русским [6, с. 392]. Раньше мы в своих публикациях писали, что инициаторами интернационального штата в Казанской губернии было мусульманское движение, а чувашское было вынуждено подстраиваться под меняющиеся обстоятельства. Новые факты, изложенные в книге Исхакова, расставляют приоритеты по-иному, и требуют переосмысления и поисков дополнительных сведений...

3. Информация Исхакова так же подкрепляет фактической базой и другое направление исследовательской мысли. Так, мы знаем, что в декабре 1917 г. тот же Шейкман взял курс на реализации в руководстве губернии национально-пропорционального принципа и увеличение участия представителей местных национальностей в управлении советской губернии. Этим он вместе с К.Я. Грасисом попал в число оппортунистов в отношении национальной политики Ленина и Сталина, революционная мысль которых до 1918 г. была направлена на признание права на самоопределение только у классово развитых пролетарских наций, в число которых «малые народы» Среднего Поволжья и Приуралья не попадали. Кстати, Шейкман и Грасис в обход мнения Совнаркома РСФСР все же добились самопровозглашения Казанской советской республики в феврале 1918 г., и которую тот же Совнарком вынудил «мятежный» регион в мае 1918 г. самоликвидировать. Однако «творчество трудящихся масс» в итоге повлияло на изменение прежних большевистских доктрин. С новыми данными из монографии Исхакова у этой цепочки событий появляется дополнительное звено, которое также необходимо хорошо осмыслить.

4. Важно разобраться со «странными» поведением и воспоминаниями одного из чувашских лидеров 1917–1918 гг. А.Д. Краснова. На основе сохранившихся отрывочных сведений и искаженных воспоминаний, а также реконструкции тех событий и с учетом но-

вых данных Исхакова, можно сделать вывод, что оно было не таким уж и странным. Полагаем, что в конце 1917 г. – начале 1918 г. он работал на два лагеря, национальный и советский. То есть сотрудничал как с Харби Шуро, так и со враждебным ему Казанским губсовдепом. Советам демонстрировал классовый подход и борьбу с буржуазным национализмом, но в то же время последовательно отстаивал идеалы культурного типа автономизации, который напомним по определению Ленина и являются утонченным видом буржуазного национализма. Это, с одной стороны. С другой стороны, просим обратить внимание на тонкий дипломатический нюанс – Краснов, найдя в декабре 1917 г. деятельную поддержку и понимание со стороны Шейкмана и Грасиса, а вместе и с ним обещание реализовать полноценную культурную автономию чувашей уже не в буржуазном штате, а в советской республике, подспудно поддерживал и противоположную позицию. В частности, в том же январе 1918 г. на чувашских съездах он активно поддерживает татарский проект штата. Спрашивается – зачем? Думаем, для того чтобы в условиях противостояния Харби Шуро и Казанского губсовдепа иметь поддержку с обеих сторон, делая тем самым чувашскую позицию более крепкой и перспективной. Дальнейшие изыскания в отношении исследования деятельности Краснова, помогут пролить немало света и проект Волжско-Уральского штата ноября-декабря 1917 г.

5. Необходимо изучить проекты советской автономизации казанских большевиков и левых эсер на рубеже 1917–1918 годов. Этот вопрос как правило вообще выпадает из поля внимания исследователей. В советское время Грасиса и Шейкмана третировали за оппортунизм и нигилизм по отношению к политике Ленина и Сталина. Особенно Грасиса. В современное время татарские историки тоже их не жалуют, так они были сторонниками интернациональных проектов. Думаем, что именно чувашские исследователи должны вспомнить те позитивные моменты этих деятелей, которые помогли сформироваться нашему современному богатейшему полиэтническому культурному ландшафту Волжско-Уральского региона.

6. Очень важно принципиально разобраться с проектами Шафа в декабре 1917 г. и январе 1918 года. Так в статье Усановой

говориться, что разница между знаменитыми «двумя проектами Шарафа» заключается в том, что первый это с чувашским и марийским населением, а второй без них [18, с. 240]. Это верно в отношении январских событий и проекта Средне-Волжского и Южно-Уральского штата. А вот в декабре 1917 г. сам Г. Шараф, согласно сведений газету «Безен юл», эту разницу объяснял совсем по-иному: «1 проект. Количество населения в штате больше по сравнению со следующим проектом и соотношение национальностей в штате примерно равное (т.е. тюрко-татар около трети, русских около трети и чувашей, марийцев и других около трети – С.Щ.) Докладчик защищает этот, считающийся первым, проект и, исходя из него, разъясняет внутреннее устройство штата. 2-й проект. Здесь в основу штата кладется областной принцип, но предусматривается включить гораздо меньше великорусов по сравнению с тюрко-татарским населением» [13, с. 273]. Так что необходимо привлечь дополнительный комплекс документов, чтобы окончательно поставить точку в этом вопросе.

7. Исследователь Д.М. Усманова сообщает интересные подробности доклада Шарафа от 3 января 1918 г. в Милли Меджлисе. В нем он говорит, что «чуваш и черемисы входят в штат, поскольку «они не в состоянии создать собственную автономию», и что в дальнейшем, по мере подъема культурного уровня этих мелких народностей, допускается выделение более мелких штатов» [18, с. 241]. Речь идет о своей территориальной автономии на организацию которых чувашских организаций не было финансовых средств и военной поддержки, а «мелкие штаты» должны могли быть созданы в пределах огромного Волжско-Уральского штата. Тогда такая мысль называлась как «федерация в федерации». Впервые идея двуступенчатого становления национально-территориальных автономий была высказана И.В. Васильевым на майском съезде мелких народностей Поволжья, [15, с. 11] и массово внедрена в советскую национальную практику в 1920-ые годы. Так что изучение таких моментов может пролить свет на многие малоизученные аспекты решения национального вопроса в СССР.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 499.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1046.

3. Иванов В.П. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы / В.П. Иванов, В.Н. Клементьев. – Чебоксары, 2010. – 192 с.
4. Изоркин А.В. От зарождения идеи до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. – Чебоксары, 1999. – С. 20–37.
5. Изоркин А.В. Чувашия в 1917–1920 годах // История Чувашии новейшего времени. – Кн. 1 (1917–1945). – Чебоксары, 2001. – С. 13–81.
6. Исхаков С.М. Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть // Отечественная история. – 1999. – №1. – С. 47–63.
7. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004. – 600 с.
8. Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1920 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007. – №1. – С. 23–44.
9. Клементьев В.Н. Национальная психология и уровень притязаний чувашской политической элиты начала XX века // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность. – Чебоксары, 2012. – С. 32–42.
10. Клементьев В.Н. Истоки национальной государственности чувашского народа. – Кн. 1. Истоки государственности чувашей. – Чебоксары, 2014. – 320 с.
11. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. – Чебоксары, 2009. – 594 с.
12. Минеева Е.К. Наркоманц РСФСР и становление автономии чувашского народа в 1918–1925 гг. – Чебоксары, 2007. – 182 с.
13. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925): Документы и материалы. – Т. 1. – Уфа, 2002. – 606 с.
14. Немцева Т.В. Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской Республики // Вестник ЧГПУ. История и право. – 2001. – №4. – С. 57–60.
15. Протоколы съезда мелких народностей Поволжья // Съезды народа мари. 1917–2004 гг. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 5–44.
16. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским Национальным Съездом, состоявшимся в г. Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. – Симбирск, 1917. – 30 с.
17. Тагиров И.Р. О монографии С.В. Щербакова и не только о ней // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2013. – Л. 195–198.
18. Усманова Д.М. Национальное собрание и судьба различных проектов // История татар с древнейших времен. – Т. 7. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань, 2013. – С. 233–242.
19. Щербаков С.В. Всероссийский чувашский военный съезд: попытки решения национального вопроса эсерами в январе 1918 года (по документам РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики») // Вестник Ленинского мемориала. – Вып. 9. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «1917 год в зеркале истории». – Ульяновск. 2007. – С. 386–397.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XXI вв.

Архипов Юрий Романович

д-р геогр. наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ РАССЕЛЕНИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

***Аннотация:** работа посвящена территориальному анализу общих и структурных изменений в сельском расселении России в последние десятилетия. Использование материалов всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. и применение количественных методов структурного анализа позволило выявить типы структурных изменений сельского расселения и их территориальные различия в разрезе федеральных округов и субъектов России.*

***Ключевые слова:** сельское расселение, структурные изменения, территориальная дифференциация.*

Изучение расселения людей всегда имело большое значение для познания исторического процесса территориальной организации хозяйства, социальной сферы и использования природных ресурсов и условий. Именно в населенных пунктах, являющихся и местом жительства людей, и местом нахождения социально-экономических объектов, в концентрированном виде проявляется взаимодействие человека, производства и природы.

Данная работа имеет целью анализ изменения структуры распределения сельских населенных пунктов по людности в Российской Федерации в территориальном разрезе. Работа выполнена по материалам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. [1; 2].

Оценка изменения структуры распределения сельских населенных пунктов по величине была произведена по формуле:

$$\text{КСИ} = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |s_i^t - s_i^0| = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |\Delta_i|,$$

где s_i^0 , s_i^t – структурные компоненты i -й группы распределения селений по людности в начальный и конечный моменты рассматриваемого периода времени (2002 и 2010 гг.). Значение коэффициента структурных изменений (КСИ) находится в интервале от 0 до 1 или от 0 до 100%, если он выражается в %. Чем меньше значения КСИ, тем меньше изменение структуры. Структурная компонента представляет собой долю селений рассматриваемой группы, выделенной по признаку людности, в общем числе сельских населенных пунктов или в общей численности населения.

Для анализа территориальных особенностей структурных изменений в сельском расселении России была использована укрупненная группировка сельских населенных пунктов: малые селения (людностью до 200 чел.), средние (от 201 до 1000 чел.), крупные (более 1000 чел.). Использование укрупненной группировки сельских населенных пунктов позволяет лучше выявить территориальные закономерности изменения структуры сельского расселения.

Анализ изменения структуры распределения сельских населенных пунктов по людности по показателю числа селений в разрезе федеральных округов и субъектов РФ позволил выявить следующие основные типы структурного изменения:

- 1) увеличение долей малых и крупных селений и уменьшение доли средних селений;
- 2) увеличение доли малых селений и уменьшение долей средних и крупных;
- 3) уменьшение доли малых селений и увеличение долей средних и крупных селений.

Эти три типа структурного изменения характерны для 73 субъектов РФ из 81. При этом, 2-й тип структурного изменения наблюдается в наибольшем числе регионов (таблица 1). Однако, в целом сельскому расселению России присущ 1-й тип изменения структуры сельского расселения по показателю числа селений. Это связано с тем, что большинство регионов Европейской части России с

большим числом сельских населенных пунктов имеют 1-й тип структурного изменения. Второй тип структурного изменения в большей степени распространен в Сибири и на Дальнем Востоке (таблица 1). Первый и второй тип структурного изменения характеризуют основную закономерность в динамике сельского расселения России – рост числа малых. Третий тип структурного изменения распространен в Центральной России, где в четырех регионах (Брянской, Ивановской, Московской и Ярославской области) динамика структуры сельского расселения характеризуется этим типом.

Таблица 1

Распределение регионов России по типам изменения структуры сельского расселения по показателю числа селений в период с 2002 по 2010 гг.

Федеральные округа	Типы структурного изменения				Всего
	1	2	3	Прочие	
Центральный	6	5	4	2	17
Северо-Западный	4	3	2	1	10
Южный	2	4	0	0	6
Северо-Кавказский	3	1	1	2	7
Приволжский	8	5	1	0	14
Уральский	2	2	1	1	6
Сибирский	2	9	1	0	12
Дальневосточный	0	6	1	2	9
Всего	27	35	11	8	81

Структурные изменения систем сельского расселения регионов России по показателю численности населения имеют максимально возможное число типов – шесть. Однако можно выделить два основных типа: 1) уменьшение долей проживающих людей в малых и средних селениях и увеличение доли живущих в крупных; 2) уменьшение доли живущих в средних сельских населенных пунктах и увеличение доли живущих в малых и средних селениях. Первый тип структурного изменения имеют, в основном, регионы Европейской части России, а второй тип – регионы Сибири и Дальнего Востока (таблица 2). Следует отметить, что картина структурных изменений сельского расселения по показателю численности населения в разрезе регионов более мозаична, чем изменение структуры по числу селений, что можно объяснить разнообразием

социально-экономических условий, влияющих на динамичность населения.

Таблица 2

Распределение регионов России по типам изменения структуры сельского расселения по показателю численности населения в период с 2002 по 2010 гг.

Федеральные округа	Типы структурного изменения			Всего
	1	2	Прочие	
Центральный	10	2	5	17
Северо-Западный	5	0	5	10
Южный	3	2	1	6
Северо-Кавказский	2	3	2	7
Приволжский	9	3	2	14
Уральский	2	1	3	6
Сибирский	3	6	3	12
Дальневосточный	2	5	2	9
Всего	27	35	8	81

Проведенный анализ структурных изменений в сельском расселении России позволяет сделать следующие выводы.

Типы структурных изменений Европейской России и Сибири и Дальнего Востока достаточно четко отличаются, что свидетельствует об их зональности. В пределах этих зон территориальные различия в изменении структуры сельского расселения размыты. При этом, структурные изменения по признаку численности населения более дифференцированы, чем структурные изменения по признаку числа селений.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2002 года. Том 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (дата обращения: 05.11.2015).
2. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 05.11.2015).

Балабайкина Татьяна Александровна

преподаватель

Филиал ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный
университет» в г. Усть-Илимске

г. Усть-Илимск, Иркутская область

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

***Аннотация:** в данной статье автором сделана попытка анализа тех причин, которые повлияли на возникновение прочных питийных стереотипов в русской культуре. Показано, каким образом произошла трансформация культуры питья в России, почему привычка употреблять спиртное прочно укоренилась в подсознании народа.*

***Ключевые слова:** пир, кабак, хмельные напитки, водка, пьянство, потребление алкоголя, ритуал.*

Потребление алкоголя в России, с одной стороны, часто преувеличено и мифологизировано, а с другой стороны, является неотъемлемой частью русской культуры. Истоки русского пьянства уходят в глубь веков. Часто приводят в пример слова князя Владимира из «Повести временных лет»: «Руси есть веселие пити, не может без этого быти» [7, с. 41]. Выражение, принадлежащее крестителю Руси, чаще всего трактуют как признание пьянства. Но это ошибочно. Историк, этнограф И.Г. Прыжов доказывает, что питье на Руси являлось составной частью веселья и вовсе не было пороком, уничтожающим организм человека. Н.И. Костомаров, ведущий исследователь повседневной жизни, писал «... радость, любовь, благосклонность находили себе выражение в вине» [4, с. 114].

Пир как ритуал был распространен на Руси и долгое время оставался важным общественным институтом. Хмельные напитки – главная составляющая пира, но строгие правила не допускали пьянства среди собравшихся. Ритуал был строгим и сложным, пир всегда был долгим. «Отличительной чертой русских пиров было чрезвычайное множество кушаний и обилие в напитках» [4, с. 126]. Пирыв устраивались, как правило, один раз в месяц, по случаю важных событий, поэтому пьянство было исключением из повседневной жизни. По утверждению Н.И. Костомарова, русский народ пил редко. Можно с уверенностью утверждать, что совместное потребление алкоголя имело обрядовый характер. Запрет на посещение застолья был видом наказания. Изначально Русь не знала крепкого алкоголя. О пьянстве как социальном явлении нет ни

одного упоминания в документах домосковской Руси. Следовательно, мы можем предположить, что его просто не существовало. Народ употреблял мед, пиво, квас, от которых опьянение было легким и недолгим. И.Г. Прыжов в своем масштабном исследовании указывает на появление вина в X веке, ввозимого из Византии, но в связи с дороговизной потребление вина не было массовым.

Водка стала известна на Руси в XVI веке. Иван IV Грозный запретил продавать этот напиток в Москве, и именно тогда начинают появляться дома для попойки опричников, называемые кабаками. Появление на Руси кабака существенно повлияло на её историю. Несмотря на то что были жесткие ограничения к месту строительства питейного заведения, и было указано от кабаков всех охранять, они активно посещались простым людом. С этого времени питейные заведения обрели популярность среди народа и стали реальностью русской жизни. А.Ф. Кони, выдающийся государственный деятель, литератор, писал: «Когда была введена казенная продажа вина, предполагалось, что кабак – средоточие спаивания, заклада и ростовщичества – отжил свое время. Но это была иллюзия, и кабак не погиб, а лишь прополз в семью, внося в нее развращение и приучение жен и даже детей пить водку» [3, с. 345]. До XVI века иностранцы, посещавшие страну, не свидетельствовали о любви русских к пьянкам. Ни Сигизмунд Герберштейн, ни Ричард Ченслер, посещавшие страну в XVI веке, не указывают на то, что пьянство русских носит массовый характер. В середине XVI века на Балчуге строится особый дом, так называемый «царев кабак», а уже в XVII веке приезжающие в страну иностранцы отмечают поголовное пьянство народа. В древнеславянской корчме можно было и пить и есть, в отличие от появившегося кабака, в котором закуска отсутствовала, что приводило к быстрому опьянению. Уже в конце XVI века корчмы были уничтожены. Кабак распространился по Руси мгновенно. Каковы причины таких перемен?

В XVI–XVII веке происходило много тяжелых событий: несколько войн, опричина, Смута. Все это повлияло на уровень жизни простого народа. Но пьянство как социальное явление, неотъемлемая часть жизни народа появляется в России тогда, когда продажа алкоголя стала статьей государственного дохода. Нельзя забывать и о том, что именно при Иване Грозном существенно увеличилась территория государства. Ключевский дает такую оценку: «Государство пухло, а народ хирел» [1, с. 236]. Огромная империя нуждалась в средствах, в том числе и от продажи водки.

Становится очевидным, что пьянство как культурное явление не всегда было свойственно русской культуре. Пьянство как способ забыться, уйти от тяжелой реальной жизни, поразило все слои населения уже в XVI–XVII веках. История России знала и так называемые «кабацкие бунты» в XVII веке, которые стали следствием невозможности большей части населения платить по кабацким долгам. Уже во второй половине XVII века со стороны государства и церкви были попытки ограничить потребление алкоголя. Например, ограничение числа питейных заведений, установление дней, когда не разрешалось пить, ограничение на количество продажи водки на человека в кабаке. Но государство было также заинтересовано в продаже алкоголя. Реформирование в петровское время шло и за счет питейных доходов в том числе. Отказ от государственной винной монополии в пользу откупной системы позднее также пополнял казну.

Комиссия Тобольского губернатора в XIX веке заключила, что «ныне питейные дома, как уже доказано на опыте, несколько не соответствуют стремлениям правительства предотвратить вредное влияние питейной продажи на общественную нравственность» [6, с. 246]. Потребление в России спиртного неуклонно увеличивалось, особенно интенсивно это происходило в XIX веке. На событиях, которые послужили толчком для резкого увеличения питейных заведений и количества потребляемого алкоголя, следует остановиться подробно.

28 января 1861 года на Государственном совете Александр II заявил: «Дело об освобождении крестьян, которое поступило на рассмотрение Государственного совета, по важности своей я считаю жизненным для России вопросом, от которого будет зависеть развитие её силы и могущества» [6, с. 193]. А уже 19 февраля 1861 года царем был подписан проект «Положения о крестьянах» и Манифест. За всю историю России данная реформа стала самой важной. Более 20 миллионов помещичьих крестьян ждали обретения свободы. Но воля была получена практически без земли, что вызвало взрыв народного негодования. «В уме крестьян долгое время не могло совместиться понятие о личной свободе с понятием об обязательных повинностях в пользу помещиков за предоставляемую крестьянам землю» – «Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 по 19 февраля 1864». Беспорядки, устраиваемые крестьянами, освобожденными от крепостной зависимости, начинаются уже через месяц после оглашения Манифеста. Бессилие человека перед жизненными проблемами тол-

кало его к беспробудному пьянству. «В 19 столетии кабаки распространяются по селам и деревням. В 1852 г. кабаков – 77838, в 1859 г. – 87388 и, наконец, после 1863 года число их, увеличившись примерно в шесть раз, перешло за полмиллиона» [6, с. 158].

Сложным и неоднозначным стал для России XX век. В 20-е годы XX века была вновь введена государственная водочная монополия и существенно расширилось производство всех видов алкогольной продукции. Скачок в потреблении алкоголя всегда совпадал с социально-политическими потрясениями в стране. В 80-е годы XX века производство винно-водочной продукции снизилось. В результате ограничения доступности алкоголя уменьшилось количество пьющих, и это было положительным итогом жестких мер проводимых М.С. Горбачевым. Но необходимо отметить, что антиалкогольная кампания не была безупречна. К концу 90-х годов заболеваемость алкоголизмом вновь выросла почти на 50%. В стране от алкоголя умирало 900 тысяч человек в год [5]. В современной России проблема пьянства по-прежнему актуальна. Данные Росстата РФ показывают, что потребление алкоголя среди россиян высоко. С каждым годом растет смертность в результате потребления алкоголя.

Много сказано о том, что хмельные напитки имеют особое значение для русской культуры. Алкоголь сопровождает жизнь человека от рождения до смерти. Все значимые этапы жизни требуют «обмывания» независимо от того, какую эмоциональную окраску положительную или отрицательную они несут. Русский человек привык пить много, пить долгое время. Нормой считается хвостовство количеством выпитого. Пьянство как таковое изначально было навязано русскому народу. Уже затем, в русской культуре возникли прочные питейные стереотипы, которые способствовали терпимости к пьяным людям и сформировали недоверие к абсолютно непьющим. Привычка употреблять спиртное прочно укоренилась в подсознании народа.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Том 3. – М., 1988.
2. Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). – М., 1994.
3. Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Том 4. – М., 1967.
4. Костомаров Н.И. Русские нравы. – М., 1995.
5. Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. – М., 1995.
6. Прыжов И.Г. История кабаков в России. – М., 1992.
7. Русская литература XI–XVIII вв. – М., 1988.

Бойко Иван Иванович

д-р ист. наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Долгова Алевтина Петровна

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник
БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Харитонова Валентина Григорьевна

канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник
БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УЧАЩИЕСЯ ЧЕБОКСАР О ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ, ОБЩЕСТВЕННОЙ РАБОТЕ И СВОБОДНОМ ВРЕМЕНИ

***Аннотация:** в статье рассмотрены некоторые проблемы учащейся молодежи г. Чебоксары. На основе материалов опроса более 500 представителей этой категории охарактеризована мотивация юношей и девушек при выборе учебного заведения с определением роли различных субъективных и объективных факторов. Авторами показано участие молодых людей в различных формах общественной работы, выявлены предпочтения юношей и девушек, уроженцев села и города. Описаны формы проведения свободного времени с учетом гендерного фактора.*

***Ключевые слова:** учащаяся молодежь, учреждения, начальное профессиональное образование, среднее профессиональное образование, социологический опрос, общественная активность, свободное время.*

Исследовательский интерес к проблемам молодежи не снижается, что вполне закономерно при учете роли юношей и девушек в современном развитии общества. Значительное место в молодежной тематике занимают работы о студентах и учащихся. Об этом, например, свидетельствуют труды специалистов из различных регионов ПФО [1–4]. В Чувашии этим проблемам также посвящено

несколько изданий [5–7]. Предлагаемая статья продолжает изучение данной темы.

В конце марта – начале апреля 2015 г. был проведен опрос 513 учащихся Чебоксар, в том числе – 262 чел. из 5 учреждений среднего профессионального образования (техникумы – механико-технологический, машиностроительный, связи и информатики, технологии питания и коммерции; электромеханический колледж). В 5 учреждениях начального профессионального образования (электромеханический и экономико-технологический колледжи, техникумы транспортных и строительных технологий, машиностроительный, технологии питания и коммерции) анкеты заполнили 251 чел. Почти все они являются уроженцами Чувашии, при этом практически половина (48,2%) – жители столицы республики, 7,6% приехали учиться из других городов республики, 39,2% – из сельской местности Чувашии. Доля учащихся из иных регионов страны составила 4,9%.

Обратимся далее к мотивации молодых людей при выборе учебных заведений. Судя по полученным ответам, для многих учащихся этот выбор, а вместе с ним и будущей профессии, стал вполне серьезным и ответственным делом (таблица 1). По частоте ответов на первом месте стоит интерес к конкретной области производства, социальной сферы, при этом в большей мере так были настроены учащиеся системы СПО, и разница составила более 10 процентных пунктов. Практически для стольких же молодых людей важны были перспективы устроиться на работу и зарабатывать деньги. Дистанция между учащимися СПО и НПО в данном случае менее значима, чем при выборе самого популярного ответа (суммарно составляет 5 процентных пунктов). Примерно одинаково популярны были варианты о влиянии друзей, которые учатся в данных техникумах и колледжах, о стремлении больше узнать профессию перед поступлением в вуз и о случайности выбора. Для каждого девятого респондента выбор учебного заведения в большей степени был решением родителей, родственников, а не их самих. Такое же значение имело удобное расположение учебного заведения. Возможность бюджетного обучения играла роль для 7,4% учащихся. Сравнение ответов на этот вопрос молодых людей и девушек показывает, что у них были особенности при выборе учебных заведений. Например, для юношей интерес к конкретной профессии был более

значимым (58,8%), чем для девушек (46,2%). Первые в некоторой степени были больше настроены на самостоятельность, зарабатывание денег (28,5 и 20,9%), их несколько больше привлекало удобное расположение учебного заведения (12,7 и 8,2%). Заметна разница в варианте ответа о случайном выборе учебного заведения (9,7% юношей и 22,5% девушек). Девушки также чаще говорили о желании больше узнать профессию перед поступлением в вуз (20,9 и 12,7%) и о финансовых проблемах (12,6 и 4,5%).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что повлияло на выбор Вами учебного заведения, в котором сейчас обучаетесь?»
(%, сумма превышает 100%, так как можно было выбрать до трех вариантов ответа)

Варианты ответов	Всего	В том числе	
		СПО	НПО
Интерес к конкретной области производства, социальной сферы	54,3	59,5	48,8
Хотелось побыстрее стать самостоятельным, зарабатывать деньги	25,8	22,9	28,8
Удобное расположение учебного заведения, близость к дому	11,1	12,6	9,6
Настояли родители, родственники	11,3	13,0	9,6
Друзья учатся, вместе интереснее	17,4	14,5	20,4
По полученной специальности легче устроиться на работу	29,1	28,6	29,6
Хотелось больше узнать профессию перед поступлением в вуз	15,6	17,9	13,2
Финансовые возможности мои и родителей – мы не можем платить за учебу, а здесь бюджетное обучение	7,4	8,4	6,4
Выбрал специальность случайно. Нужно было поступить куда-нибудь	14,3	13,7	14,8
Другое	1,6	1,5	1,6

Таким образом, ответы на вопрос о мотивации молодежи, поступившей в техникумы и колледжи, дают основание предполагать, что для большинства из них это был вполне осознанный выбор, определяемый, с одной стороны, интересом к будущей специальности, с другой – возможностями найти достойную и хорошо оплачиваемую работу. Понятно, что на этом пути будет достаточно разочарований и обид, но первоначальные установки позволяют

судить о респондентах как о молодых людях, имеющих вполне серьезные намерения на будущее.

Ряд вопросов анкеты выявлял отношение молодых людей к общественной деятельности и организации свободного времени. Около половины молодых учащихся (43,9%) не имеют какого-либо опыта участия работы в общественных организациях, при этом таким образом чаще отвечали девушки (таблица 2). Треть увлекается спортом и занимается в соответствующих секциях, далее по популярности отмечены творческие объединения и молодежные общественно-политические организации, но по частоте выбора они отстают от спортивных увлечений в 2 раза. Отметим также более частые занятия в творческих объединениях девушек и уроженцев городов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Если у вас имеется опыт участия в каких-либо общественных организациях, что это за организации?» (% , сумма превышает 100%, так как можно было выбрать до трех ответов)

Варианты ответов	Всего	В том числе			
		Юноши	Девушки	Уроженцы городов	Сельские уроженцы
Молодежные общественно-политические организации	15,3	14,9	15,9	16,9	11,6
Творческое объединение (музыкальное, танцевальное, драматическое и др.)	16,9	13,4	23,1	21,1	10,5
Организации спортивных болельщиков, фанатов	5,1	5,2	4,9	3,9	6,5
Спортивные секции	33,9	40,2	22,6	33,5	36,7
Национально-культурные организации	3,5	3,4	3,8	4,2	2,5
Земляческие организации	3,5	4,0	2,7	1,8	4,5

Религиозные организации	1,2	0,6	2,2	0,7	2,0
Другой ответ	1,2	1,8	–	0,7	2,9
Не участвую в организациях, не имею такого опыта	43,9	41,5	48,4	43,7	45,2

По остальным показателям отличия являются незначительными. Если сравнить ответы учащихся из учреждений образования СПО и НПО, то отличия относятся только к занятиям в творческих объединениях (музыкальных, танцевальных, драматических и др.). В заведениях СПО в них участвовало 21,1% респондентов, то в НПО – 12,4%. Дистанция также не впечатляющая, но значимая.

Таким образом, проблема повышения общественной активности молодежи является актуальной, и если бы не увлеченность молодежи спортом, то доля «общественников» была бы заметно меньше. Во многом этот фактор определяет структуру свободного времени молодых учащихся. Наиболее значимые дистанции в различных категориях опрошенных отмечены у юношей и девушек, и в табл. 3 приведены сведения в целом по массиву и с учетом гендерного фактора.

Таблица 3

*Распределение ответов на вопрос
«Как Вы в основном проводите свободное время?»
(%, сумма превышает 100%, так как можно было выбрать
до трех ответов)*

Варианты ответов	Всего	В том числе	
		Юноши	Девушки
Телевизор смотрю	34,9	28,0	47,3
С друзьями, подругами собираемся, гуляем	68,6	64,0	76,9
Занимаюсь спортом в секциях или самостоятельно	34,5	42,7	19,8
Сижу в социальных сетях	48,6	40,2	63,7
По телефону с друзьями болтаем обо всем	6,1	5,2	7,7
Хожу в библиотеку, дома читаю	9,4	5,8	15,9
Занимаюсь в различных кружках, объединениях (музыка, танцы и др.)	3,9	3,0	5,5

Люблю сидеть за компьютерными играми	17,6	25,3	3,8
Хожу в ночные клубы, спорт-бары	6,7	8,2	3,8
Занимаюсь общественной работой	4,5	5,2	3,3
Иное	6,9	7,9	4,9

Более двух третей респондентов предпочитают гулять с друзьями, друзьями, особенно это характерно для девушек. Если не иметь в виду занятия спортом, что в основном относится к молодым людям, то оказывается, что в организованных объединениях занимаются лишь менее 9% опрошенных (занятия в кружках, объединениях плюс общественная работа). Чтение занимает время у каждого десятого опрошенного, но если учесть распределение их по полу, то девушки практически в 3 раза чаще ходят в библиотеки или же сидят с книгой дома. Кроме проведения времени с друзьями и подругами, просмотра телепередач значительное место занимают социальные сети, компьютерные игры. Это ожидаемые и стандартные формы времяпровождения. Кроме предложенных в анкете вариантов учащиеся говорили еще о том, что они занимаются домашними делами, вышивают, вяжут, кто-то ходит в гараж заниматься машиной, занимается музыкой, играет на гитаре и т. д. Достаточно заметная часть опрошенных (1,6%) работает.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о наличии среди молодежи нескольких групп, отличающихся отношением к выбору профессии, общественной работе, формам проведения свободного времени. Социологические обследования дают возможность выявить взаимосвязь и взаимовлияние на представителей различных категорий юношей и девушек гендерных, возрастных, поселенческих и других факторов, что, в свою очередь, позволяет повысить уровень профессиональной и воспитательной работы в учебных заведениях.

Список литературы

1. Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа: Экспертный доклад / Под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: Оренбург, 2013.
2. Воронцов В.С. Представления студенческой молодежи об историческом опыте Российского государства (по материалам социологического исследования) / В.С. Воронцов, Д.А. Черниенко // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2014. – Вып. 3. – С. 116–129.

3. Мухаметшина Н.С. Студенческая молодежь как референтная группа современного российского общества // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: Материалы 71-й юбилейной всеросс. науч.-техн. конф. – Самара: Самар. архит.-строи. ун-т, 2014. – С. 22–25.

4. Еремина С.С. Роль российских вузов в профилактике ксенофобии и экстремизма (на примере Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева) / С.С. Еремина, А.В. Мартыненко, Т.Д. Надькин // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 2 (10). – С. 54–56.

5. Бойко И.И. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / И.И. Бойко, В.Г. Харитонов. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук, 2014. – 124 с.

6. Бойко И.И. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: образы Родины и гражданские чувства / И.И. Бойко, В.Г. Харитонов // Этнопанорама. – 2014. – №1–2. – С. 48–56.

7. Бойко И.И. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии о трудовых мигрантах // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 4. – С. 5–9.

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ КООПЕРАТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ЧУВАШИИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРНО-БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ КООПЕРАТОРОВ В 1930-х гг.

***Аннотация:** в данной статье впервые на основе разнообразного архивного материала представлены основные направления деятельности системы кооперативного социального страхования Чувашии в области организации культурного и оздоровительного досуга кооператоров и их детей, а также по расширению сети кооперативных социально-бытовых учреждений.*

***Ключевые слова:** кооперативное социальное страхование, Чувашпромкасса, Чувашпромстрахкасса, Всекопромсоюзстрахкасса.*

Страхование, как особый вид кооперативной деятельности, относится до сих пор к малоисследованной проблеме в истории советской кооперации, как в региональном аспекте, так и в рамках всей страны. При этом оно выполняло достаточно важные функции, осуществляя, как социальное обеспечение, так и страхование

кооперативного имущества. Среди авторов занимающихся данной проблемой безусловно следует отметить П.Г. Назарова, который одним из первых, изучая деятельность кустарно-промысловой кооперации, обратил внимание на кооперативное социальное страхование [1]. Несколько статей о различных направлениях деятельности системы кооперативного социального страхования Чувашии были написаны автором данной работы [2]. Однако впервые предпринимается попытка рассмотрения деятельности кооперативного социального страхования в области культурно-бытового обслуживания кооператоров Чувашии. Выбор в качестве хронологических рамок исследования 30-х гг. XX в. неслучаен, так как именно тогда определялись основные направления оказываемой кооператорам социальной помощи.

Кооперативная система социального обеспечения в советской России стала создаваться в начале 1920-х годов в связи с тем, что введенная в 1921 г. система государственного социального обеспечения относилась только к наемным рабочим. Функции поддержки кустарей стали выполнять кассы взаимопомощи. 16 января 1928 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О кассах взаимопомощи промысловой кооперации». Кассам официально было разрешено выдавать пособия при временной или постоянной утрате трудоспособности, безработице, инвалидности, на беременность и роды, на кормление и воспитание ребенка, на покрытие ущерба от стихийных бедствий, оказывать обслуживаемым ее участникам лечебную помощь во всех ее видах и т. д. [4, ст. 135]. С января 1929 г. кооперативные кассы взаимопомощи развернули борьбу за придание им статуса касс социального страхования. В том же месяце Всекопромсоюз и Всекопромстрахкасс обратились в СНК РСФСР с предложением о пересмотре Положения от 16 января 1928 г. с тем, чтобы отчисления в кассы вимались не с артельщиков, а с артелей и включались в себестоимость продукции. СНК РСФСР первоначально отверг это предложение на том основании, что кассы взаимопомощи не могут пользоваться правами касс социального страхования [1, с. 45]. 26 июня 1929 г. ЦИК и СНК СССР все же приняли постановление «О взаимном страховании кустарей», по которому отчисления в кассы стали виматься с арте-

лей. Постановление разрешило создание республиканских страховых союзов и перераспределение ими средств между кассами, а также страхование и не Kooperированных кустарей. Издание специальных законодательных актов, регламентирующих деятельность кооперативной системы социального страхования, явились активизирующим моментом в создании в автономных республиках и областях касс взаимопомощи промысловой кооперации. 14 февраля 1929 г. была создана Чувашпромкасса (Чувашпромстрахкасса) [5].

Кооперативная система социального страхования помимо основных направлений своей деятельности, связанных с оказанием социальной поддержки кооператоров, в 1930-х гг. стала заниматься также вопросами улучшения культурно-бытовых условий жизни застрахованных лиц. Особое место в этом плане отводилось мероприятиям по расширению сети социально-бытовых учреждений (яслей, детских садов, детских площадок и т. д.). Именно в их функционировании в 1930-х гг. произошли огромные положительные изменения. Они были получены в результате целенаправленной работы, проводившейся руководством Чувашпромстрахкассы, которое даже выделило штатную единицу по дошкольной и ясельной работе. Прогрессивные изменения имели место, как в сторону увеличения количества детских садов и яслей, так и в области содержания работы, проводившейся с детьми в стенах детских дошкольных учреждений. Так, если в 1933 г. в подчинении Чувашпромстрахкассы находилось 55 детских дошкольных учреждений, то в 1935 г. их число возросло до 90, в которых пребывали более 3000 детей [6].

В 1937 г. на основании указания Всекопромсоюзстрахкасс значительная часть дошкольных учреждений была передана непосредственно на содержание артелей. В результате этой реформы в ведение Чувашпромстрахкассы остались только 6 постоянных детских садов. К сожалению, не все артели смогли обеспечить содержание детских дошкольных учреждений, что привело к закрытию многих из них, поэтому Чувашпромстрахкассой в 1937 г. были организованы 12 детских комнат при артелях [7]. При этом резкое уменьшение количества детских учреждений благотворно сказалось на качестве инструкторской работы с руководителями детсадов и яслей, которую проводила инспектор по детскому обслуживанию при Чу-

вашпромстрахкассе. Улучшилось и обеспечение специальной литературой на русском и чувашском языках, для помощи воспитателям с 1940 г. в системе Чувашпромстрахкассе начал действовать методический кабинет [8].

Совместные усилия инспектора по детскому обслуживанию, методкабинета Наркомпроса Чувашской республики коренным образом изменили систему работы с детьми в детских дошкольных учреждениях. В 1940 г. в детских садах с детьми работали в самых различных направлениях, заботясь о всестороннем развитии подрастающего поколения. Почти во всех детских учреждениях на достаточно высоком уровне было поставлено физическое воспитание. Летом был организован прием солнечных ванн, сооружены душевые, которые дети посещали с огромным удовольствием, где невозможно было сделать душевые, устраивалось обливание, купание в речке (Чебоксарский детский сад). Летом 1940 г. впервые дети Чебоксарского и Шумерлинского детских садов в количестве 150 человек были вывезены на дачу. В зимнее время дети катались на санках, лыжах, проводились различные подвижные игры на свежем воздухе, для чего был приобретен специальный инвентарь, игрушки для прогулок. К сожалению, подобные оздоровительные процедуры в зимнее время проводились не везде, так как не у всех детей была специальная одежда. Больше внимания стало уделяться музыкальному развитию. Все детские сады имели музыкальные инструменты, в 4-х садах имелись пианино и рояли, в 3 – балалайки, Марпосадский сад даже приобрел патефон. Во всех детских садах организовывались занятия по развитию речи, по знакомству с природой, для чего в некоторых из них были созданы уголки живой природы, в которых имелись аквариумные рыбки, лягушки. Дети с природой знакомились и в результате практической деятельности на небольших огородах, разбитых во всех учреждениях. С 1938 г. во всех детских садах стал организовываться торжественный выпуск детей, на котором маленьким выпускникам дарили подарки: буквари, тетради, карандаши [9].

Необходимо отметить, что к концу 1930-х гг. система подготовки детей в детских дошкольных учреждениях в основном сложилась в таком виде, в котором она существует практически и по

сегодняшний день. При этом работа с детьми в детских учреждениях кооперативной системы ничем не отличалась от детсадов, принадлежащих другим организациям республики.

В 1930-х годах Чувашпромстрахкассой проводилась целенаправленная работа по организации отдыха и лечения кооператоров. В начале 1930-х гг. Чувашпромкасса в 7 км от Чебоксар на левом берегу Волги открыла свой дом отдыха «Кувшинский», который за смену мог принять 150 отдыхающих [10]. Впервые не только советские служащие, рабочие, но и кустари-кооператоры получили возможность культурно отдыхать и поправлять свое здоровье в заволжских сосновых лесах. Кооператоров можно отнести к одним из организаторов культурно-массового отдыха в Чувашии, так как в то время в республике действовал всего один дом отдыха, принадлежащий страхкассе. Промстрахкасса помимо организации отдыха кустарей в своем регионе, отправляла желающих на различные курорты страны.

Чувашпромстрахкасса не только работала с дошкольниками, взрослыми, но также занималась организацией досуга, особенно в каникулы, школьников. Организовывались различные экскурсии, дети, требующие особого лечения, направлялись на детские курорты Анапы, в санатории других регионов страны, причем при выборе кандидатур, отправляемых на отдых, приоритет отдавался отличникам учебы, детям ударников и стахановцев. В 1937 г. из 102 детей, отдохнувших летом за счет Чувашской промстрахкассы 40 являлись отличниками учебы и детьми стахановцев [11]. Ежегодно увеличивалось количество детей кооператоров, получивших возможность выехать в пионерские лагеря, в санатории и на курорты, расширялась и география экскурсионных маршрутов. Следовательно, не только кооператоры, но и их дети благодаря кооперативному страхованию могли летом отдохнуть в пионерских лагерях, поправить свое здоровье, проходя курсы лечения в санаториях и на курортах страны, познакомиться с различными городами и регионами.

Таким образом, в 1930-х гг. в системе кооперативного социального страхования Чувашии определились основные направления культурно-бытового обслуживания кооператоров и членов их семей. Эти направления ничем не отличались от мероприятий, проводившихся государственными соцстрахкассами.

Список литературы

1. Назаров П.Г. История кредитно-промышленной кооперации в России. – Ч. VII. – Челябинск, 1994. – 49 с.
2. Вязова О.Г. Организация охраны труда и техника безопасности в системе кустарно-промышленной кооперации в 30-х гг. XX в. // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: Материалы научно-практической конференции. – Глазов, 2007. – С. 15–18.
3. Вязова О.Г. Кооперативное социальное страхование: создание системы медицинского обслуживания кооператоров Чувашии // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы VII Международной научной конференции. – Иваново, 13–14 февраля 2008 г. – Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2008. – С. 427–433.
4. Собрание Указаний и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (1917–1938 гг.). – 1928. – №17.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 1787. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 1787. Оп. 1. Д. 75. Л. 12.
7. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 1787. Оп. 1. Д. 117. Л. 44.
8. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 1787. Оп. 1. Д. 151. Л. 26.
9. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 1787. Оп. 1. Д. 151. Л. 32, 38.
10. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 202. Оп. 1. Д. 89. Л. 271.
11. Государственный исторический архив Чувашской Республики. – Ф. 1787. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.

Годинов Антон Николаевич

вице-президент

КРОО «Карельская федерация самбо и дзюдо»

г. Петрозаводск, Республика Карелия

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СЕМЕЙ
ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ**

***Аннотация:** в данной статье автором представлена острота адаптации семей трудовых мигрантов в стране проживания. Отражена проблема необходимости адаптации не только трудовых мигрантов, но и членов их семей.*

***Ключевые слова:** адаптация, семьи, трудовые мигранты.*

Глобализация, демографические сдвиги, конфликты, неравенство доходов и изменение климата будет стимулировать все большее количество работников и их семей, чтобы пересечь границу в

168 Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения

поисках работы и безопасности. Рабочие-мигранты способствуют росту и развитию в странах назначения, в то время как страны происхождения извлечь большую пользу из их денежных переводов и навыки, приобретенные во время их миграции опыта. Тем не менее, процесс миграции предполагает сложные задачи, с точки зрения управления, трудящихся-мигрантов защита, миграция и развитие связей между ними, а также международное сотрудничество [7].

По данным [8] в мире насчитывается более 150 млн международных трудовых мигрантов.

Несколько иные данные приводятся в [9], где акцентируется внимание на том, что безработица и рост нищеты побудили многих работников в развивающихся странах, чтобы искать работу в другом месте, в то время как развитые страны увеличили спрос на рабочую силу, особенно неквалифицированной рабочей силы. В результате миллионы рабочих и членов их семей выезжают в другие, чем их собственные, чтобы найти работу стран. В настоящее время насчитывается около 175 миллионов мигрантов во всем мире, примерно половина из них рабочие (из них около 15%, по оценкам, имеют нелегальный статус). Женщины составляют почти половину мигрантов. Рабочие-мигранты вносят вклад в экономику принимающих стран, а также денежные переводы, они посылают домой помочь повысить экономику своих стран происхождения. Но в то же время трудящиеся-мигранты часто пользуются мало социальной защиты и уязвимы для эксплуатации и торговли людьми. Квалифицированные рабочие-мигранты являются менее уязвимыми для эксплуатации, но их уход лишил некоторых развивающихся стран ценного труда, необходимого для их собственной экономики [10].

Миграционные процессы обуславливают интенсификацию формирования мультикультурных коллективов в России. В связи с этим расширяются исследования вопросам развития теории и практики организации эффективного функционирования таких коллективов [1–3; 5–6]. Например, в работах [4; 6] и др. уделено обучению в таких коллективах национальному языку в стране пребывания мигрантов и родному языку мигрантов, как фактора сохранения их национальной самобытности. В России в последние годы резко усилено внимание необходимости высококачественной, основан-

ной на современных педагогических и физкультурно-оздоровительных технологиях работе по качественной организации физической подготовки детей и подростком. Занятия спортом (физкультурой) в спортивных школах (секциях) является фактором, активно способствующим адаптации детей и юношей в Республике Карелия, появлению у них друзей из местного населения, ускорению изучения русского языка для дальнейшего расширенного общения и дальнейшего обучения и трудоустройства. Многие учащиеся детско-юношеской спортивной школы №5 (Школе единоборств) из семей мигрантов поступают в различные колледжи, Петрозаводский государственный университет и получают качественное образование для дальнейшего трудоустройства.

Таким образом, как показал анализ, в образовательной среде России идет интенсивное формирование мультикультурных коллективов. Этот фактор обуславливает необходимость специальной подготовки специалистов, работающих с такими коллективами. Особое внимание при этом должно быть обращено на возрастающие требования к подготовке тренеров и педагогов. Современные тренеры-преподаватели спортивных школ и секций, современные учителя физкультуры должны уметь качественно вести спортивные и физкультурные уроки, занятия и спортивно-массовые мероприятия в мультикультурных коллективах.

Список литературы

1. Бальчюнене Н.И. К вопросу об адаптации мигрантов и их семей к условиям проживания и работы [Текст] / Н.И. Бальчюнене, К.Г. Тарасов // Развитие современного образования: теория, методика и практика: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (05.02.2015). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015.

2. Бальчюнене Н.И. К Некоторые особенности адаптации женщин-мигрантов (на примере Финляндии) работы [Текст] / Н.И. Бальчюнене, К.Г. Тарасов // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (29.01.2015). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015.

3. Бальчюнене Н.И. К Некоторые аспекты мультикультурного образования в условиях глобализации и интеграции работы [Текст] / Н.И. Бальчюнене, К.Г. Тарасов // Наука и бизнес: пути развития. – 2014. – №9 (39). – С. 5–7.

4. Бальчюнене Н.И. Русский язык как родной для эмигрантов и иностранный для обучения за рубежом и в России: проблемы и пути решения [Текст] // Глобальный научный потенциал. – 2014. – №2 (35). – С. 15–18.

5. Тарасов К.Г. Финский опыт формирования мультикультурных коллективов [Текст] / К.Г. Тарасов, Н.И. Бальчюнене // Наука, образование, инновации в приграничном регионе: Материалы Республиканской науч.-практ. конф. – Петрозаводск: Verso, 2015. – С. 12–13.

170 Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения

6. Tarasov K.G. Some aspects of professional lexis formation and usage in the age of globalization and integration [Текст] / K.G. Tarasov, N.I. Balchyunene / Наука, образование, инновации в приграничном регионе: Материалы Республ. науч.-практ. конф. Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 2015. – С. 4–6.

7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/global/topics/labour-migration/lang--en/index.htm>

8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/global/topics/labour-migration/lang--en/index.htm>

9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/global/standards/subjects-covered-by-international-labour-standards/migrant-workers/lang--en/index.htm>

10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/global/standards/subjects-covered-by-international-labour-standards/migrant-workers/lang--en/index.htm>

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, советник директора
Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
г. Севастополь

ВКЛАД ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ СССР (1920–1930-е гг.)

***Аннотация:** как отмечает автор данной статьи, западный вклад в отечественное производство с 1917 по 1930 годы значителен. Основные усилия направлялись на приобретение зарубежных технологических процессов, обучение кадров из политически надежных инженеров и установление основ для организации исследовательских институтов. Трансфертный аспект экономической модернизации СССР был успешным. От нулевого производства в 1922 году Советский Союз пришел к восстановлению дореволюционного уровня в 1928 году.*

***Ключевые слова:** экономическая модернизация, концессии, инвестирование капитала, импорт оборудования, трансферт технологий, трансферт квалификаций.*

Роль иностранного капитала в становлении советской экономической модели не нашла достойного отражения в отечественной исторической науке. Чтобы объективно ответить на данный вопрос

необходимо определить степень и меру использования концессий в интересах восстановления народного хозяйства и промышленного преобразования нашей страны. Речь идет не только об экономических последствиях, связанных с инвестированием капитала, импортом оборудования и его использованием. Принципиальное значение имел социальный аспект – подготовка кадров, обучение рабочих, инженеров, техников, повышение их квалификации, общее расширение кругозора. Замалчивание этой проблематики дает искаженное представление о концессионной политике Советского государства. Действительно, концессионная практика не получила должного развития, так как не удалось реализовать даже те решения, которые официально были приняты. Что же удалось сделать, каковы конкретные результаты использования концессий? Кто был прав – те, кто ратовал за развитие концессионной политики, или те, кто выступал за ее ограничение и даже свертывание?

Концессии рассматриваются нами в трех формах, каждая из которых относится к определенному организационному типу. Первый тип – чистая концессия – соглашение с иностранным предпринимателем, который по договору с Советским правительством обязывался организовать, оборудовать и эксплуатировать предоставленные предприятия в соответствии с доктриной «узуфрукт», т.е. без приобретения прав собственности. Иностранная компания получала прибыль, облагаемую налогом. Во всех случаях от концессионера требовалось инвестировать капитал и предоставлять новейшие западные технологии и оборудование. Второй тип – смешанное общество, в котором советские и иностранные участники обладали равными правами – вначале 50:50, позже – 51:49. Правление возглавлял советский председатель, который имел решающий голос в спорных ситуациях. Иностранные компании инвестировали капитал, технологии и управленческий опыт, а советская сторона обеспечивала условия работы. Смешанные общества являлись кредитными или контрактными концессиями. Если первые два типа признаны концессиями, то договоры о технической помощи – Тип III – обычно ими не считаются. В сущности, III Тип являлся «обратной технической концессией», с помощью которой Советское государство платило за эксплуатацию иностранных технологических ресурсов [1]. Доход зарубежного участника технического

соглашения определялся контрактом, а не только прибылью, полученной предпринимателем. Не все соглашения оформлялись контрактом. Например, конкурс на проект завода «Локомотив» в 1927 году не имел контрактного оформления в виде концессии, хотя имел элементы технологического перевода.

Все известные концессии группируются в эти три категории. Общая связь между ними – механизм перевода – «трансферта» – западных технологий и квалификаций, несмотря на то, что только I и II Типы трансфертировали капитал. В начальный период НЭПа использовались концессии I и II Типа, а с середины 1920-х годов последние были заменены договорами о технической помощи, импортом оборудования и целых заводов. Все концессионные соглашения требовали трансферта новейших западных технологий, а некоторые из них появились именно с этой целью. После приобретения отраслевых технологий концессии покупались или экспроприировались, а технологические процессы дублировались советскими заводами, что дополнялось покупкой или присвоением чертежей и патентов. Этот процесс распространялся даже на сельское хозяйство. Так, покупка породистого скота обеспечивала ускоренное размножение, т.е. происходило воспроизведение племенного фонда. Таким образом, основным вкладом иностранных концессий являлся не объем инвестированного капитала, а трансферт новейших технологий в советскую экономику. Перевод технических знаний осуществлялся как через концессии, так и посредством привлечения западных инженеров и экспертов и стажировки советских инженеров и рабочих на иностранных заводах. Число советских граждан, командированных за границу, увеличилось со 131 в 1925–26 гг. до 260 в 1926–27 гг. Осенью 1926 года в советской промышленности работало 135 иностранных инженеров [2]. К осени 1927 года это число возросло до 197 человек [3]. Иногда трансферт принимал легко просматриваемые формы. Например, во время индустриализации значительно возросло число американских технических и научных журналов, выписанных Советским правительством. В Советской России 1920-х годов западный технический персонал, инженеры-консультанты и независимые предприниматели были обычным явлением [4]. Технологический перевод имел множество форм, в зависимости от политических и экономических обстоятельств изучаемого периода. После 1929 года концессии стали заменяться другими формами технологического перевода, но с

1917 по 1929 год они являлись главным средством получения западных технологий.

Отвечая на вопрос о том, в какой мере концессионная политика заинтересовала западных предпринимателей и специалистов, необходимо обратить внимание на то, что они знали о России, в какой степени были подготовлены к развертыванию концессионной деятельности. По их мнению, СССР унаследовал, правда, в реорганизованном виде, промышленную структуру царской России. Она состояла из нескольких сотен средних и больших предприятий, расположенных в городских центрах, особенно в Петрограде и Москве. Эти промышленные предприятия дополнялись большим числом самообеспечивающихся горных предприятий в Донбассе и на Урале. Оценивая российский экономический потенциал, английский историк М. Добб не разделял взгляда тех, кто считал, что «прежняя Россия до 1917 года была похожа на Индию, с одной стороны, и на юго-восточную Европу, с другой стороны» [5]. До Октябрьской революции производилось большое количество аэропланов и автомобилей по местным русским проектам. Первая русская индустриализация, ограниченная несколькими населенными центрами, создала современные эффективные заводы, действовавшие в масштабах, сравнимых с любыми другими в мире. На эту структуру не повлияла Октябрьская революция. Интервенция не разрушила главные производящие районы. Повреждения имелись в железнодорожной системе Донбасса и Сибири. Но промышленность Петрограда, в основном, действовала. Значительный промышленный ущерб интервенты нанесли украинской сахарной промышленности и шахтам Урала и Донбасса. Зарубежные историки задают резонный вопрос – откуда же возник экономический разгром 1921–1922 годов, раз он не был вызван последствиями интервенции? Реальную ситуацию в стране они связывают с последствиями Гражданской войны. Когда заводы практически бездействовали, находились в состоянии «технической консервации», трудовая дисциплина упала, квалифицированные рабочие, инженеры и управляющие бежали за границу или в деревни. Производительность труда снизилась до нулевого уровня, последовал продовольственный кризис. Разрушение жизнеспособной экономики ускорили инфля-

ция рубля, декрет «о немедленной демобилизации промышленности», «бесплатные» коммунальные услуги и замещение квалифицированных управляющих неквалифицированными пролетариями. К августу 1922 года советская экономика приблизилась к краху. Эта экономическая катастрофа, последовавшая после революции, не имеет ничего похожего в истории индустриального общества. В середине 1922 года советская промышленность бездействовала. Немедленно требовалось, во-первых, запустить стоявшие заводы, и, во-вторых, модернизировать оборудование. После того, как было испробовано несколько альтернативных возможностей, большевики решили уплотнить экономическую систему, сгруппировав промышленность в тресты и превратив мелкие и недействующие предприятия в частные с участием иностранного капитала. Как сообщалось в «Красной газете», тресты преследовали двойную цель – получить капитал и помощь из-за рубежа и оставить контролирующую функции в руках государства [6].

Первоначально Советская власть намеревалась поощрить иностранное участие только в тех отраслях народного хозяйства, для подъема которых не хватало собственных сил. Большинство трестов надеялось на помощь Запада, особенно в электротехнической и нефтяной промышленности, где технологический прогресс невозможен без иностранной помощи. Трестирование и технологический трансферт развивались одновременно как параллельные экономические явления советской действительности 1920-х годов. Вначале был сделан отбор среди важнейших отраслей промышленности. Государство оставило за собой ключевые секторы экономики – железные дороги, горную промышленность и машиностроение. Несколько важных отраслей, таких как производство тормозов для железных дорог (завод «Вестингхауз») и приводных механизмов (завод «Ситроен»), оставили в руках иностранцев. Большевики-прагматики осознавали свою неспособность руководить этими довольно сложными предприятиями. После отбора действующие объекты отделялись от недействующих. Нерентабельные предприятия выводились за рамки трестовской структуры, после чего предлагались иностранным фирмам как концессии – завод красящих веществ – «Бергеру и Вирту», металлургический завод – «Бергману», котельный завод – «Каблитцу», текстильные фаб-

рики – АИК, а также шахты Ленской золотопромышленной области, Кемерово и др. В итоге, из сферы деятельности трестов исключили комплексные предприятия, требовавшие долгосрочной иностранной помощи, и предприятия, которые требовали существенной модернизации. Они сдавались в аренду иностранным предпринимателям, как чистые концессии. Государственная промышленность объединилась в тресты. На некоторых заводах, особенно электротехнических и машиностроительных, «белые инженеры» заняли должности неквалифицированных «красных директоров».

В критический момент лета 1922 года Германия и СССР подписали в Рапалло экономические и военные протоколы. Эти соглашения стали основой для трансфера германской технической помощи. Более двух тысяч германских инженеров и техников вместе со значительными инвестициями хлынули в Россию для спасения ее разрушенной экономики от гибели [7]. Германский военный трансфер являлся частью более широкого экономического сотрудничества и включал, как реконструкцию русской промышленности, так и непосредственно военное строительство, которое находилось под контролем Gesellschaft zur Forderung Gewerblicher Unternehmungen (GEFU) с капиталом в 75 млн рейхсмарок. В советско-германские планы входило возобновление деятельности двух авиационных заводов «Юнкерс» – в Филях – изготовление моторов «Мерседес-Бенц» и в Тверской области – изготовление цельнометаллического самолета, а также построение завода по производству ядовитых газов в Самарской губернии и организацию фабрик для производства артиллерии, снарядов и подводных лодок. Основная германская авиабаза размещалась в Липецке. Она была основана на ассигнованиях из германского военного бюджета, а в дальнейшем – Рурфонда – Фонда помощи рабочим Рура. Эта база использовалась, как Германией, так и Россией, для обучения пилотов и испытания новых самолетов. Почти все материалы отправлялись из Германии смешанными обществами «Дерутра» и «Русгерторг» окольными железнодорожными путями. Только лес и камень поставлялся СССР. В конце 1924 года в Липецке размещалось около 60 германских пилотов и 100 человек технического персонала. Эта группа называлась Четвертой эскадрилей ВВС Красной армии [8]. Гене-

рал Фон Сект создавал рейхсвер, обходя Версальский договор, вооружал его новейшим оружием, которое строилось и испытывалось на советской территории. Офицеры и генералы Красной Армии проходили стажировку в Германии, оборонная промышленность СССР получала новые технологии [9]. Германская военно-техническая помощь дополнялась широкомасштабными закупками оборудования и деталей в Европе. Авиационные производители подписали контракты о технической помощи, обучали русских инженеров, посылали своих специалистов и проектировщиков строить и оборудовать авиационные заводы. Французская авиапромышленность разделила поровну с американской кредит на строительство воздушных сил СССР. Э. Саттон рассказывает почти детективную историю с поставками в Советский Союз американских моторов «Либерти» и более совершенных моторов «Куртис» [10]. К 1929 году военное могущество Красной Армии всецело основывалось на иностранных вооружениях и военной технологии. По мнению зарубежных авторов, к концу 1922 года Советский Союз почувствовал себя достаточно сильным, чтобы возобновить экспорт зерна и национализацию частных предприятий. Советское государство не только выжило с германской технической помощью, но в 1924 году вернулось на путь государственного контроля над промышленностью. Более 300 тысяч частных предприятий были закрыты за несколько месяцев [11]. Частные элементы уничтожались, а их место вновь занимало государство.

Одновременно с Рапалльскими военными и экономическими протоколами Советское правительство заключило соглашение о техническом содействии с американской компанией «Интернэшнл Барнсдалл», которая остановила упадок Бакинских нефтяных месторождений, модернизировала производственную технику и сделала этот район наиболее важным источником получения иностранной валюты. «Интернэшнл Барнсдалл» создала нефтяной экспорт СССР, применив в Баку новейшую бурильную и насосную технологию. К концу 1920-х годов 80% советского нефтяного бурения проводилось американскими техниками. Все рафинирующие заводы построили иностранные компании, но только одна – «Стандарт Ойл» – имела в Батуми концессию. Многочисленные концессии II и III Типов предоставлялись в угольной и горнодобывающей промышленности, включая самую большую концессию – «Лена –

Голдфилдс», которая управляла отдельными, широко разбросанными промышленными комплексами. В химической промышленности концессии способствовали получению технологии производства синтетического аммиака, азотных и серных кислот и созданию целой отрасли – производства сжатых газов. «Дюпон», «Казаль» и «Нитроген Инжиниринг» создали прочную основу для развития химических комплексов во время первой пятилетки – Березники-Соликамск (завод синтетического аммиака, хлоровый завод), Чернореченск (синтетический аммиак и азотная кислота) и комплекс в Бобриках (синтетический аммиак).

«Социализм – это электрификация», – говорил В.И. Ленин. Его слова вполне осуществились с помощью иностранного капитала. Все электростанции, построенные в этот период – угольные, торфяные, гидроэнергетические, основывались на западных технологиях. Оборудование станций поставлялось из-за границы, или советские станции строились с технической помощью – Тип III концессий. Электростанции Свири, Шатуры, Штеровки и Иванова использовали генераторы, привезенные и установленные западными инженерами, Волховская и Днепрогэс – как импортированные, так и советские. Электропромышленность СССР воспользовалась услугами «Веркстаден – Кристинегамм» и АСЕА (Швеция), «Ньюпорт Ньюз» и «Дженерал Электрик» (США), «Крупп» (Германия), «Метрополитен-Виккерс» (Великобритания) и «Браун-Бовери Компани» (Швейцария) [12]. Гордость СССР – Днепрогэс – строился под наблюдением американской компании «Купер Инжиниринг». Первоначально предполагалось несколько форм участия иностранных предпринимателей – подрядно-кредитная форма, концессия на постройку и эксплуатацию до 30 лет, смешанное общество [13]. В этом проекте было решено использовать американскую технологию, передовую в этой отрасли. Как отмечала «Экономическая жизнь», «Соединенные Штаты – страна, в которой электроэнергия используется, где возможно. СССР тоже должен стать такой страной» [14]. Одновременно велись переговоры с четырьмя фирмами. Наиболее приемлемым оказалось предложение уважаемой в США компании полковника Хью Купера – «Купер Инжиниринг», построившей несколько электростанций. В отчете комиссии по Днепрострою председателю Главконцесскома

Л.Д. Троцкому отмечалось: «мы полагаем, что причиной, побудившей Купера на этот шаг, является его доподлинный американизм, который толкает его, имеющего предельные достижения в области строительства в Америке, на расширение своей деятельности вне ее пределов, и по-американски он решается на самый «эксцентричный» шаг – попытку организации финансирования крупного предприятия именно в России» [15]. Кроме компании Купера был подписан договор с «Сименс» на проведение наблюдения за строительством дамбы. На Днепрогэсе использовались турбины, общей стоимостью 2,5 млн долларов, предоставленные «Дженерал Электрик» в кредит на пять лет. Паровые котлы поставила фирма «Ньюпорт Ньюз».

Процесс приобретения технологий не сложен. На начальной стадии с помощью иностранного капитала, осуществлялись восстановление и пуск заводов, унаследованных от царской России. Вторая стадия – импортирование оборудования, которое устанавливалось иностранными инженерами. Вместе с оборудованием, техническими чертежами, консультациями и инженерной квалификацией приобретались технологии. Обычно западная компания жертвовала какими-то техническими разработками, чтобы получить крупный заказ на поставку капитального оборудования, его установку и монтаж. Потом следовало замещение импортных машин отечественными. Конечная стадия наступала тогда, когда начинали использовать только отечественное оборудование. В таких отраслях промышленности, как металлургия, машиностроение и электропромышленность, соглашения заключались между трестами, а чаще отдельными заводами, и западными компаниями на пуск и переоборудование предприятий по новейшим технологиям. АЭГ, «Дженерал Электрик» и «Метрополитен – Веккерс» стали крупнейшими партнерами СССР в машиностроении. Техническая помощь до середины 1920-х годов поступала исключительно из Германии. Немецкие специалисты работали на большинстве крупных горных и промышленных предприятий в тесном сотрудничестве со старыми русскими инженерами. Советское руководство беспокоило огромное влияние иностранных специалистов на советскую техническую интеллигенцию. По Шахтинскому делу пять германских инженеров АЭГ были осуждены по обвинению в «контрреволюционной деятельности с целью дезорганизации и разрушения

угольной промышленности» [16]. По мнению зарубежных историков, выбор Шахт не случаен – там произошел острый конфликт между «красными» и иностранными инженерами. Польский министр иностранных дел считал, что за германских инженеров ухватились, «как за козлов отпущения из-за всеобщей неэффективности» [17]. Русский эмигрант Н. Бассехес полагал, что «ГПУ впутало в Шахтинский процесс официальные германские учреждения и германскую промышленность», чтобы «таким путем скомпрометировать наиболее видных сторонников германо-советского сближения, например, доктора Феликса Дейча – директора Всеобщей Компании Электричества» [18].

К концу десятилетия Советское правительство переориентировалось на техническую помощь США. Из договоров, оставшихся в силе к середине 1929 года, 27 – заключались с германскими компаниями, а оставшиеся – с британскими и французскими фирмами. За последние 6 месяцев 1929 года число технических договоров с американскими фирмами подскочило до 40. Американские специалисты служили почти во всех трестах, включая Гипроцветмет, Сельмашстрой, Стеклострой, Гипронефть, Резинотрест, Центробум, Зернотрест и др. [19]. Большое число американских специалистов было занято в ключевых отраслях. Например, в 1929 году 66 иностранных инженеров работало в трех трестах – Точмехе, Мосстрое и Химтресте [20]. Сфера их занятости простиралась от ирригации до кондитерского производства. В СССР знали, что американцы, «которые научили весь мир скорости и эффективности, для которых препятствия не существуют», являются лидерами во многих отраслях и, более того, «они не слишком тщательно охраняли свои производственные секреты». Конкуренция заставила американские корпорации ознакомить промышленность СССР с важными техническими процессами. Американские предприниматели понимали, что если они откажутся от советских заказов, их получат западноевропейские конкуренты. Химический гигант «E.I. Du Pont de Nemours and Co» долго отвергал предложения Советского правительства. Когда Амторг в 1927 году пытался привлечь «Дюпон» в концессию по производству бумаги и искусственного шелка, президент компании Ламмот Дюпон отказался. «По существующим условиям нам трудно понять, что нас могло бы заинтересовать», –

ответил он. Советские представители упорствовали. Они хотели, чтобы химическая фирма помогла в строительстве новых заводов и обучении советских инженеров и техников в США. В начале 1929 года компания согласилась продать технологию окисления аммиака и производства удобрений тресту Химстрой [21]. Советское руководство считало, что оно не придерживается «ни английской, ни германской, ни американской ориентации. В каждой стране мы хотим взять в тех отраслях, в которых она достигла наибольших успехов. Когда у нас были проблемы с модернизацией нефтяной, автомобильной и тракторной промышленности, мы обратились к Соединенным Штатам. Когда это было с химической промышленностью, мы попросили германской помощи, и у нас нет недостатка в помощи, куда бы мы не обратились» [22].

Значение иностранной технической помощи тем более важно, если учесть, что 72% всех директоров заводов имели только начальное образование, а 35% не имело образования вообще. Необходимо отметить, что иностранные фирмы могли поставить низкое по качеству оборудование. Иногда машины покупались еще до сооружения завода. В некоторых случаях завод и оборудование не соответствовали друг другу, как это было с бумажной фабрикой в Ленинграде. Концессионная Комиссия ВСНХ в отчете о технической помощи иностранным специалистам за 1927–1928 гг. отметила, что выполнение целого ряда договоров замедлено. Одна из причин – неудовлетворительная постановка наблюдения за договорами о технической помощи в Главных Управлениях и Трестах. Тресты и предприятия не анализировали результаты технического содействия, не давали оценку качества работ, выполняемых иностранными специалистами, а также допускали параллельные договоры в одной отрасли промышленности. Из-за отсутствия средств для покупки лицензии советские инженеры копировали западную машину и получали копию, худшую, чем оригинал [23]. Производство качественной продукции требовало соответствующих проектов, чертежей и патентов. К сожалению, нет данных о том, насколько значительным в это время был промышленный шпионаж [24].

Следует также остановиться на вопросе о патентах и правах изобретателей. В период подготовки закона о признании прав иностранцев на их изобретения в СССР, Наркомвнешторг предлагал не

признавать патентных прав за иностранцами без особых конвенций. Концесском ВСНХ и Комитет Изобретений высказались против этого мнения НКВТ – иностранные фирмы по действовавшим договорам о технической помощи должны предоставить советской стороне свои изобретения, чертежи, модели и технический опыт. Концесском опасался, что если СНК поддержит мнение НКВТ, то иностранные фирмы не пойдут на раскрытие своих конструктивных секретов. Он предлагал более гибкий путь – иностранные физические и юридические лица, получившие право вести постоянные операции в СССР или постоянно проживающие в СССР на законных основаниях должны пользоваться в смысле охраны прав изобретений теми же правами, как и граждане СССР (как это делается во всем мире), граждане стран, признавших СССР, или имеющих с ним торговые договоры, могут заявлять свои изобретения на общем основании закона о патентах, если в соответствующей стране граждане СССР пользуются таким же правом, т.е. по принципу взаимности. Одновременно заявить изобретение во всех странах было технически очень сложно. Кроме того, граждане стран, не заключивших с СССР договоров, и проживающие за границей, не пользовались защитой закона о патентах. Это обстоятельство и побуждало западные страны к налаживанию экономических отношений с Советским Союзом и, в частности, к подписанию особых конвенций об охране патентов [25]. Советский декрет от 12 сентября 1924 года давал патентные права на определенных условиях на срок до 15 лет. Статья 2 декрета гласила, что ни одно открытие не может считаться новым, если до даты заявки оно полностью описано в СССР или за его пределами. В дальнейшем эта статья пополнилась следующим дополнением: если открытие описано или использовано за рубежом, советский закон не охранял права изобретателя, и открытие могло применяться бесплатно.

Многие западные ученые считают, что неверно утверждать, что экономическое развитие СССР полностью зависело от зарубежных инвестиций. Последние являлись одним из способов трансферта технологий. Так же неверно утверждать, что, при отсутствии официальных межправительственных финансовых трансфертов, Советский Союз развивался без западной помощи. Ключевой вопрос – откуда получались технологии – из внутренних источников

или посредством внешнего трансферта? Поэтому для современных исследователей особый интерес представляет исследование социально-экономических итогов советской концессионной практики. Основываясь на изученной литературе и источниках, можно утверждать, что концессии сыграли важную роль в прекращении промышленного упадка. Корпорация «Интернэшнл Барнсдалл» предоставила современные американские методы бурения и откачивания нефти. Лесная промышленность и лесоэкспорт зависели от иностранных партнеров СССР по смешанным компаниям – «Руссанглолес», «Руссголландлес» и «Русснорвеголес». Все транспортные перевозки находились в руках первых германских концессий – «Русстранзит», «Дерутра» и др. Большая работа по модернизации текстильной и легкой промышленности связана с концессией Сидни Хиллмана. Иностранные рынки разрабатывались смешанными торговыми компаниями. Все первые концессионные договоры, немногочисленные, но располагавшиеся в стратегических секторах экономики, помогли Советскому государству выйти из экономического кризиса. Американский исследователь западного технологического влияния Э. Саттон разделил советскую экономику на 44 сектора, в соответствии с принятой в США Standard Industrial Classification (SIC) – идентификационным кодом современной американской структуры [26].

Таблица 1

<i>Влияние по секторам экономики, независимо от типа [27]</i>			
	<i>США</i>	<i>Германия</i>	<i>Другие страны</i>
Секторы с концессиями	38 (86%)	38 (86%)	39 (89%)
Секторы без концессий	6 (14%)	6 (14%)	5 (11%)
Всего секторов	44 (100%)	44 (100%)	44 (100%)

По подсчетам Э. Саттона, только один сектор советской промышленности из 44 – мебель и арматура – не получил технологической помощи. Остальные 43 сектора – 98% имели концессии в одной или нескольких формах. Пользуясь подсчетами американского ученого, можно сделать вывод, что наибольший вклад в советскую промышленную структуру внесли договоры о технической помощи с США (Тип III по нашей классификации концессий) – 36 секторов из 44 (84%). Вторая группа концессий (I и II Типы), заключенных с «другими странами» представлена в

33 секторах – 75%. Данные концессии концентрировались в области разработки сырья. Это – «Лена – Голдфилдс», СКФ и АГА. Чистые концессии предоставлялись в промышленности и транспорте только компаниям – мировым лидерам в своей области – АГА, СКФ, Кунард Лайн. Далее по степени влияния на советскую промышленность выделяются договоры о технической помощи с Германией – 32 сектора (74%) – «Крупп», АЭГ, Сименс, «Юнкерс» и др. Затем германские чистые и смешанные концессии – 29 секторов – 66%, в том числе – «Крупп», «Гамбург-Америка Лайн» и др. В 27 секторах – 61% обнаружены американские концессии I и II Типа – «Гарриман», «Интернэшнл Оксиген», «Интернэшнл Харвестер», «Стандарт Ойл оф Нью Йорк». И, наконец, последняя группа – 22 технических договора с «другими странами» – 51%. Таким образом, основными технологическими партнерами СССР являлись Германия и США. Технологии, приобретенные в одной из «других стран» касались узкоспециальных областей – телефонного оборудования, оборудования для молочной промышленности, производства синтетического азота и искусственного шелка и т. д.

Подводя итог анализу иностранного влияния на советское экономическое развитие, можно утверждать, что западный вклад в отечественное производство с 1917 по 1930 год – значителен. Советское государство не тратило время и силы на разработку новых машин и технологий. Основные усилия направлялись на приобретение зарубежных технологических процессов, обучение кадров из политически надежных инженеров и установление основ для организации исследовательских институтов. Можно с твердостью сказать, что технический – трансфертный аспект новой экономической политики был успешным. Во – первых, он позволил иностранным предпринимателям попасть в СССР. Во-вторых, от нулевого производства в 1922 году Советский Союз пришел к восстановлению дореволюционного уровня в 1928 году.

Таблица 2

<i>Концессионные предложения и соглашения (1921–1930 гг.) [28]</i>			
<i>Год</i>	<i>Предложения</i>	<i>Число соглашений</i>	
		<i>Тип I и II</i>	<i>Тип III</i>
1921–22	224	18	0
1922–23	579	44	1

1923–24	396	55	0
1924–25	256	103	4
1925–26	482	110	7
1926–27	263	сведений нет	13
1927–28	200	сведений нет	17
1928–29	270	сведений нет	33
1929–30	сведений нет	сведений нет	59
Всего	2670 (к 1929–30)	330 (к 1925–26)	134 (к 1929–30)

Приведем еще одну таблицу, составленную работником Главконцесскома В.П. Бутковским [29] (таблица 3).

Таблица 3

<i>Распределение заключенных договоров по основным отраслям народного хозяйства с 1922 по 1.11.1927 года без учета договоров о технической помощи</i>								
<i>Основные отрасли</i>	<i>1922</i>	<i>1923</i>	<i>1924</i>	<i>1925</i>	<i>1926</i>	<i>На 1.11.1927</i>	<i>Всего</i>	<i>%</i>
Торговля	5	13	19	4	2	–	34	6,4
Лесные	1	4	1	–	–	1	7	6,2
Сельское х-во	3	6	–	2	–	–	11	5,4
Промыслы	–	3	–	–	1	–	4	7,7
Горная пром-ть	5	3	5	9	4	3	26	10,0
Обраб. пром-ть	–	7	6	6	13	4	36	5,1
Транспорт, связь	4	5	2	1	–	–	12	8,1
Строительство	–	–	–	2	1	–	3	23,0
Прочие	–	2	–	1	2	1	6	3,5
Всего	18	43	24	25	23	9	139	

На 1 октября 1928 года инвестированный концессионерами капитал составил около 60 млн руб. [30]. В общем объеме продукции, реализованной промышленностью СССР, доля продукции концессионных предприятий составляла всего 1% [31]. В ряде отраслей значение концессий было очень велико. К концу 1927 года они добывали 40% марганца, 35% золота, более 62% свинца, около 12% меди, производили 22% одежды. Концессия АСЕА произво-

дила 40% всех моторов, а СКФ обладала монополией на изготовление шарикоподшипников. Существуют большие различия в сведениях о доходах правительства от концессионных предприятий. В соответствии с одним авторитетным подсчетом, годовой доход государства от концессий в 1923–1924 гг. составлял 14 млн руб. [32]. Л.Б. Каменев в конце 1925 года оценил доход за текущий год не более чем в 4 млн., из которых 1,2 млн получено от концессии Гарримана [33]. В среднем доходы правительства от концессионных предприятий составляли от 6,6 млн руб. до 17,8 млн руб. в год.

В зарубежной литературе по поводу концессионной политики Советского государства нет единого мнения. Определенную известность получила гипотеза «длинной руки», выдвинутая Э. Саттоном. Она заключается в том, что в некоторых концессиях и договорах западный партнер имел внеэкономические связи с советской стороной, особенно в первых концессиях. Другими словами, первоначально предоставлялись концессии только самым надежным капиталистам, чей вклад в революционное дело заключался в том, что они исподволь внушали доверие к Советской власти в надежде, что другие предприниматели последуют за ними. Именно этим занималось нью-йоркское бюро Л. Мартенса, которое финансировалось американскими бизнесменами. Все сельскохозяйственные коммуны, Американская индустриальная колония в Кузбассе (АИК), Русско-Американские стальные заводы, Русско-Американская инструментальная компания, 3-я интернациональная фабрика одежды, концессия Хейвуд (Русско-американская индустриальная корпорация) идеологически сочувствовали большевикам. Действующими лицами концессий являлись члены Коммунистической партии, эмигрировавшие из США и других западных стран. Впоследствии многие из них разочаровались в большевистских идеях, но первоначально поддерживали революцию. Эти концессионеры полностью вписываются в круг гипотезы Э. Саттона. Другие требуют пояснения. Семейство Хаммеров также находилось в отношениях «длинной руки» с Советским правительством. Хаммеры с 1921 года имели лицензию на торговлю с СССР и ряд концессий в разное время. Доктор Джулиус Хаммер – один из основателей Компартии США. Когда он отбывал срок в тюрьме Синг-Синг по уголовному делу, Л. Мартенс и другие делали попытки освободить

его. Этот факт замечен и прокомментирован уважаемой американской газетой «Нью-Йорк Таймс» [34]. Концессию Арманда Хаммера «Московская Индустриальная Концессия» Советское правительство ликвидировало в 1930 году «по обоюдному согласию», оплатив внутренние и внешние долги предпринимателя и разрешив экспортировать всю прибыль. Сейчас уже не секрет, что Хаммеры финансировали Коминтерн. После возвращения из СССР они открыли «Хаммер Гэллери» в Нью-Йорке и занялись продажей конфискованных царских сокровищ из числа предметов искусства по поручению правительства СССР. Возможно, что германский экс-канцлер Вирт, владевший концессией «Молога» и считавшийся «симпатизировавшим коммунистам», также входит в эту гипотезу. Доказательства – «Молога» получила льготные условия для работы, так как Советское правительство видело в ней конкретное доказательство восстановления советско-германских дружественных отношений. В отличие от многих других концессий, «Мологе» при ликвидации возместили около 5,7 млн марок. Это был весьма благоприятный расчет [35]. Шведские компании «Дженерал Электрик», «Сепаратор» и СКФ имели значительный доход от своих концессий, но не смогли вывезти его за границу. Амторг докладывал, что в 1926–27 гг. 22 основные концессии получили прибыль в размере 6,5 млн руб., но нигде нет указаний, какая сумма вывозилась из СССР [36]. Компании «Вестингхауз» и «Интернэшнл Харвестер» сумели вернуть свои дореволюционные заводы, но они были вновь экспроприированы. Что касается других концессий, то неблагоприятные условия их деятельности фактически опровергают причастность к гипотезе «длинной руки». Некоторое отношение к гипотезе имеет концессия Аверелла Гарримана. Она использовалась большевиками для подрыва экономической изоляции СССР. При ликвидации концессии предприниматель получил компенсацию 3,5 млн долларов в виде долгосрочного долгового обязательства. Гарриман также согласился предоставить Советскому правительству коммерческий кредит для развития марганцевой промышленности всего под 7%. До Гарримана в 1927 году подобные облигации предлагались Хаммеру, как обеспечение займа для его карандашной концессии [37].

Западные правительства в начале 1920-х годов занимали единую позицию относительно концессионных целей Советского Союза. Основные ее положения изложены в конфиденциальном докладе Скотланд-Ярда: «Концессий и иностранных капиталов добиваются в целях восстановления разрушенной индустрии России. Когда через несколько лет иностранное предпринимательство оживит те отрасли промышленности, которые окажутся наиболее эффективными, они перейдут государству, которое затем, укрепленное зарубежным опытом и методами, продолжит марксистский эксперимент. Когда обманутые капиталисты откроют глаза, они будут ошеломлены» [38]. Основой политики государственного департамента США являлось невмешательство в индивидуальные деловые связи американских бизнесменов. Частное лицо или фирма действовали совершенно самостоятельно и не ожидали какой-либо дипломатической или консульской помощи в случае затруднений с советской стороной. Германское правительство проводило политику поощрения концессионной политики, даже когда стало очевидно, что концессии – временная тактика большевиков, как это предсказывали все западные министерства иностранных дел.

Подробно проанализировав концессии, сданные странам Запада и их технологическое влияние на советскую экономику, нельзя забывать, что существовали концессионные соглашения и со странами Востока. В архиве Наркомвнешторга среди информационных бюллетеней Главконцесскома хранится интересный документ под названием «Сводка заключенных концессий и движение концессионных дел на Восток» от 26.02.1924 года. В нем прямо говорится, что «диктующим началом в данном случае является политический момент, приобретающий особое и нередко исключительное значение» [39]. Основная цель восточной политики СССР – вытеснение «более могущественных империалистических стран, которые воспользовались годами Гражданской войны и разрухи для завоевания прежних сфер русского влияния». Необходимо «привлекать в качестве союзника зарождающуюся туземную буржуазию. Это единственный способ укрепления нашего экономического и, следовательно, политического влияния в этих странах» [40]. Информационный отдел ГKK отмечает большую политическую роль вовлече-

ния «туземного» капитала в смешанные общества. Во-первых, вербуются восточные союзники и парализуются аналогичные попытки со стороны западных стран. Во-вторых, создаются кадры «промышленного пролетариата» и укрепляются те классовые группировки и прослойки, которые будут «базой для нашей работы на Востоке». Проникновение в страны Востока – Персию, Монголию осуществлялось с помощью торговли. Поэтому создавались смешанные торговые общества, в пользу которых делались значительные отступления от принципа монополии внешней торговли, а также «некоторые уступки прочно установившимся на Востоке традициям и методам товарооборота» [41]. Акционерные капиталы восточных обществ по своему происхождению являлись на 80% советскими [42]. Слаборазвитая промышленность восточных стран открывала большие перспективы для экспорта советских товаров. К тому же географическое положение СССР обеспечивало советской продукции монопольное и полумонопольное положение. Советские товары отличались высокой себестоимостью, так как дорого обходилась их транспортировка на Восток. Доставка мануфактуры из Москвы в Персию была в 1,8 раз дороже, чем привоз ее из Манчестера в Южную Персию морем [43]. Смешанные общества занимались реэкспортом, т.е. продавали дешевую импортную – английскую и немецкую продукцию и тем самым компенсировали малую рентабельность и даже убыточность советских товаров. В Персии и Монголии открывались банки со смешанным капиталом. Все операции в Персии, связанные с финансированием и кредитованием торговли, концессий и аренды проводило «Русско-Азиатское акционерное общество» («Россазия») с капиталом в 200 тыс. золотых руб., которое учредили государственные органы СССР в лице торгпредства. Через «Русско-персидское торговое общество» («Рупето») сбывались изделия русской промышленности – спички, стекло, бумага, сельскохозяйственный инвентарь и др. «Русско-Персидское Хлопковое Товарищество» («Руссперсхлопок») занималось заготовкой хлопка и организацией посевов хлопчатника в Персии. «Руссперсхлопок» арендовал в Иране 10 хлопкоочистительных заводов, имел прессы для упаковки хлопка. В 1924–25 гг. общество заготовило в Иране 53% всего импортированного хлопка. «Перазнефть» в том же году реализовала

1,8 млн пудов керосина, 68 тыс. пудов бензина и т. д. «Руссперссахар» занимался экспортом советского сахара [44]. «Русско-Германское Торгово-Транзитное общество» («Русстранзит»), учрежденное правительством СССР – 50% и немецким обществом «Венкгауз» – 50%, занималось транзитной перевозкой из Европы в Персию водным путем через Петроград по Мариинской системе и Волге в порты Каспийского моря и обратно. Право транзита через советскую территорию предоставлялось обществу как исключение из общего правила, запрещающее такой транзит. Кроме этого, «Русстранзиту» предоставлялось право на торговые операции во всех портах следования судов [45]. Смешанное транспортное общество «Авториан» занималось обеспечением советско-иранской торговли. 98,5% капиталов принадлежало советскому торгпредству. НКФ СССР и монгольское правительство учредили Монгольский Торгово-Промышленный Банк с капиталом в 250 тыс. золотых руб. Он занимался выдачей ссуд под недвижимость, покупкой и продажей товаров и драгоценных металлов. Его целью являлось укрепление политического и экономического влияния Советского Союза в Монголии [46]. Различные торговые смешанные общества создавались в Турции и Бухаре. Особое положение занимало предприятие «Монголор» – золотопромышленная концессия СССР в Монголии. До революции «Монголор» финансировался Петроградским международным коммерческим банком, значительная часть акций которого принадлежала русскому императорскому дому. В начале 1923 года монгольское правительство вело переговоры с «Америкен Монголор Майнинг Компани» о предоставлении в концессию золотых приисков, т.к. эта компания ранее разрабатывала их [47]. Но в силу преимущественного положения СССР монгольское правительство предложило Советскому правительству взять концессию целиком. Так как у последнего отсутствовали свободные средства, оно предложило американской группе уступить бесплатно 10–15% учредительных акций и 1–2 места в правлении. Американцы согласились. В постановлении Главконцесскома зафиксировано – предприятие «Монголор» с горнопромышленной точки зрения не представляет явного и безусловного интереса, но желательно сохранение в нем влияния СССР [48]. Среди концессионных предложений 1925–26 годов имелось большое количество

мелких предложений польских и австрийских фирм – ходатайств о разрешении перенести в СССР мелкие предприятия, оказавшиеся в безвыходном положении из-за кризиса сбыта. Несколько концессий подобного рода было заключено [49].

Много интересных материалов хранят российские архивы. Вот, к примеру, протокол №16 от 14.04. 1923 года заседания ГKK при СНК «О допущении утвержденного в Северо-Американских Соединенных Штатах Акционерного общества «Продэкско» к производству операций на территории РСФСР»: 1) вся чистая прибыль, получаемая обществом «Продэкско» от операций в РСФСР, поступает в распоряжение НКВТ; 2) общество обязуется все свои акции передать физическим или юридическим лицам по первому требованию НКВТ; 3) в обеспечение выполнения означенных обязательств «Продэкско» – взять с держателей акций общества соответствующую секретную подписку, которая должна храниться при договоре» [50]. Что и кто стояли за этим А/О «Продэкско», чем оно занималось, не установлено. Следов деятельности общества в российских архивах не обнаружено. Иностранные концессии еще ждут своих исследователей.

Судьба концессий полностью отражает судьбу НЭПа. Хотя советские лидеры обещали «всерьез и надолго», изначально были известны критерии допуска. В соответствии с ленинской идеей иностранные концессии были обречены с самого начала. На XIV съезде ВКП (б) И.В. Сталин дает определение НЭПа: «Это особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» [51]. К концу 1920-х годов оппозиция иностранным специалистам стала серьезной, особенно на Днепрогэсе. Экономический атташе германского посольства в Москве Хильгер подтверждает, что сопротивление концессиям и иностранной помощи исходило из нижних слоев коммунистической партии, бюрократии и ОГПУ [52]. Некоторые партийные и государственные деятели посчитали это время подходящим, чтобы улучшить свое финансовое положение. Они имели вклады в частных предприятиях и смешанных обществах: Троцкий имел долю

в 80 тыс. руб. в Москусте, акционерной компании, контролировавшей ткацкие, бумажные и обувные фабрики, кожзаводы и т. д., Склянский – 45 тыс. руб., Муралов, командующий Московским военным округом – сумма не известна. Другие лидеры участвовали через родственников. Зиновьев имел интересы в Аркосе и Ленинградском табачном тресте и владел 45% Волховской акционерной компании, у Чичерина был вклад в смешанной компании «Тюршелк», Держинский являлся председателем и владел долей в 75 тыс. руб. в Каменноугольной совместной акционерной компании [53], Краснощеков, член ВСНХ и президент Промбанка, подписал льготный контракт с Русско-Американским концерном, от которого его жена ежемесячно получала ассигнования, выплачиваемые в США [54].

Ликвидация концессий началась с 1923 года и протянулась через все десятилетие. В 1926 году из 110 предоставленных концессий было ликвидировано 22, из них только 13 не выполнили контрактных обязательств. К началу 1930 года стало ясно, что Советское правительство намерено ликвидировать все оставшиеся концессии. 27.12.1930 года СНК принял резолюцию об аннулировании всех действующих концессий. Права Главконцесскома ограничивались информационными и консультативными функциями. К этому времени оставалось 59 концессий, 6 совместных акционерных компаний и 27 разрешений на деятельность [55]. К 1933 году не осталось производящих концессий, а несколько торговых было закрыто к середине 1930-х годов. Только Датская телеграфная концессия БСТО, японские рыболовные, угольные и нефтяные концессии и договор об аренде со «Стандарт Ойл» оставались в силе после 1935 года. Методы экспроприации концессий разнообразны, их можно условно подразделить на физическую силу, нарушение контракта, обложение налогом, психологическое давление. Физическая сила использовалась в редких случаях. Пример – насильственная экспроприация «Кауказиан Америкен Трейдинг энд Майнинг Компани» в 1923 году. «Кауказиан Америкен Компани» с 1921 года занимались распространением американского сельскохозяйственного оборудования и передовых методов ведения сельского хозяйства в ЗСФСР. 26 февраля 1923 года группа хорошо вооруженных большевиков, в том числе верхушка партийных функционеров Тифлиса, напала на усадьбу, остановила работы, органи-

зовала разграбление и разрушение собственности концессии, вырубку садов и т. п. Президент компании Д. Абашидзе был приговорен к смерти. Побег из России в США, сохранил не только жизнь концессионеру, но и документы компании [56]. Советское государство не всегда выполняло все условия концессионных соглашений, за исключением годовых торговых контрактов и тех, которые подпадали под гипотезу «длинной руки». Случай с концессией ИВА (International Warenustransh Aktiengesellschaft) является примером нарушения контракта. ИВА занималась сбором, упаковкой и экспортом яиц в Германию. В конце 1929 года ей было отказано в праве продолжить экспорт яиц. Советский арбитр вынес решение против ИВА. Два германских апелляционных суда вынесли решения в пользу компании. Но СССР не подчинился этим решениям [57]. Внутренние налоги использовались для усиления экспроприации. Яркий пример – латвийская концессия «Ричард Каблитц», с 1921 по 1930 год изготавливавшая котельное оборудование и установившая его более чем на 400 советских фабриках. До 1926 года «Каблитц» имел значительный доход, который экспортировался. В июне 1926 года концессии запретили переводить валюту за границу, что являлось нарушением концессионного договора. После переговоров «Каблитцу» разрешили экспортировать 40 тыс. рублей ежегодно, но необходимые сертификаты не поступили, ни в 1928, ни в 1929 году. Требованию компании экспортировать в 1930 году 40 тыс. руб. Главконцеском противопоставил свое требование на «нормативный налог» в 300 тыс. золотых руб. Налоги обанкротили компанию. Налогообложение и валютная монополия были действенным оружием государства в борьбе против концессий. Психологическое давление – менее откровенное средство, чем физическое изгнание. В 1929 и в 1930 году на германской концессии «Друзаг», в которой 90% собственности принадлежало германскому правительству, прошла серия трудовых конфликтов. Затем состоялся суд над директором Дитлоу за увеличение рабочего дня сверх 8 часов. По подобному обвинению оштрафованы директора концессий «Целлугол» – на 10 тыс. руб. и «Лео Верке» на 5 тыс. руб. Советские власти конфисковали и продали с аукциона автомобили и пишущие машинки «Друзага». Налог в 5% взимался с жалования всех германских рабочих. С целью психологического давления использовались антиконцессионная пропаганда в печати и забастовки. В 1926 году на концессионных предприятиях произошло 7 стачек, в том числе двухмесячная стачка на концессии

«Индо» в Одессе, в 1927 году стачка на предприятиях концессии «Мологолес», а в 1928 году – четырехдневная забастовка на концессии «Тетюхе» [58]. В мае 1931 года профсоюз горнорабочих провел стачку с требованием ликвидации концессии «Лена – Голдфилдс». Резолюция рабочих заканчивалась лозунгами: «Долой вредителя-концессию «Лена – Голдфилдс»! Да здравствует Советская власть! Да здравствует ВКП (б) – организатор и строитель социализма в СССР!» [59].

В случае ликвидации концессионного предприятия Советское государство выплачивало компенсацию – беспроцентную сумму, определенную третейским судом, что давало СССР преимущество, равноценное долгосрочным беспроцентным займам. Большевистские лидеры сами предупреждали о конечной судьбе концессий. Журнал «Le Messenger de Paris» – официальное советское издание в Париже – сообщал о речи Н.И.Бухарина: «С одной стороны, мы допустили капиталистические элементы, мы унизились до сотрудничества с ними; с другой стороны, наша цель – радикально их уничтожить, победить их, раздавить их, как, экономически, так и социальное. Это тип сотрудничества, которое предполагает яростный бой, в котором, возможно, прольется кровь» [60]. На финальной стадии политики экспроприации советские власти использовали совершенную тактическую комбинацию. Аргументы 1928–1931 гг. таковы – «или вкладывай больше капитала, или мы будем экспроприировать». Эта угроза работала хорошо, как, например, с «Друзагом», в который германское правительство делало капиталовложения до тех пор, пока не стало собственником 98% концессии. Экспроприация имела фасад законности, обычно ей предшествовал пропагандистский ритуал, специально составленный для иностранного потребления. Политика жестокой цензуры в отношении концессионной деятельности, особенно после закона 1927 года, который определил публикацию сведений о концессиях, как шпионаж, мешали широкому распространению информации о судьбе иностранного капитала. Польским, литовским, эстонским, чехословацким и венгерским концессионерам пришлось хуже всего. Оказав помощь СССР, они изгонялись безо всякой компенсации. До сих пор основным средством связи России с мировым хозяйством остается внешняя торговля. 80–85% нашего экспорта составляет сырье, а импорт имеет промышленный характер, что присуще слаборазви-

тым промышленным странам. Вне полнокровного участия в мировой хозяйственной жизни построить эффективно действующую национальную экономическую модель сегодня невозможно. Иностранные инвестиции могут и должны ускорить экономический и технологический прогресс, помочь в решении насущных проблем российской экономики.

Список литературы

1. Sutton Antony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968. – P. 8.
2. Торгово-промышленная газета. – 1926. 13 ноября.
3. Davies R.H. Soviet Economy in Turmoil. 1929–1930. – Cambridge, 1989. – P. 36.
4. Sutton Antony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968. – P. 6.
5. Dobb M. Soviet Economic Development since 1917. 5th ed. – London, 1960. – P. 11.
6. Красная газета. – 1922. 26 января.
7. Sutton Antony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968. – P. 320.
8. Freund G. Unholy Alliance. – New York, 1957. – P. 205.
9. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. – Т. 1. – Лондон, 1982. – С. 223.
10. Sutton Antony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968. – P. 261–263.
11. Berliner Tageblatt. – 1929. Januar 11.
12. Sutton Antony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968. – P. 206.
13. РГАЭ, Ф. 3429, Оп. 6, Д. 633, Л. 331, 337.
14. Экономическая жизнь. – 1928. 15 сентября.
15. Известия. – 1928. 10 марта.
16. Sutton Antony. Western Technology and Soviet Economic Development. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968. – P. 326.
17. Бассехес Н. Исчезнувшие советские дипломаты // Русские записки. Париж. – 1939. – №19. – С. 137.
18. Bron S. Soviet Economic Development and American Business. – New York, 1930. – P. 145–146.
19. Торгово-промышленная газета. – 1929. 23 июля.
20. Siegl Katharine. Technology and Trade: Russian's Pursuit of American Investments. 1917–1929 // Diplomacy History. – 1993. – №63. – P. 394.
21. Экономическая жизнь. – 1929. 29 сентября.
22. РГАЭ, Ф. 3429, Оп. 6, Д. 688, Л. 19.
23. Davies R.H. The Soviet Economy in Turmoil. 1929–1930. – Cambridge, 1989. – P. 35.
24. РГАЭ, Ф. 3429, Оп. 6, Д. 87, Л. 259–259об.
25. SIC делит экономику на 43 сектора, 44-й сектор – торговля, добавлен Э. Саттоном.

26. Таблица составлена по материалам: Sutton Antony // *Western Technology and Soviet Economic Development*. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968.
27. Таблица составлена по материалам: A.A. Santalov, L. Segal // *Soviet Union Yearbook*. 1930. – London, 1930. – P. 206; USSR: Chamber of Commerce. *Economic Conditions in the USSR*. – Moscow, 1931. – P. 162.
28. Бутковский В.П. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. – М., 1928. – С. 43.
29. СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1928–29 бюджетный год. – М., 1930. – С. 319.
30. Carr E.H. *A History of Soviet Russia. Socialism in One Country*. 1924–1926. 3 Vols. – New York, 1958–1964. – P. 455.
31. Каменев Л.Б. Статьи и речи. – М., 1926. – С. 473.
32. *New York Times*. – 1921. November 4, 6, 7, 24.
33. *New York Times*. – 1928. September 29.
34. Amtorg Trading Co *Economic Review of the Soviet Union*. – New York, 1928. – №4. – P. 179.
35. *New York Times*. – 1927. November 28.
36. Sutton Antony. *Western Technology and Soviet Economic Development*. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968. – P. 295.
37. РГАЭ, Ф. 413, Оп. 2, Д. 1802а, Л. 146, 147, 150, 153, 152
38. Торговля СССР с Востоком. – М.-Л., 1927. – С. 16, 72, 75, 84.
39. РГАЭ, Ф. 3429, Оп. 6, Д. 697, Л. 71, 75.
40. РГАЭ, Ф. 3429, Оп. 6, Д. 700, Л. 129.
41. РГАЭ, Д. 695, Л. 52.
42. Сталин И.В. Заключительное слово по политическому отчету ЦК XIV съезду. Соч. – Т. 12. – М., 1952. – С. 364.
43. Hilger G. *The Incompatible Allies* / G. Hilger, G. Meyer. – New York, 1953. – P. 171–173.
44. Ipatieff V. *Life of a Chemist*. – Stanford, 1946. – P. 408–409.
45. *Berliner Tageblatt*. – 1929. januar 11.
46. За индустриализацию. – 1931. 4,16 февраля.
47. Sutton Antony. *Western Technolodgy and Soviet Economic Development*. 1917–1930. – Т. 1. – Stanford, 1968. – P. 21, 22
48. Брин И.Д. Государственный капитализм в переходный период от капитализма к социализму. – Иркутск, 1962. – С. 36.
49. Белоусов А.И. Иностранные концессии Сибири и Дальнего Востока в годы НЭПа (1925–1930). – Томск, 1979. – С. 106.
50. Kokowzoff. W. *Les Soviets et les concessions aus etrangers* // *Revue de Deux Mondes*. – 1926. – №35. – P. 162.

Демидова Ида Ивановна

канд. ист. наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Иванова Наталья Анатольевна

учитель истории
ГБОУ СОШ №1 с углубленным
изучением английского языка
Московского района Санкт-Петербурга
г. Санкт-Петербург

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИВИЛЬСКОМ УЕЗДЕ В 1917–1927 гг.

***Аннотация:** в статье прослеживается процесс становления Единой трудовой советской школы с 1917–1927 гг. на примере Цивильского уезда ЧАССР. На основе анализа учебных планов, программ, средств, методов и форм организации учебного процесса, а также контингента учителей авторами оценивается результативность работы, выявляются проблемы.*

***Ключевые слова:** школьное образование, педагогические кадры, учителя, реформы, процесс обучения, методы, средства обучения, органы управления.*

Поиски оптимальных путей совершенствования российской образовательной системы в современных реалиях остается одним из важнейших направлений государственной политики. Для каждого исторического этапа развития общества и государства характерен определенный уровень ценностей. Их научное осмысление позволяет использовать накопленный опыт при разработке перспективных программ для последующего развития, как в целом, так и по отдельным направлениям, все значимое, полезное.

Изучение опыта развития нашей страны в 20-е гг. XX столетия в плане поставленной нами проблемы чрезвычайно актуально. Обеспечение всеобщего, равного, бесплатного общего и политехнического образования для всех детей в единой советской школе, при всех трудностях и просчетах по его реализации, имело и имеет

непреодолимое значение. Современные проблемы школы невозможно решать без учета этого важнейшего фактора.

Становление и развитие системы школьного образования в данной статье рассматривается на примере Цивильского уезда, входившего в состав Казанской губернии, с 1920 г. – уезда Чувашской Автономной области, с 1925 г. – Чувашской Автономной Социалистической республики. Хронологические рамки исследования ограничены периодом первого десятилетия после октября 1917 г. Конечная граница – 1927 г. объясняется началом нового периода административных реформ в республике, приведших к замене уездной территориальной единицы системой районов. В данной статье впервые в историографии Чувашии предпринята попытка рассмотреть проблему становления и развития системы школьного образования применительно к одному из уездов региона.

Сведения о важнейших мероприятиях Советской власти по созданию новой системы народного образования в стране почерпнуты из обобщающих исследований, рассматривающих успехи и трудности в решении этой задачи на основе широкого круга источников [6].

Источниковая база исследования представлена широким комплексом материалов. Среди них важное место занимают опубликованные материалы, относящиеся к различным направлениям деятельности Советского государства в области школьного образования [8]. Важная информация по теме была извлечена из материалов местных органов власти, структур системы образования, общественных организаций, опубликованная в тематических сборниках по истории Чувашии [5; 9].

При написании использовались документы фондов Р-123, 147, 202, 221, 499 Государственного исторического архива Чувашской республики (ГИА ЧР), в которых отражена деятельность органов, стоящих во главе управления сферой народного образования, фонда Цивильского уездного отдела народного образования – (Р-151), содержащего в себе 1397 дел, относящихся к 1917–1927 гг., ф.ф. Р-1145, 1195, 1236, 1768, 1769 и др.

Становление школьной системы в Цивильском уезде в 1918–1927 гг. проходило в рамках процессов, протекавших в РСФСР в

целом, но с присутствием особенностей на уровне государственного устройства и национальных традиций. С целью создания новой системы народного образования в центре и на местах были организованы управленческие структуры: Народный комиссариат, Государственная комиссия по просвещению, Отделы народного образования в губерниях, уездах и волостях.

К октябрю 1918 г. Государственной комиссией были подготовлены важнейшие документы – «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и «Декларация о единой трудовой школе», в которых закреплялись на принципиально ином выражении принципы создания, основы содержания, организации учебно-воспитательной работы в школьном деле [8].

«Положение» нацеливало на введение единой системы бесплатного совместного обучения с двумя ступенями образования: 1-я – для детей от 8-ми до 13 лет (5-летний курс) и 2-я – от 13-ти до 17 лет (4-х летний). Провозглашалось право всех граждан на образование независимо от расовой, национальной принадлежности и социального положения, равенство в образовании женщин и мужчин, школа на родном языке, светский характер обучения, его осуществление на основе соединения с производительным трудом. «Декларация» дополняла «Положение» более конкретными рекомендациями по осуществлению учебно-воспитательного процесса. В документе подчеркивалась большая, воспитательная роль детского физического труда, большое место отводилось физическому и эстетическому воспитанию, указывалось на необходимость объединения в этом деле. Особо подчеркивалось, что построение новой демократической школы возможно при объединении в этом деле учителей, учащихся, родителей, представителей общественности.

Школьная система, принятая в 1918 г., подверглась некоторым изменениям в годы гражданской войны и иностранной интервенции: 9-летняя школа с двумя ступенями (первая ступень 5 лет, вторая ступень 4 года) была заменена на систему из 3-х звеньев: начальная школа (4 класса), семилетняя школа и школа 11 ступени (девятилетка) [6]. Основой всей школьной системы до 30-х гг. стала четырехлетка, что было закреплено в «Уставе единой трудовой школы».

Переход к НЭПу, осуществляемому в условиях строгого режима экономии во всех сферах, засуха, голод в Поволжье, усиление беспризорности привели к сокращению бюджетных ассигнований в образовательную систему, негативно сказались на состоянии школьного дела. Но уже с 1924 г. временные трудности преодолевались, характер обучения в школах качественно менялся.

Большое внимание в рассматриваемый период стали уделять характеру преподавания. Распространенными формами организации учебной деятельности в школах становятся экскурсии в природу, разного рода наблюдения за природными явлениями, трудовые процессы на пришкольных участках и другие самостоятельные виды работ учащихся. В старших классах предлагалось писать рефераты, доклады, участвовать в работе кружков, в диспутах и других серьезных формах деятельности.

В 1923–1925 гг. Государственным Ученым Советом (ГУС) были подготовлены новые учебные государственные программы, ориентированные в обучении не на изучение школьных предметов, а на единые комплексы: о природе, труде, человеческом обществе и др.

Приведенные сведения о состоянии школьного образования в масштабе всей страны свидетельствуют о том, что в результате целого ряда принятых директивных документов была создана государственная система начального и среднего образования. Школа успешно выполняла одну из задач – предоставление возможности получить образование детям рабочих, крестьян, другим группам населения.

Анализ решения проблемы по осуществлению школьного образования в первое десятилетие существования Советской власти – 1917–1927 гг. нами осуществлен на примере одного регионального центра нашей страны – Цивильского уезда Чувашии. Обращение к этой теме на уровне конкретной территориальной структуры позволит внести что-то новое в осмысление происходивших в культурной жизни населения Чувашии, в сложный исторический период, перемен, оценить роль тех людей, которым было доверено осуществлять в условиях того времени решение важнейшей задачи – получение образования того или иного уровня в народной среде.

Организация школьного дела в Чувашии после Октября началась с принятия 31 октября 1918 г. Наркомпросом РСФСР постановления «О школе национальных меньшинств», в котором указывалось о праве всех национальностей страны получать образование на своем родном языке, в единой трудовой и высшей школах [8]. Непосредственно, делом просвещения чувашского народа с 1918 г. занимался Чувашский отдел при Наркомнаце в лице подотдела культуры и просвещения. С 1919 г. дело просвещения национальностей перешло непосредственно к Наркомпросу, а на местах – к губернским и уездным отделам народного образования. С 1920 г., после создания Чувашской автономной области, делом образования занимался созданный Областной отдел народного образования. Непосредственно руководство народным образованием в Цивильском уезде осуществлялось созданным 23 декабря 1918 г. уездным отделом народного образования [1. Оп. 1. Д. 22. Л. 27]. В функциональные обязанности входило осуществление всеобщей грамотности населения через всеобщее, обязательное, бесплатное обучение, инструктирование работы всех школ уезда, учет и распределение школьных работников, снабжение учебниками, пособиями и другими материалами, открытие школ, комплектов, проведение в жизнь всех декретов, постановлений, касающихся просвещения [1. Оп. 1. Д. 20. Л. 16]. Состав УОНО был небольшим, в него входили заведующий, два школьных инспектора, инструктор по ликвидации неграмотности, делопроизводитель [2. Оп. 3. Д. 218. Л. 10].

Непосредственно организацией школьного образования занимался Подотдел Единой школы. Его обязанности заключались в проведении в жизнь основных принципов Единой трудовой школы: осуществление трудового начала, наглядного принципа обучения, использование нетрадиционных форм занятий, привлечение учащихся к созданию лабораторий, музеев и др. [1. Оп. 1. Д. 20. Л. 16]. Следует заметить, что выполнение этих часто функций не осуществлялось из-за отсутствия условий для этого в техническом отношении, слабой методической вооруженности проверяющих и др. причин.

Управленческой структурой в уезде были волостные отделы, которые занимались осуществлением в волости всеобщей грамотности

сти, общественно трудовым воспитанием, распространением образования среди всего населения волости, привлечение к делу народного просвещения местного населения [2. Оп. 1. Д. 19. Л. 43].

Одним из направлений в деятельности Цивильского отдела народного образования было открытие новых школ и увеличение доли учащихся в них. На начальном этапе его деятельности в этом отношении были заметные успехи. Инициатива об открытии школ нередко исходила от населения. Наибольшее количество действующих школ относилось к начальным. В 1919 г. в уезде числилось 244 школы разных типов, к началу 1921 г. число школ увеличилось до 371. Но уже с 1922 г., по причине голода, этот показатель сократился к 1924 г. до 158. В особо тяжелом положении оказались школы 1 ступени: к 1922 г. их число сократилось на 56,39%. В этой сложной ситуации имел место и такой факт, когда школы числились лишь на бумаге, поскольку они не функционировали из-за нехватки помещений, отсутствия средств на приобретение учебных материалов, хозяйственных предметов, нужного числа работников. Таких школ в уезде в 1922 г. насчитывалось 70. Среди действующих школ в этот год были школы с 4-х летним, 6-ти летним, 8-ми летки, одна школа 11 ступени.

Начиная с 1924 г., идет постепенное оживление школьного дела, к 1927 г. число школ достигает 225 [1. Оп. 1. Д. 20. Л. 21]. Сокращение числа школ привело к массовому уменьшению числа учащихся. На 1 января 1921 года в 370 учебных заведениях уезда обучалось 22530 человек, на 1 ноября 1923 г. в продолжавших работать 154 школах приходилось всего 13653 учащихся. К 1926 г., вместе с увеличением числа действующих школ, количество обучающихся в школе детей возросло к 1926 г. до 16951 человек [1. Оп. 1. Д. 20. Л. 23]. С 1922 г. школы переводятся на местный бюджет [2. Оп. 1. Д. 521. Л. 31]. Шефство в уезде не получило широкого распространения, к 1924–1925 не осталось в уезде договорных школ, все они были переведены на местный бюджет. Тяжелые последствия голода в уезде сохранялись, поэтому для облегчения работы школ и материальной поддержки учителей были приняты местными органами власти меры в виде введения временного

налога с населения, платы за обучение детей в благополучных семьях, проведения «Недели помощи», прикрепления школ к конкретным государственным и кооперативным учреждениям.

В процессе создания системы школьного обучения претерпевала изменения школа 11 ступени. В 1920 г. в уезде числилось 20 таких школ, к 1922 г. их число сократилось до 5, к 1927 г. – осталось 3 [1. Оп. 1. Д. 12. Л. 23]. Решение о сокращении школ было принято на основе постановления Наркомпроса РСФСР 1921 г. «О реорганизации школы 11 ступени, по которому от 30 до 50% школ 11 ступени, имевших в структуре 3–4 классы, преобразовывались с начала 1921–1922 учебного года в техникумы. В результате в уезде осталось две школы 11 ступени: Цивильская и Шихазановская [2. Оп. 1. Д. 521. Л. 34]. В 1923 г. их число пополнила Канашская школа 11 ступени. В этих школах обучением было охвачено 3,3% учащихся. С 1925 г. эти школы приобретают профессиональное направление.

С учетом числа действующих школ к 1924 году в уезде выделилось два района. В первый входило 6 волостей с 81 действующими школами: 71 – четырехлетки, 1 – пятилетка, 5 – шестилетки, 3 – 11 ступени. Во втором районе действовало 78 школ: 71 – четырехлетки, 4 – шестилетки, 3 – восьмилетки [2. Оп. 3. Д. 521. Л. 11].

После тяжелых голодных годов, с 1924 по октябрь 1926 г., происходит увеличение числа обучающихся в школах 1 ступени с 12236 до 16385 [1. Оп. 1. Д. 20. Л. 16]. Но охват детей школьного возраста оставался большой проблемой вплоть до конца 1927 г. Остро стоял вопрос с обучением девочек [2. Оп. 3. Д. 98. Л. 34]. К 1926 г. число обучающихся мальчиков составляло 72,5%, на долю девочек приходилось 27,5%.

По национальному составу в школах 1 ступени преобладали чувашские дети, в составе учащихся в школах 11 ступени русские и чуваша находились почти в равном количестве [2. Оп. 3. Д. 98. Л. 34].

Одной из проблем в становлении школьной системы в уезде была материальная обеспеченность школ. В отзыве о положении школы в уезде одного из современников обозначено наличие многих проблем, требующих решения: «Созданию новой школы препятствует отсутствие материальных средств, нет продуктов для горячих завтраков, не хватает одежды, обуви для учащихся, слишком

мало книг и пособий для школ, инструментов для мастерских, острый недостаток в бумаге, перьях, карандашах, нет красок, нет средств на строительство, ремонт и оборудование школ и т. п.» [1. Оп. 1. Д. 22. Л. 23]. Объективную информацию о трудностях материального характера сообщали в своих отчетах в УОНО инспектора [1. Оп. 1. Д. 23. Л. 42]. Отвод под школы крестьянских изб, неприспособленных для учебы, недостаток света, воздуха в них, высокая квартирная плата за аренду помещения были типичными явлениями в школьной жизни. Строительство новых школ в уезде шло медленно, ремонт из-за отсутствия средств задерживался на длительное время, новые здания, выстроенные силами населения, не во всем соответствовали требованиям, не были оборудованы всем необходимым [2. Оп. 1. Д. 10. Л. 46–47].

Но в тоже время, начиная с лета 1922 г., в школьном строительстве начались подвижки. Во многих школах стали производиться достройки и осуществляться ремонт школьных зданий. В этих работах принимали участие местные жители, учащиеся школ, учителя. В 1924 г. был произведен ремонт в 45 школах уезда, на средства населения в течение 1923–1924 гг. на средства населения при некоторой помощи УОНО было построено 10 зданий, приспособлено под школы 10 национализированных домов [2. Оп. 1. Д. 438. Л. 28]. На 1925 г. обеспеченность собственными зданиями составляла 63,16% [2. Оп. 3. Д. 98. Л. 8]. Серьезной проблемой для школ оставалось приобретение предметной литературы для учащихся как на русском, так и чувашском языках, учебно-методических пособий для учителей.

На первом этапе работы школы положение осложнялось состоянием учительских кадров. К учителям досоветской эпохи относились критически, с осторожностью, подготовка учителей в новых условиях еще не была достаточно результативной, опыта работы у многих не хватало. Созданная в уезде Инструкторская коллегия проводила большую работу по привлечению учительских сил. Учителей привлекали через средства массовой информации, агитировали путем вызовов в губернские и уездные отделы народного образования, кандидатов на учительские должности выдвигали Волсоветы, Волостнаробразования, другие управленческие структуры.

К 1919 учебному году в уездный отдел поступило около 400 прошений на работу учителями в школы 1 и 11 ступеней [1. Оп. 1. Д. 22. Л. 42]. Принимались на работу лица, которые во время собеседования признавали важность образования для детей, с пониманием относились к сложности осуществляемого учебного процесса в новых условиях, осознавали необходимость совершенствования своего учебно-методического мастерства.

Проблема повышения квалификационного уровня учителей решалась разными путями. В тех условиях оказывались оправданными такие формы, как летние курсы, краткосрочные учительские съезды (самокурсы) [1. Оп. 1. Д. 126. Л. 6]. В январе – феврале 1921 г. уездной проверочной комиссией был проведен среди учителей анализ их данных для определения профессиональной категории по критериям: общее развитие, педагогическая база, социальный статус, знание местного языка, уровень профессионального мастерства [2. Оп. 1. Д. 77. Л. 61]. Результаты проверки показали, что многие из учителей не соответствовали статусу учителей, имели небольшой опыт работы и были отстранены от занимаемой должности. Принятия последнего решения привело к закрытию 93 школ [2. Оп. 1. Д. 438. Л. 5].

В плане повышения профессионализма учителей полезными для них оказались организованные в 1920 г. в г. Цивильске, «Педагогические курсы» для 200 начинающих педагогическую деятельность, «Съезд школьных работников», «Учительские курсы» с 1 по 20 июля 1923 г. в Цивильске с целью усиления политической вооруженности работников просвещения и пополнения педагогическими кадрами знаний и умений в сельскохозяйственной области в связи с введением и усилением во многих школах уезда сельскохозяйственного направления [2. Оп. 3. Д. 98. Л. 61].

Проведенные с 16 июня по 15 июля 1924 г. «Краткосрочные курсы по переподготовке работников просвещения Цивильского уезда» были нацелены на повсеместное, широкое введение в практику работы всех школ программ ГУСа. Продуманная организация проведения курсов с точки зрения оснащенности представленными наглядными материалами (библиотека, выставка), широкая тематика читаемых лекций, участие участников в практических формах работ (кружки, экскурсии), активное обсуждение проблем – все это было высоко оценено участниками курсов [2. Оп. 1. Д. 77. Л. 39].

Квалификационный уровень учителей повышался через их участие в «Кружках самообразования», где они участвовали в обсуждении новейших проблем педагогического, политического, методического, научного характера, выступали со своими докладами, сообщениями на педагогические, методические и др. темы [2. Оп. 3. Д. 126. Л. 7].

Проблема обеспеченности школ учителями не была решена к концу рассматриваемого нами периода. На территории Цивильского уезда с 1919 по 1921 гг. функционировали 3-х годичные «Педагогические курсы», созданные на базе Шихранской учительской семинарии, на которых готовили школьных работников школ 1 ступени. В 1921 г. курсы были преобразованы в Педтехникум с 4-хлетним сроком обучения, сельскохозяйственным направлением в подготовке.

При техникуме имелась опытно-показательная школа, где обучающиеся проходили педагогическую практику. В стенах этого заведения, на хорошем профессиональном уровне, было подготовлено всего 30 учителей. С целью улучшения положения с педагогическими кадрами Цивильским ОНО было принято решение о введении в Шихазановской школе 11 ступени педагогического направления с целью подготовки учителей. В 1926 г. был сделан выпуск 20 учителей [2. Оп. 3. Д. 126. Л. 7].

С целью повышения квалификационного уровня учителей на уровне волостей проводились педагогические конференции, самокурсы. Широкая программа обсуждаемых вопросов, использование в ходе их работы разных форм (экскурсии, кружки, публичные выступления), продуманная тематика лекций и др. их составные – все это воспринималось участниками положительно, о чем свидетельствуют их отзывы [2. Оп. 1. Д. 77. Л. 39].

Следует подчеркнуть, что социальные, профессиональные, гендерные характеристики учителей были достаточно разнообразными. В 1926 г. из крестьян было 427 учителей, из духовенства – 26. Число учащихся из чувашей было 403, из русских – 125 человек. По гендерному принципу преобладали мужчины [2. Оп. 3. Д. 123. Л. 11]. Принимая во внимание активное привлечение к преподаванию дореволюционных специалистов, около 70% учителей имели

пятилетний и более стаж педагогической работы. Становился заметным процесс привлечения новых кадров, подготовленных в рассматриваемый период. Учителя помимо учебной работы активно участвовали в общественной, политической, культурно-просветительской деятельности как по месту проживания, так и на уездном уровне. Зарплата учителей была не высокой, жилищные условия в большинстве своем нуждались в улучшении.

Организация учебно-воспитательного процесса базировалась в первые годы на основе программ, разрабатываемых на местах на уровне области, уездов, носивших необязательный характер и используемых для разработки различных вариантов программ. С 1919 г. школам было рекомендовано работать на основе «Учебного плана», в котором содержались основные принципы «Единой трудовой школы», а также положения, учитывающие специфические особенности национальной чувашской школы, населения, природы и др. Состоявшийся 28 июня 1919 г. в г. Казани «Всероссийский съезд работников просвещения и социалистической культуры» признал необходимость вести обучение на родном языке, вводить изучение местных особенностей края, уделять должное внимание русскому языку, организовывать трудовые занятия с учетом требований местной жизни, традиций в хозяйствовании и других факторов [2. Оп. 1. Д. 39. Л. 4].

В соответствии с разработанными учебными планами большое внимание уделялось в школах изучению русского языка и арифметики, ежедневно проводились уроки по русскому языку, во многих школах имели место занятия гимнастикой, в некоторых – уроки пения, рисования. Природоведение, география, история давались как самостоятельные предметы, отдельные сведения из этих областей учащиеся получали во время проводимых экскурсий, работы на пришкольных участках, на уроках объяснительного чтения [10, с. 74]. Новые программы были за основу приняты школами, но следует подчеркнуть, что новые походы к преподаванию осуществлялись не просто. С большими трудностями, например, вводился обозначенный в программах принцип связи школы с жизнью, в чем убеждает отсутствие конкретных планов по реализации этого направления, случайный характер проводимых форм занятий [2. Оп. 3. Д. 77. Л. 14]. Процесс совершенствования содержания школьного образования продолжался вплоть до 30-х гг.

Вплоть до 30-х годов шел процесс совершенствования содержательной части школьного образования. Несмотря на вносимые в программы поправки, они воспринимались критически, считались не соответствующими современным требованиям. В частности, подвергалось критике предметное преподавание, подчеркивалось, что в них нет системного изучения родного языка, имеет место отрыв теории от практики. В частности, подчеркивалось, что в программах слабо учитывается важность систематического изучения родного языка, имеет место отрыв теории от практики.

С 1923 г. в практику работы школ стали вводиться комплексные программы ГУСа. К 1925/26 учебного года они были обязательными для всех классов начальной школы. В их основе лежала группировка материала по предметам в виде отдельных комплексов о природе, труде, обществе, типа «Наш город», «Домашние животные», «Праздник Мая» и т. д. По мысли составителей таких программ, в процессе реализации этих направлений достигалось изучение явлений жизни в их взаимосвязи. По этой схеме, содержание основных предметов соотносилось с той или иной комплексной темой. В условиях сохранения материальных трудностей после голода, отсутствия методической обеспеченности реализация таких программ вызывала трудности [1. Оп. 3. Д. 15. Л. 13–14]. Учитывая эту проявляющуюся негативную тенденцию, в 1927 г. Наркомпросом были разработаны новые программы, которые стали обязательными для всех школ РСФСР как государственные, содержащие твердый минимум знаний и навыков учащихся, предусматривающие разностороннее развитие учащихся.

К концу рассматриваемого периода стиль работы Цивильского отдела образования меняется. Больше внимания стало уделяться планированию видов деятельности, воспитательной работе, становится регулярным учет выполняемых решений. При наличии условий в некоторых школах дети посещали кружки по рисованию, учились грамотному пению, занимались физкультурой. Особое место стали занимать ученические организации – учкомы, пионерская, комсомольские организации, привлекаемые к проведению школьных мероприятий – дежурству, выпуску газет, проведению праздников [2. Оп. 3. Д. 77. Л. 12–13, 55].

Приведенные в данной части материалы свидетельствуют, что в Цивильском уезде, как и в других частях Чувашии, в указанный период осуществлялся сложный процесс формирования школьной системы образования.

Направленность советской трудовой школы на связь обучения с жизнью, политехнический характер учебного процесса, как важнейшее условие подготовки школьников к сознательному выбору профессии, имела место с самого начала функционирования советской школы. В принятых в 1927 г. программах труд становился особым предметом изучения. При наличии условий занятия проходили в создаваемых мастерских при школах, где учащиеся овладевали приемами работы с инструментами, привлекались к изготовлению различных изделий. При отсутствии таковых учащиеся привлекались к работам на школьных огородах, в различных формах самообслуживания в школе и т. п. Наиболее результативно трудовые процессы осуществлялись в школах 11 ступени г. Цивильска, учащиеся которых могли пользоваться мастерскими по кузнечному, слесарному, сапожному производствам [1. Оп. 1. Д. 22. Л. 24]. В районной учебно-показательной мастерской учащиеся школ осваивали сапожное дело, кровельно-кузнечное и другие производства. Сельскохозяйственную направленность трудовой практической деятельности проверяющий инспектор в 1924 г. зафиксировал более чем в 50-ти школах уезда. Учащиеся изготавливали плетеные изделия из соломы, глины, дерева и др. [2. Оп. 1. Д. 27. Л. 7–10].

Усиленный акцент на трудовое воспитание оказывал влияние на традиционную классно-урочную систему преподавания. Урочная форма занятий стала чаще заменяться экскурсиями по изучению природы края, местного производства, выполнением трудовых действий на пришкольных участках, разного рода наблюдениями в природе и другими формами самостоятельной работы. В школах 11 ступени учащиеся готовили рефераты на различные цели, выступали с докладами перед школьной аудиторией, участвовали в диспутах и других внеурочных формах [1. Оп. 1. Д. 21. Л. 16–24]. Но преувеличивать степень перехода на новые методы в уезде нельзя. В отчетах уездных инспекторов дается сдержанная оценка этого методического момента [2. Оп. 3. Д. 77. Л. 12]. Выявлялись

слабые знания знаний и умений учащихся по русскому и чувашскому языкам, арифметике, чтению, недостаточная методическая подготовка учителей [2. Оп. 1. Д. 521. Л. 11].

Но процесс совершенствования методики преподавания в школах не прекращался, а постепенно обогащался. В отчете Цивильского ОНО за 1927 г. подчеркивалось положительное влияние экскурсий на активность учащихся, получение учащимися умений по составлению диаграмм [2. Оп. 3. Д. 126. Л. 6], овладение основами графики, использование в учебном процессе наглядных средств. Не игнорируя принятого Наркомпросом постановления «Об отмене оценок», местные отделы народного образования продумывали формы учета знаний учеников, понимая важность этого момента в осуществляемом учебном процессе. В Цивильском уезде с этой целью стали вводить коллоквиумы для окончивших школы, проводить полугодовые и годовые зачеты для учащихся школ 11 ступени и восьмилеток. Использовались и такие формы, как собеседование, написание докладов, организация выставок с участием учеников, выпускные зачеты для заканчивающих обучение.

В большинстве школ классно-урочная система обучения сохранялась, но она постоянно развивалась, совершенствовалась за счет внесения в ее структуру, содержательную часть преподаваемых дисциплин, новых подходов к осуществлению поставленной цели школьного образования, активного использования нетрадиционных методов и средств преподавания, в результате вовлечения в осуществляемый учебный процесс широкого учительского корпуса из народной среды, которому были близки и понятны интересы и стремления обучающихся.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-123.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. Р-151.
3. Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики (1917–1920). – М.: Изд-во АПН, 1958. – 552 с.
4. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Документы и материалы: в 3-х тт. – М.: Советская Россия, 1983.
5. Культурное строительство в Чувашской АССР: Сб. док. – Кн. 1. 1917–1937. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 399 с.
6. Народное образование в РСФСР / Под ред. М.П. Кашина, Е.М. Чехарина. – М.: Просвещение, 1970. – 352 с.
7. Народное образование в СССР. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. – 259 с.

8. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. док. 1917–1973. – М.: Педагогика, 1974. – 559 с.

9. Образование Чувашской области: Сб. док. – Кн. 1. 1917–1937. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. – 718 с.

10. Статистический справочник к десятилетию ЧАССР за 15 лет (1920–1930). – Чебоксары. – 399 с.

11. Степанов Н.С. Очерки истории Чувашской советской школы. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – 323 с.

Джумагалиева Куляш Валитхановна

канд. ист. наук, доцент

АО «Казахский агротехнический
университет им. С. Сейфуллина»

г. Астана, Республика Казахстан

РАЗВИТИЕ ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОМЫСЛОВ И ПРЕДПРИЯТИЙ ДЛЯ ПЕРЕРАБОТКИ СКОТОВОДЧЕСКОГО СЫРЬЯ В СТЕПНОМ КРАЕ В XIX ВЕКЕ

***Аннотация:** в статье рассматривается развитие обрабатывающих промыслов и ремесленного производства среди казахского населения в XIX веке. Сам регион имел широкие возможности для развития особенно кожевенного производства. Скотоводство обеспечивало казахов в полной мере всем самым необходимым. Методы обработки шкур, технология их изготовления стали предметом изучения автора.*

***Ключевые слова:** кожевенное производство, кожевенное сырье, кожа, изделия, промысел.*

Скотоводческое хозяйство предоставило широчайшие возможности в применении продуктов производства в обыденной жизни казахского населения. Скотоводство носило практически безотходный характер, так как абсолютно все находило применение у казахов. Одно из важнейших мест в хозяйственной жизни казахского населения заняло кожевенное производство, обработка шкур и выделка кожи.

В более ранний период выделка шкур носила больше индивидуальный характер в рамках отдельно взятой семьи, которым чаще всего занимались женщины. Обработка и выделка скотоводческого сырья было традиционным занятием кочевого

населения, передававшееся из поколения в поколение. В XIX веке производство и выделка кожи носит уже промышленный характер. Во многих городах региона действовали кожевенные заводы по производству и выделке шкур. Тем более, что недостатка в сырье практически не было. Кожевенное сырье в большом объеме поставлялось местным населением.

Но несмотря на это, в кочевом обществе по-прежнему сохранялось ремесленное производство. Практически все что имелось в пользовании киргизской семьи производилось ими самими же. Иногда среди кочевников выделялись мастера-кочевники, занимавшиеся только ремеслом.

Во второй половине XIX века среди всех видов ремесленного производства у казахов первое место занимает шерстяное. В казахских семьях женщины сами валяли, пряли и ткали шерсть, а затем изготавливали изделия, которые не только удовлетворяли потребности семьи, но и становились предметами сбыта для оседлого населения края. Так кошму и войлок мастерицы делали из верблюжьей и овечьей шерсти, которая потом шла для покрытия юрты.

Обилие продуктов животноводства позволяло местному населению, как сырье, так и готовую продукцию продавать на ярмарках. Это стимулировало развитие аульных и покибиточных промыслов [1, с. 506]. Так довольно часто доверенные лица отдельных купеческих фирм скупали шерсть в казахской степи, а затем отправляли на сибирские суконные фабрики. В 1887 году скупщиками было закуплено более 7000 пудов шерсти [2, с. 109].

Второе место после шерстяного производства среди казахского населения занимал кожевенный промысел. Казахи сами обрабатывали шкуры домашних животных, тем более что недостатка в сырье не было. Из обработанных шкур получали сыромятные кожи, из которых шили обувь, одежду, посуду. Хотя на ярмарках продавались изделия и кожи намного высокого качества, но вытеснить изделия собственного производства они были не в состоянии. Объяснялось это дороговизной привозимого товара с одной стороны, и низкими покупательными возможностями населения с другой.

Напрямую с кожевенным производством тесно было связано шорное производство. Кочевники изготавливали в большом количестве различные принадлежности для лошадей и, конечно, сами седла. Седло для любого казаха было предметом гордости. Как от-

мечали, «в степи между киргизами даже среднего состояния нередко можно встретить обладателей таких седел, которые стоят 100–150 руб.» [3, с. 46].

Во второй половине XIX века в регионе активно развивается предприятия по переработке скотоводческого сырья. Кожевенные заводы, занимавшие одно из ведущих мест, состояли из нескольких помещений. В отдельном здании рабочие занимались дублением и золением кож. Здесь же на территории завода располагались специальные помещения для окончательной отделки кож, хранения сырья, а также навесы для сушки кож.

Обрабатывали кожи самым примитивным образом. Сырые кожи до 100–150 штук закладывали в специальные чаны с холодной водой, в которой растворяли 5 пудов поваренной соли. Кожи держали в данном растворе от 1 до 6 дней. В течение этих дней кожи доставали из раствора и хорошенько разминали и вновь замачивали. В некоторых случаях для замачивания кож выкапывали специальные ямы. Вторым этапом было замачивание кож в так называемых «зольниковых» емкостях. Кожи клали в раствор с содержанием 140 пудов негашеной извести, 20 пудов золы, поташа и соды. В данном растворе кожи лежали 24 дня. На 14 день их вытаскивали из раствора и удаляли всю шерсть. Потом вновь помещали в зольный раствор и через 7 дней очищали от остатков мяса с помощью длинных ножей, которые имели ручки с двух концов.

Третьим этапом было удаление известкового налета на коже. Для этого кожи помещали в корыта с водой, разминали руками и топтали ногами. Для окончательного удаления извести сырье в течение 12 часов держали в растворе с содержанием 2–3 пудов ржаной муки и 1 пуда соли, т. е. происходил процесс квасцевания. Подготовленные кожи подвергали дублению, а потом подвергали окончательной отделке: сушке, смазыванию дегтем, окрашиванию [4, с. 47].

В отличие от кожевенного производства процесс обработки овчин носил несколько другой характер. Овчины на 1 сутки замачивали в воде, затем сушили в натопленных банях и подвергали их мездрению. Отдельно из расчета на 100 овчин готовили состав, состоящий из 4 пудов овсяной муки, 1 пуда поваренной соли, воды, в котором замачивали шкуры. Затем 3 суток овчины замачивали в квасильных чанах. После всех проведенных операций полуготовую овчину сушили. Данное подготовленное сырье потом перевозили на российские заводы [4, с. 48].

В казахской степи не было недостатка в сырье для кожевенного промысла. В обработку шли все виды кож: коровьи, телячьи, конские, бараньи, верблюжьи. Кожевники получали сырье от заказчиков или закупали оптом на базарах и ярмарках, во время сезонных забоев скота на бойнях. Появлялись скупщики от местных кожевенных заводов и в казахских аулах. Обычным явлением была скупка кожи на глаз или по весу. Так, в 1911 г. кожа продавалась партиями при забое скота по 1 руб. 70 коп. с пуда мяса [5, л. 156 об.]. В справке о ценах на сырую кожу указывалось: «Бычина и яловка мороженная продаются пакетами недельного засола за пуд 13 руб. 50 коп. Такая же, но двухнедельного засола, за пуд 14 руб. 50 коп. Парная кожа партиями, за пуд 11 руб.» [5, л. 157]. В периоды джута (гололеда и, как следствие, бескормицы) в степи, когда начинался массовый падеж скота, на кожевенные заводы поступали большие партии кожи.

Крупные кожевники предъявляли особые требования к качеству покупаемого сырья. Принимались во внимание величина шкур, толщина сырой кожи, отсутствие в ней прорезей. Ценилось кожевенное сырье, получаемое от «осенней и зимней забойки. Летняя коровья кожа бывает тонкая, с короткой шерстью и свищеватая, а потому цена её много дешевле осенней кожи, толстой и с длинной шерстью» [6, л. 74].

Но прежде чем приступить к изготовлению самой кожи, нужно было уметь аккуратно снять шкуру, не порезав и не повредив ее. Коров, быков и лошадей лучше всего было убивать осенью, потому что была шкура плотная и здоровая. Казахи снимали шкуру с убитого животного, подвесив его в воздухе. На задних лапах делали ножом прорез и через него просовывали палку примерно длиной с аршин. К середине палки привязывали веревку, а другой конец перекидывали через перекладину и подтягивали тушу так, чтобы она висела над землей, и к ней можно было подойти со всех сторон. Затем на ногах кругом колен делали надрезы, разрезали шкуру вдоль брюха от горла до хвоста. Но самое ответственное было снять шкуру так, чтобы ее нигде не порезать насквозь [7, с. 12].

На то, как снимается кожа, и на то что на рынки в большом количестве попадает порезанная кожа, указывал в 1830 г. министр внутренних дел, генерал-адъютант Закревский. Он писал Оренбургскому губернатору, что испорченные кожи представляют «неудобства в приобретении для армии добротных кожевенных вещей, и особенно подошвенного товара». В документе указывается, что

кожи портят мясники, использующие ножи для скорости в работе, «от каковой поспешности кожи во многих местах прорезываются» [8, лл. 3–4]. В связи с этим министр потребовал кожи снимать не ножами, а «пестами» (т. е. пальцами – Д.К.). Предложенный способ снятия кожи был не нов, его испокон веков использовали, например, казахи. Сделав надрезы, как это было описано выше, дальше снимали шкуру только с помощью пальцев, не используя ножи. То есть министр предлагал метод, широко распространенный у казахов в быту.

Полноценному развитию местной обрабатывающей промышленности мешало ряд обстоятельств. Среди которых были ограниченность местного рынка, из-за ограниченной плотности населения; слабая техническая оснащенность, фактически ее отсутствие; несовершенство технической обработки сырья.

Географическое положение Степного края в составе Российской империи определило его место, в первую очередь, как источника сырья в системе российского капитализма. Данное обстоятельство сказывалось как на состоянии экономики региона в целом, так и на состоянии и развитии мелкой кожевенной промышленности. Рост мелких заведений по обработке кожевенного сырья в количественном отношении происходил медленно, а в таких районах Степного края, как Тургайская и Уральская области в конце XIX – начале XX в. даже происходило постепенное сокращение численности кожевенных заведений. Тем не менее, кожевники Степного края стремились настолько рационально организовать производство, что позволило им активно участвовать в формировании и развитии местного рынка.

Список литературы

1. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 томах. – Т. 3. – Алматы: Атамұра, 2000. – 758 с.
2. Смирнов Е. Сырдарьинская область. – СПб., 1887. – 184 с.
3. Обзор Акмолинской области за 1899 г. Тип. Акмолинского областного правления. – Омск, 1900. – 117 с.
4. Обзор Акмолинской области за 1894 г. Тип. Акмолинского областного правления. – Омск, 1895. – 123 с.
5. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф.6. Оп. 3. Д. 3231.
6. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 369. Оп. 1. Д. 10408.
7. R.E.F. Smith and David Christian. Bread and salt. A social and economic history of food and drink in Russia. – Cambridge University Press, 1984. – 380 p.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5822.

Евдокимова Анжелика Николаевна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
В РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ И.Н. ИЛЬМИНСКОГО
В ЧУВАШСКИХ ПРИХОДАХ КАЗАНСКОЙ
ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX вв.**

***Аннотация:** в статье рассматривается вопрос об особенностях христианизации чувашей в второй половине XIX – начала XX вв. в связи с утверждением и реализацией системы И.Н. Ильминского в нерусских приходах Казанской губернии. Частью системы являлись церковные школы, открывавшиеся в последней трети XIX в. В связи с открытием приходских попечительств несколько улучшилось материальное содержание духовенства, что должно было препятствовать сокращению злоупотреблений в отношении прихожан. Немаловажную роль в трансформации религиозных воззрений сыграли отходничество крестьян, культурно-просветительская деятельность духовенства.*

***Ключевые слова:** христианизация, приход, приходское попечительство, система управления, система Ильминского, церковно-приходские школы.*

Новые политические, социально-экономические условия, сложившиеся в России во второй половине XIX века, потребовали от властей и православной церкви иного подхода к организации миссионерского дела, разработки более эффективных организационных и тактических приемов и методов укрепления православия среди «инородческого» населения.

По официальным данным ко времени открытия «Братства св. Гурия (1867 г.) в Казанской епархии 353760 чувашских крестьян приняли православие, а 6182 человека исповедовали языческую религию [4, с. 294]. В 60-х гг. XIX века на территории Поволжья усилился массовый отход крещеных татар, чувашей, мари, удмуртов

от православия. Некоторая демократизация общественной жизни, явившаяся результатом реформ 60–70-х гг., заставляла православных миссионеров искать новые, более прогрессивные методы осуществления политики христианизации. Идеи Н.И. Ильминского, оформившиеся в 60-х гг. XIX века в официальную миссионерско-просветительскую систему, вполне соответствовали духу времени и отвечали интересам государства. Система Ильминского дала новое дыхание православному миссионерству и позволила усилить приобщение «инородцев» к христианству и подготовить активных миссионеров из среды нерусских народов.

Главное место в системе Н.И. Ильминского отводилось религиозному просвещению нерусских народов в особых миссионерских школах. Он считал, что орудием первоначального обучения в школе должен быть родной язык учащихся до усвоения ими русского языка, после чего преподавание должно переводиться на русский язык». Цель обучения – распространение христианской идеологии среди нерусских народов путем использования их родного языка в качестве орудия церковного служения. В основе системы – правила от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», после принятия которых система Ильминского стала общегосударственной в просвещении нерусских народов. Конечной целью обучения должно быть обрусение инородцев и совершенное слияние с русским народом по вере и языку. Н.И. Ильминский не только излагал свои взгляды на использование родного языка в миссионерских целях, но и приступил к их осуществлению на практике [15, с. 63].

Разработка и принятие системы Н.И. Ильминского тесно связаны с деятельностью миссионерской организации братства св. Гурия, в которую вошли видные деятели народного просвещения, представители местного духовенства. На ее средства была начата организация сети школ, учителями в которые определялись воспитанники центральной школы по их личной инициативе. Благодаря их работе сельское «инородческое» население впервые познакомилось с книгами, изданными на родном языке, услышало понятное чтение. Школы сыграли решающую роль в усвоении «инородцами» православия, открыли им доступ к получению грамотности

хотя бы в рамках христианского просвещения. Таким образом, система Н.И. Ильминского имела огромное значение для утверждения православия среди народов Среднего Поволжья.

Немало материала о жизни прихода содержится в «Известиях по Казанской епархии». Например, за 1896 г. читаем, что «приходы в Цивильском уезде, особенно пограничные с Симбирской губернией, отделены от центров русского населения, издавна населены одними чувашами», которые «всегда отличались замечательной устойчивостью в своих языческих верованиях. Они хотя и были когда-то крещены, но в жизни всегда твердо держались своего старого язычества. Праздничные и воскресные дни ими совсем не почитаются. В приходских деревнях, отстоящих от церкви верст 7–8, чуваша никогда не исполняли христианского долга исповеди и св. причастия... При незнании русского языка..., христианское вероучение понимались ими смутно, или вовсе для них было непонятно... Во всем приходе не было ни одной школы; священников же было трое. Церковь была деревянная, крайне холодна и бедна» [10, с. 361].

Один из видных этнографов, фольклористов и деятелей народного просвещения второй половины XIX века В.К. Магницкий отмечает: «Круг знакомства крещеных чуваш с христианским вероучением едва ли не ограничивается только: 1) умением изображать на себе крестное знамение; 2) знанием, что по русской вере праздничный день – воскресенье и 3) что в среду и пятницу по русской вере грех есть скоромное, что, однако ж, нигде не соблюдается» [13, с. 89].

Важно отметить, что местное население подвергалось контролю со стороны уездной полиции, которая при обнаружении фактов вероотступничества действовала не только грубыми и карательными средствами, но и пыталась понять, что же чувашей и других инородцев заставляет совершать массовые языческие моления и обряды [18, с. 122–123].

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. в чувашских уездах было построено немало приходских церквей. Основной материал для изучения прихода дают нам клировые ведомости. Например, ведомость Христорождественской церкви села Крымза-

райкино Ядринского уезда Казанской епархии за 1914 г. показывает, что в приходе, помимо села, семь деревень, в которых проживают крестьяне, число мужского и женского пола одинаково – по 790 душ. Деревни расположены очень близко от храма, в 1–3 верстах (для сравнения: в предшествующее время селения располагались и в 7, и даже нескольких десятках верст). Особых физических и территориальных препятствий к посещению церкви, как в прежние времена, нет. По штату при церкви положены священник, псаломщик и просфорня [3, Ф. 521. Оп. 1. Д. 2.].

Из прихожан прихода выбирались церковный староста и члены попечительства. Должность церковной старосты была одной из заметных должностей в православных приходах. Институт церковных старост был введен в 1721 году, они избирались на 3 года и утверждались в должности епархиальным архиереем. В обязанность церковных старост вначале входило только продажа свечей, но с течением времени круг их обязанностей расширялся. Церковный староста становился поверенным прихода. Анализ социального состава церковных старост приходов чувашских уездов показывает, что в сельских религиозных общинах они выбирались в основном из крестьян, в городах церковными старостами были избраны представители из мещан, купцов и мало из крестьян. В «Известиях по Казанской епархии» содержится инструктаж церковным старостам. Староста избирался из достойных прихожан для хранения и употребления церковных денег и имущества. Он утверждается епархиальным архиереем, избирается от прихожан на 3 года; должен собирать деньги в кошельки и кружки, продавать свечи, принимать приносы (оклады, припасы), обязан следить за зажиганием и гашением свеч во время службы. По истечении месяца староста высыпает деньги и в присутствии священнослужителей записывает в книги, староста собирает доход от церковных заведений, покупает необходимые для церкви вещи, для пристройки и починки церкви, ведет и предоставляет причту и благочинному записи приходно-расходных денег [7, с. 189].

Сельский приход в основном составляли крестьяне, а в селах и городах – мещане, купцы, крестьяне. В большинстве приходов старостами были крестьяне. «Церковной старостою второе трехлетие состоит села Тенеево крестьянин Онисим Игнатьев» [3, Ф. 449. Оп. 2. Д. 7. Л. 37]. Видимо, за хорошую службу староста может

остаться на второй срок. Есть сведения, что церковными старостами были не только крестьяне. В Никольской церкви с. Шихраны Цивильского уезда «старостою церковным состоит старший унтер-офицер в запасе Максим Антонов» [3, Ф. 292. Оп.1. Д. 5. Л. 3].

Кроме официального участия в делах прихода, прихожане призывались к общинному попечению о благоустройстве и благосостоянии приходской церкви и причта, заботились о первоначальном обучении детей и делах благотворительности. Выражением этого попечения являлись приходские попечительства. Приходские попечительства составлялись прихожанами, выбранных общим их собранием на определенное время. Местные священнослужители, церковный староста и волостной старшина обязательно должны были входить в эту организацию. Председатель попечительства избирался общим собранием прихожан, по большинству голосов из лиц, пользующихся общим доверием, включая и приходского священника.

Попечительства были обязаны заботиться:

- 1) о содержании и удовлетворении нужд церкви и «об изыскании средств для производства нужных исправлений в церковных строениях и для возведения новых взамен пришедших в упадок»;
- 2) чтобы православное духовенство пользовалось всеми предоставленными ему средствами содержания, а в случае недостатка средств выискивало другие способы для их увеличения;
- 3) об устройстве домов для церковного причта;
- 4) нахождении средств для учреждения в приходе школы, приюта;
- 5) выделении пособия бедным людям прихода, также о погребении их и о содержании в порядке кладбище [1, с. 362, 364].

Но, какие бы общественные или административные учреждения не возникали на благо местного населения, оно всячески сопротивлялось их организации в деревнях и селах, даже если бы речь шла элементарно о пожарной безопасности и сохранении имущества [6, с. 73].

В статье «По чувашским приходам», помещенной в «Известиях по Казанской епархии» за 1904 год, записан рассказ одного священника. «Раньше бывало, чувашей нашей местности гоняли в цер-

ковь. Я священствую в своем приходе лет 12. В течение этого времени произошла большая перемена в религиозно-нравственной жизни наших прихожан. Село наше русское, а приходы деревни все чувашские. Раньше чувашаи вовсе не ходили в церковь и жили как язычники. Изменение прихожан связано с школьным образованием, расширению среди них грамотности и особенно чтению религиозных книг» [11, с. 302].

После утверждения в 1884 г. «Правил о церковноприходских школах» и в 1891 г. «Правил о школах грамоты» церковноприходская школа стала занимать значительное место в системе народного образования России.

Казанская епархия, имевшая национальное и религиозное многообразие, нуждалась в определенной координации школьных планов и программ. Особенности имелись и в управлении школами. Возникновению церковноприходских школ в Казанской епархии предшествовало устройство школ Братства св. Гурия, которые имели определенный опыт работы в инородческих приходах. Использование программы Н.И. Ильминского давало возможность широко использовать в преподавании родной язык учащихся, что способствовало лучшему усвоению предметов. Опыт работы братских школ пригодился при организации церковноприходских школ и школ грамоты» [17, с. 182–189].

Моральная и материальная поддержка государства позволила быстро расширить сеть церковных школ. К концу 80-х годов в Казанской епархии было 148 церковноприходских школ, школ грамоты – 61, в том числе в чувашских уездах школ обоих типов насчитывалось свыше 90. Характерной особенностью чувашских приходов являлся значительно опережающий темп роста числа школ грамоты. Так, в Ядринском уезде в 1889 г. была 21 церковноприходская школа и 25 школ грамоты, а в 1900 г. число первых составило – 32, вторых – 60. Произошло почти трехкратное увеличение количества школ грамоты [17, с. 188]. Объяснялось это тем, что в них было одногодичное обучение и их содержание обходилось значительно дешевле. Учителями работали в основном священнослужители. В 80-е годы большинство учителей имели лишь начальное образование.

На территории Чувашии в основном были одноклассные церковные школы, что, по-видимому, связано с материальными трудностями и отсутствием кадров. В начале XX в. мало что изменилось в системе церковноприходских школ. Обучение велось согласно учебному плану и программе, выработанным Н.И. Ильминским. Несколько улучшилось материальное положение школ. В них стали работать более подготовленные учителя.

Церковно-приходские школы открывались священниками на средства прихожан или на пособие от сельских, городских обществ, приходских попечительств, а равно и от казны. Они были одноклассными (время обучения 3 года) и двухклассными (время обучения 5 лет). Школы грамотности, также находящиеся на ведомстве приходского духовенства, обучали детей на протяжении двух лет. В них преподавались: Закон божий (изучение молитв, священная история, особенности богослужения, катехизис), церковное пение, чтение церковных и грамотной печати и письма, начальные арифметические сведения [2, с. 37].

В «Известиях по Казанской епархии» рассказывается о многих случаях открытия приходских школ в селах. Для прихожан и причта это было крайне торжественное мероприятие [8, с. 223].

В ряде школ чувашских уездов преподавалось садоводство, пчеловодство, при некоторых были столярные мастерские, для девочек вводились уроки рукоделия. «В приходе села Абызово Ядринского уезда существовали 4 церковно-приходские школы: первая – Озерно-Абызовская, существовавшая с 1886 года; вторая – Абызовская (женская) с 1900 года; третья – Вурманкассинская с 1897 года; четвертая – Айгишинская с 1905 года. Церковно-приходские школы села Тенеево Ядринского уезда существуют с 1884 года; в ней обучалось 41 мальчик и 1 девочка. Учителем школы состоит села Ямашево крестьянин Василий Тимофеев; свидетельство на звание учителя имеет» [3, Ф. 449. Оп. 2. Л. 37]. Таким образом, церковно-приходские школы давали начальные знания о православной вере.

Церковноприходские школы не могли дать разностороннего и глубокого начального светского образования. Они оказали преимущественно влияние на изменение религиозного мировоззрения чу-

вашей, его трансформации от язычества к православию, способствовали приобщению их к христианской и русской культуре. Развитие церковноприходских школ в определенной степени способствовало расширению функций чувашского языка в школьном деле. В Чувашском крае учебные планы и программы корректировались с учетом национальной и религиозной специфики населения.

Негативное отношение нерусского населения к школам было связано с тем, что они воспринимались как структура, элемент «чужого» мира. Язык преподавания, книги, учителя – все это было русское. В школах для нерусского крестьянского населения не было ничего национального «своего». Школа для нерусского крестьянского населения на представляла никакого экономического, религиозного, культурного интереса. Новокрещенные видели в школе структуру церковно-государственную, призванную подавлять национальную традиционную культуру. Учреждение и содержание школ приносило крестьянам лишь одни расходы и неудобства, а пользы практически никакой. Приверженцы традиционных верований считали, что школа будет портить их детей: отучит их от крестьянского труда, нарушит их мировоззрение, сделает их «русскими». Отпустить ребенка в школу было равносильно потерять его для дома, сельской общины.

К началу XX века произошли качественные изменения в отношении прихожан к церкви. Если они раньше не хотели идти в церковь, то теперь прихожане сами контролировали деятельность и строительство церквей. «За постройкой церкви в Ново-Чурашево в Цивильском уезде сами прихожане за всеми следили, заставляли подрядчика переделывать то, что им казалось не хорошим или не прочным. Чуваша потом часто говорили, что они не заметили никакого обеднения или тяжести от этой постройки» [10, с. 223].

«Приход села Новоишеево довольно большой: в нем более 5 тысяч душ жителей обоего пола; двух штатной; причт состоит из двух священников, дьякона и двух псаломщиков. Жители Новоишеевского прихода кроме духовных, все чуваша. Религиозно-нравственное пробуждение началось с появления в приходе школы «Братства Св. Гурия» и школ грамоты по образцу первой» [11, с. 104]. Отмечается улучшение религиозно-нравственной жизни прихожан.

Раньше, когда нерусское крещеное население совершенно не знало догматов православия и смотрело на духовенство как на государственных чиновников, причт и паства существовали сами по себе. Между членами церковного причта и прихожанами нередко возникали конфликты как по вопросам религиозным, так и бытовым. Например, П.В. Денисов в своей монографии привел случай из практики приходского священника А. Алексеевского, который при сборе руги чуть не стал жертвой заговора чувашских крестьян. «Когда он заехал в небольшое чувашское селение и стал требовать у одной домохозяйки положенную норму руги, та, используя момент заперла его в амбаре. Вскоре к этому месту стали собираться чуваша. На крики священника о помощи собравшиеся на ломаном русском языке отвечали: «Что больна кричишь, бачька, в амбаре лучше мерзнуть, чем в реке, не тужи, культа для тебя припасен больна хороша». Но священнику помог дьячок, который позвал русских крестьян» [4, с. 340]. Такие случаи описаны немало и в «Известиях по Казанской епархии».

В начале 70-х гг. XIX века борьба чувашских крестьян против притеснения духовенства приняла столь широкий размах, что епископы, боясь народных волнений, вынуждены были призвать приходских священников умерить свою жадность, прекратить вымогательства, чтобы на будущее время не было никаких неприязненных столкновений из-за сего предмета между священно- и церковнослужителями и прихожанами.

В июле 1891 г. гражданский уездный исправник доложил казанскому губернатору, что «все почти чуваша, за самым малым исключением, хотя и есть православные, но многие из них вместе с тем придерживаются и язычества. Ибо, посещая храмы, не гнушаются вместе с тем приносить жертву в оврагах и лесах «киремети» и выполняют хотя и не все, характерные языческие обряды. Вообще чуваша строго и твердо придерживаются установившихся веками грубых суеверных нравов и обычаев, неисполнителей же сего притесняют». Несколько иная информация представляется нам со страниц церковно-приходских летописей, которые стали составляться некоторыми инициативными священнослужителями с середины XIX в.: от попыток чувашей приобщиться к православию до

полного его неприятия в 80–90-е годы [14, Отд. 1. Ед. хр. 638. Л. 114–117, 256–266].

Это подтверждается и в отчете высокопреосвященного Антония, архиепископа Казанского и Свияжского о состоянии Казанской епархии за 1872 год. Что касается до исправности самих прихожан, то в этом отношении результаты наблюдений далеко не везде утешительные. Число исповедающихся и причащающихся хотя в большой части приходов нескучно, но постоянно число последних значительно менее в сравнении с первыми. Есть даже такие приходы, где при народонаселении в тысячу и более душ мужского пола, например, в Можарках Цивильского уезда, только двое было причастивших святых тайн, и четверо исповедавшихся. Более половины прихожан этого села состоит в расколе, а остальные <...> сильно обуреваются предубеждениями против православной церкви» [9, с. 309].

Действительно, знакомство с религиозной жизнью чувашских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. позволяет, с одной стороны, обнаружить почитание ими, по традиции, своих древних дохристианских богов, а с другой – выявить своеобразное переплетение христианских вероучений в религиозном сознании. Во второй половине XIX века взаимоотношения приходского духовенства и нерусской паствы претерпели значительный прогресс. Конфликты и тяжбы крестьян с духовными лицами стали фиксироваться реже. К своим духовным отцам и служителям церкви относятся с должным уважением. Ныне же еще в большей мере проявляется религиозность прихожан; в праздники продаются много просфор, но все молящиеся в храме – женщины, исключение составляют только десяток или два мужчин [14, Отд. 2. Т. 276]. По образованию, культурному и жизненному уровню основная масса нерусских прихожан значительно отличалась от своих пастырей, что не способствовало росту их взаимопонимания.

Православное духовенство широко использовала иконы для утверждения православной веры. В культе икон ярко проявился синкретический характер религиозных верований крещеных народов Среднего Поволжья. Так, чувашаи во время совершения языческого моления после поклонения языческим богам еще до рассматриваемого периода, по воспоминаниям В.А. Сбоева, в «конце об-

ряда обращались к иконе, зажигая восковую свечу» [16, с. 53]. Поклонение иконам происходило часто не по православному обычаю, а напоминало языческий культ киремети: после служения молебна и зажигания свечи кидали кусочки калача и делали приношение деньгами. Сложившийся культ икон с самого начала приобрел сложный синкретический характер, языческие представления переплелись в нем с православным учением об иконе.

На территории компактного расселения чувашей русские крестьяне составляли до десятой части населения. Русские и чувашские крестьяне находились в определенных взаимоотношениях. В.Д. Димитриев приводит в своей работе примеры взаимоотношения русских и чувашских крестьян. В некоторых селениях чувашские и русские крестьяне проживали совместно. В селе Тобурданово Цивильского уезда в 1900 году было 12 дворов русских крестьян. «Русские живут среди чуваш мирно, – говорится в описании Тобурдановского прихода, – ходят друг к другу в гости, на мирских сходах общественные дела решат вместе, друг друга не презирают» [5, с. 283].

В конце XIX века мы наблюдаем усиление отхода чувашских крестьян на заработки, с одной стороны, и рост числа торговцев среди них – с другой. В описании Кошкинского прихода Чебоксарского уезда читаем что «в зимние время человек до 200 из всего прихода нанимаются на работу в лесу для изготовления дров. В приходе есть несколько лиц, занимающихся скупкой яиц по деревням, закупленные яйца доставляют в Москву и Петербург» [5, с. 234].

Таким образом, отходничество и торговые занятия крестьян стали важными общественными явлениями в чувашской деревне в конце XIX – начале XX веков. Посещение чувашских селений русскими торговцами, промышленниками и ремесленниками также носили регулярный характер. Отходничество и торговые связи имели большие последствия в социально-экономической и культурной жизни чувашского народа, в частности, в таких сферах, как усвоению чувашами русского языка и влияния русской культуры на чувашскую.

В исследуемое нами время произошли качественные и количественные изменения в среде прихожан. Смена насильственного метода на просветительство вносила существенные коррективы в религиозное состояние нерусского населения, менялось качественное

состояние религиозности – большинство верующих, восприняв христианство, остается на позициях православно-языческих» [12, с. 48].

К началу XX века всё чувашское население было православным, оно начало соблюдать христианские традиции. Этому в значительной степени содействовали: усиление связей с русским населением, отходничество, а также светские и религиозные учреждения, среди которых важное место принадлежало церковно-приходским школам, приходским попечительствам, уездной полиции, приходскому причту.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-11-21003.

Список литературы

1. Бердников И.С. Краткий курс церковного права. – Казань, 1888.
2. Браславский Л.Ю. Православные храмы Чувашии. – Чебоксары, 1995.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР).
4. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. – Чебоксары, 1959.
5. Димитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. – Чебоксары, 2003.
6. Зотиков А.В. Система мер по обеспечению пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии во второй трети XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №4. – С. 72–77.
7. Известия по Казанской епархии за 1872 год.
8. Известия по Казанской епархии за 1871 год.
9. Известия по Казанской епархии за 1873 год.
10. Известия по Казанской епархии за 1896 год.
11. Известия по Казанской епархии за 1904 год.
12. Кудряшов Г.Е. Православное миссионерство в среднем Поволжье: История и оценка его деятельности // История христианизации народов среднего Поволжья. Критические суждения и оценка. – Чебоксары, 1988.
13. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. – Казань, 1881.
14. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН).
15. Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России. – Чебоксары, 2004.
16. Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. – Ч. 1. Заметки о чувашах. – Казань, 1856.
17. Таймасов Л.А. Церковноприходские школы в системе народного образования дореволюционной Чувашии // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья: Материалы региональной научной конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1997.
18. Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах: Монография. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 156 с.

Зотиков Алексей Валерьевич

ассистент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

РАЗВИТИЕ ОТХОДНИЧЕСТВА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ ЧУВАШСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

***Аннотация:** в данной статье автором исследованы процессы отходничества в государственной деревне Чувашского края в 40–60 гг. XIX в. Автором проанализированы негативные и позитивные стороны данного явления, влияние отходничества на культурную жизнь чувашских крестьян.*

***Ключевые слова:** государственная деревня, Чувашский край, отходничество.*

В Чувашской Республике значительная часть сельского населения вынуждена уезжать на заработки в другие регионы Российской Федерации. Подобные действия происходили в Чувашском крае и во второй трети XIX в., когда казенные крестьяне временно уходили из мест постоянного жительства на заработки в города и на сельскохозяйственные работы в другие местности. Данный процесс называется в научной литературе отходничеством [4, с. 102], а людей, уходивших на заработки, называли отходниками.

В дореволюционной историографии проблема отходничества исследовалась в связи изучением чувашского народа. Чувашский писатель, историк Г.И. Комиссаров писал, что «у чувашей есть свои плотники, свои кузнецы, печники, сапожники. Но большею частью они известны только в своей местности. Отхожие промыслы мало развиты. На заработки отправляются обычно на Волгу, на железные дороги, в приволжские города, в Баку и даже на Дальний Восток» [5, с. 370].

Первый профессиональный историк из чувашского народа Н.В. Никольский отмечал, что «нужда заносит чувашина в города, на фабрики и заводы. Имеются чуваша на фабриках и заводах Казани, Москвы, Баку, Нижнего Новгорода и в других местах. Отхожие промыслы, по воззрениям чуваш, расширяют их кругозор, но те же промыслы портят чуваш; заражают их дурными взглядами,

болезнями и т. д. На заработки уходят лишние члены семьи, главным образом, мужчины. Уходят очень немногие. В дер. Испуханах, Шуматовской волости Ядринского уезда, 200 душ ушло на заработки 3 человека. Уходят в Астрахань, Баку, Самару, Ярославль и вообще в приволжские города. Бурлачеством занимаются от 2 до 4 месяцев, начиная с открытия навигации. Нанимаются в разные места с волжских и камских пристаней, преимущественно же до Нижнего Новгорода, Рыбинска и Астрахани. На Сундырской пристани наемная плата стоит, сравнительно, высоко, потому что отправляющиеся отсюда на низ беляны сидят глубоко в воде, отчего случается иногда много работы. Плоты также требуют немалого количества рабочих рук. Чуваши идут на эту работу, потому что она дает маломощным хозяйствам средства на приобретение и ремонт инвентаря, на уплату налогов, на обзаведение одеждой, обувью, на приобретение дров» [10, с. 56].

В советской историографии вопрос отходничества рассматривался в тесной связи с изучением социально-экономических сторон аграрной истории Поволжья. Исследователь бурлацкого промысла Н.Р. Романов указал на «высокий уровень отходничества среди чувашских крестьян». По его мнению, «массовый уход крестьян начался ещё в XVIII в. и в течение всего XIX в. этот процесс сохранился» [6, с. 97]. Автор подчеркнул, что «цифры отходничества чувашских крестьян конца XVIII – начале XIX в. сами по себе знаменательны. Удельный вес чувашских отходников очень большой: 15% мужского населения ежегодно уходило на заработки» [6, с. 102]. Он также приводит данные, что многие уходили в отход не один раз, а по несколько [6, с. 102].

Занятие крестьян отхожими промыслами, по мнению С.И. Даишева, было следствием кризисных явлений (малоземелье, обременительная фискальная политика правительства, низкое правовое положение крестьян); на основе статистических данных он раскрыл тесную зависимость распространения отхожих промыслов от уровня развития капиталистических отношений в регионе, зависимость крестьянских заработков от сезонных и региональных факторов и т. д. [1, с. 166].

В царской России институт отходничества всегда был под пристальным вниманием государства, полицейских и церковных органов власти. Полиция вынуждена была отслеживать перемещения крестьян-отходников, поскольку отвечала за исправное поступление податей в казну. С выходом «Правил нового устройства зем-

ских повинностей» от 13 июля 1851 г. это являлось ее обязанностью. С передачей государственных крестьян в ведение общих губернских и уездных по крестьянским делам учреждений, согласно «Положению о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных» от 26 июня 1863 г., уездные полицейские получили возможность прямого контроля и наблюдения за чувашским населением, перешедшим под их юрисдикцию. Изменения были актуальны, так как долгосрочные отлучки крестьян мешали своевременному внесению налоговых и прочих взносов [11, с. 133].

В таблице 1 на основе исповедных ведомостей представлено состояние невыполнения прихожанами Чувашского края христианского долга исповеди в течение изучаемого времени. С 40-х гг. XIX в. в духовных росписях стали указывать невыполнение исповеди по причине отходничества прихожан из селения или болезней [2, с. 273].

Таблица 1

Невыполнение христианского долга исповеди по причине упущения прихожанами Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков

Годы	Ядринский уезд		Цивильский уезд		Чебоксарский уезд	
	всего		всего		всего	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
1830	8772	10%	9783	12%	11819	18%
1840	11653	12%	12532	15%	14772	22%
1850	12264	12%	9844	12%	11930	17%
1860	9744	9%	9455	9%	9721	13%

Причиной отлучки государственных крестьян из мест жительства для прошения милостыни могли стать последствия от разорительных пожаров, которые являлись для поселян самым тяжелым бедствием [3, с. 72].

По времени года отходничество начиналось с наступлением весны и продолжалось до Покрова дня (14 октября) [7, с. 31]. Типичной чертой образования отходников было то, что создавались артели, охватывающие мужчин и женщин. Надо отметить, отходники регистрировались на местах отхода или местах промысловой деятельности. Документом, удостоверяющим личность, был паспорт, который выдавался волостным правлением. В таблице 2 представлена ведомость выдачи паспортов государственным крестьянам Чувашского края. В основном на заработки выезжали мужчины, но были случаи ухода и женщин.

Таблица 2

*Ведомость о выданных плакатных
паспортах крестьянам в 1862 г.*

Уезд	Одногодичные		Полугодичные	
	муж	жен.	муж.	жен.
Козьмодемьянский	62	1	224	–
Тетюшский	348	4	557	11
Цивильский	132	2	115	5
Чебоксарский	21	–	85	–
Ядринский	28	2	47	5

Специальности отхожих промыслов были разнообразны: строительный, бурлацкий, лесопильный, торговый, кузнечный. Необходимо сказать также о роли отходничества в формировании чувашской культуры. Отхожие промыслы, несомненно, сыграли огромную роль в деле восприятия русского языка, русского костюма, обычаев и всей русской культуры. В этом отношении роль отходничества была несколько раз значительней, нежели роль церкви и школы изучаемого периода [6, с. 102].

«Русские крестьяне, занимающиеся различными промыслами, проникали в большом количестве в Чувашию. Эти элементы приходили к нам с Верхнего Поволжья: из губерний Владимирской, Тверской, Костромской, Нижегородской. Это бродячие торговцы – «коробейники», «офени», «базарники»; бродячие ремесленники: шерстобиты, печники, горшечники, маляры, стекольщики, стекольщики, кузнецы. Действительно, чем не занимается владимирец, – писал в 1866 г. этнограф Н. Трохимовский. – Здесь найдешь целые местности, занятые плотниками, кузнецами, варежниками; целые деревни и села делают в огромном количестве горшки, дуги, повозки, деревянную посуду; другие занимаются портняжничеством, пишут иконы и всем этим занимаются не отдельные личности, их десятки, сотни людей...» [8, с. 205].

По мнению Н.Р. Романова, торговля русскими товарами могла получить широкое развитие в Чувашии только благодаря тому, что сами чуваша уже достигли широкого культурного развития, который мог обеспечить регулярный товарообмен. Последний имел своим прямым результатом не только проникновение к чувашским разнообразных ремесленных и художественных изделий, которые оказывали воздействие на производственные и культурные навыки населения [8, с. 216].

Малоземелье заставляло крестьян прибегать к заработкам неземледельческого характера. Начиная с 1850 г. в уездах Цивильском и Чебоксарском развивается рогожено-кустарный промысел. Этим промыслом было занято до 15 тыс. кустарей, вырабатываемых в год до 15 млн штук изделий [10, с. 67]. Свободные рабочие руки направлялись на отхожие промыслы в отдаленные районы. Шли по пристани на Самарские и Саратовские мельницы и далее на заводы Урала, Баку, Донбасса. Отходничество росло быстро и к концу XIX в. приняло очень большие размеры. Так, число паспортов, выданных отходникам их Чебоксарского, Козьмодемьянского и Цивильского уездов в 1895 г. составило 11000 [10, с. 68].

Как отмечал Максим Анисимов, крестьянин-чуваши Козьмодемьянского уезда, на заработки прежде чувашаи нашего села не ходили, они чуждались русских и черемис, редкий из чувашей умел немного объясняться по-русски. После того как открыли в с. Юваново школу ученики этого училища по окончании курса начали уходить на заработки на Волгу артелями. В настоящее время почти все умеют разговаривать по-русски и целыми десятками уходят на заработки. Кто часто ходит на заработки, тот по-русски разговаривает ничего и понимает прочитанное в газетах. С недавнего времени мужики стали выписывать газеты «Свет», «Казанскую газету» и «Сельский вестник» [9, с. 12].

Таким образом, отходничество, которое началось среди чувашских крестьян с середины XVIII в. набирало силы и положительно сказывалось на чувашских крестьянах.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-21003.

Список литературы

1. Даншев С.И. Отходничество в Казанской губернии // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. – Вып. 1. – С. 166–173.
2. Евдокимова А.Н. Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Анжелика Николаевна Евдокимова. – Чебоксары, 2004. – 384 с.
3. Зотиков А.В. Система мер по обеспечению пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии во второй трети XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №4. – С. 72–77.
4. Кодыбайкин С.Н. Отходничество // Чувашская энциклопедия: в 4 т. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – Т. 3. – 686 с.
5. Комиссаров Г.И. Чувашаи Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – Т. XXVII. – Вып. V. – Казань: Типолитография императорского университета 41.
6. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. II. Ед.хр. 238. Инв. №581.

7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр.181.
8. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр.415. Инв. №7560
9. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед.хр.154.
10. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед.хр.69. Инв. №155
11. Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш / Н.В. Никольский. – Казань: 3-я тип. Губ. совета Рабочих, Крестьян и Крас. депутатов, 1919. – [2], IV, 114 с.
12. Ялтаев Д.А. Фискальные функции исполнительной полиции Казанской губернии в 60–70-х годах XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2011. – №4. – С. 131–136.

Казаков Николай Александрович

канд. геогр. наук, заведующий кафедрой

Житова Екатерина Николаевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

УРОВЕНЬ ГАЗИФИКАЦИИ ЖИЛОГО ФОНДА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА НА ФОНЕ ДРУГИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

***Аннотация:** данная статья посвящена изучению уровня газификации жилого фонда в Чувашской Республике в начале XXI века. Во многих регионах России в это время наблюдается снижение уровня газификации жилого фонда как городских, так и сельских населённых пунктов. Это связано с различиями между площадью вводимого жилья и жилья, подключаемого к системе газоснабжения. Но Чувашскую Республику тенденции отказа от природного горючего газа в домашнем хозяйстве в настоящее время существенно не затронули, и удельный вес общей площади жилого фонда сельских и городских поселений, оснащённых газовым оборудованием, хотя и не высокими темпами, но продолжает расти.*

***Ключевые слова:** Чувашская Республика, регионы России, газификация жилого фонда, негазифицированные населённые пункты, частные домохозяйства, темпы роста.*

В России ПАО «Газпром», ООО «Газпром межрегионгаз» совместно с регионами России осуществляют работы по обеспечению промышленных предприятий и жилого фонда природным горючим газом для хозяйственных и бытовых целей (газоснабжением и газификацией).

Наиболее высокий уровень газификации жилого фонда городских поселений характерен регионам европейской части России. При движении на восток уровень газификации, как правило, снижается, достигая нулевых значений в регионах северо-востока – Магаданской области, Камчатском крае, Чукотском автономном округе. Самый же высокий уровень газификации жилого фонда в городских поселениях в Республике Калмыкия – 100%. В Москве газифицировано лишь 44,1% городского жилого фонда. В Чувашской Республике газифицировано 91,6% жилого фонда. Из соседей первого порядка Чувашии только в Мордовии этот показатель выше – 96,2% (рис. 1).

Изменение уровня газификации городских поселений в регионах России не носит однонаправленный характер. В отдельных регионах (регионах юга европейской части России и Западной Сибири) уровень газификации увеличивается, в других уменьшается. Наиболее высокие темпы роста уровня газификации жилого фонда городских поселений в 2010–2013 гг. достигал в Республике Бурятия – 131% (+31%). Наиболее высокие темпы убыли уровня газификации в Республике Тыва – 64,9% (–35,1%). В Москве уровень газификации снижается (–2,2%). В Чувашской Республике уровень газификации растёт с невысокими темпами (+0,3%). Из соседей первого порядка Чувашии рост газификации свойственен только Республике Марий Эл, но темпы роста меньше чем в Чувашии – 0,1% (рис. 2).

Рис. 1. Удельный вес общей площади жилого фонда городских поселений оснащённой газовым оборудованием (2013 г.)

Рис. 2. Темпы роста удельного веса общей площади жилого фонда городских поселений оснащённой газовым оборудованием (2010–2013 гг.)

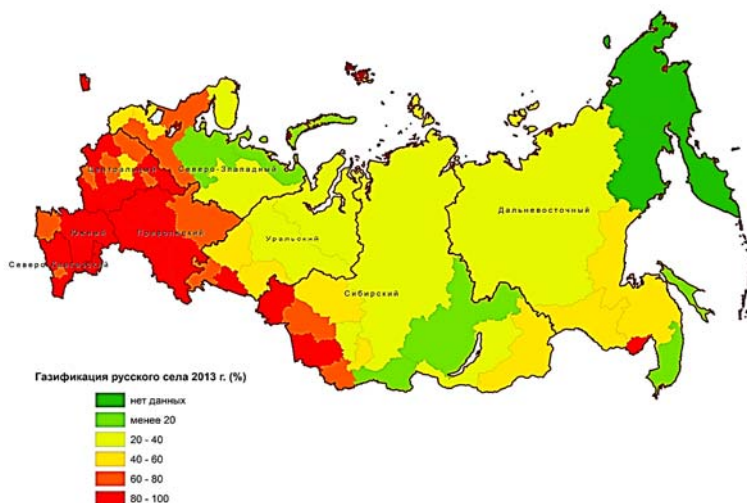

Рис. 3. Удельный вес общей площади жилого фонда сельских поселений оснащённой газовым оборудованием (2013 г.)

Рис. 4. Темпы роста удельного веса общей площади жилого фонда сельских поселений оснащённой газовым оборудованием (2010–2013 гг.)

Самый высокий уровень газификации жилого фонда сельских поселений в Российской Федерации также в Республике Калмыкия – 99,8%. В Чувашской Республике газифицировано 93,6% жилого фонда. Из соседей первого порядка Чувашии этот показатель выше в Ульяновской области (94,4%), Республике Мордовия (94,5%), Республике Татарстан (98%) (рис. 3).

В отдельных регионах России уровень газификации сельских населённых пунктах увеличивается, в других уменьшается. Наиболее высокие темпы роста уровня газификации жилого фонда в сельских поселениях в 2010 – 2013 гг. достигал в Сахалинской области – 119,3% (+19,3%) и Республике Саха – 110,4% (+10,4%). Наиболее высокие темпы убыли уровня газификации в Республике Тыва – 86,8% (–13,2%). В Чувашской Республике уровень газификации села растёт с относительно хорошими темпами (+2,3%). Из соседей первого порядка Чувашии растёт газификация в Республике Мордовия и в Республике Марий Эл. В первой темпы чуть выше, чем в Чувашии (+2,4%), во второй чуть ниже (+2,1%) (рис. 4).

Снижение уровня газификации жилого фонда как городских, так и сельских населённых пунктов во многих регионах России связано с различиями между площадью вводимого жилья и жилья подключаемого к системе газоснабжения. Площадь вводимого жилья превосходит площадь подключаемого к системе газоснабжения или использующего сжиженный природный горючий газ. Отставание подключения к системе газоснабжения (использования сжиженного природного газа) связано с недостаточным развитием газораспределительной сети, дополнительными сложностями при подключении к газораспределительной сети, достаточности подключения к электрическим сетям. Сегодня использование природного горючего газа в домашнем хозяйстве становится всё менее необходимым. Для работы кухонного оборудования (электрические чайники, мультиварки, СВЧ печи (микроволновки)) не требуется газ, а данные приборы присутствуют во многих домах, в том числе и обеспеченных природным газом. И перед домохозяйствами встаёт вопрос, а не является ли природный горючий газ излишней, небезопасной роскошью? Поэтому, при заселении нового жилья, особенно при отсутствии необходимости создания полноценного индивидуального отопления, многие домохозяйства отказываются

от использования газобаллонного оборудования или подключения к газораспределительной сети. Для городских населённых пунктов, особенно для больших городов, действует ещё один фактор, до недавнего времени действовали ограничения (пункт 7.3.6 СНиП 31–01–2003 «Здания жилые многоквартирные») на установку кухонных плит на газовом топливе для многоквартирных домов высотой 11 этажей и более. С введением СП 54.13330.2011 данные ограничения сняты, но традиция осталась. А в городах всё больше строится зданий высотой 11 и более этажей, которые, согласно СНиП, а теперь традиции, не подключаются к газораспределительной сети. Да и строители стремятся избежать лишних расходов при вводе жилья связанных с подключением к газораспределительной сети, а жители опасаются небезопасного топлива (о взрывах, пожарах, обрушениях в домах, связанных с природным горючим газом, мы часто слышим по телевидению).

Но Чувашскую Республику тенденции отказа от природного горючего газа в домашнем хозяйстве пока существенно не затронули. И темпы подключения жилой площади к газораспределительной сети пока опережают темпы ввода в строй новой жилой площади. Несмотря на это, к 2014 году в Чувашии негазифицированными оставалось 84 сельских населённых пункта. Самая высокая доля негазифицированных сельских населённых пунктов к 2014 году в Алатырском (26,1%), Шумерлинском (17,6%), Ибресинском (12,3%) районах (рис. 5). В Алатырском и Шумерлинском районах, согласно Всеобщей переписи населения 2010 года, наименьшая в Чувашской Республике доля частных домохозяйств, проживающих в жилых помещениях, обеспеченных сетевым газом, 67,1% и 67,9% соответственно (рис. 6).

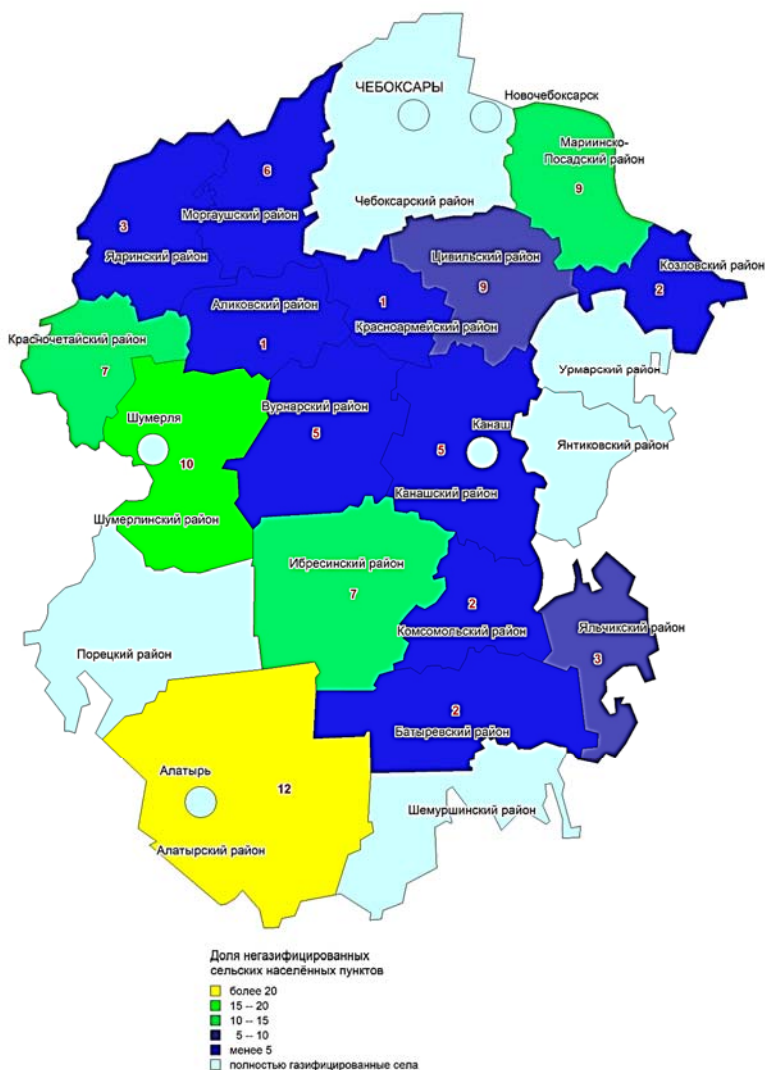

Рис. 5. Доля негазифицированных сельских населённых пунктов в муниципальных районах Чувашской Республики (2014 г.)

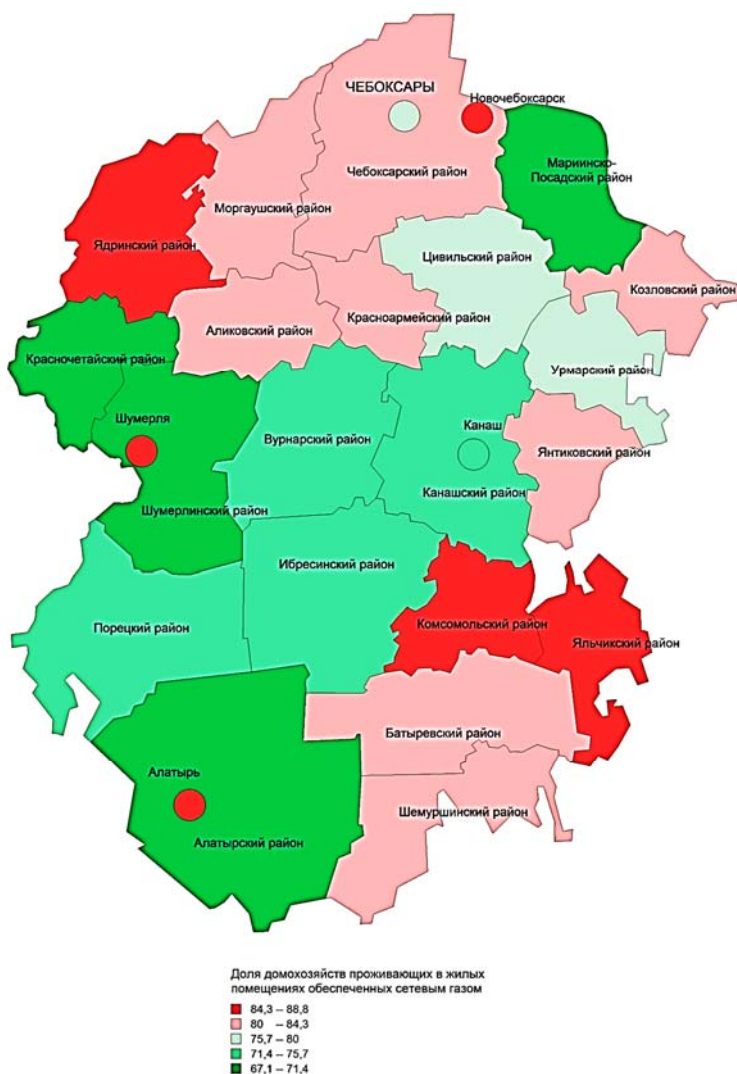

Рис. 6. Доля частных домохозяйств, проживающих в жилых помещениях, обеспеченных сетевым газом (2010 г.)

Таким образом, снижение уровня газификации жилого фонда как городских, так и сельских населённых пунктов во многих регионах России связано с различиями между площадью вводимого жилья и жилья подключаемого к системе газоснабжения. Площадь вводимого жилья превосходит площадь подключаемого к системе газоснабжения или использующего сжиженный природный горючий газ. Отставание подключения к системе газоснабжения (использования сжиженного природного газа) связано с недостаточным развитием газораспределительной сети, дополнительными сложностями при подключении к газораспределительной сети, достаточности подключения к электрическим сетям. Но Чувашскую Республику тенденции отказа от природного горючего газа в домашнем хозяйстве пока существенно не затронули и удельный вес общей площади жилого фонда сельских и городских поселений оснащённой газовым оборудованием, хотя и не высокими темпами, но, продолжает расти. Несмотря на это к 2014 году в Чувашии негазифицированными оставалось 84 сельских населённых пункта. Самая высокая доля негазифицированных сельских населённых пунктов к 2014 году в Алатырском (26,1%) и Шумерлинском (17,6%) районах. В Алатырском и Шумерлинском районах, согласно Всеобщей переписи населения 2010 года, наименьшая в Чувашской Республике доля частных домохозяйств, проживающих в жилых помещениях, обеспеченных сетевым газом, 67,1% и 67,9% соответственно.

Список литературы

1. Жилищные условия населения Чувашской Республики / Итоги ВПН 2010 года по Чувашской Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/
2. Регионы России Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.
3. Регионы России Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
4. Свод правил СП 54.13330.2011 Здания жилые многоквартирные. Актуализированная редакция СНиП 31–01–2003. – М.: ОАО «ЦНПП», 2011. – 40 с.
5. СНиП 31–01–2003 Здания жилые многоквартирные / Госстрой России. – М.: ФГУП ЦПП., 2007 – 24 с.

Караганова Наталия Геннадьевна
старший преподаватель
Кайсарова Анастасия Александровна
методист

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК АСПЕКТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

***Аннотация:** как отмечают авторы, контрольно-надзорная деятельность (далее – КНД) в области охраны окружающей среды (далее – ООС) является важнейшим правовым инструментом, обеспечивающим экологическую безопасность и ООС от негативных воздействий, посредством которой осуществляется принуждение соответствующих субъектов экологического права к исполнению экологических требований и, как следствие, – к повышению устойчивости развития территории. В статье рассмотрены основные показатели изучения КНД в области ООС, охарактеризованы направления работы контрольно-надзорных органов за 2010–2014 гг., выявлены территориальные различия КНД в области ООС в Чувашской Республике.*

***Ключевые слова:** контрольно-надзорная деятельность, охрана окружающей среды, устойчивое развитие, государственный надзор, государственный контроль, экологические нарушения.*

На современном этапе устойчивое развитие региона должно быть охарактеризовано с учетом трех основных составляющих – экономика, общество и экология. При этом правовая база является гарантом реализации концепции устойчивости на самом высоком уровне. Исключительно важную роль в исполнении экологического законодательства играют органы управления, надзора и контроля в сфере охраны окружающей среды России.

Государственный экологический контроль (надзор) позволяет выявить недостатки в деле обеспечения безопасности и существующие конкретные угрозы, определить возможные пути парирования угроз и наказать виновных, побудить ответственных лиц принять меры по повышению безопасности, снижению экологических рисков. Отсутствие согласованности нормотворчества в сфере ООС со смежными отраслями права, противоречивость регулируемых положений, частичное дублирование функций экологического контроля (надзора) и управления ООС различными органами федерального и регионального уровней при полном отсутствии ответственности за состояние окружающей среды какого-либо из этих органов, наносит непоправимый вред здоровью граждан.

Правовой нигилизм контрольно-надзорных органов в отношении природоохранного законодательства, привел к резкому снижению престижа природоохранной работы в обществе. Ликвидация самостоятельного министерства по охране окружающей среды, а затем и комитета по экологии в составе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации также привело к снижению регулирующей роли природоохранного законодательства. В тоже время образование Росприроднадзора, осуществляющего КНД в области ООС, привело к положительным результатам.

В настоящее время функция по осуществлению КНД возложена на Федеральную службу по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), подведомственную Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации и самим министерством. Деятельность строится с учетом территориальной иерархии. На территории Чувашской Республики КНД реализуется Министерством природных ресурсов и экологии ЧР (далее – МПР по ЧР) и Управлением Росприроднадзора по ЧР.

Изучение КНД может быть охарактеризовано абсолютными и относительными параметрами. К наиболее применяемым показателям, отражающим интенсивность деятельности контрольно-надзорных органов, являются: 1) количество проверок; 2) количество выявленных нарушений; 3) количество рассмотренных дел об административных правонарушениях и заведенных уголовных дел; 4) количество наложенных штрафов и взысканные суммы [3].

За 2010–2014 гг. МПР по ЧР в общей сложности проведено 830 проверок по соблюдению законодательства в области охраны

окружающей среды и лесного законодательства, причем данный показатель имеет тенденцию к увеличению как по количеству плановых, так и внеплановых проверок. Управлением Росприроднадзора по ЧР за данный период проведено 903 проверки хозяйственных субъектов, из которых в среднем около 65% приходилось на внеплановые проверки. Большинство внеплановых проверок в обеих организациях связано с документарными проверками по исполнению предписаний, а также с лицензионным контролем.

По результатам проведенных проверок МПР по ЧР и Управлением Росприроднадзора по ЧР выявлено 1147 и 1685 нарушений соответственно, причем уменьшилась доля нарушений с выдачей предписаний. Положительным моментом в деятельности является снижение как выявленных нарушений, так и выдача предписаний, что свидетельствует о незначительности нарушений или быстром реагировании природопользователей на решение проблемных вопросов.

Рассмотрено 1584 и 1356 дела об административных правонарушениях, где в МПР по ЧР наблюдается очевидный рост данного показателя, а в Управлении Росприроднадзора по ЧР – его снижение. Это может быть объяснено различным количеством подведомственных проверкам объектов и работой природоохранной прокуратуры по возбуждению дел об административных правонарушениях в соответствующие инстанции.

Правонарушители были привлечены к административной ответственности в виде штрафов на сумму 9,27 млн руб. и 26,7 млн руб. в МПР по ЧР и Управлением Росприроднадзора по ЧР соответственно. Структура выплат по штрафам показывает, что большая часть штрафов (89–93%) взыскивается на конец отчетного периода. Различия в структуре наложенных штрафов за 2010–2013 гг. составляет 2% от максимально возможных и означает, что изменение структуры наложенных штрафов увеличилось не сильно. Изменения носят целенаправленный характер.

В целях профилактики экологических правонарушений государственными инспекторами МПР по ЧР и Управлением Росприроднадзора по ЧР в ходе проведения проверок проводятся разъяснения требований законодательства в области ООС и лесного законодательства. Тем не менее, необходимо отметить, что у большинства

руководителей проверяемых организаций отсутствует четкое понимание требований действующих нормативных правовых актов в области ООС. Такая особенность характерна для объектов регионального государственного экологического надзора, зачастую небольших предприятий, не имеющих развитых или опасных производств, в штате которых отсутствуют специалисты в области охраны окружающей среды, а также отсутствия свидетельств об обучении руководителей на курсах повышения квалификации в области экологической безопасности [2].

Территориальный аспект КНД в проведении экологических проверок и выявленных нарушений рассмотрен через интенсивность нарушений предприятиями природоохранного законодательства.

Территориальный анализ интенсивности нарушения предприятиями природоохранного законодательства показывает ее наибольшую величину в четырех городах – Чебоксары, Новочебоксарск, Цивильск, Алатырь и в пяти районах республики (Чебоксарский, Красноармейский, Вурнарский, Козловский и Порецкий) (рис. 1).

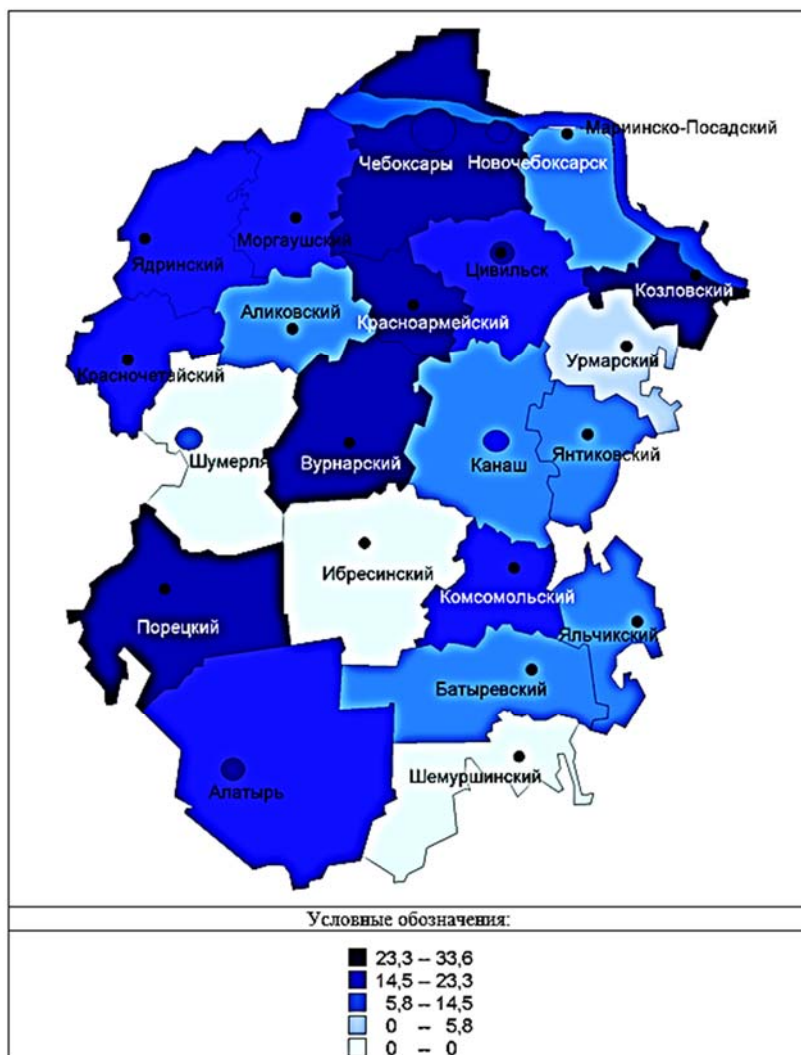

Рис. 1. Интенсивность нарушений предприятиями Чувашской Республики природоохранного законодательства (кол-во нарушений/к кол-ву проверенных предприятий, в %)

Коэффициент интенсивности указывает на значительный уровень экологических нарушений и не зависит от количества проведенных предприятий. Так, в гг. Цивильск, Алатырь, Чебоксарском, Красноармейском, Вурнарском, Козловском районах по плану проверено 1–4 предприятия, но количество выявленных нарушений довольно велико, что позволяет отнести их в группу к несомненным лидерам – гг. Чебоксары и Новочебоксарск.

Причинами большого количества выявленных нарушений могут быть:

1. Уровень несоблюдения природоохранных норм предприятиями, особенно производственного и сельскохозяйственного направления, где много объектов контроля, подлежащих проверке – реальные источники загрязнения атмосферного воздуха (котельная, цеха, производственные участки и др.), загрязнения водного бассейна (скважины, водозабор и др.), загрязнения недр (месторождения), объекты размещения (хранения) отходов (ООО «Хлебокомбинат» (г. Цивильск), ОАО «Кирпичный завод «Цивильский» (г. Цивильск) ОАО Алатырский механический завод – филиал ОАО «Российские железные дороги» (г. Алатырь), ОАО «Теплоэнергосети» (п. Кугеси), ЗАО «Чебоксарский электро-механический завод» (ст. Ишлеи), ОАО «Вурнарская инкубаторно-птицеводческая станция» (п. Вурнары), ООО «Вурнарский завод сухого обезжиренного молока» (п. Вурнары), ОАО «Козловский хлебокомбинат» (г. Козловка), ООО «Красноармейская сельхозхимия» (с. Красноармейское).

2. Недостаточная жесткость реагирования на ранее выявленные экологические нарушения и сигналы на их повторение (ОАО «Чувашский бройлер» (д. Шинерпоси Чебоксарский район).

3. Более пристальное внимание к предприятиям повышенной опасности (ОАО «Химпром» г. Новочебоксарск) или предприятиям, расположенным в центре городов или поселков (ОАО «Чебоксарский электроаппаратный завод», ОАО «Лента», ОАО «Чебоксарский завод кабельных изделий «Чувашкабель» г. Чебоксары).

4. Средняя предельная нагрузка на инспектора и его компетентность. Чем ниже рабочая нагрузка и выше профессиональные характеристики проверяющего, тем больше количество выявленных нарушений и их структуризация по значимости (реальное или документарное нарушение, возможность решения проблемы с выдачей предписания или без такового и т. д.).

5. Не исключается и возможность коррупционной составляющей в ходе проверок (личные связи, взятки, взаимовыгодные договоренности и т. д.).

Уменьшению количества экологических нарушений может способствовать решение проблем на следующих уровнях:

1. Эколого-техническом (комплексное использования сырья, замена устаревшего и неэффективного природоохранного оборудования и т. д.).

2. Эколого-правовом и эколого-экономическом (внедрение систем экологического менеджмента, применение механизма экологического страхования, грамотное правовое сопровождение деятельности предприятия (в т. ч. и входе проведения экологических проверок).

3. Эколого-образовательном (обучение руководства и персонала по вопросам экологии и ООС, внесение в штатное расписание должности эколога).

4. Эколого-информационном (привлечение контрольно-надзорных органов в качестве консультантов для разъяснения требований законодательства в области ООС и соблюдения обеими сторонами нормативно-законодательной базы по вопросам проведения экологических проверок для объектов регионального государственного экологического надзора) [1; 4].

Проведенный территориальный анализ КНД в области ООС Чувашской Республики позволяет говорить о динамичной работе контрольно-надзорных органов во всех муниципальных образованиях, которая направлена не только на осуществление информационной и карательной функции, но, главным образом, на интенсификацию предупредительной функции, и как следствие – обеспечение экологической безопасности и устойчивости развития региона.

Список литературы

1. Васильева М.И. Правовые проблемы организации управления в сфере охраны окружающей среды: Пособие по региональной экологической политике [Текст]. – М.: Акрополь; Центр экологической политики России, 2004.

2. Доклад об осуществлении регионального государственного экологического надзора на территории Чувашской Республики и об эффективности такого надзора за 2013 год [Текст]. – Чебоксары: МПР, 2014. – 28 с.

3. Рекомендации по оценке результатов контрольно-надзорной деятельности в странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии: Материалы Восьмой ежегодной встречи в рамках Сети ВЕКЦА по реализации программ природоохранного регулирования, 12–13 июня 2006 (Тбилиси, Грузия). – Тбилиси, 2006. – 22 с.

4. Экологический менеджмент / Н.В. Пахомова, А. Эндерс, К. Рихтер [Текст]. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.

Карнов Алексей Петрович

канд. социол. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ: ЗАМЫСЕЛ И РЕЗУЛЬТАТЫ

***Аннотация:** в статье реализуется социологический подход к анализу содержания и результатов аграрных реформ перестройки, выразившихся в целом в неудачных попытках вернуть «хозяина земли» путем совершенствования колхозно-совхозной формы организации сельскохозяйственного производства.*

***Ключевые слова:** период перестройки, хозяин земли, государство-хозяин, коллективный подряд, крестьянский индивидуализм, арендный подряд.*

Если попытаться определить социальный смысл реформ советского общества периода перестройки (1985–1991 гг.), то, в первую очередь, следует его (смысл) дифференцировать, по крайней мере (*mutatis mutandis*), на две составляющие. Одна из них связана с назревшей потребностью общества легитимировать свое разделение с государством путем кристаллизации и институционализации соответствующих органов и структур гражданского общества. Другая – отражает стремление самих властных структур государства обновить советскую систему таким образом, чтобы перевести ее в «новое качественное состояние», сохранив и укрепив при этом режим политической власти и поддерживающие ее институты. Эта «двусмысленность» перестройки имеет своим источником свойственный общностному типу социальности дуализм, получивший в советском обществе форму противостояния индивида (индивидуальности) и государства (как превращенной формы общности).

Как представляется, такое понимание политики реформ периода перестройки позволяет более или менее адекватно подойти к социологической интерпретации тех непрерывных инноваций, которыми сопровождалась все эти годы аграрная политика государства.

«Сегодня самое главное – подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, – вернуть человека на землю полноправным хозяином».

Таков был лейтмотив политики реформ в аграрных отношениях. Правда, его смысл раскрывался в совершенно определенном контексте: «От имени ЦК и правительства мы подтверждаем, что твердо и навсегда встали на путь раскрытия потенциала, заложенного в колхозах и совхозах...». Совместить эти две задачи («возвращение хозяина» и «раскрытие потенциала») предполагалось, с одной стороны, путем «освобождения» колхозов и совхозов от административной опеки, с другой – посредством их внутренней реорганизации с предоставлением «большей хозяйственной самостоятельности» структурным звеньям. Стратегическая цель аграрной политики, стало быть, состояла «в том, чтобы через новый механизм хозяйствования, кооперацию, аренду максимально раскрыть огромный потенциал, заложенный в колхозах и совхозах, т. е. реализовать то, что и мыслилось при переходе к коллективным формам труда». В пример ставились те «наиболее дальновидные хозяйственники», которые «эти новые формы стали использовать внутри хозяйств», что «позволяет им полнее раскрыть свои возможности» [3].

При этом тщательно оберегалась фундаментальная основа общественного типа социальной организации – опосредованный государством доступ советского крестьянина к земле. Реформы перестройки, по сути, укрепляли этот институт за счет расширения прав Советов. В их лице государство предоставляло, контролировало, регулировало, изымало, сдавало в аренду и совершало другие правомочия собственника земли, хотя последняя и была возведена в норму «земля – народное достояние» [6]. Для сельскохозяйственных производителей устанавливались права владения или пользования землей, но не собственности. Следовательно, не получали признания и права на существование рынки труда и капиталов, имущественная дифференциация в результате достигнутого уровня эффективности производительной деятельности и, в итоге, сохранялись незыблемыми сложившиеся иерархии социальных групп в распределительных отношениях. В этих условиях не получал своего реального обеспечения и широко пропагандируемый лозунг о «разнообразии» и «равноправии различных форм собственности».

Тем не менее, нельзя не отдать должное тем политикам-реформаторам, которые последовательно и настойчиво осуществляли стратегию «раскрепощения» на практике. Собственно говоря, на карту была поставлена сама идея об «изначальном» преимуществе единой государственной общности («социализма») перед всеми другими индустриальными системами социальной организации и интеграции. Важнейшее место в этом возвращении идее ее подлинного смысла и воплощении последнего на практике отводилось мероприятиям по активизации соответствующего «человеческого фактора», соединению интересов «рядовых работников» с задачами повышения экономической эффективности совхозов и колхозов.

Пожалуй, в истории колхозно-совхозного строя трудно еще найти столь благоприятный, с точки зрения инвестиционных условий, период, как годы последней советской пятилетки (1986–1990 гг.). Так, только в 1990 г. государственному сельскохозяйственному производству были предоставлены льготы, финансовое выражение которых составило более 100 млрд руб., что сопоставимо с 15-ти процентной долей производимого тогда национального дохода. В условиях, когда уровень капиталовложений в АПК достиг к этому времени трети их общего объема по народному хозяйству, в стране обострялся продовольственный кризис, а затраты государства на продовольственный импорт возросли с конца 60-х годов более чем в 13 раз и практически сравнялись с объемом выручки от продажи топливно-энергетических ресурсов на свободно-конвертируемую валюту [5, с. 34].

Столь парадоксальные практические результаты задуманного «совершенствования» аграрных отношений имеет свое теоретическое объяснение. Будучи монопольным собственником и распорядителем земли, государство по необходимости присвоило себе и функции производства, обмена и распределения сельскохозяйственной продукции, т. е. подменило собой рыночные механизмы рациональной организации производства и движения ресурсов. Государство-хозяин, навязывая своим структурным производственным организациям ассортимент, объемы, цены и каналы реализации продукции, обязано покрывать связанные с этим убытки и низкую эффективность производства. Здесь содержится ответ на вопрос о том, почему государство такого (советского) типа идет на

крупные дотации и списание долгов нерадивым пользователям своей земельной собственности – колхозам и совхозам.

К аналогичным результатам привели и попытки внутренней реорганизации последних, призванные «сомкнуть» идущие «извне» преобразования с пробуждением «чувства хозяина» у тружеников полей и ферм. Большие надежды первоначально возлагались в этом плане на коллективный подряд внутрихозяйственных подразделений. Однако опыт его массового «внедрения» не стал исключением из незыблемых правил игры в системе командно-бюрократической экономики. Ассимилированный в ее структурах «коллективный подряд» превратился в очередную политическую акцию управленческого аппарата [2, с. 51].

Как и следовало ожидать, политические и хозяйственные чиновники в присущем им стиле включились в «борьбу» за требуемую «наверху» цифру – «охвата», «внедрения», «применения», от достижения которой зависело их социальное благополучие. О силе задействованного в очередной раз социального интереса этой группы говорит быстро прошедший по стране «победный марш хозрасчёта и коллективного подряда», в короткие сроки завершивший «оподрячивание» сельскохозяйственных предприятий.

В аналогичном стиле действовали и руководящие работники, и специалисты колхозов и совхозов. Данные проведенного нами в 1987–1988 гг. социологического исследования показали, что лишь в 17 случаях из 100 переход на коллективный подряд был согласован с мнением рабочих и колхозников. В остальных случаях его «внедряли» по распоряжению руководства хозяйств [4, с. 87–113].

Исследование показало сильное предпочтение (88% опрошенных), оказываемое работниками на подряде сдельной оплате труда. По существу, оно явно обесценивало усилия по «коллективизации» зарплат в сельском хозяйстве и воспринималось как негативный фактор в «воспитании чувства хозяина». Однако именно здесь в превращенной форме выразился извечный крестьянский индивидуализм, порождаемый спецификой самого земледельческого труда. Ориентация на «индивидуализированный» доход больше соответствует природе сельского хозяйства, его неповторимости и уникальности в каждом данном месте, где человек, используя жи-

вую природу, получает сельскохозяйственные продукты. От знаний этих конкретных условий, опыта и практических навыков в решающей степени зависит долговременный успех производственной деятельности человека в сельском хозяйстве. Все это накладывает сильные ограничения на возможности «коллективной оплаты», «коллективного материального вознаграждения» и в целом «коллективных материальных стимулов», тем более, если речь шла о «возрождении» хозяина земли – крестьянина.

Последовавшая затем практика перестройки по введению аренды, переходу к внутрихозяйственным денежно-меновым отношениям в своем логическом завершении означала бы структурную реорганизацию колхозов и совхозов в некие союзы или ассоциации арендаторов и их первичных производственных групп. Однако этого не произошло. Ибо, как уже было сказано, осталась неизменной исходная посылка таких преобразований: сохранить опосредованный государством и его производственными структурами (колхозами и совхозами) доступ к земле сельскохозяйственного производителя, усилив лишь его материальный интерес к работе в этих структурах.

Противоречия, привнесенные в эту систему коллективным подрядом, переросли в открытый конфликт новоявленных арендаторов с многозвенной хозяйственно-политической бюрократией, видимой формой которого стали драматические коллизии сторон на уровне сельхозпредприятий. Вновь был запущен испытанный маховик «хозяйственно-политической кампании», на этот раз по «арендизации» колхозов и совхозов, не раз выручавший чиновников в прошлом. В 1989 г. «арендный подряд» применяли уже 62% всех колхозов и совхозов РСФСР. Площадь используемой арендными подразделениями пашни составила 34%, количество скота – 30%. Характерен в этой связи факт, выявленный обследованием Госкомстата РСФСР: в арендных подразделениях 14 областей, краев и автономных республик урожайность зерновых была как минимум на 20% ниже, нежели в целом по колхозам и совхозам. «Показуха становится по существу одним из способов борьбы против аренды <...> А арендные подразделения, – сделали вывод статистики, – как правило, целиком и полностью остаются во власти колхозных и совхозных контор» [1].

Таким образом, если попытки внедрения коллективного подряда породили сомнения, то опыт «арендизации» утвердил их в качестве подтверждённого практикой вывода о невозможности реформирования отдельных звеньев единого хозяйственного организма советского государства, не изменяя сам тип его социально-политической организации.

Опыт интенсивной пятилетней перестройки аграрных отношений, в конце концов, привел к выводу о том, что «возвращение хозяина земли» и воспроизводство раскрестьяненного наемного работника, получающего зарплату от государства (а не «от земли»), являются противоположными по сути социальными процессами, полагающие разные механизмы социальной интеграции и, главное, различные типы социального доступа к земле как хозяйственному ресурсу.

Список литературы

1. Аренда в сельском хозяйстве РСФСР // Советская Россия. – 1989. – 18 октября.
2. Возрождение кооперативных основ колхозов, использование кооперативных принципов в государственном хозяйстве // Вопросы экономики. – 1988. – №3.
3. Горбачев М.С. Доклады и выступления // Правда. – 1988. – 14 октября; 1988. – 15 мая; 1989. – 16 марта; Известия. – 1991. – 30 марта.
4. Карпов А.П. Социальные проблемы применения коллективного подряда на сельскохозяйственных предприятиях // Социальные проблемы хозяйственного механизма / Отв. ред. Алексеев Н.И. – М.: ИС РАН, 1988. – 170 с.
5. Кириченко В. Реалистический взгляд на процессы в сельском хозяйстве / В. Кириченко, И. Погосов // Коммунист. – 1990. – №16.
6. Основы законодательства Союза СССР и союзных республик о земле // Известия. – 1990. – 6 марта. – Ст. 3–15.

Курочкина Татьяна Николаевна

научный сотрудник

ФГБУК «Новгородский государственный
объединённый музей-заповедник»

г. Великий Новгород, Новгородская область

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

***Аннотация:** в данной статье на основе опубликованных документов проанализирован и обобщен материал по истории развития промышленности Новгородской губернии периода капитализма, выявлены закономерные условия развития промышленности (наличие сырьевой базы, транспортного сообщения, возможностей энергопотребления). Автором показана роль личности и случайных факторов в развитии промышленности и влияние фабрично-заводской промышленности на социальное развитие микро-региона.*

***Ключевые слова:** Новгородская губерния, промышленность, статистика, законодательство, производство огнеупоров, технологии, рентабельность, транспорт, объемы производства, сырье, энергия, организационная форма собственности, сословие, продолжительность рабочего дня, условия труда, инфраструктура, страхование, медицинское обслуживание, заработная плата.*

В середине XIX в. Новгородская губерния граничила с Санкт-Петербургской, Олонецкой, Вологодской, Ярославской, Тверской и Псковской губерниями. Общая площадь губернии в этот период составляла 10 715 тыс. кв. дес., или 102 866 кв. версты, из которых $\frac{2}{3}$ было занято лесами. Численность населения (данные IX ревизии 1850 г.) достигала 753 793 человека, среди которых мужчины составляли 357 351 человек. На каждую квадратную версту приходилось приблизительно по 9 человек жителей [11, с. 65–66]. Территория губернии делилась на одиннадцать административных единиц – уездов. По величине своей площади они располагались в следующем порядке: Тихвинский, Белозерский, Кирилловский, Устюженский, Боровичский, Новгородский, Старорусский, Крестецкий,

Череповецкий, Валдайский, Демянский [2, с. 31]. В этот период в Новгородской губернии насчитывалось 97 заводов [29, с. 370].

Завершение строительства Николаевской железной дороги в 1851 г., реформа 1861 г., отменившая крепостное право, привели к усилению частной инициативы в промышленности. В 1886 г., по данным приложения к губернаторскому отчету, количество фабрик и заводов в губернии достигло 998, суммарный объем производства их составил более 4 млн руб., численность рабочих, занятых в промышленном производстве, – 7 189 человек [29, с. 373].

Необходимо отметить, что эти цифры, содержащиеся в приложениях к губернаторским отчетам, подсчитывались губернским статистическим отделением на основе критериев, принятых во второй половине XIX в. Само определение понятия «фабрика» и «завод» было весьма сбивчиво. Устав о промышленности так определял завод, фабрику, мануфактуру: «заведения, на которых производится фабричная и заводская промышленность... Мануфактуры, фабрики и заводы отличаются от ремесел тем, что имеют в большом виде заведения и машины; у ремесленников же нет их...» [35, с. 485]. В связи с неопределенностью формулировок губернским статистическим отделением в итоговые данные включались кустарные и ремесленные предприятия, а также порой сведения о мукомольных мельницах и маслобойках «для домашнего обихода». Такая ситуация с фабрично-заводской статистикой сложилась во всей империи.

К концу XIX в. для центральной фабрично-заводской статистики были выработаны новые критерии понятия «фабрика» и «завод»: наличие механического двигателя или численность рабочих не менее пятнадцати человек. В соответствии с новыми критериями к 1897 г. в Новгородской губернии насчитывалось 77 промышленных предприятий, суммарный объем производства их составлял 8,01 млн руб., численность рабочих – 8 812 человек [37]. Однако губернские статистические отделения по-прежнему включали в фабрично-заводскую статистику предприятия, которые, в соответствии с современными представлениями, следует отнести к «предприятиям малого бизнеса».

Промышленный подъем 90-х гг. XIX в. способствовал созданию новых промышленных предприятий, оснащенных более совершенной техникой. К 1901 г. в губернии насчитывалось 94 промышленных предприятия, около 15 тыс. фабрично-заводских рабочих, вырабатывавших промышленной продукции на 13,767 тыс. руб. С этого времени фабрично-заводская промышленность Новгородской губернии прочно заняла второе место в Северо-Западном регионе, уступая лишь Петербургской [30, с. 100].

На территории Новгородской губернии наиболее развитыми были отрасли, опиравшиеся на местную сырьевую и топливную базу, использовавшие благоприятное транспортно-географическое положение: лесопереработка, производства фарфорово-фаянсовое, стекольное, строительных материалов и огнеупоров. На долю этих отраслей в промышленности Новгородской губернии приходилось почти 82% фабрик и заводов, 91% рабочих и около 90% вырабатываемой в год промышленной продукции (в руб.) [30, с. 102]. Наибольшее число крупных промышленных предприятий размещались в Новгородском, Боровичском и Крестецком уездах в местах пересечения водных и железнодорожных путей.

Новгородская губерния являлась лидером в производстве огнеупоров, целлюлозно-бумажной и спичечной промышленности.

Первый завод для производства огнеупоров был построен в 1855 г. на р. Крупне близ Боровичей Эммануилом Нобелем. Производство было основано на ручном труде, с применением кирпичеделательной машины, естественной сушкой и периодическими печами для обжига. Объем производства составлял до 100 тыс. шт. шамотных кирпичей в год [12, с. 32]. Несколько ранее, Эммануил Нобель и его сын Роберт основали в Боровичском уезде предприятие по переработке колчедана, в 1856 г. – в Демянском уезде «Общество Ловатского Старорусского завода», в 1857 г. – «Пароходство по Волхову» и «Северное пароходство». На короткий период времени в Новгородской губернии появился новый судостроительный центр – д. Соснинская Пристань, где были собраны два парохода «Красотка» и «Бурлак».

В связи с банкротством Э. Нобеля к 1859 г. предприятия были ликвидированы. «Пароходство по Волхову» продано. Пароходство успешно действовало до национализации в 1918 г. [8, с. 11–13; 29, с. 28–36].

Однако в 1860-х гг. исследования боровичских глин продолжились. А.А. Пиорович, выпускник Технологического института, по заданию Новгородской губернской земской управы проводил в Боровичском уезде исследования «с целью развития торговли, фабричности и промыслов» [26, с. 1]. По итогам проведенных исследований о промышленности уезда он писал: «... боровичские жители не верят в огнеупорность своей глины. Что касается до возможности приготовления огнеупорных кирпичей, то опыты над правильно сделанным кирпичом из боровичской глины производились на смологонном заводе г. Рейхеля [в имении Кошели]: при этих опытах боровичский кирпич сравнивался с английским и не уступал ему в достоинствах» [26, с. 8]. Он также указал на высокую рентабельность данного производства. Однако толчок стремительному развитию огнеупорной промышленности был дан только после окончания строительства железнодорожной ветки Боровичи-Угловка (1877 г.), соединившей Боровичи с Санкт-Петербургом, где размещались основные потребители огнеупоров: Путиловский, Ижорский и Обуховский заводы. В 1880 г. К.Л. Вахтер в имении Ждани построил огнеупорный завод. Установление пошлин на импортные огнеупоры в 1886 г. способствовало дальнейшему развитию производства [1, с. 96]. Заводы, построенные К.Л. Вахтером, были самыми крупными в империи предприятиями по производству огнеупоров. В 1896 г. К.Л. Вахтер в прошении писал министру финансов С.Ю. Витте: «...благодаря вложенным мною в это дело значительным капиталу и труду, изделия завода получили не только широкое распространение, но и заслужили всеобщее одобрение. ...мне удалось поставить на весьма прочные основания и дать сравнительно широкое развитие такому делу, по которому ранее [мы] не решались конкурировать с заграничными заводами» [29, с. 52].

К.Л. Вахтер (1834 (1837?) – 1917) родился в Санкт-Петербурге в немецкой купеческой семье. Предпринимательскую деятельность начал в качестве торгового посредника Дома шампанских вин *Veuve Cliquot* (Реймс), а также германского концерна «*Friedrich Krupp*». В 1875 г. принял российское подданство. В 1880–90 гг. управлял делами «Союза рельсовых фабрикантов» и «Союза фабрикантов рельсовых скреплений», а также делами соглашения

Брянского и Александровского заводов, Новороссийского и Южно-Русского Днепропетровского металлургических заводов (вел переговоры на получение заказов, распределял заказы и устанавливал расчеты между заводами – членами соглашения). К.Л. Вахтер – один из пионеров разработки залежей руд цветных металлов в России. При его участии в 1879 г. на Кавказе стали добывать марганец, в 1895–1900 г. были начаты исследования медных залежей в Павлодарском уезде Семипалатинской области. Он основал фабрику искусственного шелка «Вискоза», имел пай в угольных и медных коях Сибири, был председателем Петербургского частного коммерческого банка, «Русского общества для применения озона», Общества «Соединенные кабельные заводы», членом совета Московского частного коммерческого банка. Был награжден орденом Св. Станислава и Анны I степени [15, с. 151–162]. В конце XIX в. К.Л. Вахтер прочно занимал место в группе ведущих представителей российской деловой элиты [7, с. 229]. Банкир А.И. Ценкер, близко знавший К.Л. Вахтера, называл его «одним из героев индустриализации России» [15, с. 159].

В 1850-х гг. в Англии и Америке был запатентован натронный способ получения целлюлозы из древесины. Первый натронно-целлюлозный завод был построен в 1860 г. в США, в 1866 г. – в Англии [21, с. 5].

Первый в России натронно-целлюлозный завод, вырабатывавший небеленую целлюлозу из древесины, был построен в имении Кошели Боровичского уезда [21, с. 10]. Первое документальное свидетельство его существования относится к 1875 г., когда было основано «Первое русское общество для приготовления древесной клетчатки» на базе уже существовавшей в имении Кошели фабрики по производству бумаги из древесины [29, с. 240].

Следующим важным этапом в развитии целлюлозной промышленности стала разработка сульфитного способа варки. Этот способ был открыт несколькими лицами в разных странах в период 1866–1882 гг. Сульфитцеллюлозные заводы возникли в Европе в 1870-х гг.

Первым в России сульфитцеллюлозным заводом было предприятие, построенное в 1883 г. Товариществом Окуловских писчебумажных фабрик В.И. Пасбург [20, с. 26–27]. Благодаря большому объему производства окуловских фабрик, использованию дешевой

гидроэнергии, низкой цене на корневой лес, стоимость производства древесной массы на этих предприятиях была наименьшей в России. Себестоимость 1 пуда окуловской древесной массы в начале XX в. составляла 70 коп., тогда как средняя себестоимость на российских заводах – 1 руб. за пуд [25, с. 279].

Успешная предпринимательская деятельность В.И. Пасбурга в области целлюлозно-бумажной промышленности была в некоторой степени случайной. В 1856 г. он, владелец московских предприятий по производству сахара, купил на р. Перетна Крестецкого уезда «совершенно неустроенную» маленькую бумажную фабрику для производства упаковки сахарных голов. Эффективное использование энергии реки Перетна, удобное транспортное расположение фабрики и квалифицированный менеджмент специалиста по бумажному производству, директора фабрики Е.Ф. Рейнера, обеспечили дальнейший расцвет и лидерство в целлюлозно-бумажной отрасли [33, с. 1–2]. Товарищество Окуловских писчебумажных фабрик В.И. Пасбург входило в число крупнейших российских ассоциированных землевладельцев (1914 г.) [7, с. 167.]

С начала 60-х гг. XIX столетия в России начинает быстро расти производство спичек. К этому времени относятся и первые сведения о спичечных фабриках в губернии [1, с. 92]. В 1875 г. в Грузинской волости Новгородской губернии работало тринадцать спичечных предприятий, на которых производили серно-фосфорные зажигательные спички. На принципиально новый уровень спичечное производство в Новгородской губернии вывел крестьянин-предприниматель В.А. Лапшин. Пригласив из Швеции специалиста по производству безопасных шведских спичек А.Ф. Лундберга, В.А. Лапшин внедрил новую в России технологию [5, с. 10]. К 1885 г. в Новгородской губернии из тринадцати спичечных фабрик четыре производили шведские спички, семь – серно-фосфорные, две – те и другие [31, с. 68–71]. В 1893 г. по производству спичек Новгородская губерния вышла на первое место в России, отеснив на второй план Черниговскую. В 1900 г. шесть новгородских фабрик, составлявших всего лишь 5% от общего числа спичечных фабрик России, изготавливали почти пятую часть всего объема производ-

ства спичек в стране. Новгородские спички, главным образом лапшинские, находили широкий сбыт во всех крупных центрах России и за границей [30, с. 103].

После смерти В.А. Лапшина, в 1906 г. спичечные фабрики купил К.Л. Вахтер и учредил Акционерное общество «Василий Андреевич Лапшин». К.Л. Вахтер также стал учредителем «Русского общества спичечной торговли» (1908 г.). В РОСТ вошли 80% всех российских фабрик, Акционерное общество «В.А. Лапшин» владело контрольным пакетом акций РОСТА. Для всех фабрик, входящих в РОСТ, были установлены объемы производства, разграничены рынки сбыта, назначена розничная цена спичек, которая в 1911 г., по оценке современников, достигла «небывалой величины» [15, с. 158]. И, как следствие, спичечные фабрики получали дополнительную прибыль.

В деревообрабатывающей отрасли Новгородской губернии, как и в стране в целом, основное место занимало лесопиление. Лесопильные предприятия достаточно равномерно размещались на территории губернии. В 1890-е гг. наиболее крупными предприятиями с объемом производства от 100 до 200 тыс. руб. были: лесопильные заводы А.К. Ретшке (Демянский уезд), Н.Д. Полежаева (Белозерский уезд), фирмы «Е.В. Брандт и К°» (Череповецкий уезд), С.Н. Захарова (Старорусский уезд) [37, с. 278–279]. Развитие капиталистических форм в лесопильной промышленности губернии шло медленно, что обуславливалось, в частности, недостаточностью транспортной сети [1, с. 91]. Лесопильные заводы располагались по линиям рек и пользовались водным путем, как для получения лесных материалов, так и для поставки их потребителям. Наиболее значительные предприятия, расположенные в Приильмье и Поволховье, должны были рассчитывать на реализацию своей продукции на столичном рынке. Однако транспортировку разработанного леса в Санкт-Петербург затрудняли Волховские пороги и короткий навигационный сезон.

Завершение строительства участка частной железной дороги Бологое-Псков (1897 г.) соединило Старую Руссу с Санкт-Петербургом, Москвой и портами Балтийского моря. Это дало толчок к производству новой для Новгородской губернии продукции – фанеры. Старорусская фабрика Акционерного общества для механической

обработки дерева А.М. Лютер поставляла фанеру по железной дороге на экспорт через Ревель, а также в Москву, Ловатские заводы – в Москву и Санкт-Петербург [29, с. 147, 157].

Крупными промышленными предприятиями Новгородской губернии являлись Чудовский стекольный завод, Волховская, Бронницкая и Грузинская фарфоро-фаянсовые фабрики И.Е. Кузнецова. В середине 1890-х гг. суммарный объем производства Чудовского завода, Волховской и Броницкой фабрик (Грузинская была построена позже) составил 863,6 тыс. руб., численность рабочих 1595 человек [37, с. 446–449]. В 1913 г. было учреждено «Товарищество на паях Ив. Ем. Кузнецова». В число собственников И.Е. Кузнецова вошли его супруга и дети. Предпринимательская деятельность И.Е. Кузнецова современниками оценивались неоднозначно. Министр финансов С.Ю. Витте и новгородский губернатор О.Л. Медем называли ее «неблаговидной» и «бессердечной» по отношению к рабочим [32, с. 60–61]. Архитектор А.Н. Милуков характеризовал И.Е. Кузнецова как человека, около которого «...везде и всегда кипит практическая деятельность; все растет, ширится, все принимает крупные размеры и сопровождается неизменным успехом» [34, с. 19].

Значительные изменения в социальную и экономическую жизнь населения Малой и Большой Вишеры внесли крестьяне М.С. и П.С. Курженковы. Заработав первоначальный капитал на торговых операциях, по совету своего управляющего И. Бальдермана, они построили в этих населенных пунктах два стекольных завода. «...и этим дали большой толчок к увеличению посада и к развитию благоустройства оного и благосостояния населения, так как местный рабочий люд» получил «возможность работать на таковых заводах даже целыми семьями и при усердии зарабатывать значительные суммы...» [29, с. 347].

Среди крупных предприятий губернии следует назвать Кулотинскую джутовую мануфактуру, объем производства которой в 1912 г. составил 800 тыс. руб., численность рабочих – 606 человек [29, с. 289]. Одним из слагаемых успешной деятельности фабрики были удобные транспортные связи, как по сырью, так и сбыту готовой продукции, а также эффективное использование энергии р. Перетна.

На рубеже XIX–XX вв. возникает крупное цементное производство в окрестностях с. Чудово. На трех заводах, один из которых принадлежал Франко-русскому анонимному обществу с правлением в Париже, было занято 1200 человек. Сырье предприятия добывали из близлежащих месторождений, уголь импортировали [1, с. 97].

В Российской империи для организации предпринимательской деятельности были предусмотрены две основные формы: индивидуально-частновладельческая и ассоциированная. К 1914 г. среди промышленных предприятий Новгородской губернии количество индивидуально-частновладельческих преобладало. Эти предприятия, как правило, имели небольшие объемы производства, их деятельность оставила малое количество документов. В архивах достаточно редко сохраняются фонды небольших промышленных предприятий.

Среди промышленных предприятий, чья деятельность основывалась на ассоциированных капиталах, были распространены товарищества или торговые дома, которые объединяли капиталы близких друг другу лиц. К таким организационным формам относились Товарищество пивомедоваренного завода «Богемия» и, предположительно, вследствие недостатка документов, Торговый дом «Братьев П. и М. Курженковых». Основным нормативным документом, регулировавшим деятельность такого объединения, был фирменный договор, в котором фиксировались обязательства сторон, участвовавших в деле [29, с. 336–337, 363–365]. Открытие деятельности фирм происходило явочным порядком и датой основания считалось время регистрации в купеческих или административных органах местного самоуправления [7, с. 93].

Наиболее крупные и успешные предприятия Новгородской губернии к 1914 г. были организованы в форме уставных акционерно-паевых компаний. Уставы таких предприятий после процедуры предварительных согласований утверждались императором. Среди акционеров Боровичского завода огнеупорных и кислотоупорных изделий и завода «Терракота» преобладали акционеры с немецкими фамилиями. Помимо известного нам К.Л. Вахтера, в списках акционеров этих предприятий находим консула Нидерландов Г.Г. Гильзе фан дер Пальс, члена правления Санкт-Петербург-

ского частного коммерческого банка А.И. Мурания, а также юридическое лицо, Санкт-Петербургский частный коммерческий банк и др. Совершенно иным был социальный состав пайщиков Товарищества Чудовской спичечной фабрики «Солнце», среди которых были личный почетный гражданин, пятеро мещан, девять крестьян, военнослужащий и прусский подданный. Необходимо отметить, что доля участия крестьян в капиталах товарищества была довольно значительной и составляла от 250 до 15–20 тыс. руб. [29, с. 189].

Среди промышленных предприятий Новгородской губернии были заводы, которые по виду собственности не являлись ни частными, ни казенными. Это черепичные заводы Новгородского губернского земства. Целью их деятельности являлось не получение прибыли, а снабжение населения губернии доступной по цене черепицей для снижения количества пожаров.

В Российской империи все население было поделено на сословия. Это определяло не только круг юридических прав, обязанностей, привилегий и возможностей, но и формировало в общественном сознании типичные черты каждой группы. Однако в связи с развитием капиталистических отношений во второй половине XIX в. происходило постепенное нивелирование сословных границ. Среди новгородских промышленников мы находим дворян, почетных граждан, купцов, мещан, крестьян, иностранных подданных, а также лиц, чье сословное состояние неопределенно, которых записывали в соответствии с квалификацией «инженер», «инженер-технолог».

Традиционным предпринимательским сословным разрядом являлось купечество. Понятие «купец» первоначально обозначало почти исключительно предпринимателя-торговца. В связи с изменениями, происходившими в России в экономической и социальной жизни, во второй половине XIX в. эта сословная группа объединяла представителей всех форм и видов предпринимательской деятельности.

В купеческом сословии состояли многие новгородские промышленники: К.Л. Вахтер, И.Е. Кузнецов, Г.М. Сметанин, А.М. Стальнов, К.С. Садовский. Деятельность К.Л. Вахтера не ограничивалась предпринимательской. После получения русского

подданства, он состоял на службе в Управлении Государственного коннозаводства и, получая чин за чином, в 1905 г. дослужился до тайного советника. В 1894 г. он в соответствии с чином получил потомственное дворянство [15, с. 151]. Прочим из вышеперечисленных купцов успешная предпринимательская деятельность обеспечила не только благосостояние, но и помогла повысить социальный статус. Они были причислены к высшему городскому сословию – потомственных почетных граждан. Купцы могли получить это звание за 20-летний стаж пребывания в первой гильдии, непременным условием также являлась политическая лояльность и непорочная коммерческая и общественная деятельность [7, с. 49–50].

Во второй половине XIX в. купечество играло ведущую роль в городском самоуправлении. Так, городской голова Новгорода, исполнявший эту должность в 1870–1913 гг., был либо купцом, либо выходцем из этого сословия. Большинство в городских думах и управах составляло купеческое сословие [10, с. 78]. Ярким примером эффективной работы в области городского самоуправления является деятельность промышленника, совладельца пивомедоваренного завода «Богемия» Г.М. Сметанина [16, с. 38–41].

В русской деревне после реформы 1861 г. происходили процессы дифференциации и расслоения крестьянства, вырастали предприниматели: кустари-производители, скупщики-коммерсанты, сельские ростовщики. В середине 1880-х гг. на одного жителя Новгородской губернии, который уже не состоял в сословии крестьян и занимался какой-либо деловой операцией, в среднем приходилось 12 крестьянских дворов [4, с. 98]. Некоторые из них, накопив капитал, становились промышленниками. Так, еще будучи крестьянами, братья Курженковы начинают строительство стекольного завода. Можно только удивляться их решимости. Не имея специального технологического образования, они приступают к новому рискованному делу. В 1861–1862 гг. Д.И. Менделеев посещал Новгородскую губернию с целью ознакомления с технологией сухой перегонки дерева на заводе своего коллеги, новгородского дворянина, профессора, декана химического отделения Практического института А.К. Рейхеля. В дороге Д.И. Менделеева часто посещала мысль «Не завести ли завод?» «...поселиться на заводе – это было бы отлично – и здоровье и время для работы было бы и деньги, бог

дал, были бы и, право, хорошо во всех отношениях». По возвращении в Петербург он решил бросить мысли о заводах, «ведь ... надо рисковать, а тут риску никакого нет...» [17, с. 205; 18, с. 214, 220]. Много лет спустя Д.И. Менделеев записал: «Промышленная предприимчивость сложна и условна, все же ее начала кроются в истом трудолюбии, потому что только трудолюбец от добра добра искать станет ... в промышленность предпринимаемую надо вложить добро нажитое и много рисковать» [19, с. 392].

Братья Курженковы занимались традиционной для купечества деятельностью: участвовали в общественном управлении посада Малая Вишера, состояли попечителями образовательных учреждений, основали училище и построили церковь в Большой Вишере. Часть нажитого капитала после смерти М.С. Курженков завещал на строительство храма, больницу-госпиталь, богадельню, на содержание образовательных учреждений в Малой Вишере, на стипендии [29, с. 346–348].

В начале XX в. на арену промышленной деятельности Новгородской губернии вышли представители знаменитой и влиятельной московской купеческой династии Владимир и Степан Павловичи Рябушинские. Они приобрели основной пакет акций Товарищества Окуловских писчебумажных фабрик В.И. Пасбург. Братья Рябушинские являлись представителями третьего поколения купеческого рода. Их дед М.Я. Рябушинский происходил из крестьян Калужской губернии. Третье поколение Рябушинских было обладателем огромного состояния, составившего более 20 млн руб. Рябушинские владели бумагопрядильными фабриками в Тверской губернии, являлись учредителями Московского банка, Московского товарищества автомобильного завода (в последствии АМО), были страстными собирателями древнерусских икон, обладали одной из лучших коллекций в России.

Наиболее известным представителем этого купеческого рода был политик-бизнесмен Павел Павлович Рябушинский. Являясь членом Партии мирного обновления, в 1907 г. он начал выпуск газеты «Утро России», на страницах которой излагал свое понимание перспектив обновления страны (В.П. Рябушинский входил в редакционный комитет) [3, с. 323–326, 361–362]. Бумага для газеты производилась на Окуловских писчебумажных фабриках [36, с. 49].

Как свидетельствуют документы, новгородские бумажные фабрики внесли вклад в просветительскую деятельность. Знаменская бумажная фабрика в 1860-х гг. производила бумагу для журнала «Время», издателем которого был М.М. Достоевский, а негласным редактором – Ф.М. Достоевский. Этой же фабрикой выпускалась нотная бумага для Ф.Т. Стелловского, крупнейшего русского музыкального издателя [29, с. 204]. Дерняковская фабрика поставляла картон для крупнейшего русского издателя И.Д. Сытина [29, с. 230], для него же поставлялась бумага с Окуловских писчебумажных фабрик. Издательство И.Д. Сытина выпускало свыше четверти всей книжной продукции страны, с ним сотрудничали Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.И. Куприн. Товарищество «И. Сытин и К^о» издавало: детский журнал «Друг детей», журналы «Вокруг света» и «Искра», газету «Русское слово» [3, с. 347–348].

Среди промышленных предпринимателей Новгородской губернии находим и дворянское сословие. Князь Б.А. Васильчиков вел дела в традиционном дворянском стиле: получал доход от землепользования и переработки сельхозпродуктов, М.В. Родзянко – переработки леса. В то же время дворяне участвовали в акционерных предприятиях. В.Н. Троцкий-Сенютович осуществлял функции председателя правления Кулотинской джутовой мануфактуры.

На промышленных предприятиях Новгородской губернии продолжительность рабочего дня составляла от 12 (при односменной работе) до 8 часов (при трехсменной работе). Рабочая неделя, как правило, – 6 дней, в субботу рабочий день сокращался на несколько часов. Кроме воскресных дней нерабочими были двенадцатые православные праздники, новый год и некоторые другие дни, специально оговоренные в правилах для рабочих [29, с. 126, 147–151, 208–212, 218, 234, 330]. На Кулотинской джутовой мануфактуре (1882 г.) рабочий находился на предприятии с 6 часов утра до 8 часов вечера, имея три перерыва для приема пищи [28, с. 3–16]. Наибольшая продолжительность рабочего дня была в период сплавных работ на лесоперерабатывающем предприятии Дыренковых. Рабочий день начинался в 4 часа утра, заканчивался в 8 часов вечера, перерыв на отдых и прием пищи составлял 2 часа, рабочая неделя длилась 7 дней [29, с. 131].

Условия труда на некоторых предприятиях были крайне вредны для здоровья. Тяжелой была работа в гуте – «горячем» цехе стекольного завода [29, с. 350–352], на бумажных фабриках для белины целлюлозы использовались токсичные соединения хлора. Вредным было серно-форсфорное производство спичек. В 1869 г. на семи спичечных фабриках губернии трудилось 260 рабочих, большая часть которых были подростки 12–17 лет. Они выполняли работу по обмакиванию спичек в серу и фосфор. «...по тесноте помещения воздух на этих фабриках до того удушлив, что свежему человеку трудно дышать, между тем малолетки постоянно дышат этим нездоровым воздухом, пропитанным испарением серы и фосфора. Это губительно действует на здоровье, и все они осуждены на преждевременную смерть», – такая информация о спичечных фабриках была размещена на страницах Памятной книжки Новгородской губернии [6, с. 355].

Новгородский губернатор Э.В. Лерхе в 1878 г. в ежегодном отчете обратил внимание центральных властей на необходимость разработки «определенных правил для устройства подобных, [спичечных], фабрик и ограничений в отношении возраста детей и рабочего времени, которое, без вреда для здоровья, должны заниматься дети на фабриках» [24, с. 18–19]. Необходимые правила были разработаны особым совещательным присутствием Новгородского уездного земского собрания в 1880 г. Это постановление запрещало труд детей на спичечных фабриках моложе 12 лет и ограничивало их рабочий день восьмью часами [27, с. 210–212].

В Российской империи старт развитию фабричного законодательства был дан 1 июня 1882 г., когда Александром III был утвержден закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Закон запретил труд детей до 12 лет, рабочий день подростков (12–15 лет) ограничивался восьмью часами, запрещалась ночная работа, работа в воскресные и праздничные дни [22, с. 265–267]. Таким образом, законодательная инициатива новгородских властей опередила фабричное законодательство Российской империи.

В Новгородской губернии в начале XX в. более 90% фабрик и заводов размещалось в селах и деревнях [30, с. 104]. Это обстоя-

тельство ставило промышленников перед необходимостью создания вокруг предприятий определенной инфраструктуры. Наиболее ярким примером в этой области служит деятельность Акционерного общества Кошелевских писчебумажных фабрик. За сравнительно короткий срок в фабричном поселке Кошели были построены больница, школа, церковь, проведена работа по улучшению жилищных условий и досуга рабочих [29, с. 247]. Примечательным также является тот факт, что на Кошелевских писчебумажных фабриках уже в 1902 г. применялось страхование жизни и здоровья рабочих [29, с. 246]. Обязанность промышленника выплачивать денежные средства за увечье или смерть рабочего законодательно была закреплена только в 1903 г., [9, с. 595–606] обязательное страхование рабочих и служащих от несчастных случаев – в 1912 г. [23, с. 868–882].

В начале XX в. помимо земской медицины в губернии формировалась фабрично-заводская. Постановление 1909 г. Новгородского губернского земства о врачебной помощи рабочим вменило в обязанность промышленников организовать необходимый минимум медицинского обслуживания: на предприятиях с численностью от 50 до 100 человек – оборудовать приемный покой с ежедневным приемом фельдшера и еженедельным визитом врача, для заводов, на которых численность рабочих была более 500, – постоянный врач и больница [14, л. 175 об.]. Однако еще до выхода постановления земства на Окуловских писчебумажных фабриках и предприятиях Акционерного общества «Василий Андреевич Лапшин» было организовано достойное медицинское обслуживание [29, с. 174–175, 228]. Некоторые из промышленников, как отмечал губернский врачебный инспектор А.Г. Куркутов, «туго» шли «на встречу предъявленным к ним требованиям» [14, л. 178 об.].

В 1913 г. средняя годовая заработная плата рабочего в фанерном производстве составляла 286 руб., на Окуловских писчебумажных фабриках – 270, в стекольной промышленности – 253, в лесоперерабатывающей – 241, Кулотинской джутовой мануфактуре – 201, фарфорово-фаянсовой промышленности – 200, бумажной – 160, огнеупорной – 152, спичечной – 108 руб. [36, с. 117]. Для сравнения: жалование управляющего Знаменской бумажной фабрикой (1915 г.) – 100 руб. в месяц [29, с. 212], фельдшера Кошелевских

писчебумажных фабрик (1903–1904 гг.) – 55–70 руб. в месяц [29, с. 247–248].

В Новгородской губернии производительность земледельческого труда была очень мала, земледелие не могло возместить все жизненные расходы крестьянской семьи [13, с. 124]. Это отмечал и Д.И. Менделеев в 1862 г.: «Да, этому краю не достает почвы, нельзя ему быть хлебопашцем, надо быть промышленником-новгородцем» [18, с. 217]. В тех местах, где начиналась промышленная деятельность, крестьяне становились фабрично-заводскими рабочими, благодаря чему избавлялись от недоимок, лучше питались и одевались, щедро отмечали праздники, покупали лошадей, перестраивали дома. Многие промышленные рабочие сохраняли связь с землей. Работая зимой на фабрике, в летнее время они продолжали заниматься сельскохозяйственным трудом.

В годы Первой мировой войны некоторые предприятия губернии увеличили объемы производства, несмотря на то, что часть квалифицированных рабочих была призвана на фронт, а заводы лишилась поставок импортных комплектующих. Безусловно, это относилось, прежде всего, к предприятиям, которые получили оборонные заказы. Недостаток в рабочей силе фабрики и заводы восполняли за счет труда военнопленных и беженцев.

События февраля 1917 г. дошли и до промышленных предприятий губернии. Явочным порядком на предприятиях вводился восьмичасовой рабочий день, выдвигались требования увеличения расценок или введения повременной оплаты труда.

В настоящее время некоторые из упоминаемых промышленных предприятий Новгородской губернии являются не только памятниками истории русской и советской промышленности, но сохранили профиль своей деятельности.

Список сокращений:

ВНЗ – Вестник Новгородского земства.

ГАО – Государственный архив Новгородской области.

НАВ – Новгородский архивный вестник.

ПКНГ – Памятная книжка Новгородской губернии.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.

Список литературы

1. Абульханов А.И. Черты дореволюционного развития и размещения промышленности Новгородской области // Доклады отд-ний и комиссий. – Вып. 1. Экономическая география. – Л., 1967. – С.88–100.
2. Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области. 1727–1995 гг.: Справочник. – СПб., 2009. – 352 с.
3. Барышников М.Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. – СПб., 1998. – 446 с.
4. Барышников М.Н. История делового мира России. – М., 1994. – 222 с.
5. Богданов В.М. Спичечные этикетки и их коллекционирование. – М., 1970. – 56 с.
6. Богословский Н.Г. О заводах и фабриках в Новгородской губернии 1868 года // ПКНГ на 1869 год. – Новгород, 1869. – С. 267–361.
7. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России конец XIX в. – 1914 г. – М., 1992. – 260 с.
8. Васильев Я.А. Промышленность и промышленники Новгородской губернии. Вторая половина XIX – начало XX в. / Я.А. Васильев, Т.Н. Курочкина // Промышленность и промышленники Новгородской губернии. Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. документов. – Великий Новгород, 2014. – С. 9–27.
9. Высочайше утвержденные правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности // ПСЗ. Собр. 3. Т. 23. №23060. – С. 595–606.
10. Данько Т.А. Введение Городовых положений 1870 и 1892 гг. в Новгородской губернии // НАВ №2. – Великий Новгород, 2000. – С. 70–78.
11. Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.). Очерки по административно-территориальному делению. – Л., 1972. – 164 с.
12. Карклит А.К. Пионеры огнеупорного производства в Боровичах / А.К. Карклит, И.Н. Легалов // Новые огнеупоры. – 2002. – №3. – С. 32.
13. Корешкова Т.А. Промыслы крестьян Новгородской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // История экономики Великого Новгорода и Новгородской земли. Очерки хозяйственного развития. – Великий Новгород, 2009. – С. 124–141.
14. Куркутов А.Г. О врачебной помощи рабочим на фабриках и заводах // ГАНО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 1455.
15. Лебедев С.К. Предпринимательская карьера К.Л. Вахтера // Из глубины времен. – Вып. 12. – СПб., 2000. – С. 151–162.
16. Левитт А. Г.М. Сметанин // ВНЗ. – 1900. – №4. – С. 38–41.
17. Менделеев Д.И. Дневник 1861 г. // Научное наследство. – Т. 2. – М., 1951. – С. 111–212.
18. Менделеев Д.И. Дневник 1862 г. // Научное наследство. – Т. 2. – М., 1951. – С. 213–238.
19. Менделеев Д.И. Заветные мыли: полное изд. (впервые после 1905 г.). – М., 1995. – 416 с.
20. Непенин Н.Н. Технология целлюлозы. – Т. I. Производство сульфитной целлюлозы. – М.-Л., 1956. – 748 с.
21. Непенин Ю.Н. Технология целлюлозы. – Т. II. Производство сульфатной целлюлозы. – М., 1963. – 936 с.

22. О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах // ПСЗ. Собр. III. Т. II. №931. – С. 265–267.
23. О страховании рабочих // ПСЗ. Собр. 3. Т. 32. №37447. – С. 868–882.
24. Обзор Новгородской губернии за 1878 год [б/м, б/г]. – 51 с.
25. Палицын Е.А. Озеро Ильмень и река Волхов, в связи с проектом шлюзования и использования энергии падения воды: Материалы для описания русских рек и истории улучшений их судоходных условий. – Вып. XXIX. – СПб., 1912. – 370 с.
26. Пиорович А.А. Доклад губернской управе. – Новгород, [1867]. – 41 с.
27. Постановления об устройстве и порядке содержания спичечных фабрик, находящихся в Грузинской волости // Обязательные постановления городских дум и земских собраний Новгородской губернии. – Новгород, 1885. – С. 210–212.
28. Правила для рабочих Окуловской мешочной фабрики. – СПб., 1883. – 21 с.
29. Промышленность и промышленники Новгородской губернии. Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. документов. – Великий Новгород, 2014. – 432 с.
30. Ромашова В.И. Промышленность Новгородской губернии в конце XIX – начале XX вв. // История экономики Великого Новгорода и Новгородской земли. Очерки хозяйственного развития. – Великий Новгород, 2009. – С. 100–123.
31. Сведения о фабриках и заводах // ПКНГ на 1885 год. Отд. 2. – Новгород, 1885. – С. 48–71.
32. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1900. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. – СПб., 1903. – XV, 107 с.
33. Товарищество Окуловских писчебумажных фабрик В.И. Пасбург. – М., 1896. – 6 с.
34. Торжественное освящение храма Кузнецовской старообрядческой общины в имя св. великомученика Георгия на Волховской фабрике Ив. Ем. Кузнецова 14 ноября 1910 г. – Новгород, 1911. – 22 с.
35. Устав о промышленности // Свод законов Российской империи. Составитель Нюренберг А.М. – Кн. 3. – Т. XI. – М., 1910. – 53 с.
36. Фабрично-заводская промышленность Новгородской губернии за 1913–1922 гг. (По данным промышленной переписи 1918 года и текущей промышленной статистики 1919–1922 гг.). – Новгород, 1924. – 470 с.
37. Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. – СПб., 1897. – 1270 с.

Лобок Дмитрий Владимирович

канд. ист. наук, доцент

НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов»

г. Санкт-Петербург

ПРОФСОЮЗЫ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА (1921–1928 гг.)

***Аннотация:** данная статья посвящена деятельности профсоюзов Советской России в период проведения новой экономической политики (1921–1928 гг.). В работе рассматривается опыт российских профсоюзов по перестройке своей организационной структуры и работы по защите прав и интересов трудящихся в условиях перехода к рыночной экономике.*

***Ключевые слова:** социальное партнерство, профсоюз, коллективный договор, забастовка, новая экономическая политика.*

В условиях формирования и развития новой политической и социально – экономической системы в России, большое значение приобретает вопрос об изучении истории взаимоотношении профсоюзов, государства и предпринимателей на различных этапах российской истории. Перед современным профсоюзным движением России стоит задача сохранить и упрочить своё влияние на происходящие в обществе процессы, стать равноправным партнёром государства и работодателей в складывающейся системе социального партнёрства.

Обращение к опыту взаимоотношений трех сторон социального партнерства, имеет не только познавательное значение, но и большую общественно-политическую и практическую значимость. От того, какое положение будут занимать профсоюзы в политической системе общества, зависит степень влияния трудящихся на разработку и реализацию социально-экономической политики государства.

Изучение процесса эволюции взаимоотношений профсоюзов с государственными органами и работодателями, несомненно, принесёт существенную пользу разработке концепции развития социального государства в России, поможет глубже осмыслить опыт становления и функционирования социального партнерства в России.

В предлагаемой статье, исследуется эволюция взаимоотношений профсоюзов с властью и предпринимателями в период новой экономической политики.

Проведение новой экономической политики, направленное на возрождение рыночных отношений, вызвали значительные изменения в положении рабочих.

6 апреля 1921 года СНК принял декрет, который устранял основные ограничения для перехода рабочих с одной работы на другую [1, ст. 155].

С февраля 1922 года была окончательно узаконена процедура найма и увольнения, как метод использования рабочей силы.

В целях стимулирования трудовой деятельности с началом НЭПа начала разрабатываться новая премиальная система. Летом 1921 года была введена система коллективного снабжения, сущность которого состояла в том, что натуральное и денежное снабжение рабочих осуществлялось в виде оплаты за коллективный труд. Размер денежного и продовольственного фонда оплаты труда рабочих и служащих соответствовал производственной программе предприятия. В случае сокращения штата, фонд зарплаты не уменьшался, а распределялся между оставшимися рабочими. Зарплата теперь зависела от норм выработки и квалификации рабочего.

По мере развития рынка сокращалась доля натуроплаты в заработной плате. Если в январе 1922 года рабочим крупной промышленности выплачивалось натурой 77,5% зарплаты, то через год – только 21,7% [2, с. 58–59].

10 сентября 1921 года СНК принял постановление «Основные положения по тарифному вопросу», в которых говорилось о новом порядке оплаты труда. Согласно данному документу на предприятиях вводилась «сдельщина», что ставило зарплату в зависимость от производительности труда. Для воздействия на нерадивых ра-

ботников вводилась система штрафов, которые образовывали поощрительный фонд предприятия. Под влиянием принятых мер, уже с конца 1921 года было зарегистрировано падение количества прогулов. Выросла и производительность труда. Если в 1920–21 гг. она составляла 30% от довоенной, то уже через год поднялась до 51%. В свою очередь среднемесячная зарплата рабочего увеличилась к концу 1921 года почти в три раза [3, с. 22, 44, 54].

Несмотря на общее улучшение ситуации, перед рабочими возникали новые проблемы, характерные для рыночной экономики. Низкий образовательный и культурный уровень директоров предприятий порождал многочисленные производственные конфликты. В архивах содержится большой объем жалоб рабочих на несправедливые увольнения, которые происходили без согласования с профсоюзами. Административный произвол часто сочетался с нарушением трудового законодательства. Многие «красные директора» быстро усвоили уроки рыночной экономики по отношению к рабочим. В одной из жалоб рабочих говорилось: «Этот директор, если услышит от рабочего хоть одно слово, то он обычно грозит ему воротами. «А на твоё место у меня найдётся людей много», – и так же выражается по матерному при рабочих, вообще при ком хотите, не стесняясь. При увольнении рабочих, таким образом, делает расписку, что этот рабочий, которого он увольняет, против него ничего не имеет и насильно заставляет расписываться» [4. Л. 234–235. Об.].

Все эти проблемы ставили перед профсоюзами необходимость перестройки своей работы и установления качественно новых взаимоотношений с властью и нарождающимся предпринимательством.

Тезисы «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» были приняты и опубликованы Политбюро в газете «Правда» 17 января 1922 года.

Тезисы наметили новый курс профсоюзов в условиях НЭПа. В документе указывалось, что в условиях НЭПа, когда допускается развитие торговли и капитализма, а госпредприятия переходят на хозрасчёт, неизбежно будет возникать противоречие между рабочими массами и администрацией предприятий. Понимая неизбежность возникновения конфликтных ситуаций, тезисы называли

главной задачей момента защиту профсоюзами классовых интересов пролетариата. Для этого, аппарату профсоюзов, предлагалось так перестроить свою работу, чтобы он имел возможность активно защищать своих членов перед лицом работодателей. За профсоюзами признавалось право на создание конфликтных комиссий, стачечных фондов, фондов взаимопомощи и т. п. [5].

Выдвигая перед профсоюзами новые задачи, руководство РКП(б) предлагало внести изменения и в сложившуюся за годы гражданской войны организационную работу. Признавая факт бюрократизации профсоюзов, тезисы предлагали перейти к добровольному членству в союзах. От членов профсоюзов не требовалось более признания политических взглядов правящей партии.

В тезисах особо подчёркивалась вредность всякого вмешательства профсоюзов в управление предприятием. В то же время за профсоюзами сохранялось право выдвижения своих кандидатов в органы управления народным хозяйством.

По сути, тезисы заложили основы политики «социального партнёрства» в условиях становления и развития рыночных отношений периода новой экономической политики. Выступая в последствии на V съезде профсоюзов М.П. Томский охарактеризовал принятие тезисов как «нашу профсоюзную революцию» и начало «нового курса в профсоюзном движении» [6, с. 105].

В своих теоретических работах, посвященных развитию профсоюзов в условиях НЭПа, М.П. Томский стремился обосновать и развить теорию взаимоотношений профсоюзов с государством и его хозяйственными органами. Впервые идеи М.П. Томского были изложены в его статье «Новые задачи профсоюзов», которая была опубликована в журнале ВЦСПС «Вестник труда» за январь 1922 года.

В своей статье, М.П. Томский впервые обосновал теорию «советского тред-юнионизма». Признавая, что пролетариат без подготовки не может управлять народным хозяйством, М.П. Томский считал, что в новых условиях хозяйствования профсоюзы должны были изменить тактику действия. «Принцип хозяйственного расчёта, – указывал Михаил Павлович, – сам по себе требует строжайшей ответственности уполномоченных государством лиц, так как государство, предоставляя им свободу инициативы, в тоже время

налагает на управление промышленными комбинатами и отдельными предприятиями и большую ответственность, а это в свою очередь, требует гибкости, предприимчивости, единства воли и осуществимо лишь при условии проведения сверху донизу единоначалия во всех органах хозяйственного единоначалия во всех органах хозяйственного управления». По мнению М.П. Томского, это влекло за собой необходимость пересмотра взаимоотношений между органами союзов и хозяйственными органами. Профсоюзы должны были отказаться от принципа равной стороны в области назначения заводу управлений, а также не вмешиваться в ход производства. «Союзы должны уяснить себе, – писал М.П. Томский, – что равные права ведут к равной ответственности, ответственность же двух различных организаций в деле управления промышленностью на практике порою приводит к полной безответственности, что является абсурдом в обстановке развивающихся новых экономических отношений» [7, с. 4].

Признавая необходимость единоначалия М.П. Томский указывал, что гарантии избежать бюрократизации руководителя предприятия не существует. Наряду с воспитанием рабочих, повышением их культурного и образовательного уровня, профсоюзы должны были следить за тем, чтобы интересы нарождающейся советской бюрократии не шли в разрез интересами рабочего класса.

Объясняя неизбежность столкновения интересов администрации хозрасчётных предприятий с интересами рабочих, М.П. Томский писал, что стремление к безубыточности, заставит административно-хозяйственные органы заниматься исключительно данной задачей и неизбежно приведёт к соревнованию с частными предприятиями. При таких обстоятельствах деятельность заводу управлений не всегда будет отвечать пожеланиям рабочих. Именно в этой ситуации профсоюзы могут взять на себя функцию защитника интересов работников предприятия, выступая в роли договаривающейся стороны.

Защитная функция профсоюзов в условиях НЭПа определялась так же и появлением частных капиталистических предприятий.

На практике новый курс профсоюзов стал осуществляться уже с июля 1921 года, когда по решению ВЦСПС на некоторых госпредприятий стали заключаться первые коллективные договора для нормирования условий труда [8, с. 137].

В ноябре 1921 года ВЦСПС разработал специальное циркулярное письмо ко всем профсоюзным организациям о новой задаче профсоюзов в изменившихся хозяйственных условиях. Это письмо было разослано по всем ЦК производственных объединений на предварительное обсуждение. В письме говорилось: «Возрождение некоторой части капиталистического хозяйства (частные предприятия, аренда, концессии, свободная торговля и т. п.) и новые формы ведения хозяйства в отраслях государственной промышленности на основах хозяйственного расчёта, трестирование и возможность конкуренции в производстве, введение сдельных систем и заработной платы и т. п. – всё это с несомненностью усиливает элемент эксплуатации наёмного труда в производстве. Вот почему с особой настойчивостью в настоящий момент выдвигается задача профсоюзов в отношении охраны интересов своих классов...» [8].

В феврале 1922 года состоялось заседание ВЦСПС, на котором был рассмотрен вопрос о конкретном проведении в жизнь решений ЦК РКП(б). На заседании была подтверждена зависимость заработной платы от производительности труда, а коллективный договор признан как необходимый документ для организации трудовых отношений. На совещании было отмечено, что задачей профсоюзов становится обеспечение рабочим более высокой заработной платы, чем предоставляет государственный минимум. При этом действие коллективных договоров и соглашений по заработной плате должно было распространяться и на не членов профсоюзов, в воспитательных целях. Совещание признало допустимость забастовок и приняло меры для создания конфликтных комиссий. Была подчеркнута необходимость перехода к добровольному и индивидуальному членству в профсоюзах [6, с. 48, 88–89, 109].

К началу 20-х годов профсоюзное движение обладало разветвлённой системой союзных и межсоюзных органов. В ВЦСПС входило 23 отраслевых профсоюза, объединявших в своих рядах 6,8 млн человек [9, с. 35].

V Всероссийский съезд профсоюзов проходил 17–22 сентября 1922 года. Съезд прошёл в обстановке полного «единодушия», которое объяснялось составом его участников. Из 775 делегатов съезда с решающим голосом – 727 являлись коммунистами,

46 было беспартийными, а другие партии были представлены 2 социал-демократами [6, с. 376].

В резолюции по организационному вопросу, принятой съездом, отмечалось, что строение профсоюзов должно соответствовать задаче защиты профсоюзами прав и интересов рабочего класса. В соответствии с разнообразием форм организации отраслей народного хозяйства (трестирование, централизованное управление, несовпадение районов действия и т. п.), съезд признал необходимым перенести центр тяжести работы на производственные союзы. Такое решение должно было способствовать защите интересов трудящихся, через коллективные договоры и тарифные соглашения в различных отраслях [6, с. 514].

Ставя перед собой задачу защиты материальных интересов трудящихся, профсоюзы должны были стремиться к неуклонному повышению зарплаты.

По мере развития новой экономической политики, в связи с переходом государственных предприятий на хозяйственный расчёт происходит переход к денежной системе заработной платы и коллективному договору, как регулятору оплаты труда.

Соглашаясь с необходимостью перехода к денежной системе оплаты труда, V съезд профсоюзов отметил, что темпы роста зарплаты должны определяться состоянием бюджета государства, размерами хлебного фонда, общей экономической конъюнктурой страны и темпом развития производительных сил. Съезд предостерег профсоюзные организации от «иллюзий о возможности доведения в ближайший период размеров заработной платы до уровня довоенного прожиточного минимума [6, с. 376, 527].

Воздействовать на государство, в области регулирования заработной платы, предполагалось через «участие профсоюзов в плановых и регулирующих органах государства и путем союзного влияния на распределение ресурсов производства, государственных субсидий промышленности, налоговых тягот и т. п.» [6, с. 526].

При этом профсоюзы должны были отстаивать выделение большего количества средств для основных отраслей промышленности. Это позволило бы в случае поднятия данных отраслей поднять заработную плату, трудившихся там рабочих, до уровня соответствующего важности данной отрасли и квалификацией труда в ней.

Съезд высказался за чисто денежную оплату труда. В то же время, при проведении этой меры, необходимо было учитывать особенности региона, конъюнктуру хлебного рынка и курс рубля, для избегания инфляции. При этом в целях повышения производительности труда съезд рекомендовал широкое применение сдельной оплаты труда со строгим соблюдением продолжительности рабочего дня [6, с. 527].

Основным методом достижения поставленных целей признавался коллективный договор. «В обстановке диктатуры пролетариата, – говорилось в тезисах, – коллективный договор имеет двойное значение в отношении частного и государственного предприятия. В первом случае коллективный договор является отражением соотношения сил в экономической борьбе между трудом и капиталом, во втором – отражением экономического положения госпромышленности в целом и данного предприятия в общей хозяйственной системе пролетарского государства» [6, с. 528].

Однако, съезд высказался против идеи декретирования обязательности коллективных договоров. Это объяснялось, тем, что при законодательном признании коллективного договора государство могло вернуться к твёрдому нормированию зарплаты, а также декретировать обязательное содержание коллективного договора [8, с. 145].

В решениях съезда принятых после обсуждения специального доклада «Регулирование заработной платы и коллективные договоры», подчёркивалась необходимость ознакомления с договором рабочих, обязательность обсуждения его на общих собраниях в цехах. Каждый рабочий должен был уяснить себе положение своей отрасли промышленности и предприятия в общей системе народного хозяйства страны.

Многие отраслевые профсоюзы на местах переходили к системе индивидуализации ставок каждого предприятия в зависимости от его ресурсов. При Губотделах профсоюзов создавались специальные конфликтные (согласительные) комиссии, способствующие заключению коллективных договоров и тарифных соглашений.

Новый курс профессиональной политики, оформившийся с конца 1921 – начала 1922 года, неизбежно повлек за собой возникновение конфликтов между профсоюзами и администрацией предприятий.

В соответствии со статистическими данными за январь – июнь 1922 года, одной из самых главных причин возникновения конфликтов на предприятиях была задолженность по заработной плате, которая достигала 50 триллионов рублей [10].

Другой причиной, порождавшей конфликты и трения, являлось отставание заработной платы от реального прожиточного минимума.

Необходимо отметить, что общее количество забастовок, несмотря на трудное экономическое положение, было крайне слабым.

В соответствии с данными о потерях трудодней в ходе забастовочного движения на одного участника, видно, что за 1895–1917 годы было потеряно в среднем 5,6 человекодней, в 1921 году – 3,7, а в 1922 г. – 2,1 [8, с. 147].

Во многом, слабость стачечного движения объяснялась быстрым реагированием профсоюзов на возникновение конфликтов, стремлением уладить их через переговорный процесс. В соответствии с материалами о по Петроградской и Московской губерниям, за первое полугодие 1922 года. в них произошло 4156 конфликтов, в то время как общее количество забастовок составило всего 39 [8, с. 147].

В соответствии со статистикой конфликтов, профсоюзы улаживали их, даже не доводя до официальных конфликтных комиссий при отделах труда. Так, за первое полугодие 1922 года было разрешено конфликтов:

В союзных конфликтных комиссиях 83,1%.

В конфликтных комиссиях при отд. труда 16,9%.

Тактика союзов, стремящихся к мирному разрешению конфликтов, приводила к определённым положительным результатам. В подавляющем количестве случаев конфликты, разрешаемые через профсоюзные инстанции или с их участием, через органы Наркомтруда, заканчивались в пользу трудящихся.

Результаты забастовок за этот же период показывают иную картину. Из 73 забастовок, о которых имеются сведения, положительно для рабочих закончилось только 40,6%, частичный успех был в 39,9%, а отрицательный результат в 19,7% случаев. При этом

в 63 случаях из 73, забастовки проходили без санкции профсоюзов, а 2 – вопреки их решению [6, с. 529].

В тоже время, увеличение количества предприятий, охваченных коллективными договорами и тарифными соглашениями, вело к мирному разрешению конфликтов.

К 1 сентября 1922 года из 389 предприятий Петрограда 242 было охвачено коллективными договорами, а 70 – тарифными соглашениями [11. Л. 6].

Для вовлечения работников в процесс заключения коллективных договоров профсоюзы использовали Наказы для профсоюзных делегатов. Анализ текстов сохранившихся Наказов позволяет говорить, что основной задачей профсоюзного актива являлась всемерная защита интересов членов профсоюзов, улучшение материального положения. Например, в Наказе для делегатов Петроградского губернского съезда работников просвещения отмечалась необходимость усиления защиты правовых и экономических интересов своих избирателей, повышения аккуратной выплаты заработной платы, скорейшего заключения коллективных договоров, которые должны были стать законом для сторон их заключающих, немедленное проведение в жизнь и распространение на всех работников государственного страхования всех видов, своевременной оплаты сверхурочных работ и т. п. [11. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1455. Л. 10].

Наряду с перестройкой работы профсоюзов менялось и трудовое законодательство.

Кодекс 1922 года, строился на добровольных соглашениях. В отличие от периода «военного коммунизма», государство устанавливало только минимум заработной платы, который мог превышать, а также требование соблюдения минимума условий труда (восьмичасовой рабочий день, оплаченные отпуска, ограничения на применение детского труда и т. п.). Коллективный договор, заключённый профсоюзом, становился обязательной, формой трудовых соглашений. При этом право на заключение коллективного договора имел только профсоюз. Закон устанавливал систему примирительных конфликтных учреждений, местных расценочно-тарифных комиссий, примирительных камер и т. п.

В свою очередь, профсоюзы не должны были игнорировать права нанимателей. Невыполнение рабочими требуемой нормы производства могло быть наказано в виде удержаний из заработной платы, которая не должна была быть менее 2/3 от стандартного

уровня. В кодексе присутствовал длинный перечень оснований, позволяющий уволить рабочего без компенсаций в случае невыполнения им своего договора. Новый кодекс законов о труде вступил в силу 15 ноября 1922 года.

Принятие кодекса знаменовало собою завершение создания политических, экономических и правовых условий для деятельности профсоюзов в условиях новой экономической политики.

Новый курс в деятельности профсоюзов, поднял их авторитет в глазах рабочих. В глазах многих рабочих профсоюзы оставались, той организацией, которая сможет защитить их интересы в условиях возрождения частнокапиталистических отношений.

Реализуя принципы политики «советского тред-юнионизма», профсоюзы самое серьезное внимание уделяли компании по заключению коллективных договоров.

В целом структура примерного коллективного договора на предприятии оставалась стабильной в течение всего периода НЭПа. Утверждённый, в феврале 1925 года, Президиумом ВЦСПС, примерный коллективный договор содержал 7 разделов:

- общие положения;
- наем и увольнение;
- заработная плата, нормы и порядок оплаты труда;
- рабочее время и отдых;
- охрана труда;
- ученичество;
- культура.

К коллективному договору на предприятии прилагались «Правила внутреннего распорядка на заводе», которые разрабатывались и принимались в том же порядке как коллективный договор. В правилах определялись обязанности рабочих на предприятии и их права.

Согласно инструкциям ВЦСПС, коллективный договор не должен был повторять положений КЗОТ, так как все положения Кодекса являлись обязательными для работодателей. Профсоюз получал возможность развивать положения кодекса в зависимости от возможностей предприятия.

Коллективный договор распространялся на всех членов профсоюза, что, по мнению, лидеров профсоюзов должно было способствовать повышению роли и влияния профсоюзов в массах. Однако, это положение формировало иждивенческий подход у рабочих к профсоюзам. Отстраняя часть рабочих от переговорного процесса.

В коллективных договорах предусматривались гарантии рабочим на случай временной остановки работы. Работодатели брали на себя обязательство набирать рабочих через отделы учёта и распределения рабочей силы, при этом, в первую очередь получали работу члены профсоюза. Профсоюзы имели право требовать увольнения рабочих, принятых на работу в обход установленного порядка.

Для работников, избранных на профсоюзную или другую общественную работу, в коллективных договорах оговаривалось их возвращение к прежней должности.

Большое значение для профсоюзов имели пункты коллективного договора, согласно которым, часть средств предприятия отчислялась на культурно-просветительскую работу. В примерном коллективном договоре величина отчислений определялась в размере 1% от суммы заработной платы. Данные средства передавались в распоряжение профсоюза. Присутствовали в коллективном договоре и пункты об отчислении средств предприятия на содержание профсоюзного комитета.

В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 26 августа 1922 года «О порядке содержания ФЗК и месткомов и заменяющего их делегатского института» был установлен порядок, на основе которого предприятия обязаны были отчислять средства для проведения профсоюзной работы и передавать их профсоюзным комитетам в размере не менее 2% на сумму фонда заработной платы для предприятий до 500 работающих, 1,5% – для предприятий от 500 до 900 работающих и т. д. Эти средства расходовались на зарплату освобождённым работникам и на хозяйственные расходы профорганизации [12, с. 6].

Особое место в коллективном договоре занимал раздел об оплате и нормировании труда. Расчёт тарифных ставок предполагалось производить на основе прожиточного минимума. Денежное выражение прожиточного минимума должно было рассматриваться в соответствии с движением цен на продукты питания. ВЦСПС рекомендовал профсоюзным органам заключать коллективные договора на небольшие сроки – максимум на полгода. Это было связано с частым изменением цен на рынке.

Постепенно происходило совершенствование решения вопросов оплаты труда. По решению II Пленума ВЦСПС (1922 г.), профсоюзы перешли от государственного нормирования труда к её государственному регулированию. Минимальная ставка для рабочих

средней квалификации устанавливалась государственными органами по соглашению с ВЦСПС. В свою очередь, профсоюзные органы на местах стремились к превышению государственного минимума при заключении коллективного договора [13, с. 163].

В связи с тем, что центр тяжести работы по заключению коллективных договоров переносился в первичные профсоюзные организации, требовалось установление чёткого порядка заключения колдоговоров. Для достижения эффективности в данной работе, ВЦСПС разработала специальную инструкцию о порядке заключения коллективных договоров. В ней была произведена классификация предприятий по их значимости, исходя из которой, с каждой группой таких предприятий работали профсоюзные органы соответствующего уровня.

Так владельцы предприятий, имеющих общегосударственное значение, или группы предприятий, расположенных в разных губерниях, но имеющих единое центральное правление, заключали коллективный договор с Центральными комитетами отраслевых союзов.

На предприятиях, где работало более ста человек, не относящихся к вышеуказанной группе, коллективный договор заключался с губернским отделением отраслевого союза.

В предприятиях с меньшим количеством рабочих и служащих коллективные договоры заключались местными отделениями отраслевых союзов.

Для концессионных предприятий устанавливался особый порядок заключения коллективного договора. В связи с тем, что иностранные капиталисты заключали договор с Главным концессионным комитетом при СНК СССР, то для успешного заключения коллективного договора профсоюзы должны были знать условия концессионного договора. Учитывая необходимость поддерживать контакты с концессионным комитетом, вся работа по заключению коллективного договора на предприятии передавалась Центральным комитетам соответствующих союзов.

Благодаря активной колдоговорной компании, к середине 20-х годов заработная плата достигла довоенного уровня.

При этом рост заработной платы наблюдался, прежде всего, в базовых отраслях промышленности. В приведенной таблице представлены, данные о размере заработной платы фабрично-заводских рабочих, от её довоенного уровня за 1924–25 гг. [14. Л. 156].

Таблица 1

Кварталы	Металлисты	Текстильщики	Химики	Кожевники
1924 г.				
Октябрь-декабрь	78,3	109,3	123,1	119,1
1925 г.				
Январь-март	79,6	105,7	121,7	115,6
Апрель-июнь	83,2	105,6	123,3	119,8
Июль-сентябрь	90,7	118,5	135,6	128,8
Октябрь-декабрь	87,5	110,3	132,5	116,5

Профсоюзы очень ответственно подходили к проведению колдоговорной кампании. Их требования к хозяйственным органам практически никогда не превышали возможностей последних. При выдвижении требований профсоюзы старались учитывать все факторы, которые в той или иной мере влияли на уровень заработной платы. Так согласно документам, подготовленным руководством ЛГСПС для переговоров по перезаключению коллективных договоров на северо-западе России, профсоюзы должны были учитывать изношенность оборудования, загрузку предприятий, размеры притока новой рабочей силы в регион, экспортно-импортные планы промышленности, процессы реорганизации производства и т. п. [14. Ф. 6276. Оп. 272, Д. 5. Л. 164–165].

Практика заключения коллективных договоров, показала всю справедливость слов о неизбежности конфликтов между администрацией государственных предприятий и профсоюзами. По данным архивных материалов, администрация предприятий применяла полный набор методов, присущих рыночной экономике, для отстаивания своих интересов в период переговоров. Среди этих методов можно назвать: затягивание переговоров; запугивание рабочих; повышение зарплаты, в период колдоговорной кампании, среднему управленческому звену; присылка на переговоры неотвественных представителей; отказ предоставить профсоюзам материалы по экономическому положению предприятия; выдвижение предложений, идущих вразрез с действующим КЗОТом; отказ от проведения общих собраний, для утверждения коллективного договора и т. п. [14. Ф. 6276. Оп. 272. Д. 6. Л. 89–98].

Такие действия администрации предприятий, приводили к затягиванию переговоров о перезаключении коллективных договоров, срывая тем самым становление партнёрских отношений между профсоюзами и хозорганами. По данным, Петроградских профсоюзов, в период перезаключения коллективных договоров в 1927 году, из 814 договоров, охватывающих 400.000 рабочих, было подписано, на период завершения кампании, только 533 договора, охватывающих 280.000 рабочих [14. Л. 95].

Пренебрежение профсоюзами со стороны администрации предприятий приводило не только к конфликтам, но и ослабляло позиции профсоюзов, которые не могли предотвратить выступлений рабочих. Такая ситуация имела место при проведении реформы заработной платы в 1927–1928 гг. Реформа сопровождалась рядом конфликтов на предприятиях. Попытка административным путём, без предварительных переговоров с профсоюзами, ввести новое нормирование труда и расценки, привела к ряду выступлений рабочих на крупных предприятиях. Так, в Ленинграде произошли волнения рабочих на «Красном Путиловце», заводе «Большевик», текстильных предприятиях. При этом первичные профсоюзные организации не смогли предотвратить конфликта [14. Оп. 272. Д. 6. Л. 91].

В ходе выступлений рабочие использовали весь опыт, накопленный за десятилетия борьбы в защиту своих прав. Они проводили собрания и митинги, организовывали волынки и забастовки. Низовой профсоюзный актив во многих случаях выступал совместно с забастовщиками.

Во многих случаях первичные профсоюзные организации были связаны директивами руководящих органов профсоюзов, которые диктовали профсоюзному активу линию поведения на переговорах, исходя из договорённостей между ВЦСПС и ВСНХ. Нежелание профсоюзных лидеров учитывать мнение рядовых рабочих при проведении переговоров с администрацией приводило к недоверию со стороны рабочих к профсоюзам. Например, в период перезаключения коллективного договора в Ленинградском трамвайном парке им. Калинина, после отказа учесть предложения работников в проект коллективного договора, люди стали покидать собрание, чуть не сорвав его проведение [14. Л. 94].

Интересно отметить, что согласно сведениям отдела статистики труда Петроградского губернского совета профсоюзов, из 30 прошедших в июне – сентябре 1922 года забастовок только одна имела место на частном предприятии. Причина этого в том, что частные владельцы предприятий, поставленные Советской властью в жёсткие рамки, вынуждены были строить свои отношения с рабочими на основе взаимовыгодного сотрудничества. В то время как представители государственных предприятий исходили, в своих отношениях с рабочими, из опыта политики «военного коммунизма». Данная статистика вызывала озабоченность у лидеров профсоюзов, так как это не соответствовало общепринятому подходу к частному предпринимателю, как к классовому врагу. В специальном информационно- директивном письме «О работе профсоюзов в концессионных и частных предприятиях», подготовленном в феврале 1929 года секретарём ВЦСПС А.И. Догадовым, подчёркивалась необходимость «бороться со сглаживанием классовых противоречий» на частных предприятиях. Тревогу руководства ВЦСПС вызывали выступления профсоюзов в защиту работодателей с требованиями о снижении налогов, освобождении от штрафов и т. п. Даже получение профсоюзами дополнительных сумм от частных владельцев предприятий, не предусмотренных колдоговорами, на проведение революционных праздников и помощь подшефным военным частям расценивалось как подкуп профсоюзных активистов [15, с. 358].

В отличие от государственного сектора, профсоюзы в отношениях с частными предпринимателями стояли на почве классовой борьбы. Коллективный договор на частных предприятиях рассматривался профсоюзами не как инструмент сотрудничества, а как механизм давления на буржуазию.

Справедливости ради нельзя не сказать и о злоупотреблениях со стороны частных предпринимателей. На волне НЭПа поднялась целая волна криминального предпринимательства. Материалы судебных процессов середины 20-х годов пестрят фактами воровства со стороны «цивилизованных» предпринимателей. Только с 1924 года, по словам Ю. Ларина, частное предпринимательство в России стало приобретать «те формы деятельности, которые основаны не на злоупотреблениях, а на коммерческих операциях легального типа» [15. Ф. 6276. Оп. 277. Д. 5. Л. 80–81].

Сложившаяся в годы НЭПа система социального партнерства, оказалась достаточно жизнеспособной, она обеспечивала права профсоюзов в их взаимодействии с органами государственной власти. Профсоюзы оказывали существенное влияние на советскую экономическую политику. Потеряв государственные функции, приобретённые в годы гражданской войны, профсоюзы сумели найти своё место в новых условиях, выступая в качестве партнёра государства, которое признало за ним право на существование в качестве самой крупной массовой организации трудящихся.

Однако, руководство РКП(б) продолжало считать профсоюзы «приводным ремнём» партии. В отношениях партии и профсоюзов ничего не изменилось. Все решения ЦК партии предваряли постановления Совнаркома и ВЦСПС. Правительство продолжало финансировать ВЦСПС, за счёт своих резервных фондов [4. Ф. 130. Оп. 1. Д. 211. Л. 3].

Будущее в отношениях профсоюзов и государства во многом зависело от партийных решений. От её позиции зависело, пойдет ли развитие взаимоотношений профсоюзов с Советским государством по линии партнёрских отношений («советский тред-юнионизм») или профсоюзы вынуждены будут слепо следовать за решениями партии.

Список литературы

1. Собрание Узаконений. – 1921. – №27.
2. Рашин А. Заработная плата за восстановительный период хозяйства СССР. – М., 1928.
3. Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. – М., 1923.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 347. Оп. 21. Д. 5.
5. Правда. – 1922. – 17 января.
6. Стенографический отчёт Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. – М., 1922.
7. Томский М. Новые задачи союзов // Вестник труда. – 1922. – №1.
8. Чекин А. Азбука профдвижения. – М., 1924.
9. Носач В.И. Профсоюзы Советской России в годы гражданской войны (1918–1920). – М., 1978.
10. Материалы по статистике труда. – Вып. 14. – М., 1922.
11. Центральный Государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД СПб). Ф. 457. Оп. 1.
12. Положение о фабзавкомх и месткомх. Справочник профсоюзного работника. – М., 1926.
13. Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского. – М., 2000.
14. Центральный Государственный архив (ЦГА СПб). Ф. 6276. Оп. 272. Д. 5.
15. Профессиональные союзы СССР. 1926–1928: Отчёт ВЦСПС к VIII Съезду профессиональных союзов. – М., 1928.

Никонорова Инна Витальевна

канд. геогр. наук, доцент, заведующая кафедрой

Сытина Татьяна Феликсовна

старший преподаватель

Мулендеева Алена Владимировна

старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова

г. Чебоксары, Чувашская Республика

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТЕРРИТОРИЯХ НЕУСТОЙЧИВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

***Аннотация:** в данной работе авторами рассмотрены концептуальные вопросы обеспечения продовольственной безопасности в регионе в сложившейся социально-экономической ситуации с учетом природных особенностей агроландшафтов и рекомендуемых мероприятий ландшафтного планирования на землях сельскохозяйственного назначения.*

***Ключевые слова:** использование земельных ресурсов, адаптивно-ландшафтная система земледелия, повышение продуктивности, ландшафтное планирование.*

Проблемы повышения урожайности сельскохозяйственных культур и обеспечение устойчивого производства экологически чистой продукции, сохранение плодородия почв – приоритетные задачи любого государства, стремящегося к самообеспечению продуктами питания и продовольственной независимости. В условиях реформирования системы землеустройства появляются новые формы собственности на землю, что приводит к образованию новых типов сельскохозяйственного производства, не всегда эффективных. Чтобы оставаться конкурентоспособной страной в современных политических реалиях необходимо усилить внимание к вопросам устойчивого развития сельскохозяйственного производ-

ства, особенно это актуально для центральных регионов европейской части России, в том числе Чувашской Республики, где земли сельскохозяйственного назначения составляют 55,26% [1].

Проблема продовольственной безопасности раскрыта в работах А.И. Алтухова, С.С. Бекенова, В.С. Балабанова, В.Р. Боева, И.Я. Богданова, А.М. Емельянова, А.Г. Зельднера, А.П. Зинченко, Р.В. Илюхиной, В.П. Максаковского, В.И. Назаренко, А.Ф. Серкова, А.А. Семенова, В.К. Снечакова, Л.П. Силаевой, А.В. Петрикова, И.Г. Ушачева и т. д.

По особенностям агроклиматического районирования Чувашия относится к регионам неустойчивого земледелия. В то же время Чувашия является аграрной республикой с мноотраслевым сельскохозяйственным производством и с высокой плотностью сельского населения (70 чел/км²) [3]. При значительном внимании к повышению эффективности сельскохозяйственного производства до сих пор при распределении земель сельскохозяйственного назначения меньше всего учитывается структура ландшафта и природная пластика рельефа. Зачастую в сельскохозяйственном производстве используются крутые склоны, долинно-речные урочища, балки, что ведет к различным негативным экологическим последствиям, в том числе и эрозийным процессам. Земли Чувашской Республики одни из наиболее эродированных в России. Лесистость региона находится на критической отметке (30%). Поэтому приоритетными задачами являются пересмотр существующих систем ведения сельского хозяйства, вопросы оптимизации землеустройства и снижения негативных экологических последствий нерационального ведения сельского хозяйства.

Одним из принципов решения проблемы продовольственной безопасности и повышения продуктивности агроландшафтов является соответствие характера их функционирования к конкретным местным условиям, соответствия современного сельскохозяйственного производства естественной структуре природного ландшафта (природная пластика).

Характер землепользования в Чувашии существенно изменяется при переходе от зоны смешанных лесов к лесостепям, что позволяет использовать Чувашию в качестве компактного модельного региона. Различия систем землепользования обусловлены ландшафтными особенностями территории. Также оказывают влияние и социально-экономические факторы – транспортная освоенность, близость к потребителю, центрам переработки сельскохозяйственной продукции, обеспеченность трудовыми ресурсами.

Одна из причин усиления экологических проблем землепользования в агроландшафтах связана с недоучетом местных ландшафтных условий и технологии сельскохозяйственного производства. Сегодня эти вопросы стали актуальны вследствие глобальных изменений климата.

Другой проблемой становится эрозионная деградация земель, в борьбе с которой в Чувашии накоплен значительный практический опыт [1]. Контроль за антропогенным воздействием на сельскохозяйственные земли можно провести с учетом почвозащитной системы земледелия, возобновления лесомелиоративных, гидротехнических, агротехнических и землеустроительных мероприятий.

Среди предполагаемых задач решения проблемы продовольственной безопасности – прогнозирование территориальной организации сельского хозяйства Чувашской Республики и определение экологически и экономически обоснованных вариантов решения на основе рационального природопользования. При этом одним из главных этапов является изучение исторического опыта землепользования в регионе и сопоставление с существующей системой использования земельных ресурсов. Закономерности дифференциации землепользования в Чувашии обусловлены как зональными (климатическими, почвенно-геоботаническими), так и аazonальными природными факторами (ведущим из которых считается литолого-геоморфологический. Системный анализ ландшафтной дифференциации землепользования в сопоставлении с социально-экономическими факторами станет главным методологическим принципом обеспечения продовольственной безопасности.

К числу важнейших задач обеспечения оптимизации агроландшафтов относятся определение следующих видов их устойчивости: экологической устойчивости (физическая или литогенная, биологическая, геохимическая, гидрогеологическая и гидрологическая); производственной устойчивости (высокая урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность пастбищ и качество продукции); социально-экономической устойчивости (рекреационная, повышение доходов населения).

Актуальной становится разработка методики комплексной оценки деградационных процессов в агроландшафтах региона, для определения оценки экологического состояния сельскохозяйственных территорий и выработки рекомендации по экологической стабилизации агроландшафтов. Необходима типизация земель по

негативным процессам и природным рискам на основе ландшафтного, а не политико-административного подхода, оценка состояния земельных ресурсов на ключевых участках в результате экспедиций и составление алгоритма эколого-ландшафтного землеустройства региона. Предложенные рекомендации позволят обеспечить вариабельность проектирования адаптивно-ландшафтных систем земледелия в Чувашии с учетом конкретных природных и хозяйственных условий.

Суть адаптивно-ландшафтной системы земледелия, предлагаемой для реализации в Чувашской Республике заключается в:

- изучении экологической эффективности и экономической целесообразности применения агротехнических и мелиоративных мероприятий по адаптации к неблагоприятным природно-антропогенным воздействиям;

- оценке продукционного потенциала склоновых ландшафтов при применении средств механизации, мелиорации, химизации и интенсивных технологий в современных условиях ведения сельского хозяйства;

- в оптимизации структуры посевных площадей и совершенствовании севооборотов сельскохозяйственных культур, направленных на повышение экологической устойчивости пашни (увеличении доли посевов многолетних трав в севооборотах);

- совершенствовании систем земледелия, разработке и освоении адаптированных ресурсосберегающих экологически безопасных приемов, технологий и технических средств обработки почвы и выращивания сельскохозяйственных культур;

- стабилизация функционирования и взаимодействия элементов сельских и сельскохозяйственных ландшафтов не осуществима без применения ландшафтного планирования. Ландшафтное планирование как средство экологической организации территории может реализоваться на разных иерархических уровнях. В ходе ландшафтного планирования проводится разработка интегральной концепции устойчивого развития территорий, ориентированных на восстановление и сохранение природного потенциала и создание условий для достойной жизни населения, являющегося производителем сельскохозяйственной продукции [2].

Предлагаемые мероприятия будут способствовать успешному развитию сельскохозяйственного производства и трудовой занятости населения в Чувашии.

Список литературы

1. Атлас земель сельскохозяйственного назначения Чувашской Республики: Атлас-монография / Гл. редактор С.Э. Дринев. – Чебоксары, 2007. – 184 с.
2. Ильин В.Н. Оптимизация взаимодействия природных и антропогенных геосистем Чувашской Республики / В.Н. Ильин, И.В. Никонорова // Вестник Чувашского государственного университета. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та. – 2011. – №3. – С. 235–241.
3. Социально-экономический атлас Чувашской Республики. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 111 с.

Носырева Анастасия Валерьевна

студентка

Муратова Ирина Анатольевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Тюмень, Тюменская область

ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ НРАВСТВЕННО- ЭТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

***Аннотация:** в статье анализируется явление оппортунизма как феномен современных трудовых отношений. Рассматриваются наиболее распространенные определения оппортунизма и причины его проявления. Обращаясь к истории субкультуры купеческого сословия России, авторы отмечают уникальный опыт формирования деловой этики, цивилизованной коммерции, которая была основана на доверительных, честных, открытых взаимоотношениях. Данный опыт, по мнению авторов, свидетельствует о необходимости приоритета нравственного измерения в политике современного менеджмента.*

***Ключевые слова:** оппортунизм, трудовые отношения, деловая этика, купечество, честное купеческое слово, эффективный менеджмент, корпоративная культура.*

В современной сфере трудовых отношений произошли существенные изменения: повышение заработной платы, улучшение условий труда, развитие социальной защиты интересов работников

и т. д. Однако с ростом благоприятных тенденций развития объективных условий труда, всё большую обеспокоенность вызывает снижение общего уровня этической, морально-нравственной, субъективной культуры современного работника, как простого служащего, так и представителя административного аппарата.

Предприятия всех сфер хозяйствования отмечают рост числа массового умышленного недовыполнения трудовых обязанностей, не соблюдение работниками основных норм и правил, сознательное сокрытие или искажение информации, невыполнения условий контракта, увеличение случаев обмана, краж, коррупционной деятельности, нанесение сознательного ущерба компании, игнорирование неформальных договоренностей, использование в личных интересах непредвиденных обстоятельств, при отсутствии, казалось бы, объективных на то причин [2].

Поведение, включающее выше перечисленные характеристики, в современной научной литературе получило определение «оппортунистического поведения». Сегодня данный термин активно используется в исследовании сферы трудовых отношений. О. Уильямсон определил оппортунистическое поведение, как «поведение экономического агента, когда им/ею предоставляется неполная или искаженная информация (в том числе обман, введение в заблуждение и сокрытие истины или другие типы запутывания партнера)» [7, с. 71]. Отечественные исследователи дают следующие определения понятию «оппортунизм»: «Оппортунистическое поведение отражает стремление индивида реализовать эгоистический институциональный интерес к транзакционной деятельности, не ограниченной моральными устоями, по отчуждению и присвоению прав собственности при помощи искажения информации, с нанесением материального и морального ущерба другим лицам» [4, с. 9]; «оппортунизм в системе экономических отношений представляет собой преднамеренное действие экономического агента, направленное на достижение личных интересов и нарушающее условие соглашения» [6, с. 246]; «оппортунизм – способ действия экономического агента в соответствии с собственными интересами, который не ограничен соображениями морали и противоречит интересам других агентов» [8, с. 47].

Исследователи в области социологии, экономики, менеджмента, психологии выделяют ряд причин, влияющих на распространение оппортунизма: неопределенность рыночной ситуации, неэффективные меры по организации трудовой дисциплины, неравномерное распределение информации. Ю.В. Безобразова подчеркивает,

что основной причиной распространения оппортунизма в трудовых отношениях является феномен отчуждения, который определяется отсутствием взаимосвязи между продуктом труда, работника и вознаграждением за его труд [1, с. 14].

Другим объективным фактором роста оппортунизма по мнению Н.Ю. Богдановой является чувствительность к отдельным регуляторам трудовых отношений, таким как наказание и система контроля. Высокий уровень оппортунизма свидетельствует о неэффективности применяемых мер контроля, методов работы регулирующих органов, специалистов по борьбе с мошенничеством [2, с. 201]. Таким образом, объективные причины оппортунизма в трудовых отношениях, по мнению современных исследователей, следует анализировать в аспекте вопросов о разделении и отчуждении труда, эффективности трудовых контрактов, рациональности экономических агентов и т. д.

Более того, в современной науке сам факт существования оппортунизма в сфере труда оценивается в качестве естественного феномена, который всегда существовал и будет существовать в пространстве экономических отношений. Признано, что трудовые отношения на любом предприятии, закономерно включают в себя конфликты, вызванные различными оппортунистическими факторами. Поэтому в зарубежной социологии наиболее распространенным является конфликтологический подход в исследовании трудовых отношений [5].

Таким образом, в контексте современного менеджмента, оппортунизм является неотъемлемой чертой человеческой природы. Всякий раз, когда будут представляться выгодные обстоятельства в отношениях продавец-покупатель, работник – работодатель оппортунистических проявлений следует опасаться. Поэтому в задачу современного менеджмента входит не формирование ситуации полного доверия и честности в отношениях агентов экономической сферы, а умение балансировать между выгодой и издержками, между личными интересами и условиями соглашения, направляя усилия на уменьшение роста, на сокращение числа оппортунистических проявлений.

Ситуация, когда трудовые отношения выстраиваются на основе таких нравственных доминант как искренность, откровенность и честность, когда скрепление деловой сделки рукопожатием крепче письменных договоров, а репутация ценится дороже, чем деньги, сегодня выглядит, по меньшей мере, странно, непрофессионально

и старомодно. Образ успешного менеджера, руководителя в современном обществе выстраивается на примере известных капиталистических магнатов, история карьеры которых включает и нечестные сделки, и хитрые ходы, и односторонне выгодные операции. Общественность рассуждает о них без осуждения и чувства презрения, с завистью и восторгом, режиссеры создают о них фильмы, исследователи пишут о них в учебниках.

Не является ли это свидетельством нравственного кризиса, деформации этической сферы современного общества? *Для поиска ответа на этот вопрос полезно вспомнить традиции деловой этики сословной России, обратиться к историческому периоду, когда считали, что «уговор дороже денег», «слово-вексель», «торгуй правдою, больше барыша будет».* Примером данного уровня ценностных ориентаций выступает своеобразный феномен – «честное купеческое слово». Сегодня для многих россиян это выражение кажется странным и необычным. Но именно «честное купеческое слово» – явление, по истине, являющееся национальным достоянием. Например, в европейских странах (Франция, Англия) лучшим торговцем считался тот, кто смог продать товар как можно дороже, не исключая хитрых уловок. В России профессиональный уровень купца оценивался тем выше, чем дешевле товар он смог продать [3].

«Честное купеческое слово» – это не брендовый купеческий слоган, а определённый критерий нравственной мысли, кодекс чести, следование которому было столь же важно для купца, как для дворянина сохранение дворянской чести, благородного происхождения. Поэтому распространёнными были ситуации, когда торговую сделку купцы скрепляли вне биржи, только крестным знаменем, исключая подписи и печати. Были случаи, когда купец использовал только кредитный капитал [3]. Неслучайно в традиционном обществе понятия «вера» и «кредит» использовались как синонимы.

Вступление в купеческую гильдию, обязывало человека открыто объявить о своих сбережениях. Кто пытался обмануть гильдию – с позором исключался из неё, что было равносильно банкротству. Выражение «стереть в порошок» явилось следствием исторической традиции купечества, когда фамилию обманщика писали мелом на доске, а после «Совестливого суда» стирали.

«Купеческое слово» – это не просто свод правил, а гарантия стабильности и справедливости в деловых отношениях. В данном аксиологическом пространстве честность была превыше личной выгоды. Она выступала знаком готовности принять общие правила экономического сообщества.

В современном обществе трудно представить заключение договора под честное слово, а простое рукопожатие как гарант доверительного отношения. Чаше сегодня можно услышать о рейдерской атаке какого-либо торгового центра, завода, фабрики или ситуации, когда с помощью «умелого» адвоката забирают у человека то, что по праву принадлежит ему.

Можно бесконечно рассуждать о необходимости применения современных технологий в корпоративной культуре, инновационных подходов к организации сферы труда, эффективных методов по борьбе с оппортунистическим поведением, но основой деловых отношений, как и любых социальных явлений, должно быть нравственное измерение, ориентация на традиционные ценности нашей самобытной культуры. В данном контексте исследования оппортунизма феномен честного купеческого слова оказывается более чем просто историческим фактом, характеристикой купеческой повседневности. *Русские купцы* – Мамонтовы, Морозовы, Третьяковы, Путиловы... показали для современного персонального менеджмента пример *формирования деловой этики, без проявлений оппортунизма, которая вырабатывалась веками особым складом души и обычаями народа.*

Список литературы

1. Безобразова Ю.В. Сущность оппортунизма работников и его причины [Текст] / Ю.В. Безобразова // Челябинский гуманитарий. – 2010. – №10. – С. 10–14.
2. Богданова Н.Ю. Оппортунистическое поведение: к формулировке понятия [Текст] / Н.Ю. Богданова // Вести Волгоградского гос. университета. Серия 7: Философия. – 2009. – №2 (10). – С. 199–203.
3. Гуревич П. Честное. Купеческое... Литературная газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.polyakov.ast.ru
4. Королёв А.И. Тенденции оппортунистического поведения в условиях экономики неравновесности: Автореф. дис. ... канд. экон. наук / А.И. Королёв. – Саратов, 2007. – 34 с.
5. Морита А. Сделано в Японии: История фирмы Сони [Текст] / А. Морита. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 409 с.
6. Попов Е.В. Трансакции [Текст] / Е.В. Попов – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 165 с.
7. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация [Текст] / О.И. Уильямсон. – СПб.: Лениздат, 1996. – 180 с.
8. Шаститко А.Е. Новая теория фирмы [Текст] / А.Е. Шаститко. – М.: ТЭИС, 1996. – 134 с.

Орлова Ирина Вячеславовна

канд. ист. наук, доцент, ассистент

ГБОУ ВПО «Иркутский государственный
медицинский университет» Минздрава России
г. Иркутск, Иркутская область

РОЛЬ КУПЦОВ И ПРОМЫШЛЕННИКОВ В РАЗВИТИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII–XIX вв.

***Аннотация:** в данной статье автором представлен анализ сибирской купеческой благотворительности в сфере здравоохранения. В работе также приводятся данные о материальных пожертвованиях на строительство больниц.*

***Ключевые слова:** благотворительность, здравоохранение, Сибирь.*

Пестрый этнический и социальный состав Восточно-Сибирской окраины России XVIII–XIX вв. стал не только причиной формирования особого ментального уровня «сибиряков», но и предопределил характер развития региона на долгие годы. Если в европейской части страны «прогрессивным началом» социально-культурных преобразований было дворянство, то в Сибири в XVIII–XIX вв. наблюдалось усиление такой социальной общности как купечество. Именно в руках купцов и золотопромышленников сосредотачивались все «нити» управления регионом, инструменты воздействия на социально-экономический уклад городов. Огромную роль в формировании городской среды, социальной сферы жизни общества, его духовного просвещения и окультуривания играла благотворительная деятельность купцов и промышленников.

В Сибири благотворительность прошла свой путь развития, особенности которого были установлены самой спецификой развития данного региона. Широкий размах она получила в центре Восточной Сибири – городе Иркутске. Первые упоминания о благотворительной деятельности иркутских граждан относятся к началу XVIII в. С начала XIX в. сфера вложения жертвуемых капиталов начинает постепенно расширяться. Немалые деньги тратились на образование, библиотеки, театр. К 1850–1860 гг. в среде купече-

ства, существовали устойчивые традиции благотворительной деятельности, получившие дальнейшее развитие в последующий период. Во вт. пол. XIX в. благотворительность в Иркутске приобретает особый размах, расширяются сферы, и увеличивается количество жертвуемых капиталов [1].

Народное здравоохранение «штрафной окраины», коей была в XIX в. Восточная Сибирь, мало интересовало столичные власти. Казенные расходы на содержание медицинских учреждений даже в сер. XIX в. по Иркутской губернии не достигали 0,2% расходной части губернского бюджета. На протяжении XIX в. лечебные заведения в городах Восточной Сибири возводились, как правило, на средства иркутских купцов и промышленников.

В 1806–1807 гг. иркутский купец Николай Чупалов выстроил гражданскую больницу на 100 мест. Через год при больнице открылся воспитательный дом для детей-подкидышей. Больница Чупалова в 1863 г. по причине «глубокой ветхости» была снесена. На ее месте другой купец Ефимий Кузнецов, почетный гражданин города и удачливый коммерсант построил новую больницу на 220 мест. На долгие годы она получила имя жертвователя – Кузнецовская. Спустя годы, в период с 1884 по 1888 гг. рядом с Кузнецовской больницей выросли дом для врачей, аптека, корпуса психиатрического отделения, инфекционные бараки. Лечение в больнице было платным и весьма недешевым. Так, в конце XIX в. пребывание в больнице в течение одного дня обходилось иркутянину в 18–20 копеек серебром, для сравнения, пуд хлеба стоил на 9–10 копеек дороже [2, с. 46]. За посещение врача необходимо было уплатить 30 копеек.

На средства иркутского золотопромышленника Ивана Базанова был основан воспитательный дом в Иркутске. В 1881–1883 гг. на углу ул. Амурской и Баснинской (ныне – ул. Ленина и Свердлова) вырос комплекс построек воспитательного дома, в который входили главный корпус, здание родовспомогательного отделения и повивальной школы, хозяйственные службы. Воспитательный дом принимал детей не старше одного года, в основном подкидышей, иногда от неимущих родителей. После смерти И. Базанова, его родственники – невестка и внучка продолжили благородное дело мецената. Они передали на обеспечение дома 507 000 руб., часть из

которых была затрачена на постройку и оснащение родовспомогательного отделения [3, с. 115]. В отделении оказывали услуги женщинам из бедных семей, прием рожениц проходил круглосуточно, и все услуги были бесплатными.

В 1895 г. в Иркутске была открыта городская детская Ивано-Матренинская больница, названная так в честь своих основателей супругов Ивана и Матрены Базановых. В ней размещались терапевтический и хирургический корпуса, большое здание амбулатории, аптека, два заразных барака и ряд служебных помещений. Газеты сообщали: «Больница строилась со всеми усовершенствованиями, требуемыми последними данными архитектуры и медицины. Все здания освещены электричеством, такие же фонари стоят на улице. Постройка обошлась в 400 000 руб., но еще предстоят большие расходы» [3, с. 120]. Сегодня лечебное учреждение функционирует по изначально заданному профилю, в нем работают более 150 врачей, около 400 медицинских сестер. На базе больницы действуют клинические кафедры ИГМУ.

В 1901 г. закончилась постройка Медведниковской больницы для хронических больных на 40 коек. Иван Медведников – иркутский купец 1-й гильдии, коммерции советник, почетный гражданин города и меценат, несколькими годами ранее, еще в 1838 г., по завещанию и в память матери Елизаветы Михайловны Медведниковой вместе с братом Логгином открыл Сиропитательный дом.

Список литературы

1. Мищенко К.С. Благотворительность в Иркутске как основополагающее начало социальной сферы жизни общества во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-296361.html>
2. Малоземова А.И. Из истории здравоохранения в Иркутской области. – Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1961. – 180 с.
3. Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. – Иркутск, 1898. – 186 с.

Селиванова Светлана Александровна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОСНОВНЫХ ЧЕРТ ГОРОДСКОЙ ЭКОНОМИКИ В АЛАТЫРСКОЙ ПРОВИНЦИИ В XVIII ВЕКЕ

Аннотация: в данной статье автором отражены проблемные вопросы истории провинциальной городской экономики: ее черты, связанные с ней критерии урбанизации, особенности развития.

Ключевые слова: Алатырь, Ядрин, Курмыш, экономика, история, проблемы, городское, развитие, XVIII век.

Город в XVIII в. – это комплексный объект с множеством функций. В настоящей публикации речь пойдет об экономическом аспекте городской жизни на территории Алатырской провинции в XVIII в. с точки зрения выявления значения и статуса городских центров. В Алатырской провинции было три города: сам провинциальный Алатырь, являвшийся еще и центром уезда, Курмыш и Ядрин. Все три города можно назвать «малыми». Однако по справедливому замечанию А.Л. Ястребицкой, «речь идет все же о понятии, сформированном под влиянием современных представлений, без учета количественных отношений, присущих средневековой урбанизации» [2, с. 61]. Понятно, что одной – двух количественных характеристик (как то, численность горожан или размер территории города) явно недостаточно для размежевания понятий «малый» и «большой», «малый город» и деревня. Тем более, что сельские поселения, расположенные вокруг города, могли быть больше как в пространственном отношении, так и по числу жителей. Поэтому, в качестве критерия урбанизации предлагаются основные черты городской экономики провинции.

Выяснение таких черт становится обязательным в изучении специфической городской экономики в позднефеодальный период, в связи с учетом того факта, что хозяйственные занятия горожан во

многим носили аграрный характер. Так, по данным ревизских сказок 1723–1763 гг., преобладающая часть горожан в Алатырской провинции имела земельные участки, пашни, сенные покосы и занималась земледелием, огородничеством, животноводством, охотой [3]. Следует, однако помнить, что продукция с подсобных участков и огородов использовалась большей частью для пропитания семьи горожанина. Тогда как сельскохозяйственные продукты, являвшиеся основным товаром на рынках, закупались городскими торговцами в уездах для последующей перепродажи на оптовых крупных ярмарках России. Таким образом, первой характерной чертой городской экономики провинции была её ориентация на получение денежной прибыли.

Во-вторых, яркой чертой экономики городов провинции можно считать ее товарную специализацию. На основании изучения таможенных книг Алатыря, Курмыша можно выделить основную вывозную статью из провинции – хлебные продукты. В 1714 г. из Алатыря было вывезено 8905,7 четвертей ржаной муки, 5750 четвертей пшеницы, 17 четвертей гороха. Таможенная книга Алатыря за 1736 г. содержит 20 наименований товаров, пятнадцать из которых, фиксировали отпуск хлеба: ржи, пшеницы, муки. Записи о торговле кожами и рыбой (осетриной, севрюгой, окунем, шукой) единичны [4]. В 1741 г. Алатырь «отпустил» 27780 четвертей хлеба [5]. Приведенные записи можно и умножить, но и без дальнейшей демонстрации видно, что Алатырь, специализировался на вывозе хлеба. Надо отметить, что данный регион (территория будущей Чувашской Республики – С.А.) имел специфическую ориентацию хозяйственной жизни, направленную на товарное производство хлеба [1].

В-третьих, городские торговцы осуществляли и обратную экономическую связь, то есть продавали промышленную продукцию. Данные алатырских таможенных книг 1741–1742 гг. показывают, что купцы привозили на торжки и ярмарки текстильные товары (сукно, шелк, выбойка, бумага, кумач, холст, пестрядина, кружева, платки, фаты, кушаки, ленты и проч.), украшения (бисер, хрустали, шелехи и т. п.) и хозяйственные товары (краска, сандал, квасцы, ладан, белила, медь, олово, проволока, гвозди, ножи и т. д.), купленные на Макарьевской ярмарке, в Москве, Астрахани и Туле [6]. Та-

ким образом, несмотря на явно «аграрный» характер городов провинции, они выполняли специфическую хозяйственную функцию в качестве местного рынка, доступного для всех сельчан округа.

В-четвертых, именно города провинции становятся центрами стационарной торговли, представленной в двух формах лавочно-магазинной и рыночной. Разумеется, больше всего лавок (в провинции) было в Алатыре, при этом, сами лавки довольно часто становились объектом торговли [7]. Лавочная торговля была ежедневной, а базарная (рыночная) проходила по понедельникам и пятницам, т. е. занимала около трети месяца [8].

Подводя итоги, подчеркнем, что вышеотмеченные черты городской экономики Алатырской провинции в XVIII в. далеко не исчерпывают все её локально-региональные особенности, которые требуют дальнейшего изучения. За пределами рассмотрения остались проблемы определения степени развития ремесленного производства и его значимости (как для городов, так и окружавших их уездов), функционирования первых промышленных заведений, специфики социально-экономических структур и многие другие моменты, учет которых позволит ответить на сложные вопросы истории «малых» городов России.

Список литературы

1. Селиванова С.А. К вопросу об экономике городов Свияжской провинции в XVIII в. // Исторический вестник: Историко-документальный журнал Государственного исторического архива Чувашской Республики. – 2015. – №1 (4). – С. 73–74.
2. Ястребицкая А.Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // Средние века. – Вып. 51. – 1988. – С. 59–79.
3. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 190; Оп. 2. Д. 1416, 1419, 1421, Д. 1440 Д. 1442, Д. 1652, Д. 2955, Д. 2977, Д. 3987, Д. 3988, Д. 3995, Д. 3977, Д. 3999. Д. 4009, Д. 4206, Д. 4212.
4. РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–15.
5. РГАДА Ф. 829. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 – 206; Ф. 615. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–25.
6. РГАДА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–30.
7. РГАДА Д. 185. Л. 6.
8. РГАДА. Д. 100. Л. 5.

Сухомлинова Ксения Юрьевна

аспирант

НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-
информационных технологий – ИМСИТ»

г. Краснодар, Краснодарский край

ЗНАЧЕНИЕ ЯРМАРОК ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА КУБАНИ

***Аннотация:** в статье рассматриваются ярмарки как основная форма товарообмена на Кубани в конце XVIII–XIX вв. В исследовании выявляется роль ярмарок в развитии предпринимательства в регионе. Автор приходит к выводу, что с течением времени на Кубани менялась не столько роль ярмарок, сколько их организационная структура, ежегодные ярмарки в регионе дополнялись работой небольших ярмарок, функционировавших в станицах и куренных селениях.*

***Ключевые слова:** ярмарки, Кубань, казачество, горские народы, товарообмен, предпринимательство.*

Экономика Кубани в конце XVIII в. находилась на этапе становления. Плодородные земли региона были еще не освоены, а казаки, получившие эти земли от Екатерины II в дар за воинские заслуги, еще только начинали осваивать тонкости земледелия. В 1792–1794 гг. на территории Кубани правительственным указом было переселено несколько полков донских казаков [3, с. 183]. Плодородные земли, богатые различными ресурсами нужно было включать в круг своей хозяйственной деятельности, но у казаков, многие из которых переселились из Запорожской Сечи, не было необходимого опыта. К тому же они были вынуждены постоянно отлучаться и нести службу, защищая новые границы отечества. В неурожайные годы хлеб им приходилось закупать на рынках в Екатеринославской или Ставропольской губерниях и на Дону. Известный дореволюционный историк казачества И.Д. Попко, описывая быт казаков на Кубани, отмечал тот факт, что хлеб на екатеринодарские рынки и станичные ярмарки было необходимо привозить из Ставропольской губернии. Ярмарки были важным элементом товарообмена между казаками и другими народами и приезжими купцами [4, с. 74, 75].

Ярмарка испокон веков являлась местом регулярных съездов торговцев и привоза товаров, в основном, для оптового торга. Причинами возникновения ярмарок в Европе встали неудобство путей сообщения между торговыми центрами и отсутствие безопасности для торгующих при передвижении товаров. Для ярмарок характерна взаимосвязь по времени и по географическому положению, т.е. они проводились периодически в определенном месте. Однако ярмарки очень рано стали утрачивать свое значение в Европе, но, в то же время, оставались важным элементом экономики в России в XVIII–XIX вв. [12].

Впервые интерес к изучению ярмарок в России был проявлен Михаилом Дмитриевичем Чулковым, который стал автором фундаментального труда, посвященного развитию предпринимательства в России. Он исследовал историю развития коммерции в России с древнейших времен до конца XVIII века. Четвертый том своей работы автор посвятил истории ярмарок в России [9]. В 1788 году М.Д. Чулков составил «Словарь учрежденных в России ярмарок». Ученый расположил ярмарки, функционировавшие на тот момент на территории России, в алфавитном порядке, и представил основные сведения о том где, когда проводились ярмарки, и чем на них было принято торговать [10].

Торговые ярмарки играли значительную роль в развитии торговли и формировании всероссийского рынка. В XVIII–XIX вв. в России существовали несколько ярмарок, имевших всероссийское значение: Макарьевская (Нижегородская), сибирские Ирбитская и Оренбургская, Троицкая на Урале, северные – Важская, Архангельская и Благовещенская и другие. Товары на крупные ярмарки привозили из всех районов страны, торги привлекали купцов из разных стран. Только к началу XX в. с развитием путей сообщения, почты и телеграфа, роль оптовых ярмарок начала снижаться [2, с. 2]. В то же время при снижении роли крупных торговых ярмарок увеличивалась роль мелких ярмарок с розничной и мелкой торговлей, дававших возможность крестьянам сбывать свои продукты и приобретать необходимые товары без участия посредников [1, с. 5]. Таким образом, ярмарки являлись своеобразным инструментом, способствовавшим становлению предпринимательства на региональном уровне.

Свою позитивную роль ярмарки сыграли и в становлении предпринимательства на Кубани. Несмотря на то, что изменение границ Российской империи привело к созданию более современной для того времени сети управленческих структур [11, с. 75], в торговле по-прежнему сохранялся традиционный уклад. В стране с мелкокустарным производством мелкому производителю легче было найти сбыт своим товарам именно на ярмарках и при этом отказаться от услуг посредников.

Город Екатеринодар был основан на Кубани в 1793 г. и являлся административным и торговым центром региона. Уже в 1794 г. в нем насчитывалось около десятка кирпичных домов, 75 деревянных или турлучных хат и 154 землянки [5, с. 47]. Количество населения увеличивалось, рос спрос на продовольственные и иные товары, многие горожане занимались ремеслом. Согласно отчету, представленному городничим в 1794 г., в городе работали 36 пекарей, 27 сапожников, 19 портных, 11 плотников, 7 кузнецов, 6 мясников, 5 ткачей, 3 бондаря, 2 гончара, 2 иконописца, 2 музыканта, 71 хлебопашец, и 22 «разных промышленника», т. е. занимавшихся такими промыслами как охота или рыболовство. Контролировать деятельность предпринимателей промышленников было поручено, назначенному 13 ноября 1793 г. на должность городничего, полковому старшине Данилу Волкорезу. Согласно донесению городничего, представленному в 1794 г., население Екатеринодара уже составляло 12645 душ мужского пола и 5526 душ женского пола [7, с. 56].

С целью привлечения в город большего числа людей из войсковых переселенцев и из соседних областей с промышленной целью и для обмена изделий казаков-ремесленников Кошевое управление в 1794 г. утвердило проведение четырех ежегодных ярмарок: 25 марта (на Благовещение), в июне (на Троицу), 6 августа (на Преображение), 1 октября (на Покров Пресвятой Богородицы) [7, с. 56]. Ярмарочная торговля на Кубани в это время являлась одной из основных форм товарообмена. Для того, чтобы торговля в регионе носила непрерывный характер и купцы могли бы торговать своим товаром на разных ярмарках, были организованы ярмарки в куренных селениях: Щербиновском (с 1796 г.), Кушевском (с 1800 г.), Брюховецком (с 1808 г.), Березанском, Уманском, Калниболотском и других [8, с. 203].

Первоначально земледелие в регионе играло второстепенную роль. Основным видом деятельности казаков было разведение

скота. Крупный рогатый скот славился на юге России своими мясными достоинствами, а овцы – шерстью и высоким приплодом. Промышленность кустарного типа развивалась в основном в городах. Это были кожевенные, салотопенные, маслобойные и пивоваренные предприятия. В станицах и аулах имелись свои ткачи, портные, кузнецы, сапожники, каменщики, плотники и другие мастера. Рыболовный промысел и соледобыча являлись наиважнейшими и наиболее выгодными занятиями на Кубани. Развитие сельскохозяйственного и промышленного производства способствовало интенсификации торговли. Основными формами товарообмена стали базары, розничная лавочная торговля, меновые дворы и ярмарки, проводившиеся по праздничным дням [6].

Большое значение для укрепления русско-адыгейских торговых связей имело создание меновых дворов. С разрешения императора Павла I в конце XVIII в. были организованы меновые дворы в Екатеринодаре, на Гудовичевской переправе и в Курках. В первые годы заселения казачьих войск важное место занимал обмен хлеба у горцев на войсковую соль. Бартер происходил по установленным правилам и расценкам, а роль денег в русской торговле с горцами стала заметна гораздо позже. В 1845 г. коренным жителям Закубанья впервые было разрешено принять участие в Благовещенской и Троицкой ярмарках. Горцы остались довольны обменом и просили о допущении их на ярмарки и в будущем [8, с. 204].

В Кавказском районе, включавшем Кубанскую область наряду с Бакинской, Кутаисской, Тифлисской, Ставропольской губерниями, и Терской областью, по данным на 1 июля 1904 г., насчитывалось 196 ярмарок, имевших оборот более 20 млн руб. Ярмарки, проводившиеся, в Кубанской и Терской областях имели особое значение для населения. На них главным товаром был скот и продукты скотоводства, лошади, а также рыба, мануфактура и другие привозные товары [12].

Таким образом, в конце XVIII–XIX вв. действовавшие на Кубани ярмарки приближали рынок к потребителю и создавали условия для реализации местных товаров, предлагаемых мелкими производителями, что стимулировало развитие предпринимательства как среди производителей, так и посредников. Торговля с горцами являлась благоприятным фактором экономической жизни на приграничных территориях Российской империи, служила налаживанию взаимных связей между ними и казаками. В зависимости от

изменений в российской экономике и инфраструктуре, менялась не столько роль ярмарок, сколько их организационная структура. Войсковое руководство стремилось организовать ярмарочную торговлю таким образом, чтобы она носила непрерывный характер. Крупные ежегодные ярмарки на Кубани дополнялись работой небольших ярмарок, функционировавших в станицах и куренных селениях.

Список литературы

1. Денисов В.И. Ярмарки [Текст] / В.И. Денисов. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. – 138 с.
2. Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле [Текст]. – СПб., 1914. – 60 с.
3. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 год [Текст] / Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар, 1996. – 656 с.
4. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, общества, вооруженные силы и службы [Текст]: В 17 рассказах, с эпилогом, карт. и 4 рис. с натуры: В 2 ч. / [Черномор. козак И. Попка]. – СПб., 1858. – 292 с.
5. Ратушняк В.Н. История Кубани с древнейших времен до конца XIX в. [Текст]. – Краснодар: Перспективы образования, 2004. – 232 с.
6. Ратушняк В.Н. Экономика Кубани в досоветский период // Кубанский Сборник. – Т. 2 (23). – 2007. – Ч. I. История [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gipanis.ru/?level=331&type=page>
7. Сысоев В.И. Известия общества любителей изучения Кубанской области [Текст]. – Вып. 1. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1899. – 221 с.
8. Трехбратов Б.А. История и культура народов Прикубанья с древнейших времен до начала XX века [Текст] / Б.А. Трехбратов. – Краснодар: Традиция, 2011. – 480 с.
9. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: От древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым: в 7 т., в 22 кн. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1781–1788.
10. Чулков М.Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле. – М.: Типография Понамарева, 1788. – 226 с.
11. Шавлохова Е.С. Власть и общество в России и ее регионах в начале XX века: состояние, тенденции и противоречия развития / Е.С. Шавлохова, Л.Г. Степанова // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – №3 (54). – С. 74–76.
12. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Под редакцией профессора И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева и заслуженного профессора О.О. Петрушевского. – СПб., 1890–1907 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vohi.net/brokgauz/>

Шарипова Елена Владимировна

учебный мастер межкафедральной лаборатории
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ

***Аннотация:** в данной статье рассматриваются основные территориальные проблемы социального обслуживания пожилого населения в регионе. Проведен региональный анализ социального обслуживания пожилого слоя населения. Автором выявлена обеспеченность пожилых объектами социального обслуживания и определены основные задачи территориального повышения их уровня жизни.*

***Ключевые слова:** социальное обслуживание, пожилое население, регион, уровень жизни, учреждения социального обслуживания.*

Важнейшим условием устойчивого социального развития территории является ориентация на человека, направленная на сохранение стабильности социальных и культурных систем. Повышение уровня и качества жизни населения, создание достойных условий жизнедеятельности всех слоев общества является одной из основных задач социальной политики государства. Немаловажным условием выполнения данной задачи является также формирование государственной структуры, обеспечивающей социальное обслуживание граждан. Эффективность социальной работы достигается максимально возможными в данных условиях развития решением задач по удовлетворению социальных потребностей населения при оптимальных на то затратах [2].

На протяжении последних десятилетий формирования в нашей стране системы социальной защиты населения было заново создано и получило значительное развитие такое направление работы с населением, как социальное обслуживание. Сложные социально-экономические условия определили рост потребностей населения в полноценных социальных услугах. Условия жизни пожилого населения меняются не только в результате новой организации общественных процессов, но могут быть вызваны также инерционностью направления существующих организационных структур.

310 Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения

Ухудшение социальной среды негативно влияет на качество жизни пожилого населения, снижая его экономический потенциал. Мониторинг уровня и качества жизни позволяет оценить уровень социально-экономического развития населения региона и выявить приоритетные направления государственной региональной политики [4].

Наиболее незащищенным и нуждающимся в социальной поддержке является пожилое население. Одним из основных факторов, влияющих на комфортные условия их проживания, является социальное обслуживание. Социальное обслуживание и качество предоставляемых пожилому населению услуг являются одним из важных параметров жизни населения. Именно социальная сфера обеспечивает его нормальную жизнедеятельность.

В науке встречается достаточное количество исследований социального обслуживания населения пожилых. Так, по определению Л.В. Тихомировой социальное обслуживание представляет собой предусмотренную законодательством систему материального обеспечения и обслуживания граждан в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, потери кормильца, а также семей, в которых есть дети [3]. В исследованиях Р. Баркера социальное обслуживание трактуется как предоставление конкретных социальных услуг для удовлетворения потребностей, необходимых для их нормального развития, людям, зависящим от других, и которые не могут сами о себе позаботиться [1].

В Чувашской Республике по данным Госкомстата зарегистрировано более 350 тыс. пенсионеров, из них около 90 тыс. человек (25,7%) – инвалиды. Социальное обслуживание пожилых граждан осуществляется в 36 республиканских государственных учреждениях, находящихся в ведении Минздравсоцразвития Чувашии. В их числе: 3 дома-интерната для престарелых и инвалидов (на 295 мест), 6 психоневрологических интернатов (на 1550 мест), социально-оздоровительный центр граждан пожилого возраста и инвалидов (на 101 место), центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий, а также 25 центров социального обслуживания населения. Центры – это комплексные учреждения нестационарного социального обслуживания, предоставляющие для 4 тыс. граждан социальные услуги на дому. Из них 95% – лица, достигшие пенсионного возраста, 13% – старше 80 лет. 60% от общего числа граждан, обслуживаемых на дому, прожи-

вают в сельской местности. 1,3 тыс. человек – в отделениях дневного пребывания. Более 600 человек получают социальные услуги в отделениях временного проживания, оказывающих более 8 тыс. граждан ежемесячно срочную социальную и консультативную помощь.

Доля пожилых лиц территориально распределена неравномерно. Самая высокая доля лиц пожилого возраста в общей численности городов наблюдается в городе Ядрин. Здесь она равна 0,23% от общей численности населения города. Самая высокая доля пожилых лиц зафиксирована в городе Канаш, она равна 0,53%. В городе Алатырь доля лиц пожилого возраста достигает 0,35% от общей численности населения. Города Чебоксары, Козловка обладают низкой долей пожилых лиц, здесь она составляет 0,12% в общей численности населения. Самая низкая доля пожилых лиц зафиксирована в Мариинском Посаде, которая составляет 0,08%. Для Цивильска характерна низкая доля пожилых 0,09%.

Мировая тенденция увеличения доли пожилых людей ставит в приоритет направление в международной политике обеспечения пожилых людей не только соответствующими центрами социального обслуживания, но и организация досуга для пожилых. Данное направление поддерживается и в Чувашской Республике. Как благоустроить жизнь пожилых людей, наполнить ее досугом – эти и другие вопросы беспокоят социальные службы республики. В связи с этим в Чувашской Республике реализуются государственные программы, направленные на улучшение жизни пожилых людей, например, программа «Социальный туризм». Целью данной программы является продление активного образа жизни пожилых, которые находятся на социальном обслуживании в центрах.

Список литературы

1. Баркер Р. Словарь социальной работы. – М.: Институт социальной работы, 1994. – 134 с.
2. Павленок П.Д. Теория, история и методика социальной работы: Учеб. пособие. – М.: Дашков и Ко, 2007. – 254 с.
3. Тихомирова Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1997. – С. 239.
4. Юманова У.В. География уровня жизни населения региона. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 200 с.

Шлемпа Олег Анатольевич

доцент

Житова Екатерина Николаевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧУВАШИИ

***Аннотация:** авторы данной статьи отмечают, что сохранение объектов исторического и культурного наследия предполагает создание базы данных географической информации для использования в целях социально-экономического развития Чувашской Республики.*

***Ключевые слова:** мониторинг, база данных, геоинформационные системы, историко-культурное наследие.*

С целью мониторинга состояния и сохранения объектов историко-культурного наследия в Чувашской Республике, предполагается создание геоинформационной базы данных. Культурное и историческое наследие Чувашии – память о жизни народов Чувашии в прошлом, база современного культурного процесса в обществе без которой невозможно его. В связи с этим чрезвычайную актуальность приобретает научное обеспечение деятельности в контексте охраны культурного и исторического наследия. Проблема научного обеспечения деятельности сдерживается недостаточной разработанностью данной тематики. Следовательно, возникает вопрос развития пространственной научно-информационной базы, которая включает в себя комплекс данных об объектах наследия и территориях, создание целостной географической картины состояния и развития культуры, как объема знаний накопленных в процессе ее изучения [1].

Создание геоинформационной базы данных объектов историко-культурного наследия Чувашии предполагает использование таких ГИС-инструментом, как СУБД MapInfo.

Геоинформационная база данных объектов историко-культурного наследия Чувашии формируется в результате выполнения следующих этапов работы:

1. Работа с исходными данными

Создание базы данных предполагает поиск, подбор и получение исходных данных. На этом этапе предполагается изучение и картирование объектов материального наследия. С этой целью будет произведен сбор и анализ накопленных источников. Источники разделяются на следующие группы:

- 1) литературно-справочная;
- 2) статистическая;
- 3) картографическая;
- 4) документы в государственных и негосударственных архивах;
- 5) документы собраний и коллекций;
- 6) списки памятников истории и культуры федерального и местного значения;
- 7) списки исторических поселений.

Помимо изучения текстовых источников необходимо использование всесторонней пространственно-временной информации, включающей данные дистанционного зондирования, статистические показатели [2]. Использование ГИС позволяет оценить объекты наследия по таким показателям как, местоположение, размер, объем, ориентировка, форма, плотность. Картографическое произведение, созданное в ГИС, позволяет отразить весь взаимосвязанный комплекс исторического и культурного ландшафта.

В Чувашской Республике насчитывается 776 объектов культурного наследия. В список объектов историко-культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории республики, включен 681 объект (54 объекта федерального значения, 627 – регионального), 95 объектов учтены в списке вновь выявленных памятников истории и культуры. Основным источником информации для создания геоинформационной базы данных служит Единый государственный реестр объектов культурного наследия (Памятников истории и культуры) Чувашской Республики [3].

Из всего многочисленных критериев отнесения культурных объектов к наследию можно выделить пять наиболее важных их групп (таблица 1).

Таблица 1

Критерии отнесения к наследию

Уровень значимости	Время	Качественные		Количественные	Пространственные
		уникальность	ценность	плотность, размер и др.	планета, материк, страна, районы разного раз-мера и др.
всемирное, российское, региональное и т. д.	древность, возраст	редкость, происхождение и др.	научная, хозяйственная, эстетическая и др.		

2. Структура базы данных

Основной элемент хранения базы пространственных данных – СУБД MapInfo, в которой информация хранится в виде отдельных таблиц. Таблица содержит поля, в ячейках которых представлена уникальная информация. СУБД MapInfo обеспечивает возможность связи между данными в таблицах по принципу: один к одному, один ко многим и многие ко многим.

Собранные в ходе работы информации была организована в 3 группы. Каждая группа в зависимости от исходной информации имеет свою тематическую направленность. Основная таблица представляет наименование источников данных и их характеристики. Организация структуры базы данных основана на их унифицировании – разбиении на смысловые и функциональные группы, в рамках таблиц СУБД MapInfo.

3. Формирование базы данных

Так как ГИС работает с двумя видами информации – географической (пространственной) и атрибутивной (описательной), возможно применение следующего алгоритма работы с СУБД MapInfo:

- 1) ввод географической информации;
- 2) ввод атрибутивной информации (массив данных объектов историко-культурного наследия);
- 3) связывание географических и атрибутивных данных.

ГИС MapInfo работает с логическими категориями посредством разделения их на картографические слои, что позволяет манипулировать ими и анализировать по отдельности в пространстве или совместно с другими слоями.

Содержание конкретной таблицы определяется категориями объектов историко-культурного наследия (рис. 1).

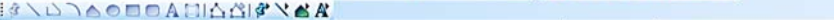
MapInfo Professional. [культ. Список]						
Файл Правка Программы Объекты Запрос Таблица Настройки Список Vertical Mapper Очно Справка						
						
						
номер	Категория	объект	Код памятника	Наименование памятника	Датировка	Местонахождение
☐	1.	Религиозное здание	9700022000	Здание аптеки (арх. Александров В.И.)	Конец XIX в. -XX в.	г. Чебоксары, ул. Бондарева, д.9
☐	2.	Религиозное здание	9700278000	Дом жилой	XVIII-XIX вв.	г. Чебоксары, ул. Бондарева, д.13/15
☐	3.	Религиозное здание	9700279000	Здание бывш. уездного духовного училища (арх. Петонди Ф.И., Пома	1850 г.	г. Чебоксары, ул. Композиторов Воробь
☐	4.	Религиозное здание	9700280000	Административное здание	нач. XX в.	г. Чебоксары, ул. К. Иванова, д.20
☐	5.	Религиозное здание	9700281000	Здание лифто-водочного завода «Чебоксарский»	1900 г.	г. Чебоксары, ул. К. Иванова, д.63
☐	6.	Религиозное здание	9700031002	Усыпальница Ефремова (директор Иоанна Кронштадтского)(арх. Малено	1911г.	г. Чебоксары, Коммунальная Слобода, 3
☐	7.	Религиозное здание	9700031003	Дом прихода Церкви Владимирской Божьей Матери	1816г.	г. Чебоксары, Коммунальная Слобода, 3
☐	8.	Религиозное здание	9700032000	Успенский собор	1763г.	г. Чебоксары, ул. Р.Любимов, д.10
☐	9.	Религиозное здание	9700282000	Дом М. Ефремова.	1-я пол.XIX в.	г. Чебоксары, бульвар купца Ефремова,
☐	10.	Религиозное здание	9700283000	Флигель дома Ефремова	2-я пол. XVIII в.	г. Чебоксары, бульвар купца Ефремова,
☐	11.	Религиозное здание	9700089000	Дом П.Ефремова.	1884 -1919 гг.	г. Чебоксары, бульвар купца Ефремова,
☐	12.	Религиозное здание	9700284000	Дом. Образец застройки улицы	XVIII-XIX вв.	г. Чебоксары, бульвар купца Ефремова,
☐	13.	Религиозное здание	9700285000	Административное здание. Образец застройки улицы (арх. Ведянин И.	1880 – 1948 гг.	г. Чебоксары, бульвар купца Ефремова,
☐	14.	Религиозное здание	9700286000	Дом. Образец застройки улицы	1938г.	г. Чебоксары, бульвар купца Ефремова,
☐	15.	Религиозное здание	9700287000	Здание Чувашского Государственного сельскохозяйственного институт	1957г.	г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д.29
☐	16.	Религиозное здание	9700288000	Дом жилой (арх. Сергеев Ф.С.)	1953г.	г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д.31
☐	17.	Религиозное здание	9700289000	Здание Чувашского Государственного педагогического института им. I	1956г.	г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д.38
☐	18.	Религиозное здание	9700290000	Дом с подвалами.	1917г.	г. Чебоксары, пл. Красная, д.3
☐	19.	Религиозное здание	9700291000	Дом при Введенском соборе.	1880г.	г. Чебоксары, ул. Сосновая, д.18
☐	20.	Религиозное здание	9700292000	Административное здание (арх. Рондкий К.З.)	1950 г.	г. Чебоксары, ул. Ярославская, д.32
☐	21.	Религиозное здание	9700395000	Здание дома печати (арх. Егоров И.П.)	1935 г.	г. Чебоксары, ул. Композиторов Воробь
☐	22.	Религиозное здание	9700396000	Административное здание	1930 г.	г. Чебоксары, 1-я Композиторов Воробь

Рис. 1. Атрибутивная таблица данных объектов историко-культурного наследия г. Чебоксары

Наполнение атрибутивных таблиц данными будет осуществляться как для самих объектов историко-культурного наследия, так и содержать будет содержать гипертекст, содержащий краткую описательную информацию об объекте (историческая справка и фотография).

4. Создание картографических произведений различного масштаба.

Заключительный этап включает в себя проектирование карт. Главным критерием для определения территориального охвата выступает плотность объектов историко-культурного наследия.

Наибольшая плотность размещения объектов историко-культурного наследия на севере республики, вдоль р. Волга, что определяет создание следующих картографических слоев разного масштаба:

1) картографический слой Чувашской Республики, содержащий наиболее крупные населенные пункты, административные центры муниципальных образований республики, а также речную сеть будет выполнен в масштабе 1:800000;

2) картографический слой муниципальных образований республики в масштабе 1:50000;

3) картографический слой крупных населенных пунктов в масштабе 1:10000.

Наличие SQL-запросы в СУБД MapInfo позволит выбирать объекты на основании их взаимного расположения в пространстве. Они позволят оценить состояние и возможность использования объектов историко-культурного наследия в туристской индустрии региона.

Список литературы

1. Веденин Ю.А. Культурное и природное наследие России (Концепция и программа комплексного атласа) / Ю.А. Веденин, А.А. Лютый, А.И. Ельчанинов [и др.]. – М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. – 119 с.
2. Житова Е.Н. Подходы к созданию электронного атласа «Культурного и природного наследия Чувашской Республики» / Е.Н. Житова, О.А. Шлемпа // Геоинформационное картографирование в регионах России: Материалы всерос. науч.-практ. конф. – Воронеж: Истоки, 2009.
3. Житова Е.Н. Этапы создания электронных карт объектов культурного наследия Чувашской Республики / Е.Н. Житова, О.А. Шлемпа // Геоинформационное картографирование в регионах России: Материалы всерос. науч.-практ. конф. – Воронеж: Истоки, 2010.

Юманова Ульяна Валерьевна

канд. геогр. наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЧУВАШИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Аннотация: в статье анализируется региональный процесс старения населения, который связан с низкой рождаемостью, ростом ожидаемой продолжительности жизни, особенностями половозрастной структуры. Автором проведена внутрорегиональная оценка половозрастной структуры населения. Рост доли старших возрастов в Чувашии, особенно группы «молодых» пожилых, ведет к дальнейшему увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население и сопровождается социальной задачей повышения их уровня благосостояния.

Ключевые слова: пожилое население, социально-демографические условия, половозрастная структура пожилых, демографическое старение населения, уровень жизни, благосостояние, регион.

Россия наряду с развитыми странами относится к «старому» обществу, с устойчивой тенденцией сокращения рождаемости, низким коэффициентом воспроизводства и высоким удельным весом пожилых людей в демографической структуре населения. Старение населения часто сопровождается ухудшением материального

положения пенсионеров, снижением их уровня и качества жизни. Поэтому актуально исследование влияния социально-демографических условий на оценку уровня жизни пенсионеров в целях его эффективного регулирования.

Пожилое население в социологических и геронтологических словарях определяется как последний отрезок течения жизни человека, связанный с понижением его способностей и социальной ценности, а также с отделением от прежних социальных обязательств. Пожилые это скорее социальный показатель, чем биологический, ибо начало стадии и значение варьируются в историческом и культурном отношении.

Проблема старения населения и увеличения доли пожилых занимает в мировых и отечественных демографических изменениях центральное место. Рост доли пожилых в России в настоящее время до 20% и в Чувашии до 28% приводит к увеличению пенсионной нагрузки на занятое в экономике население, трансформации социально-структурных отношений общества, рынка товаров, услуг и труда [1], формированию новых форм социального расслоения среди пожилых.

В соответствии с классификацией ВОЗ, к пожилым людям относится население в возрасте от 60 до 74 лет, к старому возрасту – от 75 до 89 лет, а к долгожителям – старше 90 лет. Именно этот подход, как правило и используется на практике, хотя возраст выхода на пенсию в большинстве развитых стран – 65 лет, в России 60 и 55 для мужчин и женщин. В исследовании половозрастной структуры населения Чувашии с учетом общей демографической ситуации региона пожилое население сгруппировано следующим образом: у женщин 55–59 – молодые пожилые, 60–69 – средние пожилые и 70 и старше; у мужчин 60–64, 65–69, 70 и старше соответственно.

По данным Госкомстата в Чувашии в настоящее время насчитывается более 350 тыс. пенсионеров (28,4% населения) и их численность постоянно растет (26% в 2005, 24,5% в 1995). Соответственно увеличивается интенсивность пенсионной нагрузки на занятое в экономике население в Чувашии (с 1,77 в 2010 до 1,81 в 2014), а также доля пенсионеров по старости. Оптимальным считается соотношение три к одному, т. е. на одного пенсионера должно приходиться не менее трех работающих граждан.

За последние несколько лет после двух десятилетий стабильной естественной убыли в Чувашии, как и по всей стране в целом, намечилось незначительное превышение рождаемости над смертностью. Максимальные естественный прирост был в 2013 году. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении на 2015 год составляла 70,62 лет (64,5 у мужчин и 77,0 у женщин), что на 4,28, чем в 2005. Согласно среднего варианта прогнозов Госкомстата ЧР к 2030 году средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении вырастет в Чувашии до 75 лет.

Особенностями половозрастной структуры населения является снижение доли трудоспособного населения (с 62% в 2011 г. до 59,4% в 2014 г.), увеличение доли населения моложе трудоспособного возраста (с 16,8 до 17,8%) и увеличение доли населения старше трудоспособного возраста (с 21,7 до 22,7%). По прогнозам Чувашстата к 2031 году общая численность населения в республике сократится до 1109990 человек, меняется репродуктивное поведение в стране [2], а соотношение трех групп возрастов будет соответствовать формуле: 17,3–53,3–29,5, что еще больше увеличит демографическую и экономическую нагрузку на трудоспособное население.

Результаты внутрирегионального исследования пожилого сельского населения республики показывают, что в возрастной структуре за последний демографический период произошли значительные изменения. Доля пожилого населения села в среднем по Чувашии увеличилась за 5 лет на 2% (до 27%). Выше доля пожилого населения в Поречском районе (34,4%), а наименьшая в Чебоксарском (22%). В возрастной структуре женского пожилого населения доля «молодых» пожилых женщин увеличилась на 3,1%, средних пожилых на 5,4%, а старших пожилых снизилась на 8,4%. Возрастная структура пожилых сельских мужчин так же изменилась в пользу молодых пожилых, их доля увеличилась на 4%. Выросла на 6,1% доля средней группы пожилых мужчин и резко снизилась доля старших на 10,1%. По-прежнему в республике большинство пожилых – женщины, но их доля сократилась с 71 до 70%.

Анализ основных социально-демографических условий пожилого населения показывает, что в Чувашии наблюдается рост «молодых» пожилых, в то время как в России идет процесс старения

пожилого населения, то есть увеличивается доля старших пожилых. Увеличение доли пожилого населения связано с низкой рождаемостью, ростом ожидаемой продолжительности жизни, особенностями половозрастной структуры. Это ведет к дальнейшему увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население. При этом пенсионеры продолжают оставаться одной из наиболее уязвимых групп в материальном плане. Вопросы пенсионного обеспечения и повышения уровня благосостояния пенсионеров, преодоление проблем бедности пожилых, являются одними из приоритетных в государственной социальной политике.

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Кризисы в постсоветской России: региональная проекция // Региональные исследования. – 2015. – №1 (47). – С. 23–31.
2. Казаков Н.А. «Негативная» сторона репродуктивного поведения населения: основные показатели текущей статистики для пространственно-временного сравнения / Н.А. Казаков, О.Н. Широков // Вестник Чувашского университета: Гуманитарные науки. – 2015. – №4. – С. 99–103.

АРХИВОВЕДЕНИЕ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Григорьев Александр Владимирович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

РАБОТА С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В МВД ПО ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ В 2012–2014 гг.

***Аннотация:** в статье рассматривается порядок организации работы с обращениями граждан в двух регионах Поволжского федерального округа. Приводятся сравнительные данные за три года, отмечаются особенности работы в каждой из республик. В работе используется метод сравнительного анализа статистических данных. Результаты анализа свидетельствуют о положительной динамике в работе родственных ведомств соседних регионов.*

***Ключевые слова:** обращения граждан, МВД, анализ обращений.*

Работа с обращениями граждан является обязательным аспектом деятельности любого учреждения или ведомства в системе органов государственной власти как инструмент разрешения проблем и противоречий, обратной связи между государственной властью и обществом. Не являются исключением и учреждения системы МВД РФ. На сайтах МВД по Чувашской и Марийской Республикам имеется раздел «Для граждан», посвященный работе с обращениями граждан. При этом на сайте МВД по РМЭ имеется ссылка на детскую страницу МВД РФ с мобильным приложением, телефоном доверия, конкурсами для детей и другими функциями.

Рубрика «Прием обращений» содержит краткое разъяснение положений закона о порядке рассмотрения обращений граждан. Имеющиеся ссылки позволяют ознакомиться с содержанием самого закона №59-ФЗ [4] и Приказа МВД России от 12 сентября 2013 г. №707, приложением которого является ведомственная инструкция о порядке рассмотрения обращений граждан [3]. На той

же странице имеется переход по указателю «Подать обращение». Пройдя по ссылке, гражданин имеет возможность заполнить несколько разделов «Сервиса приема обращений»:

1. «Куда адресовано» с указанием подразделения, должности, ФИО адресата.

2. «Заявитель» с вариантами заполнения для физических и юридических лиц.

3. «Адрес для ответа» с вариантами получения ответа электронной почтой или обычным почтовым отправлением.

4. «Уже обращались по данному вопросу».

5. «Текст обращения» – обязательное для заполнения поле объемом не более 2000 символов.

6. Цифровая САРСНА.

На странице «Графики приема граждан» можно ознакомиться с графиками приема по месяцам, графиком личного приема сотрудников, телефонами руководства МВД по ЧР и РМЭ, телефонами управлений, отделов МВД России по районам, городам. Интересно отметить, что в приеме граждан принимают участие не только должностные лица министерств, но и члены Общественного совета.

На сайте МВД по ЧР размещаются аналитические справки по обращениям граждан за 3, 6, 9 и 12 месяцев [2]. Имеющиеся материалы позволяют сравнить некоторые показатели работы с обращениями граждан за 2012–2014 гг. В целом за этот период наблюдается не совсем последовательный, но все же рост активности населения. Так, в 2012 г. было 18302 обращения (на 14% больше, чем в 2011 г.), в 2013 г. – 18713 (на 2,3 процентных пункта больше, чем в 2012 г.), в 2014 г. – 21863 (на 16,8 процентных пункта больше, чем в 2013 г.). В Марийской Республике при относительно меньшем количестве обращений (5566 в 2012 г., 8282 в 2013 г., 11863 в 2014 г.) показатели роста количества обращений были существенно выше: в 2012 г. на 18% выше 2011 г., в 2013 г. рост составил 48,7 процентных пункта, в 2014 г. – 43,2 [1]. Аналогичным образом за эти годы менялась динамика обращений в Чувашии на имя министра. Если в 2012 г. рост количества обращений (2563 обращений) по сравнению с 2011 г. составил 24,3%, то в 2013 он сни-

зился на 13,9 процентных пункта (2830 обращений), а в 2014 произошел небольшой рост на 2,5 процентных пункта (3194 обращения) по сравнению с предшествующим годом.

Часть обращений подавалась во время личного приема граждан должностными лицами МВД по ЧР. При этом в 2013 г. количество личных обращений снизилось по сравнению с 2012 г. со 193 до 150, но в 2014 г. повысилось до 380. Устойчивой тенденцией стало снижение количества обращений лично к министру: 117 в 2012, 95 в 2013, 73 в 2014 гг. В МВД РМЭ лично министр принял в 2012 г. 95 человек, в 2013 г. – 142, в 2014 г. – 73.

С 2013 г. в аналитических справках МВД по ЧР появились данные по видам обращений. Так, в 2012 г. было подано 14136 заявлений, 2584 жалобы, 1993 предложения и благодарности. В 2014 г. подано 19537 заявлений (рост на 38,2%), 1997 жалоб (снижение на 22,7%), 329 предложений (снижение на 83,5%).

В аналитических справках отмечается увеличение количества обращений, как в целом, так и подающихся с помощью средств Интернета, по электронной почте или на сайте МВД по ЧР. Так, в 2013 г. посредством Интернета было подано 1675 обращений, а в 2014 – 3073 (рост на 83,5%). Это объясняется растущей компьютерной грамотностью населения, доступностью коммуникационных каналов, нетерпимостью населения к правонарушениям. Рост количества электронных писем отмечается и в аналитических справках МВД по РМЭ. Так, посредством электронной почты в 2012 г. было подано 143 обращения, в 2013 г. – 770 или в 5,4 раза больше предыдущего года, в 2014 г. – 1278 обращений или больше в 1,7 раза.

В целом следует отметить полноценный, при небольшом объеме, содержательный характер аналитических справок МВД по ЧР. Однако есть и отдельные недоработки. Так, при указании общего количества поданных в 2013 г. обращений допущена опечатка – вместо 18713 указано 18173, продублированы различные показатели количества обращений, поданных с помощью Интернета в 2013 и 2014 гг. К сожалению, не даются некоторые разъяснения. Например, чем было вызвано снижение целого ряда показателей в 2013 г.? Чем объясняется систематическое снижение показателя личного приема министра? Почему после 2012 г. не фигурируют данные о выездных приемах министра?

В структуре аналитических справок МВД по РМЭ имеются свои особенности и недочеты. Главный недостаток – отсутствие широкого диапазона данных при небольшом диапазоне последовательно изложены ежегодных однородных показателей, как представлено в МВД по ЧР. Это затрудняет возможность изучения работы министерства и полноценного сравнения показателей министерств двух республик. Только три показателя поддаются полноценному сравнению за три года: общее количество обращений, количество электронных обращений, количество граждан, принятых министром. В то же время следует отметить положительные особенности аналитических справок МВД по РМЭ: представлены данные по содержательной рубрикации обращений (но не по видам); значительное внимание уделяется конкретным положительным примерам работы сотрудников МВД, освещению благодарности населения сотрудникам министерства и вопросам их поощрения руководством.

Несмотря на перечисленные недочеты, следует отметить в целом высокий уровень технической и делопроизводственной культуры в отображении работы с обращениями граждан в системе МВД по Чувашской Республике и Республике Марий Эл. Эта работа имеет большое значение как фактор общественного контроля и показатель положительной динамики в отношениях между правоохранительными органами и гражданским обществом.

Список литературы

1. Министерство внутренних дел по Республике Марий Эл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://12.mvd.ru/> (дата обращения: 15.02.1016).
2. Министерство внутренних дел по Чувашской Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://21.mvd.ru/> (дата обращения: 15.02.1016).
3. Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. №707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (в ред. Приказа МВД России от 26.02.2015 N 283) // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/mvd/documents/20120328164545/item/2107415/> (дата обращения: 15.02.1016).
4. Федеральный закон от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №19. – Ст. 2060.

Карпов Алексей Валентинович

канд. ист. наук, доцент

Карпова Ольга Владимировна

старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

***Аннотация:** статья посвящена изучению нормативно-правовой базы организации государственной статистики в России на современном этапе. Особое внимание уделено анализу подзаконных и локальных нормативно-правовых актов в сфере официального статистического учета.*

***Ключевые слова:** статистический учет, система государственной статистики, нормативно-правовая база.*

На рубеже XX–XXI веков в условиях перехода российской экономики к рыночным отношениям в значительной степени увеличились потребности управляющих структур в своевременной и достоверной информации по различным аспектам жизнедеятельности общества. Большая роль в удовлетворении этой насущной потребности информационного общества принадлежит системе отчетно-статистической документации.

От качества оформления и ведения отчетно-статистических документов во многом зависит эффективность и своевременность принятия управленческих решений как на уровне отдельно взятой организации, так и всего общества в целом. Поэтому в современных условиях необходимость статистического наблюдения и комплексного анализа происходящих в обществе изменений требует создания соответствующей развитой информационной инфраструктуры, основанной на научно обоснованной системе отчетно-статистической документации.

К настоящему времени правовое регулирование официального статистического учета в России основывается на целом комплексе

нормативно-правовых, подзаконных и локальных актов. Нормативно-правовая база в области регулирования государственной статистики включает в себя прежде всего нормы отечественного конституционного права. Принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Конституция РФ [1], регулирует важнейшие правовые основы организации современной российской государственности. Отдельное внимание в Конституции РФ уделено разграничению предметов ведения между различными уровнями органов власти и управления, включая вопросы, связанные с ведением официального статистического учета. Так, согласно статье 71 Конституции РФ официальный статистический учет отнесен к сфере ведения Российской Федерации.

Среди нормативно-правовых актов в области регулирования официального статистического учета особое место занимают конституционные законы, кодексы и специализированные федеральные законы. Так, Конституционный закон от 17 декабря 1997 г. №2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [2] определяет состав высшего исполнительного органа государственной власти, порядок его формирования, полномочия (включая вопросы, связанные с организацией и проведением государственного статистического учета), принципы деятельности, взаимоотношения с другими органами государственной власти, принципы финансирования и др. В Кодексе об административных правонарушениях (КоАП РФ) [3], введенном в действие с 1 июля 2002 г. определены основные принципы и порядок привлечения к административной ответственности. КоАП РФ предусматривает ответственность за правонарушения в различных сферах. В их числе – и сфера предоставления респондентами статистических данных (статья 13.19). Правовую ответственность предприятий, учреждений, организаций и объединений за нарушение порядка представления государственной статистической отчетности и других данных, необходимых для проведения государственных статистических наблюдений определяет и Закон Российской Федерации от 13 мая 1992 г. №2761-І «Об ответственности за нарушение порядка представления государственной статистической отчетности» (статья 3) [5].

К настоящему времени в подавляющем большинстве развитых стран имеются специализированные законы об официальной статистической деятельности, которые определяют совокупность правоотношений всех субъектов общества в области государственной статистики. В России таковым нормативно-правовым актом стал Федеральный закон «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» [4]. Он был принят в конце 2007 г. с целью создания единых правовых основ в области официального статистического учета, направленных на обеспечение информационных потребностей государства и общества в полной, достоверной и научно обоснованной и своевременной официальной статистической информации о социально-экономических, демографических, экологических и иных общественных явлениях. До его принятия государственная статистическая деятельность в России базировалась в основном на различного рода подзаконных актах.

В упомянутом законе определены основные понятия, используемые в сфере государственной статистики, раскрыты принципы и формы официального статистического учета, установлен порядок предоставления первичной статистической информации, закреплены ответственность и гарантии лицам, предоставляющим такого рода информацию. Данный федеральный закон упорядочил взаимоотношения между уполномоченным Правительством Российской Федерации, федеральным органом исполнительной власти и другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами, обеспечил оптимизацию информационных потоков и регламентацию статистической нагрузки на хозяйствующие субъекты.

Практические аспекты реализации установленных правовых норм в области организации и ведения официального статистического учета реализованы в целом ряде подзаконных нормативно-правовых актов. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 12 мая 2008 г. №724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» [6] была установлена структура федеральных органов исполнительной власти, которая действует до настоящего момента. В соответствии с 10 пунктом данного документа Министерство экономического развития и торговли РФ

было преобразовано в Министерство экономического развития РФ, в ведение которого помимо прочих служб была передана и Федеральная служба государственной статистики (ранее деятельностью Росстата руководило непосредственно Правительство РФ).

В связи с переходом Росстата в ведение Минэкономразвития России и вступлением в силу Федерального закона «О федеральном статистическом учете и системе государственной статистики в РФ» Постановлением Правительства РФ от 2 июня 2008 г. было утверждено новое Положение о Росстате [8]. В данном Положении перечислены основные функции, полномочия и организация деятельности Росстата.

В рамках конкретизации отдельных норм действующего специализированного закона в области официального статистического учета также было принято Постановление Правительства РФ от 18 августа 2008 г. №620 «Об условиях предоставления в обязательном порядке первичных статистических данных и административных данных субъектам официального статистического учета» [7]. Этим нормативно-правовым актом был установлен порядок организации официального статистического учета в стране и утверждено соответствующее Положение о предоставлении респондентами статистических и административных данных.

Среди подзаконных нормативно-правовых актов в области регулирования статистического учета и системы государственной статистики отдельную группу составляют локальные организационно-распорядительные документы самого Росстата. Так, Приказом Федеральной службы государственной статистики от 15 ноября 2012 г. №606 «О Порядке опубликования и вступления в силу актов Федеральной службы государственной статистики, признанных Министерством юстиции Российской Федерации не нуждающимися в государственной регистрации» [10] был обновлен порядок опубликования и вступления в силу актов Росстата, признанных Минюстом России не нуждающимися в государственной регистрации. В соответствии с ним было установлено, что указанные акты публикуются в журнале «Вопросы статистики» и на официальном сайте службы (www.gks.ru), что и является их официальной публикацией. Ранее до этого действовал порядок, в соот-

ветствии с которым официальной публикацией таких актов признавалось только их размещение в журнале «Вопросы статистики». Также этим приказом закреплён порядок, что акты вводятся в действие с момента подписания (утверждения), если сами не содержат иного срока и/или порядка вступления в силу. Управление информационных ресурсов и технологий обеспечивает размещение актов в Интернете, а юридическая служба Росстата информирует Минюст России об их опубликовании.

Регламентом Федеральной службы государственной статистики, утвержденным Приказом Федеральной службы государственной статистики от 27 ноября 2012 г. №618 [9] устанавливаются общие правила внутренней организации и деятельности Федеральной службы государственной статистики по реализации полномочий и взаимодействию с другими государственными органами Российской Федерации. Приказ Росстата от 16 апреля 2008 г. №85 «Об утверждении формуляра-образца формы федерального статистического наблюдения» [11] устанавливает требования к оформлению форм унифицированной системы отчетно-статистической документации, используемых при проведении федеральных статистических наблюдений.

Проведенный анализ нормативно-правовой базы регулирования сферы государственной статистической деятельности в России на рубеже XX–XXI веков свидетельствует о том, что вопросы, связанные с организацией официального статистического учета в нашей стране стали предметом пристального внимания со стороны законодателя и нашли свое практическое отражение в целом комплексе подзаконных и локальных нормативно-правовых актов, принятых на различных уровнях государственного управления. Среди названных нормативно-правовых актов главным специализированным законом об официальной статистической деятельности в нашей стране является Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации». Нормы действующего законодательства определяют Росстат в качестве главного уполномоченного федерального органом исполнительной власти, осуществляющего функции по принятию нормативных правовых актов в сфере государственной статистической деятельности, формированию официальной статистической информации и обеспечению Президента РФ, Правительства РФ,

Федерального Собрания РФ, органов государственной власти, организаций и граждан полной, достоверной и своевременной статистической информацией о социальном, демографическом и экологическом положении страны.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. №2 – ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1997. – №51. – Ст. 5712.
3. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – №1 (Ч. I). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 29 ноября 2007 г. №282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – №49. – Ст. 6043.
5. Закон Российской Федерации от 13 мая 1992 г. №2761-I «Об ответственности за нарушение порядка представления государственной статистической отчетности» // ВСНД РФ и ВС РФ. – 1992. – №27. – Ст. 1556.
6. Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. №724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. – 2008. – №20. – Ст. 2290.
7. Постановление Правительства РФ от 18 августа 2008 г. №620 «Об условиях предоставления в обязательном порядке первичных статистических данных и административных данных субъектам официального статистического учета» // СЗ РФ. – 2008. – №34. – Ст. 3929.
8. Положение о Федеральной службе государственной статистики. Утверждено Постановлением Правительства РФ от 2 июня 2008 г. №420 «О Федеральной службе государственной статистики» // СЗ РФ. – 2008. – №23. – Ст. 2710.
9. Регламент Федеральной службы государственной статистики. Утвержден Приказом Федеральной службы государственной статистики от 27 ноября 2012 г. №618. Зарегистрирован в Минюсте России 17 января 2013 г. Регистрационный №26558 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2013. – 8 апреля.
10. Приказ Федеральной службы государственной статистики от 15 ноября 2012 г. №606 «О Порядке опубликования и вступления в силу актов Федеральной службы государственной статистики, признанных Министерством юстиции Российской Федерации не нуждающимися в государственной регистрации» Зарегистрировано в Минюсте РФ 17 декабря 2012 г. Регистрационный №26145 // Российская газета. – 2012. – 24 декабря.
11. Приказ Росстата от 16 апреля 2008 г. №85 «Об утверждении формуляра-образца формы федерального статистического наблюдения» // Вопросы статистики. – 2008. – №6. – С. 86–88.

Матюшин Петр Николаевич

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ И РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТОЙ В ПРАКТИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «АБС ЗЭИМ АВТОМАТИЗАЦИЯ»)

Аннотация: в статье рассмотрены аспекты внедрения информационных технологий в практику информационно-документационного обеспечения управления руководителя компании негосударственного сектора. На основе применения метода анализа обозначены ключевые этапы формирования бездокументационного обслуживания руководства в практике деятельности персонала.

Ключевые слова: телефонные переговоры, почта, деятельность руководителя.

Телефонная связь является самым распространенным видом оперативной административно-управленческой связи. Абонентами сети телефонной связи являются как физические, так и юридические лица – предприятия. Для большинства фирм телефон является своеобразной визитной карточкой предприятия, поскольку все первоначальные контакты с заказчиками и поставщиками чаще всего осуществляются по телефону. Удобство соединения и сервисные возможности телефона – а они во многом определяются эксплуатацией офисной автоматической телефонной станцией (далее АТС) – формируют первое впечатление об имидже фирмы [5, с. 53].

АТС применяются в средних и крупных организациях, потому что обеспечивать каждого сотрудника городским номером телефона дорогостояще и не очень целесообразно. Офисная АТС позволяет обеспечить оперативную и многоканальную связь со всеми сотрудниками предприятия. Помимо этого АТС используются из-за ряда преимуществ перед обычными телефонами:

- многоканальность, т.е. возможность подключения телефонного аппарата к различным телефонным линиям;
- переключение вызывающего абонента на другую линию;

- наличие кнопки временного отключения микрофона от сети;
- возможность переговоров сразу с несколькими абонентами;
- постановка собеседника на удержание вызова;
- наличие электронного телефонного справочника и автонабора;
- возможность подключения телефона к компьютеру;
- наличие автоответчика и встроенного диктофона для записи передаваемых сообщений;
- автоматическое определение номера вызывающего абонента с отображением его на дисплее и др. [5, с. 55].

Организация телефонных переговоров составляет большую часть работ департамента управления делами (далее ДУД) и помощника руководителя по организации бездокументного обслуживания управления. Все звонки централизованно поступают в департамент управления делами, так как номер департамента указан на сайте организации, указывается в справочных данных предприятия. ДУД выступает своеобразным «фильтром» при обработке телефонных звонков. В ДУД установлены два телефонных аппарата типа АТС, и еще 5 обычных телефонов. Звонок поступает в департамент и сразу определяется номер абонента и его имя, если его данные есть в справочнике телефона. Тем самым сотрудники уже внутри департамента могут распределять звонки, переводя абонента на нужного специалиста. Наличие определителя номера позволяет сотруднику сразу выбрать форму приветствия: при внешнем звонке обязательной формой приветствия является «АБС ЗЭИМ Автоматизация. Ирина. Добрый День». Если звонок внутренний, то обязательно сказать: «Департамент управления делами. Ирина. Здравствуйте». В связи с тем, что у организации широкий круг партнеров по всей России в департаменте управления делами среди сотрудников организовывается дежурство: если рабочий день до 17:00, то дежурство длиться до 20:00–21:00 часа. Дежурство организовывается для возможности решать управленческие задачи путем телефонных переговоров вне зависимости от часового пояса компаний-партнеров. При поступлении звонков в организацию после 18:00 необходимо говорить: «АБС Электро, Ирина, добрый вечер» [1, с. 3].

У каждого сотрудника в организации есть свой внутренний номер, который используется для связи внутри предприятия. Он состоит из четырех цифр. Все внутренние номера всех сотрудников

332 Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения

содержатся в специальном электронном справочнике. Разработкой и ведением справочника занимается ответственный сотрудник департамента управления делами. От актуальности этого справочника зависит оперативность организации телефонных переговоров, и поэтому данный справочник обновляется практически ежедневно. Любой сотрудник может скачать последнюю версию справочника из локальной корпоративной сети «Интранет». Поиск в справочнике может вестись как по номеру телефона, так и по должности и фамилии сотрудника.

Преимущественно все звонки поступают на АТС менеджера по управлению документацией, так как этот сотрудник является в подразделении наиболее опытным и с большим стажем работы в организации, поэтому менеджер очень оперативно переводит все звонки на нужного сотрудника или подразделение. Так же менеджер проводит фильтрацию звонков и тем самым, разгружает процесс ведения переговоров.

При поступлении звонка на ресепшн, т.е. ДУД, необходимо: узнать цель звонка, кому адресован, соединить с указанным адресатом: звонок-transfer внутренний номер департамента-transfer [1, с. 4].

Сотрудник ДУД, занимающийся организацией телефонных переговоров должен представлять характер вопросов, относящихся к компетенции того или иного подразделения и других работников организации, чтобы правильно направлять собеседника к соответствующему сотруднику, который может решить вопрос. Сотрудник ДУД должен быть осведомленным о распределении обязанностей внутри фирмы. Так же большое значение имеют вопросы, которые переводятся на секретаря руководителя. При переадресации телефонного вызова другому сотруднику, звонящему надо назвать ФИО этого сотрудника, его должность и телефон.

Организация телефонных переговоров происходит посредством перевода входящих звонков с помощью офисной АТС на внутренний номер сотрудника или подразделения. В рамках структурных подразделений звонки так же могут переводиться между сотрудниками департамента. Помимо стационарной телефонной связи переговоры могут осуществляться с помощью мобильной связи. Телефонный справочник, который используется каждым сотрудником предприятия, помимо внутреннего номера абонента, содержит так же и корпоративный мобильный номер телефона сотрудника. Если сотрудника нет на месте, то звонящего могут соединить на рабочий

мобильный телефон работника. Но такие «привилегии» доступны либо самим сотрудникам компании или же долгосрочным партнерам. Однако в каждом правиле бывают исключения, и если сотрудник не против решения вопросов по мобильному телефону, то с его одобрения звонок будет переведен.

Использование корпоративной сотовой связи на предприятии регулирует Положение «О корпоративной сотовой связи». Целью положения является установление требований к использованию корпоративной сотовой связи сотрудниками с точки зрения оптимизации хозяйственных расходов предприятия [3, с. 1]. Для каждого сотрудника, использующего корпоративную мобильную связь, устанавливается определенный лимит, превышение которого работник оплачивает самостоятельно из заработной платы, за исключением случаев обоснованных перерасходов. Для этого сотрудник предоставляет объяснительную записку, с указанием причин перерасхода. Генеральный директор предприятия рассматривает обоснованность перерасхода, подтвержденного детализацией звонков и целью командировки, и принимает решение об одобрении или отклонении обоснования суммы перерасхода лимита для данного сотрудника. При отклонении обоснования, сумма перерасходов удерживается из заработной платы работника [3, с. 2].

Не позднее 10 числа следующего за отчетным месяцем, ответственный сотрудник департамента информационных технологий получает от обслуживающей компании сотовой связи счет на оплату за предыдущий месяц и детализацию звонков по каждому сотруднику, проверяет превышение лимитов, отслеживает расходы по сотовой связи за месяц.

Сотрудники должны использовать корпоративную сотовую связь исключительно в служебных целях и обеспечить постоянное функционирование телефонного аппарата мобильной связи для оперативной связи с руководством. Нельзя передавать в пользование другим лицам корпоративный телефон и SIM-карты. При использовании корпоративной сотовой связи запрещается пользоваться развлекательными услугами (sms-контент, GPRS-Internet, MMS-контент). Нельзя разглашать номера корпоративной сети. Все подключения услуг сверх лимита необходимо письменно согласовывать с руководством [3, с. 4].

Вопросами организации телефонных переговоров руководителя предприятия занимается его помощник. Так как все звонки поступают в ДУД, то на секретаря руководителя переводят звонки, которые наверняка относятся к компетенции секретаря и руководства. Если рядовых сотрудников можно соединять на мобильный телефон для решения вопросов, то руководителю нельзя звонить на его мобильный и нельзя никого соединять на мобильный руководителя, только если он сам об этом просит.

Не соединять руководителя по рекламным вопросам, приглашениям, предложениям, секретарь направляет всех на электронную почту. Соединять руководителя с внутренними сотрудниками следует исключительно по просьбе Руководства. При внешнем звонке, секретарь узнает: кто звонит и по какому вопросу, предварительно решив самостоятельно степень важности звонка. Секретарю заводит телефонный справочник для записи полезных контактных телефонов руководителя (родственники, партнеры, коллеги). Если руководитель не принимает вызов телефона, всю информацию помощник записывает в заранее подготовленную форму и оставляет на столе руководителя. При отсутствии руководителя в офисе необходимо направлять ему sms-сообщение с информацией о всех поступивших звонках с контактным телефоном звонившего в независимости от важности и срочности, а также сообщать обо всех чрезвычайных (непредвиденных) ситуациях. В случае если руководителю необходимо связаться с каким-либо абонентом, но найти его не удастся, надо попробовать связаться с коллегой этого абонента и узнать, где он может быть, либо направить абоненту sms-сообщение с просьбой срочно связаться.

По субординации, сначала необходимо разыскать необходимого абонента, а потом уже соединить его с руководителем [2, с. 7].

Инструкцией по делопроизводству закреплено, что в целях повышения продуктивности рабочего процесса допускается вести коммуникативную переписку по электронной почте между сотрудниками, являющимися пользователями информационной системы ОАО [4, с. 11]. Электронная переписка – это обмен корреспонденцией, переданный посредством электронной почты [5, с. 5]. Лицо, ведущее переписку по электронной почте от имени другого лица (или в его интересах), должно быть на это уполномочено. Электронная переписка между сотрудниками ОАО в рамках электронной почты приравнивается к отправке бумажной корреспонденции, и не требует дублирования на бумажном носителе, за исключением

случаев оформления документов, требующих по закону наличия печати и личной подписи руководителя. Все электронные письма в рамках электронной переписки должны содержать следующие параметры:

- имя и адрес отправителя письма (формируется автоматически);
- дата и время отправки письма (формируется автоматически);
- тема сообщения (формируется автором письма);
- текст сообщения (формируется автором письма);
- автоматическая подпись автора письма (создается при настройке программы работы с электронной почтой) [5, с. 15].

Автоматическая подпись должна содержать: фамилию, имя, отчество владельца адреса, его должность, название подразделения в котором он работает, номер служебного телефона и адрес служебной электронной почты. В теме сообщения необходимо указывать название организации, документы которой пересылаются, или же вопрос, которому посвящено письмо.

Электронные письма сохраняются в электронной почте по важности решаемого вопроса. При пересылке электронной переписки другим корреспондентам необходимо уделять внимание аспектам конфиденциальности и субординации, помнить о важности сохранения контекста по решаемому вопросу, сохранять историю переписки.

При ведении электронной переписки не допускается:

- использование шаблонов электронных писем, замедляющих скорость прохождения электронных писем из-за содержания больших графических файлов;
- использование сложных и нестандартных шрифтов в тексте письма.

Запрещается пересылка по электронной ведомственной почте вложений (файлов) объемом более 6 Мбайт. Письма, превышающие данный объем задерживаются и фильтруются на сервере. В случае переполнения почтового ящика на сервере, автоматически адрес сотрудника временно «блокируется», а получение писем – приостанавливается.

При отсутствии на рабочем месте сотрудника ОАО, замещающий его сотрудник должен настроить переадресацию электронной

почты на личный почтовый ящик. Отсутствие сотрудника на рабочем месте не является оправданием при игнорировании поступающей электронной почты.

Письма, полученные от сотрудников ОАО в рамках электронной переписки не должны быть оставлены без ответа. Срок ответа на полученные письма в рамках электронной переписки не должен превышать 2-х рабочих дней [5, с. 8].

Электронной почтой руководителя занимается его помощник. Все электронные письма приходят централизованно на один электронный адрес, а потом сотрудник ДУД занимается пересылкой в соответствии с компетенцией и вопросом. Помощник после получения электронных писем проводит их экспертизу, какие-то письма сразу пересылает исполнителям, рекламную информацию допускает распечатать и положить руководителю на стол.

Таким образом, телефонные переговоры и электронная почта позволяют оперативно решать управленческие задачи, возникающие в процессе функционирования предприятия и его структурных подразделений. Так как компания имеет большое количество партнеров по всей стране и за ее пределами, так же имеет свои филиалы и представительства, то современные средства связи облегчают процесс сотрудничества и обмена информацией. Однако, как канал информационного потока, эти сферы деятельности требуют не только высокой компетенции обслуживающего персонала, но и технической защищенности, соответствующего уровня конфиденциальности передаваемых и получаемых сведений.

Список литературы

1. Инструкция по ведению телефонных переговоров от 14.01.2015. – С. 3.
2. Инструкция по работе в приемной генерального директора ОАО «АБС ЗЭиМ Автоматизация» от 20.12.2014. – 7 с.
3. Положение «О корпоративной сотовой связи». Утверждено от 18.03.2009. – 5 с.
4. Положение «Процедура управления организационно-распорядительной документацией», утверждено Приказом №54 от 06.09.2013. – 38 с.
5. Стандарт организации «Процедура управления организационно-распорядительной документацией», утвержден Приказом №107 от 02.08.2013. – 43 с.
6. Корнеев И.К. Информационные технологии в работе с документами. – М.: Проспект, 2015. – 304 с.

Смирнова Алина Леонидовна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

АРХИВНАЯ ИСТОРИЯ «ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ»

Аннотация: в работе рассмотрена история возникновения архивного фонда одного из амбициозных проектов советской исторической науки «История фабрик и заводов» 1930-х гг.

Ключевые слова: архив, архивный фонд, история фабрик, история заводов, Горький, редакция, комиссия.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится фонд «Издательство фабрик и заводов» (ф. Р-7952). Этот фонд образовался как следствие одного из амбициозных проектов советской исторической науки 30-х годов XX в.

В отечественной историографии рассматриваемый проект прочно связан с именем Алексея Максимовича Горького, который, как было принято считать, положил начало монографическому изучению истории промышленных предприятий Советского Союза статьей, опубликованной в газетах «Правда» и «Известия» [8; 15].

Однако, справедливости ради, следует отметить, что этот процесс начался задолго до того, как А.М. Горький приехал в СССР, и, тем более, задолго до того, как идея привлекла его внимание. Бесспорно, вклад А.М. Горького в развертывание работы по реализации данного проекта велик, и ему можно посвятить не одну публикацию. Но это не тема данной статьи, и о роли А.М. Горького речь пойдет постольку, поскольку именно ему принадлежит, особенно на первом этапе реализации проекта, решающая роль в формировании концепции издания.

Первые в советской литературе работы по истории промышленных предприятий СССР были предприняты в 1920-х гг. рабочими-корреспондентами, историками, писателями, местными истпартами и истпрофами [5]. Сначала в центре их внимания оказались

предприятия Ивановской области, затем руководители профсоюзов и партийных организаций Москвы и Московской области стали создавать структуры, которые должны были изучать историю предприятий московского региона.

В 1928 г. Московским областным советом профсоюзов была создана Комиссия по монографическому обследованию и изучению промышленных предприятий. Исследования должны были быть посвящены одновременно прошлому и настоящему промышленно-сти. В комиссию входили сотрудники различных институтов Комкадемии.

Сразу же определили организационные рамки: сначала была создана комиссия по истории фабрик и заводов, затем эта комиссия получила определенный статус. Для сбора материалов в качестве основных выбрали два московских предприятия. Они должны были послужить базой для отработки методики и методологии исследования. Одно – предприятие легкой промышленности – знаменитая Трехгорная мануфактура, второе – предприятие тяжелой промышленности – металлургический завод «Серп и молот». На их основе отрабатывались все механизмы исследований.

В том, что исследовательским полигоном стали предприятия Москвы есть своя закономерность. Здесь еще в дореволюционный период был накоплен определенный опыт подобных исследований и изданий. Имеется ряд работ по некоторым отраслям индустриального производства города, в частности, электротехнической, мясной, текстильной, резиновой и др.

Так, в докладе М.Я. Кульчицкого, подготовленном для Второго Всероссийского электротехнического съезда 1901–1902 гг. в Москве, и опубликованном отдельным изданием спустя год, речь шла о возникновении в столице первых электротехнических предприятий, давалась оценка их состояния и определялись перспективы развития отрасли. Я.Ф. Каган-Шабшай приводит сведения обо всех московских торгово-промышленных фирмах, занятых электротехническим производством [9; 12]. В книгах В. Постникова и Д.Г. Горбунова даётся характеристика мясной отрасли пищевой индустрии города [2; 14]. Выходили в дореволюционные годы также книги об отдельных московских предприятиях [6; 10; 19; 20].

В январе 1930 г. на расширенном заседании Секции по истории пролетариата был заслушан отчет о проделанной ею работе за предыдущий год, намечались новые задачи, формировались творческие группы. Но, главное, был поставлен вопрос о выделении исследований промышленных предприятий в отдельное направление.

В результате Президиумом Коммунистической Академии было решено создать Комиссию по монографическому изучению отдельных предприятий, разделенную на шесть тематических групп (техническая, экономическая, социально-бытовая и др.) [7, с. 20]. Одной из групп, чья работа была сосредоточена на исследовании исторических аспектов, и куда входили сотрудники Секции по истории пролетариата, руководила А.М. Панкратова. Разработкой программы «Изучение социального состава рабочих на предприятии» занимался Б.Л. Маркус [1, д. 48, л. 309–318, 320–323]. Им же был составлен рабочий план [1, д. 44, л. 19–25].

На протяжении 1930 и 1931 гг. работа по монографическому изучению промышленных предприятий концентрировалась на сборе материалов по истории предприятий «назначенных» быть исследовательским полигоном.

Новый импульс данный проект получил осенью 1931 г. Сообщение об этом обнаруживается в письме Л.М. Кагановича И.В. Сталину от 6 сентября, где Каганович информировал Сталина о телефонном звонке к нему А.М. Горького, который убеждал руководителя Московского городского комитета партии (этот пост занимал Каганович), что надо бы развернуть более широкую программу изучения истории предприятий, чем то, что делалось на тот период в Москве, и изложил свое видение этого проекта.

Судя по тону письма, Каганович, видимо, был раздосадован обращением к нему Горького. Возмущение его вызвало то, что А.М. Горький предложил такой проект, но сам уклонился от его обсуждения по существу, обещанных материалов к заседанию Политбюро не представил, и Кагановичу пришлось информировать Политбюро самому. И в этой связи Кагановичу предложение Горького кажется неправильным. «Во-первых, сама идея издания расплывчата, не определена. Во-вторых, по изложению Горького, это будет по преимуществу история завода в техническом смысле.

Причем именно это и служит обоснованием издавать эту историю в научно-техническом издательстве. Редакцию предложил он следующую: Авербах, Александров, Бухарин, Тройский, Горький, Енукидзе, Жига, Вс. Иванов, Кржижановский, Либединский, Леонов, Постышев, Пятаков, Свердлов, Сейфулина, Тихонов, Троицкий, Чубарь, Чумандрин, Шверник. Уже один этот список является яркой иллюстрацией расплывчатости всей этой истории, а техников здесь меньше всего» [18, с. 85].

Высказывая свои соображения, Каганович обращал внимание Сталина на то, что Горький выступает проводником идей Бухарина, которому, по мнению Кагановича, «верить нельзя, он враждебен нашей линии – линии партии» [18, с. 85].

Вместе с тем Политбюро одобрило предложение Горького и дало поручение «секретариату сформулировать постановление и составить редакцию, предложенная редакция, конечно, не годится» [18, с. 85].

Судя по всему, одновременно Горькому было дано добро на публикацию его статьи в центральных газетах – «Правде» и «Известиях», и 7 сентября 1931 г. статья «История фабрик и заводов» была опубликована.

Эта статья фактически стала манифестом, в котором Горький изложил свое видение проблемы и определил пути реализации этого проекта: «Нам необходимо изучать нашу действительность во всём её объёме, нам нужно знать в лицо все наши заводы и фабрики, все предприятия, все работы по строительству государства. Надо подробно, всесторонне знать всё, что нами унаследовано от прошлого, и всё, что создано за четырнадцать лет, создаётся в настоящем. Надобно знать роль каждого наиболее типичного завода, каждой области производства, – завода как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода как воспитателя классового, революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны. Надо знать завод в его современном значении как организатора социалистического сознания и социалистического производства» [3, с. 143].

Определяя кто должен заниматься практической реализацией этого масштабного проекта, Горький предполагал, что процесс создания «Истории» будет сосредоточен в ячейках РАППа, вокруг

которых будут концентрироваться творческие силы – работники заводов и журналисты: «Организационными центрами по работе над историей заводов должны быть ячейки РАПП. К работе следует привлечь ударников, литкружки, инженерно-технический персонал, проф- и парторганизации» [3, с. 144].

Примечание: РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей – литературное объединение, образованное в 1925 г. на I-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей. Главными активистами и идеологами РАПП были писатели Д.А. Фурманов, Ю.Н.LIBЕДИНСКИЙ, В.М. КИРИШОН, А.А. ФАДЕЕВ, В.П. СТАВСКИЙ, критик В.В. ЕРМИЛОВ.

В сущности, в статье Горький повторил основные положения, которые он изложил в телефонном разговоре с Кагановичем, и которые последний подверг жесткой критике. Несмотря на декларативный характер статьи, некоторые ее положения носили программный характер и для автора представлялись принципиальными. Так, Горький необоснованно противопоставлял авторские коллективы, состоящие из писателей, передовых рабочих, журналистов и др. ученым-историкам: «До них история писалась учеными специалистами так же, как церковники сочиняли жития святых... Теперь настало время, когда вы, товарищи, создавая новую историю, сами должны писать ее... силой той же руки и того разума, которые поставили вас хозяевами огромной и богатейшей страны» [3, с. 145].

Несмотря на откровенную декларативность, статья сыграла свою роль, инициировав принятие Постановления ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. Согласно ему «История заводов» была призвана показать формирование, борьбу и освобождение пролетариата, завоевавшего власть на одной шестой части мира и ведущего трудящихся Советского Союза к коммунизму. «Сборники эти, – отмечалось в Постановлении, – должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплуатации (так в тексте – А.С.) на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль за-

вода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и подъем производства за последние годы» [17, с. 374].

Этим постановлением была утверждена Главная редакция, куда вошли партийные деятели – П.П. Постышев, А.А. Андреев, Н.М. Шверник, Л.М. Каганович, А.В. Косарев, Л.З. Мехлис, Д.Е. Сулимов, Н.Н. Попов, А.И. Стецкий, писатели – А.М. Горький, В.В. Иванов, Л.Н. Сейфуллина, Ю.Н. Либединский и др., ученые – А.М. Панкратова и некоторые сотрудники Комакадемии, которые имели уже определенный опыт работы в этом направлении. До этого и в проекте Кагановича, и в проекте Горького историки отсутствовали. С этого момента начинается другая жизнь проекта.

Главными требованиями, сформулированными в Постановлении ЦК ВКП(б) к редакции «Истории заводов», и авторским коллективом, формировавшимся на предприятиях, было решение чисто идеологических задач, воспитание в рабочей среде патриотизма и верности своему предприятию. По первоначальному замыслу инициаторов проекта это должна была быть история «снизу» – история, записанная и написанная самими рабочими. Поначалу сотни и тысячи рабочих приняли участие в этом начинании. Так, московский завод «Серп и молот» (б. Гужон), который был в числе базовых предприятий, где отработывалась методика работы над «Историей», вызвал на социалистическое соревнование редколлегии других заводов. «История заводов» есть большевистское дело, – писали в своем обращении редколлегия и рабочий актив завода, – в котором требуются социалистические методы работы, высокое идеологическое качество и ударные темпы» [4, с. 3].

Вместе с тем энтузиазм, с которым была воспринята идея проекта на заводах и фабриках, не мог компенсировать (особенно на первых порах) отсутствие необходимых знаний, навыков исследовательской работы в самостоятельных исследовательских коллективах. «Однако достаточного методологического и методического руководства со стороны Общества историков-марксистов и его отделений на местах местные редколлегии не получают», – отмечалось в статье «За большевистские темпы реализации решения ЦК. Об изучении истории фабрик и заводов», вышедшей в мае 1932 г. [4, с. 4].

Однако там, где в процессе сбора и обработки материалов принимали участие профессиональные историки – ученые Комакадемии, результаты позволяли смотреть в будущее «Истории заводов» с обоснованным оптимизмом. Был собран громадный массив документов и материалов, который концентрировался в исследовательских структурах Комакадемии. На многих, особенно крупных предприятиях, появились энтузиасты своего дела – рабочие, инженеры, овладевшие исследовательскими навыками. Значительная часть тиражей выходивших книг по истории конкретных предприятий приобреталась заводами, и торжественно вручалась передовым работникам предприятия в качестве поощрения за успешный труд.

В первые годы существования редакции шел процесс интенсивного накопления необходимых знаний, отрабатывался механизм сбора документальных материалов, вырабатывался алгоритм написания воспоминаний рабочих – участников революционного движения, социалистической индустриализации, крупных общественно-политических событий.

Нельзя не остановиться на «технологии» сбора документальных материалов по истории предприятий, что можно проследить, в частности, на примере завода «Серп и молот». Опираясь на постановление ЦК ВКП(б), обязывавшего руководителей заводов оказывать необходимую помощь авторским коллективам, занятымписанием истории предприятия, историки, руководимые ими заводские энтузиасты – рабочие, инженеры, служащие, собирали документы для «Истории» порой самыми «варварскими» способами: изымали экземпляры планов и отчетов из текущего архива завода, по акту, на время работы над книгой, извлекались документы из заводского архива, которые еще не были переданы на государственное архивное хранение. Подобные методы были характерны не только для столичных заводов. Они были широко распространены во всех регионах, где разворачивалась работа над «Историей заводов».

Завершая экскурс в создание источниковой базы серии, следует с благодарностью вспомнить тех, кто собрал этот огромный уникальный материал по истории заводов в разных концах страны.

Прежде всего, потому, что после того, как в конце 1930-х гг. редакция «Истории заводов» была ликвидирована, сконцентрированные в ее архиве материалы оказались во многом единственными свидетельствами о жизнедеятельности заводов в 1920–1930-е гг. Это связано с тем, что, когда началась Великая Отечественная война, многие предприятия, вошедшие в число монографически изучаемых, были эвакуированы на Восток. В процессе эвакуации далеко не всегда удавалось вывезти текущие архивы. Они уничтожались на месте. Это касалось не только заводов, которые оказались на оккупированной территории, но и предприятий Москвы в том числе. В итоге, сохранились только изъятые исследователями документы, оставшиеся в архиве редакции.

Несмотря на всю амбициозность проекта и то значение, которое придавалось его реализации, судьба редакции «Истории заводов» складывалась весьма непросто. Сначала в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. она относилась к ОГИЗу (Объединению государственных книжно-журнальных издательств при Наркомпросе РСФСР, созданному 30 июля 1930 г.), затем в соответствии с постановлением ОГИЗа от 1 января 1933 г. она была объединена с редакцией «История гражданской войны». Издательство «История Гражданской войны и история фабрик и заводов» при ОГИЗ просуществовало до середины 1937 г., тем самым было прекращено совместное четырехлетнее функционирование двух совершенно разнородных структур. Третья и последняя реорганизация «Истории фабрик и заводов» состоялась 22 июня 1937 г., когда приказом ОГИЗа ее выделили в самостоятельное издательство, задачей которого был сбор документов по истории фабрик и заводов Москвы, Московской области, Ленинграда, Ленинградской области, Урала, Сибири, Украины, по истории метро, железнодорожного и водного транспорта, составление обзоров архивных материалов и библиографических указателей по истории фабрик и заводов, подготовка рукописей к печати. Но в этом виде оно действовало совсем недолго. 31 января 1938 г. приказом ОГИЗ Государственное издательство «История фабрик и заводов» было ликвидировано.

Документы издательства как относящиеся к повседневной его деятельности на протяжении всей его короткой истории, так и ис-

следовательские документы и авторские тексты были собраны в отдельный фонд (Р-7952) Государственного архива Российской Федерации, насчитывающий 3500 единиц хранения, содержащихся в 10 описях.

Подводя итоги, следует заметить, что среди историков нет однозначного отношения к деятельности издательства «Истории фабрик и заводов». Так, несколько лет назад вышла книга А.М. Маркевича и А.К. Соколова «Магнитка близ Садового кольца», посвященная заводу «Серп и молот», где авторы довольно уничижительно отзываются о своих предшественниках – исследователях истории этого завода и в целом о деятельности издательства [13, с. 7].

Эта точка зрения получила довольно широкое распространение среди историков, что связано, на взгляд автора, с неоправданной «заорганизованностью» процесса создания книг по данной проблематике. Однако эта «заорганизованность» во многом обусловлена объективными обстоятельствами, связанными с недостаточной квалификацией исполнителей, нехваткой кадров профессиональных историков, способных вытянуть на своих плечах огромный объем плановых объектов издательства. Достаточно напомнить, что в первоочередных планах значились книги по истории 43 заводов.

Другим, довольно распространенным негативным отношением к деятельности Издательства, было утверждение о том, что оно не столько оказывало методологическую и методическую поддержку авторским коллективам, помогало «доводить» рукописи до готового состояния, сколько указывало, как и о чем нужно писать, «подстригая» всех под одну гребенку. Вследствие чего извращалась самая идея издания, а изданные книги по истории предприятий стали походить одна на другую, по замечанию одного из сторонников данной точки зрения, словно яйца в лукошке [16].

Во многом это замечание справедливо. И, возможно, именно в силу этого отношения к деятельности Издательства исследователи довольно редко обращаются к материалам фонда. Однако автор придерживается другой точки зрения [11, с. 23–24], согласно которой идеологические перекосы, имевшие место в деятельности Издательства, не умаляют результатов работы сотрудников редакции

и издательства «Истории фабрик и заводов» по сбору и сохранению документальных материалов по истории десятков заводов и фабрик.

Разумеется, изданные на первом этапе в рамках этого проекта книги по истории промышленных предприятий далеко не равноценны как по замыслу, так и по исполнению. Среди них были более удачные, были менее удачные. Наверняка имелись и откровенно слабые книги, с большой натяжкой могущие быть причислены к историческим трудам. Соответственно и наше сегодняшнее отношение к ним разное. Но наши предшественники, в чрезвычайно непростых условиях сумевшие до издания первые три с лишним десятка книг, на многие годы предопределили интерес к этой тематике, который не проходит вот уже 85 лет.

Список литературы

1. Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1.
2. Горбунов Д.Г. Московские городские боины. Исторический очерк / Д.Г. Горбунов. – М., 1913.
3. Горький А.М. Собрание сочинений: в 30 т. / А.М. Горький. – М.: Гослитиздат, 1953. – Т. 26. – 464 с.
4. За большевистские темпы реализации решения ЦК. Об изучении истории фабрик и заводов // Борьба классов. – 1932. – №5. – С. 1–10.
5. Зак Л.М. История фабрик и заводов / Л.М. Зак // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / Под ред. Е.М. Жукова. – М.: Сов. энциклопедия. – Т. 6. – 1965. – Стб. 590.
6. Золотой юбилей. К 50-летию со дня основания Товарищества Брокер и Ко. Краткая история. 1864–1914. – М., 1915.
7. Игнатенко Т.А. Изучение истории рабочего класса СССР в Институте истории Коммунистической академии при ЦИК СССР (1929–1935 гг.) / Т.А. Игнатенко // История и историки: историогр. ежегодник / Акад. наук СССР. Отд-ние истории. Науч. совет по проблеме «История ист. науки», Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1975. – С. 5–32.
8. Известия. – 1931. – 7 сент.
9. Каган-Шабшай Я.Ф. Московская электротехническая промышленность / Я.Ф. Каган-Шабшай. – М., 1910.
10. Карвовский О.И. Московское тов. Резиновой мануфактуры. 1898–1908 / О.И. Карвовский. – М., 1908.
11. Корнаковский И.Л. От «Гужона» к «Серпу и молоту» (История Московского металлургического завода «Серп и молот» в документах. 1883–1932 гг.) / И.Л. Корнаковский. – Чебоксары, 2008. – 368 с.
12. Кульчицкий М.Я. Электротехнические заводы в городе Москве / М.Я. Кульчицкий. – СПб., 1903.
13. Маркевич А.М. «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. / А.М. Маркевич, А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 2005. – 367 с.

14. Постников В. Краткое описание мясной промышленности города Москвы / В. Постников. – М., 1900.
15. Правда. – 1931. – 7 сент.
16. Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) / А.К. Соколов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB4/sokolov.htm#33> (дата обращения: 20.01.2016).
17. Справочник партийного работника. – М.: Партиздат, 1934. – Вып. 8. – 884 с.
18. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. – М.: РОССПЭН, 2001. – 798 с.
19. Терентьев П.Н. Прохоровская Трехгорная мануфактура в Москве, 1799–1899: Историко-стат. очерк. / П.Н. Терентьев. – М., 1900.
20. Шестаков П.М. Рабочие на мануфактуре Товарищества «Эмиль Циндель» в Москве / П.М. Шестаков // Стат. исследования. – М., 1900.

Тарасова Татьяна Сергеевна

аспирант

ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный
университет экономики и права»
г. Иркутск, Иркутская область

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) УСЛУГ В РОССИИ

***Аннотация:** современное российское государство значительную часть своих усилий тратит на создание и предоставление населению качественных государственных (муниципальных) услуг. Их зарождение и история становления в том виде, в котором мы привыкли их наблюдать, насчитывают немало этапов. В данной статье в хронологической последовательности (исторический метод познания) рассмотрены предпосылки возникновения рассматриваемых услуг, а также приведены некоторые из конкретных примеров их появления и формирования.*

***Ключевые слова:** государственные услуги, муниципальные услуги, возникновение услуг.*

Население городов XXI века изо дня в день все чаще говорит о качестве государственных (муниципальных) услуг (далее – услуг).

348 Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. III Смирновские чтения

Однако, так было не всегда. В современном мире заметны тенденции нового понимания роли государства, его задач и функций, взаимоотношений общества и органов государственной власти [5, с. 3]. И сегодня «модно» и очень важно оказывать и, соответственно, получать качественный сервис не только со стороны частных организаций, но и со стороны государственных органов.

Цель данной статьи – в сжатом формате во временном периоде, начиная с XVI века и до сегодняшнего дня, рассмотреть на примере Российского государства этапы логической цепи «предпосылки возникновения услуги – государственная (муниципальная) услуга – качественная государственная (муниципальная) услуга».

Несмотря на то, что в статье речь о появлении услуг не государственного характера не идет, следует все же отметить, что «первые термин «услуга» в оборот ввел французский экономист Ж.Б. Сэй, использовавший его в своей работе «Трактат по политической экономике» (1803 г.)» [7].

Термин «услуга» в российском законодательстве впервые появился в Конституции РФ (1993 г.), где он упоминается в ст. 8 и 74 [3, с. 129]. А термин «государственная (муниципальная) услуга» мы смогли наблюдать лишь в 1998 году с момента появления в России Бюджетного кодекса [1].

О том, как дела обстояли с услугами до XXI века постараемся разобраться далее. Отметим лишь, что рассматривать историю начнем с XVI века.

Вероятность возникновения государственных, а в дальнейшем и муниципальных услуг логичнее всего связывать с появлением своеобразных государственных и, соответственно, муниципальных органов власти. Изучая данную тему важно знать, что в современном понимании государственная услуга и государственная функция различны между собой, однако в рассматриваемый период времени подобные различия не принимались во внимание, а это означает, что государственной услугой могла считаться любая деятельность государства, направленная на человека и общество (образование, здравоохранение, социальная защита и др.).

Рассуждение в данном ключе, пожалуй, следует начать с периода правления Русскому государству царя Ивана Грозного, при котором в общем-то и стал функционировать «первый» орган госу-

дарственной власти. Своеобразно выполняющая ряд функций современного Правительства – Избранная Рада приняла Судебники и провела реформы, способствовавшие государственной централизации и укреплению позиций России того времени с внешней и внутренней стороны. Таким образом, XVI век можно считать периодом возникновения первого из условий (орган государственной власти), необходимого для осуществления государственных услуг.

Появившиеся в XVII веке созывы Земского собора, в рамках которых рассматривались и решались вопросы различного характера (начиная от принятия законов (Соборное уложение) и решений об использовании государственных денежных средств, сбора налогов и прочее), а также развитие бюджетной системы государства – стали следующей ступенью развития сферы услуг (второе условие – система законов и государственный бюджет). Так, например, вопросы распределения земли можно с определенной долей уверенности отнести к одному из видов государственных услуг того времени.

Начало XVIII века, ознаменованного ростом в России бюрократического аппарата (в особенности при правлении Павла I), в большей мере оставило отпечаток на дальнейшей системе деления услуг на государственные и муниципальные. Это связано с обретением системой государственного управления в тот период законченных черт, которые выражались в приобретении всеми органами власти местного уровня единообразных характеристик и подчинении всех их определенному центральному ведомству.

Если учесть тот факт, что в XVIII веке услуги и функции еще были равны между собой, то ярким примером деятельности по предоставлению услуг служит выполнение губернаторами Петра I следующих функций: судебных, надзорных, экономических, административных и других, которые исходили от лица государства и были направлены на «удовлетворение потребностей» населения как в прямом, так и косвенном смысле. В 1721 году Петр I ввел обязательные паспорта для крестьян, временно покидающих пределы постоянного жительства [8]. Данный вид деятельности государства напрямую свидетельствует о том, что самая распространенная сегодня государственная услуга существовала еще тогда, но лишь называлась по-другому.

Более того, в период правления Петра I появилась знаменитая Табель о рангах, а также закрепилось понятие государственной службы, отношение к которой стало носить более профессиональный характер (третье из условий – государственная профессиональная служба).

Система управления Екатерины в отличие от системы Петра I, была еще более продуманной и в большей мере ускорила рост провинциальных экономик. Своего рода услугами того периода можно, например, считать некоторые виды деятельности князя Г.А. Потемкина Таврического, который «поощрял переселение иностранцев в Новороссию, не позволял возвращать беглых крестьян, ходатайствовал за раскольников перед императрицей» [9]. Помимо этого, следует отметить появление государственных кредитных учреждений, а также вклад (хоть и не большой, по мнению некоторых историков), который Екатерина Великая внесла в развитие образования, науки и здравоохранения – сфер, предоставление услуг в которых играет огромную роль (четвертое из условий – наличие разнообразия сфер услуг).

Развитие непосредственной сферы услуг начинается с момента появления самого термина «услуга», а именно в начале XIX века. Только тогда на уровне государства начинают рассматривать вопросы о необходимости перехода от производства товаров к производству услуг. И если за рубежом этот процесс идет полным ходом, то в России того времени наблюдается лишь зарождение идей. Примером государственных услуг можно считать бытовое обслуживание граждан, которое осуществлялось изначально именно государством (ремонт и строительство жилья и др.), действия государства, направленные на социальную защиту нуждающихся граждан, а также другая деятельность государства административного и экономического характера.

Конец XIX века – начало XX во многом схожи между собой, миру становятся известны многие из распространенных государственных услуг, таких как, например, услуги антимонопольных служб, услуги министерств здравоохранения, образования и других.

Конец XX века ознаменован появлением Указа Бориса Ельцина «о паспорте», который датируется 1997 годом.

Спустя год в Российском законодательстве появится официальный термин «государственная услуга», который в ближайшие несколько лет будет фигурировать в различных вариациях во множестве других нормативно-правовых актах. Тогда же появится и термин «качество государственных (муниципальных) услуг», а также многие другие понятия и документы, идущие в ногу со временем. Основным документом, регламентирующим вопросы качества рассматриваемых услуг, станет Федеральный закон №210-ФЗ [2].

Итак, Российское государство, начиная с XVI века, закладывало фундамент для будущего развития сферы предоставления рассматриваемых услуг, который сегодня дает хорошие результаты. Можно с уверенностью сказать, что несмотря на то, что государственный сервис Российской Федерации до сих пор во многом отстает от сервиса ряда других стран, она все же делает семимильные шаги на пути к повышению качества государственных (муниципальных) услуг.

Доказательством тому может служить представленная ниже диаграмма, отражающая целевые значения уровня удовлетворенности получателей государственных и муниципальных услуг по годам реализации административной реформы и других (смежных) программ совершенствования государственного управления (рис. 1.) [10].

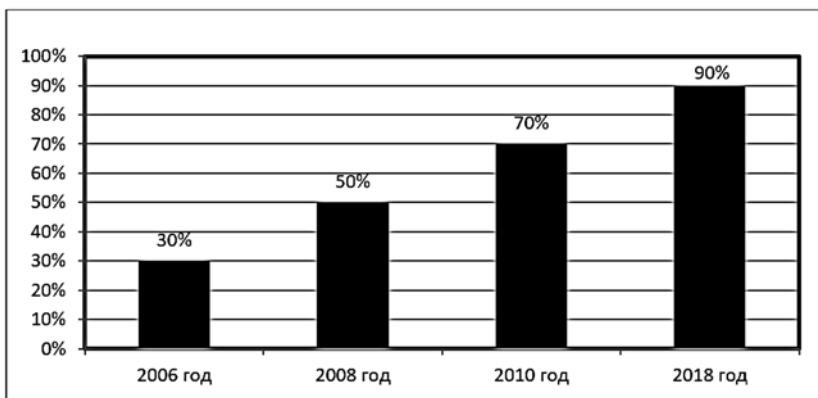

Рис. 1. Целевые значения роста уровня удовлетворенности получателей муниципальных услуг [10]

Итогом проведенного исследования может служить суждение, согласно которому «... функции государства зависят от тех задач, которые стоят перед обществом» [4, с. 32]. Исходя из которого следует, что «вхождение термина «государственные услуги» в нашу жизнь связано с изменением роли и задач государства в обществе, с утверждением новых ценностей и приоритетов» [6, с. 15].

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 №145 – ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – №31. – Ст. 3823.
2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – №31. – Ст. 4179.
3. Алькина Г.И. Сущность государственных услуг / Г.И. Алькина, В.А. Герба // Вестник ТОГУ. – 2009. – №3. – С. 129–134.
4. Беляев А.Н. Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт / А.Н. Беляев, Е.С. Кузнецова, М.В. Смирнова [и др.]. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 54 с.
5. Неделько С.И. Понятие государственной услуги как категории государственного управления / С.И. Неделько, И.А. Мурзина, С.Н. Егоров // Общественные науки. Социология. – 2008. – №3. – С. 3–11.
6. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные / Л.К. Терещенко // Журнал российского права. – 2004. – №10. – С. 15–23.
7. Иванов В.А. Развитие содержания государственных услуг / В.А. Иванов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-38–382012/item/1077–2012–02–27–05–46–30>
8. История паспорта в России // Риановости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20061109/55491483.html>
9. История центрального федерального органа // Портал государственных органов Костромской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.region.kostroma.ru/authorities/central/index.aspx
10. Тарасова Т.С. Анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей качество предоставления государственных и муниципальных услуг в России / Л.К. Терещенко // Экономика и социум. – 2015. – №2 (15) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iupr.ru

Тюрина Юлия Андреевна

студентка

Историко-архивный институт
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва

Киселева Екатерина Львовна

канд. ист. наук,

заместитель начальника отдела
научно-информационной и справочной работы
ФКУ «Государственный архив РФ»
г. Москва

**«МОЕ ВРЕМЯ – ЭТО ВРЕМЯ МОЕЙ СОВЕТСКОЙ
ЖИЗНИ». ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО УПРАВЛЕНЦА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО ФОНДА
ПОСЛЕДНЕГО РУКОВОДИТЕЛЯ ГЛАВАРХИВА
СССР Ф.М. ВАГАНОВА)**

***Аннотация:** в данной статье рассмотрена перспективность обращения к личным фондам советских управленцев для изучения функционирования госаппарата и мотивации их труда на примере комплексов источников личного фонда начальника Главархива при Совете Министров СССР Ф.М. Ваганова, отражающих его научную и управленческую деятельность. Авторы пришли к выводу, что такой источник, как личный фонд, позволяет изучать отношение управленца к тем или иным событиям и определять степень его личного участия в работе госаппарата.*

***Ключевые слова:** личный фонд, Главархив СССР, госаппарат, историко-партийная наука, архивная отрасль.*

В советскую эпоху тема труда всегда несла в себе определенную идеологическую нагрузку. Герои труда – рабочие от станка и передовые колхозники – активные строители нового общества.

В современной отечественной историографии изучение проблем трудовых отношений эпохи социализма, проводимое путем

сочетания макро-и микроисследований, также касается, в основном, индустриального труда. Здесь следует в первую очередь упомянуть работы, где в качестве объектов исследования выступали отдельные предприятия [2; 3]. В результате изучения источников, отражающих историю конкретных заводов, авторам данных исследований удалось провести наблюдения и сделать выводы об изменениях в мотивации труда в различные исторические периоды.

Если трудовой вклад промышленного или сельскохозяйственного рабочего может быть «измерен» в количестве изготовленных деталей или в объемах собранных урожаев, то результаты труда управленца увидеть гораздо труднее. Отчасти поэтому в массовом сознании всегда присутствовала негативная оценка чиновников. Достаточно вспомнить образы, созданные русской литературой в XIX веке или перманентную активную борьбу с бюрократизмом в госаппарате в эпоху строительства социализма.

Для изучения особенностей функционирования государственного аппарата в советскую эпоху для того, чтобы увидеть механизмы его работы «изнутри», с целью осмысления их пороков и дефектов, для того чтобы понять трудовые мотивации руководителя высшего и среднего звена, рядового управленца, также необходимо погружение на «микроуровень».

Результативность такого исследования в историческом контексте находится в прямой зависимости от информационных возможностей источников, на основе которых оно строится. Как нам кажется, личные фонды государственных и общественных деятелей советской эпохи обладают в этом смысле огромным потенциалом, открывая перед историками большие перспективы для исследования.

Т.И. Хорхордина, оценивая огромный вклад в теорию архивоведения В.Н. Автократова, особо обращала внимание на данную им характеристику архивного фонда как исторического источника. Он рассматривал архивный фонд как «генетически и структурно целостный источник потенциальной информации», и считал, что «процессу фондообразования, включающему складывание органической структуры фонда, присущи черты естественно-исторического процесса» [5, с. 336].

Личный фонд создающийся в процессе жизни и деятельности государственного, общественного деятеля, именно благодаря этой

«генетической целостности», позволяет воссоздать его биографию в контексте эпохи, а значит, проводить микроисследование о его трудовой и общественной деятельности.

Конечно, документы личного фонда не одинаково полно отражают те или иные периоды деятельности фондообразователя. Поэтому при изучении его биографии конечно, нельзя ограничиваться только этим комплексом источников. Однако он создает основу для биографического исследования, обозначая его дальнейшие пути и направления.

В рамках данной статьи мы бы хотели на примере документов личного фонда последнего руководителя Главного архивного управления при Совете Министров СССР Федора Михайловича Ваганова (1921–1993) обратить внимание на ведущую информационную роль такого комплекса источников как личные фонды советских управленцев при изучении их трудовой деятельности.

Ценным источником для исследования трудовой деятельности отдельного человека могут быть его воспоминания. К сожалению, Федор Михайлович Ваганов не оставил воспоминаний, хотя, как свидетельствуют документы его личного фонда, попытки их написать были. Среди документов, составляющих научное наследие последнего руководителя Главархива СССР, сохранились полторы страницы рукописного текста, озаглавленного «Мое время. Автобиографические заметки». Они начинаются словами:

«На моем лицевом счету имеется уже более 28 тысяч дней (Календарь времени февраля 1992 г. зафиксировал 71 год.). Именно в эту дату завершилась моя трудовая деятельность, которая исчисляется пятидесяти пятью годами» [1, д. 82, л. 163].

Отложившиеся в его личном фонде подлинник трудовой книжки, копии автобиографии из личного дела сотрудника Главархива СССР, многочисленные «справки-объективки» и другие официальные документы позволяют обозначить основные этапы этой более чем полувековой трудовой деятельности.

Ф.М. Ваганов начал ее в возрасте 16 лет, работая сначала в колхозе, а затем на маслозаводе. В 1938 г. был избран секретарем Толконцевского сельсовета Крутинского района Омской области. В марте 1941 г. с переходом на работу в районный комитет ВЛКСМ начнется его комсомольско-партийная карьера. Уже в июле

1941 г. из районного комитета ВЛКСМ он переводится на работу в Омский, а затем в январе 1943 г. в Тюменский обком ВЛКСМ. С марта 30 марта по 4 сентября 1950 г. работает в должности инструктора Отдела пропаганды и агитации в Тюменском обкоме КПСС. Освобожден от занимаемой должности в связи с отъездом на учебу в Свердловскую двухгодичную партийную школу. После окончания партийной школы в августе 1952 г. вновь был направлен в «распоряжение Тюменского обкома КПСС» [1, д. 3, л. 5], где проработает до сентября 1956 г.: сначала на должности заместителя заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, затем заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации. Однако, вероятно, еще в период работы в Тюменском обкоме ВЛКСМ он задумывается о карьере управленца. Как свидетельствует сохранившийся в его личном фонде диплом, в 1948 году он становится слушателем заочного отделения Высшей партийной школы при ЦК КПСС [1, д. 2, л. 7]. Это откроет ему дорогу в историко-партийную науку, пройдя по которой, он станет доктором исторических наук, профессором. Эти факты биографии подтверждаются дипломами и аттестатами, отложившимися его в личном фонде [1, д. 2, лл. 9, 11, 13, 15].

С поступления в сентябре 1956 г. в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС начинается московский период трудовой деятельности Ф.М. Ваганова – период его постепенного восхождения по карьерной лестнице на пост начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

После окончания аспирантуры в 1960 г. и защиты кандидатской диссертации «по решению ЦК КПСС» зачислен в штат Отдела истории КПСС Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1963 г. переведен в Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. (с 1967 г. – Комитет народного контроля СССР). В мае 1967 г. направлен в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС. Здесь Ф.М. Ваганов проработает в должностях инструктора, консультанта и заведующего сектором до своего назначения в августе 1978 г. заместителем начальника Главвархива СССР. В ноябре 1983 г. он назначается начальником главка. В этой должности он проработает до ликвидации самого учреждения. В его трудовой книжке появится следующая запись:

«1992.01.01. Освобожден от должности начальника Главного архивного управления в связи с прекращением деятельности Главного архивного управления в связи с ликвидацией СССР» [1, д. 3, л. 15].

Завершение трудовой деятельности Ф.М. Ваганова совпадает с завершением советской эпохи в отечественной истории. В несостоявшихся «Автобиографических заметках» он напишет: «Мое время – это время моей советской жизни, которое оказало решающее влияние и определило мой жизненный путь» [1, д. 82. л. 164].

Таким образом, официальные документы биографического характера, сохранившиеся в личном фонде Ф.М. Ваганова, позволяют выделить в теме его трудовой деятельности сюжеты, каждый из которых мог бы стать предметом «микроисследования» и главой в книге, посвященной его биографии.

Перед нами традиционный путь советского управленца, представителя партийной номенклатуры. В эпоху демократических перемен конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия под влиянием новой политической конъюнктуры к ним, как представителям тоталитарной эпохи, к их трудовому вкладу в массовом сознании преобладало негативное отношение. Вероятно, поэтому после выхода на пенсию Ф.М. Ваганов так и не напишет воспоминания о своей советской жизни.

Однако, без изучения деятельности партийно-государственного аппарата управления и трудового участия отдельных его представителей невозможно объективно осмыслить место и значение эпохи социализма в отечественной истории.

О работе Ф.М. Ваганова в Омской и Тюменской областях документы личного фонда практически ничего не сообщают. Для изучения этого периода его трудовой деятельности необходимо тщательное изучение материалов областных архивов новейшей истории, в частности документов Музея истории комсомольских организаций Тюменской области, с сотрудниками которого он контактировал в конце 1980-х гг. Об этом свидетельствует переписка, сохранившаяся в личном фонде. И все же отдельные документы личного фонда позволяют историку получить представление о трудовых буднях Ф.М. Ваганова – работника обкома. В фонде сохрани-

лась газета «Тюменский комсомолец» от 28 октября 1988 г. с публикацией интервью его товарища по работе в Тюменском обкоме ВЛКСМ, первого секретаря обкома Т.Е. Пахотина. Вспоминая о своих трудовых буднях, он рассказывал корреспонденту газеты:

«Мы работали на износ – не вылазили из командировок, месяцами мотались, то по северу, то по югу области, в посевную и уборочную в обкоме оставался только дежурный» [1, д. 117, л. 2].

Работа «на износ» во имя большой цели активно культивировалась в эпоху социализма. При этом вопрос почему все много работают, а результата не видно, зачастую оставался без ответа. Конкретного результата, порой, добивались с помощью работников обкомов партии и комсомола. Вновь обратимся к воспоминаниям Т.Е. Пахотина:

«С решениями обкома ВЛКСМ считались даже ушлые хитрые хозяйственники, которых мы на бюро вызывали, шерстили за нежелание вникнуть в беды молодых» [1, д. 117, л. 2].

Авторитет партии и комсомола, культивируемый в общественном сознании давал повод «партийно-комсомольской элите» верить в свою исключительность и оправдывать большими целями волюнтаризм при принятии тех или иных решений. Хотя в своем интервью Т.Е. Пахотин даже не упоминает Ф.М. Ваганова, оно дает ключ к пониманию того, при каких условиях формировались его основные рабочие качества.

Директор Центрального архива народного хозяйства СССР В.В. Цаплин писал: «Ради справедливости надо отметить, что Ф.М. Ваганов старался работать, болел за дело». Он же упоминал о склонности Федора Михайловича абсолютизировать собственное мнение [6, с. 376].

Если говорить об особенностях состава документов личного фонда Ф.М. Ваганова, помимо наличия большой фотоколлекции, иллюстрирующей его служебную деятельность, нельзя не обратить внимание на значительное количество газетных вырезок и экземпляров печатных изданий, отражающих эпоху, в которой он жил. Хотя газетные или журнальные статьи сами по себе не являются уникальными документами, оказываясь в личном фонде с пометами фондообразователя, могут многое рассказать о нем самом, прежде всего о том, какие из происходящих вокруг событий вызывали его особый интерес.

В личном фонде сохранился большой объем материалов, отражающих научную и общественную деятельность Ф.М. Ваганова как историка партии. На наш взгляд документы о его защитах кандидатской и докторской диссертаций, лекции по истории КПСС, прочитанные в обществе «Знание» и в Высшей партийной школе ЦК КПСС, его рецензии на академическое издание многотомной «Истории СССР», записки об исторической науке периода «перестройки» – уникальный источник для изучения особенностей историко-партийной науки, ее взаимоотношений с академической исторической наукой.

Если изучать их в комплексе с документами, собранными Ф.М. Вагановым, где нашли отражение деятельность его главных оппонентов ректора МГИАИ Ю.Н. Афанасьева и преподавателя МГИАИ лидера демократических реформ в архивном деле профессора Б.С. Илизарова, отчасти можно понять, почему стал возможен резкий поворот общественного сознания от восхваления «завоеваний» Октября 1917 г., до их полного отрицания.

Существующая историко-партийная наука ничего не предлагала, кроме традиционных догматических схем изучения опыта КПСС, в то время как представители «нового направления в исторической науке», чей период профессионального становления проходил в условиях хрущевской «оттепели», предлагали обратиться к социальной истории.

О том, какой интерес вызывали лекции этих историков, свидетельствует сохранившаяся в фонде Ф.М. Ваганова записка неустановленного автора с критикой методологического семинара преподавателей истории КПСС вузов г. Москвы, которым тогда руководил ректор МГИАИ Ю.Н. Афанасьев. Автор записки с раздражением писал: «...Апофеозом деятельности Ю.Н. Афанасьева на поприще руководителя представителей «нового направления исторической науки» следует считать организованную им в марте 1987 г. лекцию доктора исторических наук Ю.С. Борисова (Институт истории СССР АН СССР) на тему «Сталин – человек и символ». ...Ажиотаж был огромным. Пришлось вызывать наряды милиции на ул. 25-го Октября. Пригласили телевидение. Но что было снимать? Неорганизованную аудиторию слушателей, пришедших послушать «мифы о Сталине»?» [1, д. 115, лл. 2–3].

Как оценить трудовой вклад Ф.М. Ваганова – историка партии, который не мог принять, перемены в исторической науке и в общественной жизни, произошедшие после официально провозглашенной партией перестройки? Как свидетельствуют документы, он занял активную принципиальную позицию полного неприятия каких-либо перемен.

В личном фонде отложились материалы о подготовке статьи Ф.М. Ваганова и А. Пономарева, опубликованной в газете «Советская культура» 4 июля 1987 г. под названием: «Не идеализировать и не драматизировать» – ответ Ф.М. Ваганова и его сторонников на интервью Ю.Н. Афанасьева, опубликованное в этой же газете 21 января 1987 г. [1, д. 79 лл. 81–91, 117–131, 133]. Номер «Советской культуры» с интервью ректора МГИАИ, с многочисленными пометами Федора Михайловича, сохранился в его фонде [1, д. 128, лл. 4–5]. Здесь же отложились рукопись статьи «Прорабы перестройки архивного дела: кто они и что делают?» [1, д. 79, лл. 138–170], которая была опубликована в журнале «Советские архивы» без указания автора [4, с. 46–57].

Любопытна «заочная» полемика историка партии Ф.М. Ваганова с М.С. Горбачевым об итогах развития советского общества. Машинописный текст с цитатами из выступлений «генсека» и обширные комментарии к ним Федора Михайловича относятся к 1991–1992 гг. [1, д. 82. лл. 1–64].

Документы научной и общественной деятельности Ф.М. Ваганова позволяют обозначить причины его оппозиционности «новому направлению» в исторической науке и архивном деле, его категорического неприятия кардинальных перемен в обществе. Они, как нам кажется, крылись в том, что методологически он воспринимал историческое исследование как законченный процесс. Внутренняя преданность КПСС не позволяла ему ни при каких условиях сомневаться в правильности партийных решений. Любое «покушение» на авторитет партии было для него неприемлемым.

Периоды работы Ф.М. Ваганова в Институте марксизма-ленинизма и в Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. (с 1967 г. – Комитет народного контроля СССР) практически не нашли отражения в документах его личного фонда. Изучить этот период его трудовой деятельно-

сти Ф.М. Ваганова можно лишь обратившись к фондам этих учреждений и к возможно сохранившимся, воспоминаниям современников.

Работа в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС представлена фрагментарно. Из записок Федора Михайловича можно узнать о его зарубежных командировках в этот период. В мае 1968 г. в составе делегации он принимал участие в конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Карла Маркса, проходившей под эгидой Юнеско. В 1970 и 1972 гг. в составе делегаций работников ЦК КПСС Ф.М. Ваганов посещает ГДР. В 1974 г. выезжает в Париж по приглашению Института истории социализма, где встречается с правнуками Карла Маркса. В 1975 г. по приглашению социалистической партии Японии принимает участие в научной конференции, посвященной проблемам международного рабочего движения [1, д. 37. лл. 1–2]. Об этой поездке в фонде Ф.М. Ваганова сохранился подробный «фотоотчет» [1, д. 150].

Привлекая документы фонда ЦК КПСС, хранящихся в РГАНИ, интересно было бы изучить вопрос научных контактов Ф.М. Ваганова как сотрудника Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС с партийными и общественными структурами, проповедующими коммунистическую идеологию в сфере общественных наук за пределами СССР. Такое «микроисследование» возможно, позволило бы обратиться к изучению вопроса о роли КПСС в международном коммунистическом движении на «макроуровне».

Демократические перемены в обществе посеяли «смуту в архивном приказе». Именно так называлась статья в минской газете «Знамя юности» от 17 декабря 1990 г., сохранившаяся в фонде Ф.М. Ваганова, где сообщалось о бедственном положении белорусских архивистов. В начале января 1990 г. в Орловском и Тульском архивах прошли забастовки. Демократическая пресса обрушилась на союзный главк с резкой критикой. Среди документов, собранных Ф.М. Вагановым сохранились вырезка заметки о забастовках в архивах из газеты «Комсомольская правда» от 4 января 1990 г., а также заметка «Литературной газеты» о митинге в МГИАИ в связи с забастовками архивистов от 17 января 1990 г. [1, д. 118, лл. 2–3]. На митинге, как сообщала газета, говорилось о

том, что вопросы повышения зарплаты не решались Главархивом СССР с 1984 г.

По сути это была критика в адрес Ф.М. Ваганова, который в ноябре 1983 г. вступил в должность начальника союзного главка.

Деятельность Ф.М. Ваганова на этом посту нашла отражение в его служебных и личных записках, сохранившихся в личном фонде. Анализ этих источников позволяет судить о его личном трудовом вкладе.

Особый интерес представляет копия рабочей записки «Актуальные вопросы советского архивного строительства», составленной в 1984 году [1, д. 38, л. 1–19]. Поскольку этот документ фактически является программой его деятельности в качестве начальника Главархива СССР, обратимся к нему, чтобы понять, какие вопросы Федор Михайлович считал приоритетными для архивной отрасли.

Как партийно-государственный работник Ф.М. Ваганов видел необходимость в принятии традиционного для того времени совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, которое «должно определить перспективы развития архивного дела в стране» и Закона СССР об архивном деле. По этому поводу он писал в рабочей записке: «Юридическая основа организации архивного дела в стране должна быть приведена в соответствии со значимостью Государственного архивного фонда в советском государстве» [1, д. 38, л. 3]. При этом он активно апеллировал к зарубежному опыту и констатировал, что Главархив СССР уже обратился в Министерство юстиций СССР по данному вопросу.

Он считал необходимым выделить архивную отрасль в «Общесоюзном классификаторе отраслей народного хозяйства» в самостоятельный подраздел такой отрасли как «Наука и научное обслуживание».

Принципиально важным считал вопрос укрепления материально-технической базы государственных архивов. В записке он писал: «112 зданий, в которых хранится 36 млн. единиц хранения документов, в которых хранится 36 млн единиц хранения ГАФ СССР – это церкви и другие ветхие, не отапливаемые помещения, где нет и не могут быть созданы необходимые условия для длительного хранения архивных документов, 11 зданий находится в аварийном состоянии» [1, д. 38, л. 3].

Особо Федора Михайловича Ваганова волновала проблема комплектования государственных архивов архивными документами ведомств. Он считал практику подготовки и передачи документов из ведомств в государственные архивы не имеющей обязанности, которая подкреплена соответствующим законом, не отвечающей интересам общества.

Как партийный работник, Ф.М. Ваганов рассматривал вопросы использования архивов с точки зрения политической работы, которая ведется КПСС. Он считал необходимым включить в обязанности партийных комитетов привлекать архивные документы при проведении политических мероприятий.

Как руководитель архивного ведомства, понимал значение архивных источников для развития общественных и исторической наук и считал необходимым на законодательном уровне создать условия для расширения публикаторской деятельности, правда, лишь «по разрешению и согласию Главархива СССР» [1, д. 38, л. 14].

Далеко не в последнюю очередь волновал его вопрос обеспечения отрасли квалифицированными кадрами. Он достаточно четко сформулировал мысль, о том, что решать этот вопрос надо одновременно в двух направлениях: путем укрепления материально-технической базы МГИАИ, который готовит профессиональные кадры для отрасли, а также увеличивая заработную плату архивистов, как центральных архивов, так и заведующих архивными отделами исполкомов. В его рабочей записке приводились примерные расчеты необходимых затрат в бюджете, которые для этого потребуются.

Какие из этих вопросов ему удалось решить, а какие так и остались на бумаге и почему? Какие ответы на поставленные вопросы можно найти в его личном архивном фонде последнего начальника Главархива СССР?

Как видно из документов, отражающих его служебную деятельность, создание юридических основ деятельности архивной отрасли страшно затягивалось.

В фонде Ф.М. Ваганова сохранились тезисы беседы с Н.И. Рыжковым в мае 1988 г. Как свидетельствуют его записки, обсуждался вопрос о возможном объединении, с целью сокращения органов государственного управления, Государственной архивной службы

СССР с органами юстиции. Ф.М. Ваганов активно возражал, ссылаясь на имеющийся исторический опыт, апеллируя к мнению работников самих архивных учреждений, юстиции, а также к ученым и общественности. Он записал: «Здравый смысл отказывается понимать, зачем все это делается» [1, д. 44, л. 3]. Он считал необходимым сохранить Государственную архивную службу СССР, поскольку «не с кем объединять и необходимо следовать ленинской традиции» [1, д. 44, л. 5].

Проект «Закона о государственном архивном фонде» был подготовлен, но в «верхах» застревал. Об этом говорят документы, сохранившиеся в фонде Ф.М. Ваганова. Согласно протоколу заседания научного совета Бюро Совмина СССР по социальному развитию от 23 ноября 1988 г. проект было предложено доработать. В повестке заседания президиума Совета Министров СССР от 20 июня 1990 г., экземпляр которой был направлен Ф.М. Ваганову, указывалось, что проект Закона СССР «Об архивном фонде» вновь предстояло рассмотреть [1, д. 21, л. 1–7]. Таким образом, чуть меньше чем за два года решение вопроса мало продвинулось.

Историкам еще предстоит искать ответ на вопрос, почему не решались насущные проблемы, как в стране, так и в архивной отрасли, хотя из документов личного фонда Ф.М. Ваганова отчетливо видно, что важность их решения осознавалась на уровне архивных учреждений и их руководителей.

Вопросы достойного финансирования отрасли Главархив СССР не имел возможности решать самостоятельно, а нехватка денег в бюджете была постоянной причиной «забывать об архивах». Вопросы строительства архивохранилищ и повышения заработной платы практически не решались.

К началу «перестройки» именно эти вопросы были подняты «демократами архивного дела». Поднимались они справедливо и своевременно, об этом свидетельствуют документы, собранные Федором Михайловичем, но не всегда представители демократического направления действительно пытались разобраться в истинных причинах происходящего.

Все осложнялось еще и тем, что общество «внезапно» раскололось на «два лагеря»: в одном публично сжигали партийные билеты, в другом яростно защищали исторический опыт КПСС. Одни «разрушали» старое здание, а другие его яростно защищали. При

этом оба «лагеря» не стеснялись громких слов, навешивая друг на друга «ярлыки»: «агрессивно-пассивное большинство», «прорабы перестройки». Однако никто не хотел искать пути к согласию и совместным решениям.

Такое ощущение остается сегодня после изучения газетных вырезок из прессы тех лет, которые Ф.М. тщательно собирал.

В период «демократической революции» архивы и союзный главк обвиняли в сокрытии тайн. В качестве «обвинителя» чаще других в прессе выступал доктор исторических наук Б.С. Илизаров. Ф.М. Ваганов тщательно следил за этими выступлениями. В его фонде сохранились статьи и интервью заведующего кафедрой теории и практики архивного дела МГИАИ в «Литературной газете» 1 июня 1988 г. «Кому выгодны тайны», где затрагивался вопрос разработки закона об архивах [1, д. 133, л. 1], «Безмолвие спецхранов» в газете Московские новости от 30 апреля 1989 г., «Дальнейшее сохранение «тайн» архивов аморально» в газете «Собеседник» в августе 1989 г. [1, д. 133, л. 2–4], в которых поднимались вопросы о необходимости правового урегулирования доступности архивной информации.

С началом «перестройки» вопрос о доступности архивов стал одним из основных для архивной отрасли. Он активно обсуждался «на уровне» ЦК КПСС. Подтверждением тому копия докладной записки Ф.М. Ваганова «О расширении информационной базы и доступа научных учреждений и исследователей по общественным наукам к документам ГАФ СССР», сохранившаяся в его личном фонде. Она датируется по тексту документа – не ранее декабря 1986 г. [1, д. 41. лл. 1–10].

В докладной записке сообщалось об объемах документов с ограниченным доступом и даны ссылки на нормативные документы на основании которых осуществлялось их ограниченное использование. Из ее текста записки следует, что союзный главк зачастую был неправомочен решать проблемы доступа. 67 млн единиц хранения документов ГАФ СССР находились на хранении в ведомствах.

Устраивало ли такое положение руководителя Главархива СССР? Исходя только из текста записки, сказать трудно, но ясно, в сокрытии «документов от общественности» не был «виновен» только союзный главк, как часто воспринималось общественным

сознанием периода «перестройки». Так работала система партийно-государственного аппарата, элементом которой был Главархив СССР.

Пожалуй, единственный вопрос, который мог решать руководитель Главархива СССР самостоятельно, «вне системы», используя свои связи и контакты в ЦК КПСС, это повышение авторитета архивов. При этом он, конечно же, опирался на свои представления об их особом «политическом значении». Поэтому Ф.М. Ваганов придавал особое значение организации масштабных выставок.

О мероприятиях Главархива СССР в период, когда его возглавлял Ф.М. Ваганов достаточно подробно и красочно рассказывает его «фотоархив».

В его «Хронике основных мер, осуществленных учреждениями Государственной архивной службы СССР в 80-е гг.», сообщается, о двух масштабных мероприятиях: прошедшей в 1984 г. на ВДНХ СССР выставке, организованной Главархивом СССР и Министерством культуры СССР, «Использование ГАФ для дальнейшего развития советской культуры», о выставке «Государственный архивный фонд СССР и его роль в перестройке», проходившей в 1988 г. [1, д. 46. лл. 3, 7].

Не последнее место занимала в Главархиве СССР публикаторская деятельность в рамках международного сотрудничества. В своем докладе о международных контактах советских архивов он упоминал о выходе в свет следующих сборников: 1983 – «Советско-финские отношения 1948–1983 гг.» 1985 – «Россия и Швеция от войны к добрососедству и сотрудничеству 1810–1818»; «Русско-британские отношения эпохи Петра I 1697–1725» [1, д. 46. л. 7].

В период, когда Ф.М. Ваганов возглавлял Главархив СССР, проводилось множество различных конференций и общественных мероприятий. Его записи существенно дополняют информацию об этих мероприятиях, публиковавшуюся в журнале «Советские архивы». Назовем лишь некоторые из них: 1984: Школа передового опыта в области использования документов ГАФ СССР в условиях развитого социалистического общества; расширенное заседание научного совета Главархива СССР, где обсуждалась тематика научных исследований по проблемам архивного дела, археографии и архивоведения; 1985 – Всесоюзная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела

в условиях развитого социалистического общества»; 1986 – Всесоюзное совещание руководящих работников и специалистов Государственной архивной службы СССР; 1988 – Всесоюзная научно-практическая конференция «Ленинские принципы социалистического архивного строительства – основа перестройки и совершенствования архивного дела».

Анализ документов, отражающих деятельность Ф.М. Ваганова на посту начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР позволяет заметить, что в программе «тормоза перестройки» (так иногда в прессе называли Ф.М. Ваганова его оппоненты) было обозначено много проблем, необходимость решения которых стало программой и демократических сил. Решить их в рамках традиционной партийно-государственной системы управления, которая постепенно теряла жизнеспособность, было уже невозможно.

Не последнюю роль в эпоху революционных демократических перемен играло отношение к Ф.М. Ваганову как к партократу «сталинской закваски». В.В. Цаплин писал: «Я лично неудачи Ф.М. Ваганова в значительной степени склонен связывать с тем, что он не скрывал своих просталинских взглядов. Это отталкивало от него многих архивистов и было причиной невосприятия, может быть, даже положительных идей и практических действий начальника» [6, с. 376].

В начале 90-х гг. прошлого столетия в эпоху «кризиса социализма» не было «принято» находить что-то позитивное. Но сегодня, по прошествии более двух десятков лет, когда утихли «политические страсти» демократической революции, настало время объективно изучить события кануна «перестройки», в том числе в архивной отрасли, обратившись к личным фондам сотрудников Главархива СССР, других руководителей архивной отрасли. Документы личного фонда Ф.М. Ваганова побуждают начать эту работу.

Примечания:

Авторы выражают благодарность: *Н.С. Зелову* – заведующему архивохранилищем личных фондов ГА РФ, *Е.М. Буровой* – канд. ист. наук, проф., заведующей кафедрой архивоведения Историко-архивного института (ИИАИ) РГГУ за помощь в работе над темой.

Список литературы

1. ГА РФ. Ф. 10020. Оп. 1.
2. Журавлев С.В. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивации труда на советском предприятии 1928–1938 гг. / С.В. Журавлев, М.Ю. Мухин. – М., 2004.
3. Маркевич А.М. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и Молот», 1883–2001 гг. / А.М. Маркевич, А.К. Соколов. – М., 2005.
4. «Прорабы перестройки» архивного дела: кто они и что делают? // Советские архивы. – 1990. – №2.
5. Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы 1917–1980-е гг. – М., 1994.
6. Цаплин В.В. «Я на все хочу иметь свое мнение...»: Научные труды, письма, воспоминания. – М., 2011.

Шумилова Ольга Владимировна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОЛЛЕГИАЛЬНОГО СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ОРГАНА
(НА ПРИМЕРЕ СОВЕТА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
И СПЕЦИАЛИСТОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Аннотация: в статье описывается документальный комплекс, создаваемый Советом молодых ученых и специалистов Чувашской Республики. Особое внимание автором уделено характеристике реквизитов протокола и описанию работы секретаря над ним.

Ключевые слова: документ, протокол, коллегиальный принцип, принятие решений, Совет молодых ученых, Совет молодых специалистов.

Проблема общественно-политической активизации молодежи, взаимодействия государственных институтов власти с молодежью и молодежными общественными движениями является актуальной и неоднократно затрагивается в публикациях современных авторов [1–3]. Слабо освещенным аспектом этой проблемы становится участие молодых ученых и специалистов в решении проблем, затрагивающих их деятельность, посредством объединения их в коллегиальные совещательные органы при региональных органах власти.

Основными мотивами создания советов молодых ученых и специалистов является содействие развитию научных инициатив и способствование квалификационному росту молодых научных кадров, а также формирования кадрового резерва [5]. В этом отношении можно согласиться с выводами А. Ласка о роли лидерства в развитии организаций, функционирующих в публичной сфере [4, с. 93].

Рассмотрим организационные аспекты деятельности подобных органов на примере Совета молодых ученых и специалистов Чувашской Республики (далее – Совет) был создан в 2009 г. как консультационный совещательный орган при Министерстве образования и молодежной политики Чувашской Республики.

Совет формируется по представительному принципу из председателей советов молодых ученых образовательных научно-исследовательских учреждений и предприятий, а также представителей научных общественных организаций.

Основными формами изучения, обобщения передового опыта организации и ведения научной работы являются научные и научно-методические конференции и семинары.

На данный момент при участии Совета успешно реализуются республиканская программа развития образования в Чувашской Республике на 2011–2020 годы, республиканская программа «Молодежь Чувашской Республики: 2011–2020 годы»

Лучшие молодые исследователи имеют возможность претендовать на соискание Государственной молодежной премии Чувашской Республики, а также на соискание специальной стипендии Президента Чувашской Республики за особую творческую устремленность.

Совет выдвигает кандидатуры от республики на соискание премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых.

За несколько лет деятельности СМУС сложились основные приоритетные направления:

- республиканские конкурсы «Аспирант года», «Лучший молодой ученый Чувашской Республики»;
- фестиваль педагогического мастерства «Открытая лекция»;
- республиканские акции «Неделя без турникетов» и «Экскурсия в индустриальную Чувашию».

Члены Совета выступают экспертами в конкурсах, научно-практических конференциях разного уровня, молодежных форумах, обсуждают нормативно-правовые документы, определяющие развитие науки в ЧР.

Деятельность Совета подлежит обязательному документированию. Ответственность за ведение и сохранность документов возлагается на секретаря Совета.

В функциональный документный комплекс входят документы, относящиеся к различным подсистемам и системам документации. В частности, к организационной подсистеме принадлежат Положение о Совете молодых ученых и специалистов Чувашской Республики, Регламент работы Совета, к распорядительной – протокол заседания Совета, выписка из протокола заседания. Работа Совета осуществляется на основе плана, составляемого на учебный год. Учетными документами являются список членов Совета, список членов Бюро Совета, а также явочный лист заседания и бюллетени для тайного голосования. Большой массив документов Совета может быть отнесен к информационно-справочной подсистеме: повестка дня заседания, извещение о дате и времени заседания (письмо-приглашение для внешних организаций и электронное сообщение для членов Совета), доклад, сообщение, а также проект решения по вопросам повестки дня.

Принадлежность документов к одному функциональному документному комплексу выражается в единстве оформления их реквизитов и единообразии некоторых речевых формул в текстах.

При оформлении документов, входящих в функциональный документный комплекс о деятельности Совета, используются листы бумаги формата А4. На первом листе располагаются реквизиты заголовочной части по принципу общего бланка (эмблема и наименование Совета, вид документа, дата и регистрационный номер, место составления документа) и бланка письма (эмблема и наименование Совета, справочные данные о Совете, дата и регистрационный номер, ограничительная отметка для ссылки на исходящий номер и дату документа адресанта).

Рассмотрим подробно составление и оформление протокола – документа, фиксирующего ход заседания и принятые Советом решения. В его формуляр входят следующие реквизиты [6]:

- эмблема Совета;
- наименование вышестоящего органа (Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики);
- полное наименование Совета (Совет молодых ученых и специалистов Чувашской Республики);
- название вида документа (*протокол*);
- дата;
- индекс (в пределах календарного года);
- место составления;

– вид заседания.

В заголовочной части протокола оформляется такая информация как:

– состав присутствующих (председатель; секретарь; список присутствовавших членов коллегиального органа; приглашенные лица, если таковые были с указанием должности и наименованием организации);

– повестка дня в виде списка вопросов в форме заголовков к последующему тексту. По каждому вопросу указывается докладчик.

Протокол ведется во время заседания секретарем Совета. Он использует заранее подготовленные к заседанию документы: повестку дня, списки приглашенных, списки членов Совета, тексты докладов, выступлений, электронные презентации, информационные справки, проекты решений и др.

Регламент работы Совета предусматривает оформление полного протокола, текст которого составляется по схеме *слушали – выступили – решили* по каждому пункту повестки дня.

Слово «*слушали*» нумеруется в соответствии с номером пункта повестки дня, оформляется от границы левого поля прописными буквами, после него ставится двоеточие. Далее с красной строки оформляются в родительном падеже фамилия и инициалы докладчика без наименования должности (*слушали* кого?), ставится тире и после него обычно кратко записывается содержание доклада. Доклад и его презентация представляются заранее и в обязательно подписанном и датированном виде оформляются в статусе официального приложения к протоколу.

Изложение обычно ведется от третьего лица единственного числа в прошедшем времени. Если текст основного доклада заранее подготовлен, то при оформлении протокола допускается кратко сформулировать тему доклада в соответствии с повесткой дня и после точки сделать отметку «Текст доклада прилагается».

Вопросы к докладчику и последующие вопросы к каждому из выступающих, а также ответы на них записываются в порядке их поступления и оформляются с новой строки.

Все выступления по обсуждаемому вопросу оформляются после слова «*выступили*» от границы левого поля прописными буквами, после него также ставится двоеточие. Фамилия и инициалы каждого из выступающих оформляются с красной строки и указываются в именительном падеже (*выступили* кто?). После тире в

форме косвенной речи записывается краткое или подробное содержание выступления.

Решения, принятые коллегиально по каждому из обсуждаемых вопросов, записываются после слова «*постановили*» или «*решили*».

Составляемый непосредственно на заседании протокол представляет собой черновик и должен быть уточнен, сверен со стенограммой или фонограммой, отредактирован и оформлен в течение нескольких дней после заседания. После голосования принятое решение не нуждается в каком-либо согласовании. Председатель и секретарь заседания несут ответственность за правильность и точность отражения в протоколе той формулировки решения, которая была представлена на голосование и получила силу официального коллективного решения.

Своевременно и правильно оформленные документы являются основой для эффективной работы Совета молодых ученых и специалистов Чувашской Республики и обеспечивают быструю реализацию его решений и проектов.

Список литературы

1. Буренко В.И. Молодёжная политика в контексте законотворческих поисков / В.И. Буренко [Текст] // Youth World Politic. – 2013. – №2. – С. 93–99.
2. Зайцева И.А. Правовой статус молодежных общественных организаций и объединений в современной России / И.А. Зайцева [Текст] // Youth World Politic. – 2014. – №3. – С. 3–12.
3. Котова К.А. Факторы участия молодежи в политических организациях (региональный аспект) / К.А. Котова [Текст] // Youth World Politic. – 2013. – №1. – С. 19–27.
4. Ласка А. Основные детерминанты государственной инновационности / А. Ласка [Текст] // PolitBook. – 2015. – №1. – С. 93–110.
5. Луков В.А. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества / В.А. Луков, С.В. Луков, Э.К. Погорский [Текст] // PolitBook. – 2014. – №2. – С. 6–18.
6. Постановление Правительства РФ от 15 июня 2009 г. №477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» (с изм. и доп.) // Собрании законодательства Российской Федерации. – 2009. – №25. – Ст. 3060.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ

Абишева Жанат Рысбековна

канд. ист. наук, и.о. доцента
АО «Казахский агротехнический
университет им. С. Сейфуллина»
г. Астана, Республика Казахстан

РОЛЬ БИЕВ В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: статья посвящена исследованию вопроса существовавших социальных групп в традиционном казахском обществе в XVII–XVIII вв. На основании анализа материалов исторических источников были рассмотрены административные и судебные функции биев в своей общине. Автор анализирует политическую роль биев как предводителей рода, отмечает, что наряду с султанами бии участвовали в решении общегосударственных дел. Наиболее влиятельные из них входили в Ханский совет.

Ключевые слова: общество, государство, власть, традиция, род, совет, бии, дипломатия.

Казахское общество состояло из двух основных социальных групп, различавшихся не столько по экономическим, сколько по политическим и правовым признакам. Это ақ сүйек – белая кость, к ней относились только чингисиды – потомки Чингисхана и ходжи – потомки пророка Мухаммеда. Остальные группы принадлежали к қара сүйек – черной кости.

Чингисиды по праву рождения приобретали титул султана, также по отношению к ним употреблялись термины «оглан», «торе», означавшие нецарствовавших потомков Чингисхана по мужской линии. Этот атрибут родовой принадлежности был присущ им естественно и не зависел от их материального и духовного состояния. Чингисиды могли претендовать на ханский престол в любом государстве, где соблюдались традиции Монгольской империи, они не относились ни к одному жузу.

Среди представителей черной кости особыми правами обладали бии – предводители родов и племен. Бии составляли высший цвет черной кости как родовой аристократии. Традиционно чести быть и называться бием удостаивались лишь наиболее авторитетные представители родов и племен. Если он, блистал уникальным

искусством слова и знанием обычаев и традиций, а именно на них строился правовой процесс, и обладал высокими моральными качествами и поддержкой народного большинства, то его приглашали в Ханский совет, в качестве советника. Бии были своего рода хранителями законов и толкователями права. В условиях кочевого образа жизни, этот институт сыграл очень важную роль в жизни казахского народа. Они возглавляли рода, и часто даже родовое войско. Это есть подтверждение того, что в Степи власть должна иметь и военное выражение, как необходимый атрибут власти. Биями могли стать только люди, хорошо знающие обычное право и пользующиеся авторитетом среди народа, поэтому должность бия не была наследственной.

Бии выполняли шесть основных функций [1, с. 154]:

- представляли интеллектуальную элиту степной аристократии;
- были судьями и отвечали за проведение судебных процессов;
- при необходимости командовали военными соединениями родов;

- выполняли административно-политические функции в административных делениях;

- выполняли дипломатические функции по заданию хана;

- обладали правом законотворчества и толкования норм права.

Все сословие биев, было достаточно зажиточным и независимым. Бии наполняли правовой вакуум знаний и были первыми юристами – профессионалами в Великой Степи.

Судебная власть, которая принадлежала биям, имела исключительное значение в казахском обществе. Она была ведущей формой власти в системе управления [2, с. 114–115].

В статье «Нужен ли для киргиза суд биев», опубликованной в «Киргизской степной газете» (1890 г., №2) выдающийся исследователь казахского народа А.Е. Алекторов писал: «Ордынец привык у себя, дома, разбираться по всем ссорам, обидам, дракам и другим дразгам, неизбежным в домашнем его быту, судом биев и стариков. Каждый бий и старик при разбирательстве дела считает священным долгом оказать тяжущимся полную беспристрастную справедливость; он терпеливо выслушивает все малейшие подробности – как приносимой жалобы, так и оправдания и потом уже объявляет свое решение, принимаемое всегда беспрекословно и свято выполняемое. На суде биев всякое дело разбирается тихо, чинно, без всякой экзальтации – возвысить голос считается здесь верхом неприличия [2, с. 114–115].

Съезды биев созывались несколько раз в год по желанию народа и по мере необходимости. На съездах рассматривались исключительно сложные споры о правах на землю и на скот, многолетние тяжбы по уплате различных штрафов, семейные и брачные конфликты. «В отношении справедливости суда киргизы очень требовательны, – писала «Киргизская степная газета», – для того, чтобы выиграть в их глазах и стоять, так сказать, на почве незыблемой славы, прежде всего, надо знать основательно предания и обычаи, освященные веками, необходимо, кроме того, иметь огромную память для изустного решения дел, требующих иногда изложения до мельчайших подробностей всего хода при большом стечении народа; затем справедливость – присутствие ее всего важнее». Следует отметить, что характер и содержание решений съездов недопустимо рассматривать в отрыве от юридических обычаев, установленных в казахском обществе, без учета нравственно-этической основы правовых воззрений казахского народа.

С XVIII века бии играли главную роль во внешней политике государства, так как на них была возложена миссия дипломатии. Среди биев самым известным дипломатом был Казыбек би Келдибекулы (1666–1763). Свою дипломатическую карьеру Казыбек би начал в 18 лет, находясь в составе посольства Казахского ханства в Джунгарском ханстве к правителю Галдану. Во время этой миссии в нем впервые особенно ярко проявился талант дипломата. Именно благодаря ему переговоры с джунгарами прошли успешно и завершились перемирием. Ему принадлежат слова, которые раскрывают суть казахского менталитета, обычаи, традиции, т. е. внутренний мир народа. Эти слова стали основными канонами внешней политики Казахского общества.

Уже в качестве посла Казыбек би несколько раз ездил в Джунгарское ханство. В 1742 г. он вместе с Малайсары батыром и другими представителями во главе 90 биев отправился в Джунгарское ханство и освободил Абылая, будущего казахского хана, одного из величайших деятелей, покончивший с джунгарскими нашествиями. Казыбек би добился заключения мира между Казахским и Джунгарским государствами на долгое время. Этот дипломат руководил внешнеполитическими сношениями Казахского ханства в 40–60 гг. XVIII вв. Тогда остро стояли вопросы взаимоотношения Казахского ханства с Китаем и Россией.

Правительство Китая и власть Российской империи вынуждены были вести переговоры с ханом Абылаем с участием Казыбек бия, который олицетворял политику активного нейтралитета хана Абылая [3, с. 79].

Итак, казахское общество в большинстве своем было социально однородно (ак суйек, белая кость и кара суйек, черная кость). Классовой дифференциации не было, отсутствовала классовая борьба, что являлось причиной стабильности социального устройства казахского общества.

Список литературы

1. Кудайбергенов К.Ч. История государства и права Республики Казахстан (с древнейших времен до создания и становления Казахского ханства): в 3-х томах. – Т. 1. – Астана, 2003.
2. Еркин Абиля История государства и права Казахстана. – 3-е изд. – Караганда, 2005.
3. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана (90 вопросов и ответов). – Астана: Алтын кітап, 2010. – 160 с.

Багновская Нела Михайловна

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
г. Москва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: в данной статье автором рассматривается специфическая особенность русской культуры – определяющее влияние на социокультурный процесс государства и поиск оптимальных пределов участия государства в экономике как важнейшая проблема современной власти.

Ключевые слова: социокультурный процесс, традиция, цивилизационный тип, русская культура, азиатский способ производства, личностное начало, этакратия, социальная защищенность.

Запад и Восток символизируют разные пути движения человечества в истории. Две противоположные тенденции – Западная и Восточная – весьма существенно повлияли на формирование специфических особенностей русской культуры.

Развиваясь на стыке двух цивилизаций, Россия выработала оригинальный цивилизационный тип, удаляющий и приближающий её одновременно и к Западу, и к Востоку: сопоставимая с Западом по индустриальности, Россия отстает от него институционально; сопоставимая с Востоком институционально, она обгоняет его индустриально. Как точно заметил В.О. Ключевский: «Исторически Россия... не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала её с Европой, но природа наложила на неё особенности и влияния, которые всегда влекли её к Азии, или в неё влекли Азию» [4].

Быстрый распад общины в Западной Европе повлиял на развитие социальной активности, так как человек в условиях личной свободы и незащищенности вынужден был обустривать себя на свой страх и риск. Это наложило на культуру западной цивилизации соответствующий отпечаток: подчеркивалась ценность личности, её автономность по отношению к государственной власти, а политика, экономика, религия, искусство развивались как относительно самостоятельные сферы общественной жизни. Прогрессивные преобразования происходили здесь постепенно, по мере экономического развития. Совершенствование производства и развитие рынка требовали определенных правовых гарантий для предпринимателей, а также инициативных, заинтересованных работников. Поэтому экономический прогресс сопровождался расширением прав и свобод личности, закрепленных законодательно.

Россия испытала такое экономическое, политическое и духовное влияние Востока, какое не могла испытать ни одна страна Европы. Монгольское владычество привнесло на Русь удаляющие её от Европы сугубо восточные элементы жизнепроизводства. Симбиоз монгольской политарной система и традиционного для Руси тяготения к авторитарному типу социума привел к оформлению государственной власти, для которой характерны: сакральность, отделенность от общества, безответственность, правовой волюнтаризм. В российской государственности порядок заменен принуждением, карательной мерой, репрессией. Всеобщим регулятором поведения становится исключаящая право сила. В российской социокультурной традиции «право» является синонимом «власть»:

кто правит, тот и прав. Социальная регуляция в России имеет силовую природу, происходящую из сакрализации власти, и, соответственно, порядок основывающийся на силовой иерархии не является правовым. В правовом государстве право для власти является целью. В нашем государстве во все времена право было для власти средством выражения общинно-корпоративных интересов [2, с. 12–13].

Азиатский способ производства оказывал длительное время решающее воздействие на формирование национального характера, социальную психологию, он определил и индифферентное отношение к свободе и самой жизни личности, которое для нашей страны трансформировалось в крепостное право и самодержавие.

В России личностное начало не стало самостоятельным фактором, определяющим историческое развитие. В значительной мере в результате чрезвычайной сжатости сельскохозяйственного сезона, обусловленного природно-климатическими условиями, а также заинтересованности золотоордынских властей в функционировании общины как удобного инструмента взимания дани, на Руси утвердился своеобразный, неведомый Европе сельский поземельный мир, способствовавший сохранению общины и общинного, коллективистского сознания [5, ч. 2, гл. 1] Екатерина II, уравняв поместья с вотчинами создала собственников земли наверху; внизу они так и не появились. Реформы проводились сверху, репрессивной государственной машиной, и укрепляли государство, сопровождаясь подавлением общества. За основу этих реформ всегда принимались интересы не общества, а государства в условиях соперничества с другими странами (яркие исторические примеры: преобразования Петра I; реформы 60–70-х гг. XIX в., советская индустриализация и коллективизация).

Определяющее влияние на социокультурный процесс государства – специфическая особенность русской культуры [1]. Именно государство было главным фактором, обеспечивающим культурное развитие нации. В обществе, ограниченном традиционной самодержавной властью, неизбежно и постоянно накапливалась избыточная энергия, которая при достижении «критической массы» нарушала равновесие. Развитие шло импульсивно, циклами, и эта цикличность также составляла одну из особенностей развития России. Достичь же стабильности можно было лишь на новом уровне,

пройдя через внутреннюю культурную трансформацию. Такие трансформации стимулировались вмешательством государства. При этом на протяжении всего исторического процесса российское государство являлось то созидательной силой, то тормозом, что приводило к стагнации и разрушению государственной формы. Это воспринималось и воспринимается в настоящее время сознанием российского народа очень болезненно. И такая реакция объяснима: утрата государственности для России означала потерю исторической перспективы, так как власть была ресурсом, который питал эволюцию культуры.

С другой стороны, значимость для нашей страны государственного регулирования экономики связана с проблемой социальной защищенности населения. В начале XX в. индустриализм ведущих стран Запада начинает менять форму. «Свободный» капитализм показал свою неустойчивость и неумение справиться с собственными социальными издержками. В итоге миссию «упорядочения» индустриального или модернизирующегося (как правило, еще аграрно-индустриального) общества принимает на себя бюрократия, точнее этакратия (слой социальных носителей государства), которая берет экономику под свой более или менее жесткий контроль. Одновременно этакратия использует новые возможности концентрации общественных ресурсов для создания «социального государства» – системы перераспределения в пользу уязвимых и потому «взрывоопасных» социальных групп, а также в свою пользу. В государственно-капиталистических странах Запада этакратия становится одним из господствующих классов наряду с частными собственниками. Традиция этакратии в России всегда была доминирующей. В советское время этакратия берет под свой безраздельный контроль экономику страны. После второй мировой войны аналогичная модель воспроизводится в государственно-социалистических странах Восточной Европы. Так возникает государственно-регулируемое индустриальное (индустриально-этакратическое) общество.

Исторический опыт развития нашего государства в 20–30-е годы XX в. оказал беспрецедентное влияние на мировую историю. Впервые в нашей стране с 1921 по 1929 гг. была апробирована относительно устойчивая модель государственного регулирования экономики –

нэп. Методы подобные нэпу вскоре были использованы в США, Германии, Италии, Англии, Франции и других странах. Опыт 30-х годов показал тупиковость тоталитарной модели регулирования экономики. Этот отрицательный опыт чрезмерного тотального регулирования государством экономики помог западным странам, а в последние десятилетия и так называемым «новым индустриальным странам» (Сингапур, Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Бразилия и др.), найти оптимальную демократическую модель государственного регулирования экономики индустриального и постиндустриального общества.

Таким образом, принципиально важной особенностью истекшего века стало создание социально-регулируемой экономики, т.е. такой, в которой рыночная инфраструктура общества перерастает в общественную инфраструктуру рынка. В целом этот процесс тесно связан с формированием институтов социального обеспечения, призванных амортизировать колебания рыночной конъюнктуры для всех слоев населения, но особенно для среднего класса – опоры демократии.

Для русского человека любой справедливый правитель – это тот, кто обеспечивает социальную справедливость. Это главная его ценностная характеристика, а не приверженность неким метафизическим ценностям, хотя и без них в русской духовной жизни не обходится. Советская система социальной защищенности функционировала не без изъянов, но она обеспечивала тот жизненный уровень, при котором человек не скатывался на грань нищеты. Реформы 90-х годов в области экономики во многом парализовали эту систему и многие граждане обнаружили себя социально незащищенными. И это – на фоне вызывающе расточительной жизни так называемых «новых русских». Авторы «шоковой терапии» фактически поставили население России перед выбором: либо демократия, в том числе демократия рыночных отношений, либо социальная защищенность. Народ в своей основной массе предпочел последнее. Безусловно, сказывается ментальность населения с тенденцией к социальной уравнительности. Но не последнюю роль играет то обстоятельство, что под видом демократов действовали в основном все те же номенклатурные деятели старых времен, прибравшие к рукам значительную часть государственной собственности.

Современные реформаторы, к сожалению, не приняли во внимание то обстоятельство, что в своей основной массе население России ждало в ходе реформ прежде всего улучшения жизни, а не просто увеличения степени свобод. Для людей демократия приобретает смысл лишь тогда, когда она способствует улучшению жизни, усилению порядка и законности. На практике произошло иное: невиданный разгул преступности, коррумпированность чиновников, безответственность политиков. В этой связи необходимо более внимательно присмотреться к опыту реформирования китайской экономики при сохранении активной регулирующей роли государства в этом процессе.

Полтора десятилетия XXI века, безусловно, показали стремление власти к изменению сложившейся в 90-е годы пагубной системы взаимоотношений в обществе и государстве. Много делается в направлении открытости и прозрачности отношений власти и общества, однако этот процесс далек от завершения.

Учитывая наши социокультурные традиции, российский менталитет, политическую историю страны, современная власть не имеет права устраниваться от активной роли в регулировании социально-экономических процессов. В то же время, усиление регулирующей роли государства в национальной экономике чревато сползанием в привычную колею административной регламентации, которая неизбежно делает невозможной подлинную конкуренцию, а предпринимателей заинтересованными прежде всего в получении выгодных государственных заказов, монополии на производство определенной продукции, получения от государства разного рода привилегий, что мы и наблюдаем в сегодняшней экономике России.

Поэтому поиск оптимальных пределов участия государства в экономике важнейшая проблема нашей современной власти, которая должна разработать стратегию социально-экономического развития страны с учетом особенностей её истории и культуры, с четким определением конечных целей и приоритетов. Прежде всего, необходимы структурные преобразования, которые позволили бы изменить характер олигархической буржуазно-бюрократической системы. Для этого необходимо имперские механизмы преобразовать из державно-властных в общественно-народные. Другими

словами, задача нашей власти на ближайшую перспективу – обеспечить в стране условия для формирования и развития гражданского общества, а, следовательно, речь должна идти о самоуправлении, социальном регулировании и, в первую очередь, через механизмы на местах, в регионах.

Список литературы

1. Багновская Н.М. Специфика русской культуры [Текст] / Н.М. Багновская // Вестник Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова. – 2004. – №1. – С. 88–95.
2. Багновская Н.М. Социодинамика русской культуры [Текст] / Н.М. Багновская. – М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2004. – 60 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 3 / В.О. Ключевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch03.htm
5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса [Текст] / Л.В. Милов. – М.: РОССПЭН, 1998.

Байжума Гульнара Биляловна

магистр истории, старший преподаватель
АО «Казахский агротехнический
университет им. С. Сейфуллина»
г. Астана, Республика Казахстан

ХАНСКАЯ ВЛАСТЬ В КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация:** в статье дается характеристика власти хана в Казахском ханстве. Автором уделено внимание основным функциям, особенностям и традициям, касающимся правления ханов. Положение и их роль в кочевом казахском обществе.*

***Ключевые слова:** Ханская власть, Курултай, адат, ханский совет.*

В начале XVIII в. политическая структура казахского общества и судьба этнообщинного сообщества невольно впали в кризис, который был последствием нападений со стороны Джунгарии и агрессивной политики России и Цинской империи. В двух строфах заключен не только военно-политический кризис того времени, но и завоевательная тактика и политические методы тех стран. Несмотря на это, казахское общество придерживалось традиционного политического строя и процесса социального развития.

Два вида власти, являющиеся составной частью степной цивилизации: политическая и потестарная системы указывают на то, что формирование и развитие казахской государственности корнями уходит в глубокое прошлое. Казахское ханство XVIII в. является историческим социально-политическим строем, вобравшим в себя степные традиции государственности. Если примером государственности любого этноса является признание верховной власти законной, то известно, что казахское общество было этносоциальным организмом с усовершенствованным сословным строем. Высшая государственная политическая власть сосредоточивалась в руках ханов и султанов. Из древних памятников тюркского и монгольского народов известно, что должность «хана» была свойственна обоим народам. В труде Курмангали Халида слово «хан» по смыслу было близко арабскому «эмиру», «падишаху». «Хакан» стоял выше хана и соответствовал западному «императору». О казахских правителях сведения встречаются в русских документах. В словаре Брокгауза – Ефрона о ханской власти говорится: «Хан – титул правителя татароподобных восточных народов, ранее, возможно, назывался каганом» и рассматриваются институты ханской власти и его осуществление.

В казахском обществе ханами были харизматические личности. Харизма с греческого обозначает «божий дар», в казахском означает «божий дар для народа», «священная личность». Что означали эти слова для народа? Известный просветитель Ч. Валиханов пишет: «Казахи много значения придают святости, они считают священными некоторые природные явления, огонь, птиц и животных, предметы быта. Почитание этих вещей приводило к счастью и богатству, а несоблюдение традиций и обрядов – к нищенству». Значит, благодать приносила народу счастье и богатство [1, с. 20–21].

Как и все другие потестарно-политические объединения кочевников, Казахское ханство характеризовалось лабильностью, дискретностью и непрочностью сложившихся в нем связей между разными субъектами социальных отношений. Следствием этого было то, что очень часто на территории всех трех казахских жузов одновременно и параллельно было несколько ханов, которые находились во главе наиболее крупных родоплеменных групп казахов.

Многие исследователи казахских институтов власти XVI–XIX вв. предпочитают, как нам представляется, совершенно справедливо употреблять по отношению к их истории понятие «Казахские ханства», а не «Казахское ханство», имея в виду, прежде всего, пульсирующий и обратимый характер всеобщей интеграции номадного социума.

Однако, говоря о частом пребывании на «белой кошме» в одно и то же время в каждом из трех жузов или даже в пределах одного жуза сразу нескольких ханов, необходимо иметь в виду, что у казахов до начала 80-х гг. XVIII в. существовал институт так называемого «старшего хана», который выполнял интегрирующую функцию по отношению ко всем ассоциативным группировкам на всей территории обитания кочевников.

Генезис государственной системы управления Казахским ханством прошел длительную историческую эволюцию. На особенность государственной системы управления оказали большое влияние исторически сложившиеся политические традиции кочевых государств. Вся история изучения номадических культур не могла опровергнуть научный тезис о «расплывчатости и неопределенности» понятия кочевой государственности.

Безусловно, это зависит от уровня современной историко-правовой науки. Мы должны понимать, что имеем дело со специфичной политической культурой, и наше современное научное знание, сформированное на основе лучших традиции советской науки и западноевропейской исторической мысли, сегодня неспособно более объективно оценить и осмыслить политическую систему номадов. Возможно, более системные и комплексные исследования в недалеком будущем будут способны ответить на многочисленные вопросы историко-правовой науки. Современная казахстанская наука ведет активные поиски путей, решений научных проблем, касающихся нашего исторического прошлого. Например, большую работу проводит Институт востоковедения при Академии Наук Республики Казахстан, ведущие ученые, различные научно-исследовательские центры, лаборатории и т. д. [2, с. 145–147].

Эволюция форм политической системы в Казахском ханстве шла через обособление. Мы не должны забывать, что не все современные территории Казахстана, в изучаемый период входили в состав Казахского государства. Казахское государство возникло на

этнической основе нескольких государств, – Ак Орды (Белая Орда), Могулистана, Ханства Абу-л-Хайыра (государство кочевых узбеков) и Мангытского Йурта. Данный фактор сыграл определенную роль при развитии не только социально-этнической, но и политической системы.

Казахское ханство, безусловно, является феодально-монархическим государством с сохранением отдельных признаков военнопотестарных государств.

Полномочия главы государства выполнял хан. Казахские ханы выбирались по линии Урус-хана (чингизида-джучида). Это дает нам право утверждать, что политическая система в государстве носила закрытый характер. *Институт ханства* предполагал как *право наследственной передачи государственной власти*, так и *прямые выборы* хана из числа законных претендентов. При этом большую роль играла аристократическая знать, поддерживавшая силой своих родов, т. е. *политического электората* того или иного претендента на высшую государственную должность.

На успешную политическую карьеру правителя немалое влияние оказывали родоплеменные объединения, во главе которых стояли султаны (впоследствии эти объединения будут сформированы в триальную систему «жузы»). Поэтому хан не мог не учитывать мнение народного большинства.

Ханская власть была подконтрольна представительному органу *Курултай* (съезд султанов, аристократической элиты и авторитетных личностей родовых общин, собирався раз в году и решал государственные вопросы стратегического направления):

- заключение мира;
- объявление войны;
- правовое регулирование и перераспределение пастбищ;
- вопросы оказания материальной и социальной помощи в тяжелые засушливые или «джутовые» годы;
- участие через представителей в выборе хана (в зависимости от политической ситуации мог вынести на повестку вопрос недоверия главе государства – хану).

Несмотря на определенную подконтрольность ханской власти, ее практически можно назвать монархической, в силу больших полномочий правителя государства.

Например, в функции хана входили:

- защита от внешних врагов;
- полномочное руководство всеми военными соединениями государства, с ведением боевых действий, планирование стратегической разведки;
- полный контроль и определение внешнеполитического курса государства;
- выполнение функции верховного судьи;
- функция обеспечения общественного правопорядка и безопасности.

Сроки исполнения государственных полномочий ханской власти не ограничивались, вследствие чего, многие правители после смерти Касым-хана злоупотребляли им [3, с. 515].

Избрание любого хана сопровождалось *инаугурационными мероприятиями* и народными праздниками. Существовал обряд восшествия на престол или передачи ханских полномочий. Для этого при большом скоплении народа, аристократической знати и войска, хана троекратно поднимали на белой кошме. С этого момента он считался вступившим на должность, а сам обряд означал о признании подданства всем населением государства. Все полномочия и права хана опирались на древние традиции организации политической власти и на нормы обычного права тюрок-казахов.

Согласно «*адату*», хан имел следующие права:

- право распоряжения всей территорией государства;
- право объявления войны и заключения мира (здесь необходимо было согласование с Курултаем, но хан действовал через советников биев, которые были представителями Курултая, и между созывами имел право самостоятельного принятия решений);
- право приема послов и отправления посольских делегации, заключения договоров;
- право законодательной инициативы, которое порой переходило в право толкования;
- право применения военной силы для решения внутривнутриполитических проблем, и право принудительного выполнения подданными законов государства;
- право личного военного руководства всеми воинскими соединениями государства.

Высшим государственным органом *Казахского ханства* признавался *Курултай (Маслихат)*. Курултай кроме выше перечисленных полномочий по решению стратегических государственных вопросов, выполнял функцию государственного органа ответственного за сохранение паритета государственных и частных интересов. Здесь, как нам кажется, наблюдается связь Курултая с древнейшими военно-потестарными народными собраниями кочевников.

Курултай выполнял функцию высшего государственного законодательного органа. Именно на этом собрании вносились всевозможные изменения в действующие *нормы обычного права казахов «адат»*, т. е. Курултай обладал правом законодательной инициативы и практически выполнял функции современного Парламента, являясь самым представительным органом государства (хотя функции Курултая были весьма широкими и выходили далеко за пределы законодательной деятельности).

При ставке хана был постоянно действующий совещательный орган – *Ханский совет*. В этот государственный орган входили бии как профессиональные знатоки права и судебного процесса, особо доверенные люди в лице руководителей султанских политических группировок, военные полководцы и батыры. Один из биев при Ханском совете выполнял функцию главного советника хана.

Для осуществления исполнительной власти хан при ставке имел аппарат государственных чиновников. Ханский аппарат исполнительной власти имел свои подразделения в зависимости от направления работы. Одни службы контролировали выполнение военных указов, другие ведали почтовой службой государства, фискальными органами, исполнением судебных решений и т. д. При исполнительном аппарате государства был целый штат толмачей, знатоков иностранного языка, которые пели международную переписку и сопровождали посольства как переводчики. Особое положение занимал государственный орган – *«дуан»* выполнявший канцелярские функции и ведал государственным делопроизводством.

К исполнительному государственному аппарату не имея прямого отношения, определенными государственными полномочиями обладали религиозные чиновники *муфтии, имамы* и *муллы*. Они выполняли важную миссию при регистрации браков, занимались освидетельствованием смерти человека или его рождения.

Согласно политическим традициям, при дворе – резиденции хана было сосредоточено и военное ведомство, которым управлял кто-либо из ближайшего окружения (взрослые сыновья, родственники, доверенные султаны или же профессиональные военные баатыры, зачастую имеющие свои дружины и опыт ведения боевых действий и военного руководства). Хан имел своих личных телохранителей, и они подчинялись только ему.

Казахское ханство создавалось как централизованное и независимое государство, хотя в отдельные периоды управление и территориальная целостность были нарушены от установленных норм. Государство, несмотря на ее ярко выраженный классовый, феодальный характер при административном построении использовало родоплеменную структуру, о которой мы говорили, как о военно-потестарных объединениях в пределах Казахского ханства [4, с. 312].

Крупными административными делениями являлись *улусы аймаки султанов-чингизидов*. В первой половине XVI века на территории Казахского ханства было 3–4 улус-аймака. В пределах этих административных делений, правители султаны имели все полномочия для исполнения не только политической воли правителя государства, но и сами были полновластными хозяевами? и организовывали социально-экономическую и политическую; жизнь общества. Все жители улуса-аймака были подданными казахского хана, и на основании этого облагались налогом, различными повинностями, а мужская половина была военнообязанной. Ответственным перед ханом на территории улуса-аймака за ведение государственных дел были лично султаны. Каждый улус-аймак делился на множество племенных и, родовых делений. Самую маленькую административную единицу Казахского государства составлял *аул*. В каждом административном делении управление делами велось местной аристократией, в лице *беков, биев, баев-старшин*, которые отчитывались перед *правителем улус-аймака султаном*.

Казахское государство создавалось на территории со смешанной экономикой и с широкими природно-географическими зонами. Это также повлияло на административно-политическое устройство государства. Большая часть территории государства лежало в зоне крупных рек, где традиционно было развито земледелие и город-

ская культура с ремесленными и торгово-ростовщическими поселениями. На этих землях управление было более усложненным. Безусловно, все они входили в какие-либо улус-аймаки. Однако, в городах управление осуществлялось через наместников – *амиров (беки)*, которые зачастую имели большие привилегии и напрямую подчинялись самому хану. Причина такого положения возможно в том, что с одной стороны, города были местом постоянной торговли и внешних связей через купцов, послов, поэтому играли важную роль в жизни казахского общества, с другой города облагались в отличие от степных скотоводческих регионов специфическими видами налогов, и находились в зоне геополитических притязаний враждебных соседних государств.

Кроме территории улус-аймаков были протекторатные регионы, где политическая власть была подконтрольна казахским чанам (например, Мангытский Йурт, кыргызские племена). Внутренняя политика здесь проводилась аристократическими слоями местной знати.

На сегодняшний день в силу недостаточности письменных источников, мы не можем более конкретно анализировать внутреннюю структуру тех или иных государственных органов Казахского ханства. Реализация властных полномочий чиновниками осуществлялась на основе устного степного права и прямого назначения уполномоченного лица ханом. В целом анализ системы государственно-политического управления Казахского ханства, дает нам основание утверждать, что новое государственное строение переработало исторически сложившиеся механизмы государственного управления на территории средневекового Казахстана, и выработало мобильную, многослойную, политическую культуру в этом направлении [5].

Список литературы

1. Бикенов А. Ханская власть в казахском обществе // *Қазақ тарихы*. – 2000. – №3. – С. 20–21.
2. Кудайбергенов К.Ч. История государство и права Республики Казахстан. – С. 145–147.
3. История Казахстана: с древнейших времен до наших дней. – Т. 2. – 517 с.
4. Асфендияров С.Д. *Қазақстан тарихы (көне дәуірден)*. – А., 1995. – 312 с.
5. Кәрібаев Б.Б. *Қазақ хандығының құрылуы* // *Қазақ тарихы*. – 1995. – №4, 5, 6.

Лебедева Екатерина Васильевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Самарская государственная
сельскохозяйственная академия»

г. Самара, Самарская область

ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В НАЧАЛЕ XX в.

***Аннотация:** данная статья посвящена проблеме отношений власти и общества в России, которая рассматривается на примере борьбы самарской общественности за организацию и развитие в Самарской губернии университета в контексте политического и общественного противостояния, развернувшегося в нашей стране во второй половине 1910-х – начале 1920-х гг.*

***Ключевые слова:** высшее образование, Самарский университет, самарская общественность, советская власть, Комуч.*

Проблема взаимоотношений власти и общества является одной из важнейших в структуре политического развития государства, так как их прочная взаимосвязь возможна лишь на базе сотрудничества и содействия друг другу. История России представляла собой долгий путь к утверждению демократического политического строя, в борьбе за который большую роль сыграла российская общественность: не только политические партии и организации, но и само население страны, выступавшее за решение насущных социально-экономических и культурных проблем государства. В этом направлении показательная история организации Самарского университета, становление которого происходило в трудных условиях революционных событий второй половины 1910-х – начале 1920-х гг.

В дореволюционный период российские университеты являлись центрами развития отечественной науки, пропаганды научных знаний и образования в широких слоях общества. Города, в которых функционировали университеты, по праву считались не только образовательными, но и культурными центрами регионов.

С начала XX в. университетским центром стремилась стать и Самара. К этому времени образовательная система Самарской губернии была относительно неразвита: образовательные учреждения на ее территории представлены земскими, церковноприходскими и городскими школами и училищами, тремя гимназиями, учительской

семинарий и коммерческим училищем [1, с. 163–164]. Желаящие получить высшее образование должны были ехать в один из девяти крупных университетских центров России, ближайшими из которых были Казань и Саратов. Вместе с тем, развитие промышленности и торгового земледелия, развертывание железнодорожного строительства и пароходства вывели губернию на передовые позиции в российской экономике, что потребовало подготовки специалистов с высшим образованием непосредственно на месте. Однако процесс организации вуза в Самарской губернии тормозился недостатком средств и педагогических кадров.

С начала XX в. самарская интеллигенция начала борьбу за создание в городе вуза, а в перспективе – организацию университета. В 1911 г. в Самаре был открыт земский женский учительский институт, преобразованный в 1913 г. в Высший женский педагогический институт [2, с. 6]. В начале Первой мировой войны в Самару был эвакуирован учительский институт из Вильно. На основе местного и эвакуированного учительских институтов губернское земство 21 августа 1917 г. учредило в Самаре педагогический институт.

События гражданской войны во многом способствовали созданию в губернии долгожданного университета. Революция, затронувшая в наибольшей степени столицы, привела к оттоку оттуда научной интеллигенции. Профессура бежала от ужасов голода и политического террора в более безопасную провинцию – так в Самаре оказались высококвалифицированные преподаватели и ученые, официально приглашенные для организации работы Самарского педагогического института.

Даже в это сложное время самарская общественность не оставляла надежды на преобразование своего города в университетский центр. 7 апреля 1918 г. на заседании общественных и государственных организаций города было принято единогласное решение о преобразовании педагогического института в университет. В июне 1918 г. в Москву была направлена делегация, которая должна была хлопотать о преобразовании института в университет [3, с. 5]. Однако быстрее и охотнее желание самарчан выполнили представители «демократической контрреволюции», к которым перешла власть в Самарской губернии в июне 1918 г., – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), – для которого акт организации университета в Самаре имел, прежде всего, поли-

тическую поддержку: выполнив заветное желание городской интеллигенции, Комуч рассчитывал на ее поддержку в своих начинаниях. В ответ на ходатайства самарской общественности 10 августа 1918 г. Комучем был издан приказ о преобразовании Самарского педагогического института в университет «со всеми правами и преимуществами, Российским университетам присвоенными».

После восстановления Советской власти в губернии университет был признан IV Съездом Советов Самарской губернии (декабрь 1918 г.). Организация нового вуза в провинции соответствовала культурной политике советской власти, поэтому Декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) от 19 января 1919 г. провозглашалось открытие в Самаре университета наряду с другими провинциальными городами страны (Кострома, Смоленск, Астрахань, Тамбов и Ярославль), а сроком открытия Самарского университета стал считаться день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 г. [4, с. 311–312]. Фактически Декрет только фиксировал наличие в Самаре университета, однако он имел и политическую поддержку – заслуга организации еще одного университета в стране присуждалась советской власти.

Однако проблемы Самарского университета не заканчивались организационными неувязками. Чрезвычайно скудны с самого начала работы вуза были его финансовые и материальные возможности. Изначально его «первоначальный капитал» состоял практически полностью из частных и общественных пожертвований. Декрет СНК от 21 января 1919 г. «предусматривал выдачу кредита на развитие вуза, а по решению IV съезда Советов Самарской губернии источником финансирования вуза должны были так же частично служить и местные средства. Однако, и у центральных, и у местных властей в первые послереволюционные годы находилось много других насущных задач, на решение которых направлялись скудные финансовые потоки – страна находилась в состоянии гражданской войны, разрухи и голода.

Поэтому налаживание работы молодого Самарского университета проходило в крайне плачевных условиях. Вузу не доставало помещений для размещения кафедр, клиник, лабораторий и библиотек, а находящиеся в его распоряжении были непригодны ввиду их малого размера, неотапливаемости, неосвещенности, отсутствия канализации и водопровода. Не выделялись средства на развитие материальной базы подразделений университета, закупку учебной и научной литературы. Большие проблемы существовали в наделении преподавательского состава жильем [5, с. 58–59].

В начале 1922 г. было принято решение о снятии Самарского университета с государственного снабжения. Руководство высшего учебного заведения направило в НКП делегацию, в результате поездки которой специальная комиссия провела обследование вуза и признала его жизнеспособность. Решение о ликвидации университета было отменено, но средств к существованию выделено не было; условием сохранения вуза был его перевод на местный бюджет. С апреля 1923 г. Самарский университет существовал благодаря студентам, отчисляющим свои пайки в фонд вуза и взявших на себя большую часть расходов по проведению занятий. В 1922–1923 гг. в Самаре проводились «Недели помощи университету», благотворительные концерты и лотереи с целью сбора средств для дальнейшего функционирования вуза; с просьбами о выделении средств правление вуза неоднократно обращалось к соседним губерниям и республикам, в советские организации и учреждения, к иностранным общественным организациям.

В марте 1923 г. на VIII Ректорском совещании по вопросам высшей школы вновь был поднят вопрос о закрытии Самарского университета; была создана Ликвидационная комиссия, которая пришла к решению сохранить лишь три старших курса медицинского факультета. В ноябре 1926 г. Губисполком установил окончательный срок ликвидации вуза – 1 июня 1927 г., с которого Самарский государственный университет как высшее учебное заведение перестал существовать.

Таким образом, становление Самарского университета происходило в сложных условиях революционного преобразования российского общества, когда различные политические силы, борющиеся за власть, использовали желание самарской общественности расширения культурного и образовательного потенциала губернии в своих популистских и демагогических целях. Идя на встречу самарской интеллигенции, они рассчитывали, в свою очередь, на поддержку их политической линии, рассматривая, вместе с тем, решение одной из коренных культурных проблем края как второстепенную и проходную, что и проявилось, в конечном счете, в плохом обеспечении молодого вуза, фактическим отказе центральных и местных власти от его финансирования, и, в конечном счете, в постепенной ликвидации университета в Самаре.

Список литературы

1. Храмков Л.В. Введение в Самарское краеведение / Л.В. Храмков – Самара: Науч.-техн. центр, 2003. – 428 с.
2. Самарский государственный университет: 1969–1999 гг. – Самара: Самар. ун-т 1999. – 18 с.

3. Самарский государственный университет: 25 лет возрождения. – Самара: Самар. ун-т, 1994. – 162 с.

4. Декреты Советской власти. Т. IV: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. – М.: Изд-во политической литературы, 1968. – 731 с.

5. Лебедева Е.В. Наука – власть – общество: отношения научной интеллигенции и советской власти в условиях гражданского противостояния конца 1910-х – начала 1920-х гг. (на примере университетов Поволжья) / Е.В. Лебедева // Известия Академии управления: теория, стратегия, инновации. – 2012. – №5. – С. 56–61.

Муравьева Ирина Владимировна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

НОВАЯ ЖИЗНЬ НАКАЗА ИЗБИРАТЕЛЯ

Аннотация: автор данной статьи отмечает, что важнейшим результатом демократических выборов является участие граждан в управлении государством путем взаимодействия с народными избранниками, контроля за их деятельностью через наказания, данные в период предвыборных кампаний и на любом этапе исполнения депутатских обязанностей. Возрождение наказа избирателя на современном этапе развития демократии свидетельствует о совершенствовании системы представительных органов власти.

Ключевые слова: выборная система, представительная законодательная власть, депутат, императивный мандат, наказ избирателя, эффективность власти, демократия, электорат.

В преддверии выборов законодательных представительных органов власти федерального и регионального уровней актуализируются вопросы совершенствования избирательного процесса, развития института народного избранника с целью усиления их демократической составляющей.

Предвыборный период характеризуется ростом активности как действующих народных избранников, претендующих на продление депутатской деятельности, так и вновь зарегистрировавшихся кандидатов в депутаты представительных органов власти.

Ключевым моментом, определяющим поведение электората в ходе выбора конкретного кандидата в депутаты является ожидание

граждан относительно потенциала наделяемого ими такими полномочиями избранника.

До недавнего времени эта специфическая составляющая избирательного процесса была достаточно относительна, так как не имела законодательного оформления и заботила «службу народа» постольку-поскольку. Народные избранники представительных органов власти как федерального, так и субъектного уровня были подотчетны руководителю депутатского корпуса, но, де-юре, совершенно неответственны перед гражданами, в чьих интересах и благодаря кому получили новый статус – законодатель, народный представитель. Фактически, основной целью кандидата в депутаты было достижение благожелательного отношения к собственной персоне с тем, чтобы избиратель сделал «правильный» выбор. С началом депутатской деятельности интенсивность работы с электоратом, как правило, значительно падала.

Принципиально другой подход был распространен в период советской власти. Депутат зависел от воли электората как на этапе выборов, так и в ходе работы в законодательном представительном органе власти: городской совет народных депутатов, верховный совет республиканского или союзного значения. Граждане СССР могли заменить одного своего представителя в законодательном органе на другого, если народный избранник не выполнял свои обязанности, то есть могли реализовать на практике принцип императивного мандата.

В то время как за рубежом депутаты, с правовой точки зрения, не были связаны какими-либо обязательствами перед гражданами, но были заинтересованы в их голосах, которые невозможно было получить без защиты интересов социальных, этнических и других групп населения.

Важнейшей составляющей императивного мандата являлся наказ избирателей, долгое время существовавший как традиционный элемент избирательной кампании. Он получил юридическое оформление в Законе СССР «О статусе народных депутатов СССР» 1972 г, который требовал от народных избранников выполнения наказов, но не устанавливал прямой обязательности всех наказов

для Совета в целом [1]. Впоследствии данная форма проявления социалистической демократии была отражена в Конституции СССР 1977 г. [2].

В правовой советской литературе не было четкого понимания того, какие предложения и требования электората следовало считать наказами депутату. Одни авторы считали таковыми все предложения избирателей независимо от их формы, другие предлагали считать наказами только «те предложения общественного значения, которые были выдвинуты, обсуждены и приняты большинством голосов избирателей на их общих собраниях или на собраниях и включены в их протоколы» [3].

Анализ опыта функционирования представительных органов республик СССР на примере Верховного Совета Чувашии, позволяет утверждать, что данные депутатам указы тщательно изучались, систематизировались, предварительно обобщались Президиумом, затем направлялись в Совет Министров, который издавал перечни наказов избирателей, поступивших в период подготовки к выборам в Верховный Совет республики и другие республиканские органы власти для выработки предложений о практических мероприятиях по их осуществлению. Министерства, ведомства, исполкомы районных и городских Советов народных депутатов республики были обязаны отчитываться о реализации утвержденных мероприятий в с определенной периодичностью и в установленные сроки и ежегодно информировать Совет Министров Чувашии и депутатов Верховного Совета о ходе выполнения наказов [4].

К концу деятельности Верховного Совета Чувашии, с 1985 по 1990 гг., было принято к исполнению от 522 до 468 наказов, суть которых заключалась в необходимости строительства социально важных объектов. Естественно, не все указы могли быть приняты к исполнению. Прежде всего избирателей волновало состояние дорог, общественного транспорта, газификация населенных пунктов [5].

Итогом работы с наказами избирателей, к примеру, стали построенные в Чебоксарах, подземные переходы напротив Хлопчатобумажного комбината и Агрегатного завода, Дворец культуры Чебоксарского завода промышленных тракторов, благоустройство Заволжья [6].

Наказ был важнейшим элементом советской избирательной системы. Во-первых, он являлся одной из форм выражения проблем,

требований избирателей, во-вторых, – способом вовлечения народных масс в управление делами государства, в-третьих, – своего рода индикатором эффективности работы депутата.

На современном этапе для представительной системы в целом характерны неподконтрольность депутатов избирателям и отсутствие обязательств депутата перед электоратом, но в ряде субъектов Российской Федерации стремление к повышению результативности деятельности народных избранников, эффективной реализации волеизъявления народа привели к возрождению института наказа избирателей. Так, с 1998 по 2013 гг. законы и положения «О наказах избирателей» были приняты в Республике Саха (Якутия), Удмуртской республике; Астраханской, Новороссийской, Самарской, Тюменской и Челябинской областях [7]. Более того, в Якутии и Челябинской области правовое закрепление получили указы главам субъектов.

Проекты аналогичных законов были разработаны и в Республике Алтай, Чувашской Республике, Нижегородской области. Однако они остались на бумаге, и главной причиной является то, что средства на реализацию наказов должны выделяться из местного бюджета, который зачастую является дефицитным. Так, по подсчетам специалистов в 2013 г., для реализации наказов избирателей Нижегородской области предлагалось выделить 1 млрд руб. [8].

Контрольно-счетная палата Чувашской Республики вынесла следующее заключение: «Принятие законопроекта, согласно финансово-экономическому обоснованию к законопроекту, потребует выделения дополнительных средств из республиканского бюджета Чувашской Республики в сумме 88,0 млн рублей (в расчете 2,0 млн рублей на одного депутата Государственного Совета Чувашской Республики)». Кроме того, законопроект не содержал определяющие источники и порядок исполнения новых видов расходных обязательств [9].

Другим сложным моментом является то, что механизм оформления предложений граждан в форме наказов и их реализация не согласуются с принципами разграничения полномочий между органами власти, так как многие вопросы могут выходить за пределы компетенции регионального парламента. Однако данные проблемы при всей их серьезности не должны быть препятствием для обеспечения полноценного участия граждан в управлении государством. Необходимо искать пути их решения и совершенствовать

действующее законодательство субъектов Российской Федерации о наказах избирателей.

Список литературы

1. Закон СССР о статусе народных депутатов СССР [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – №17. – С. 277.
2. Конституция (Основной Закон) Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики 1978 года [Текст] // Конституция Чувашской Республики: комментарий / Сост. Н.К. Филиппов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. – С. 277.
3. Хачатрян Г.М. Верховный Совет союзной республики [Текст] / Г.М. Хачатрян. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 21.
4. Кузнецов И.Н. Законодательная и исполнительная деятельность высших органов власти [Текст] / И.Н. Кузнецов. – М.: Госюриздат, 1965. – С. 181–182.
5. Коток В.Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве (императивный мандат) [Текст] / В.Ф. Коток. – М.: Наука, 1967. – С. 96.
6. О наказах в период подготовки к выборам в Верховный Совет Чувашской АССР 24 февраля 1980 г.: Постановление Совета Министров Чувашской АССР №448 [Текст]. – Чебоксары, 1980. – С. 2–93.
7. О наказах избирателей, поступивших в период подготовки к выборам в Верховный Совет Чувашской АССР одиннадцатого созыва: Постановление Совета министров Чувашской АССР №500 [Текст]. – Чебоксары, 1985. – С. 4–93.
8. Михеев И. Получил депутат наказ... [Текст] / И. Михеев // Советская Чувашия. – 1991. – 19 ноября. – С. 3.
9. О наказах в период подготовки к выборам в Верховный Совет Чувашской АССР 24 февраля 1980 г.: Постановление Совета Министров Чувашской АССР №448 [Текст]. – С. 2–93.
10. О наказах избирателей, поступивших в период подготовки к выборам в Верховный Совет Чувашской АССР одиннадцатого созыва: Постановление Совета министров Чувашской АССР №500 [Текст]. – С. 4–93.
11. Титова И.В. Императивный мандат как фактор оптимизации работы советского депутата [Текст] / И.В. Титова // Проблемы модернизации России: история и современность: Сб. ст. – Чебоксары, 2011. – С. 194–195.
12. О наказах избирателей депутатам Законодательного Собрания Челябинской области и губернатору Челябинской области: Закон Челябинской области от 10 января 2000 г. [Текст] // Ведомости Законодательного Собрания Челябинской области. – 1999. – №4.
13. О наказах избирателей, данных депутатам Тюменской областной Думы: Закон Тюменской области от 18 июня 1998 г. (в ред. 27 октября 1998 г.) [Текст] // Сборник законов Тюменской области. – 1999. – Т. 1.
14. О наказах избирателей: Закон Новосибирской области от 22 декабря 2000 г. [Текст] // Советская Сибирь. – 2001. – 10 января.
15. Об организации работы с наказами избирателей в Малопургинском районе: Положение Удмуртской Республики от 16 ноября 2000 г. – Маяк, 2000. – 2 декабря.
16. О наказах избирателей депутатам представительного органа местного самоуправления и главе муниципального образования в Республике Саха (Якутия): Закон Республики Саха (Якутия) от 25 декабря 2003 г. 3 №191-III [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fpa.su/regzakon/sacha-yakutiya/zakon-respubliki-sacha-yakutiya-ot-25-dekabrya-2003>

17. О наказах избирателей Самарской области: Закон Самарской области от 14 мая 2013 года №39-ГД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2013/05/27/samara-zakon39-reg-dok.html>

18. Нижегородские коммунисты предлагают упорядочить наказания избирателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravdapfo.ru/news/nizhegorodskie-kommunisty-predlagayut-uporyadochit-nakazy-izbirateley>

19. Заключение Контрольно-счетной палаты Чувашской Республики на проект закона Чувашской Республики «О наказах избирателей депутатам Государственного Совета Чувашской Республики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=108&id=1847907

Стародубова Олеся Юрьевна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»

г. Магнитогорск, Челябинская область

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧИХ Г. МАГНИТОГОРСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация:** автор данной статьи отмечает, что с началом Великой Отечественной войны мобилизационные механизмы затронули все социальные категории населения СССР. В экстремальных условиях военной действительности коренным образом изменился повседневный уклад тыловой жизни. Общественной группой, содействующей власти в процессе формирования нужного социального поведения, были рабочие корреспонденты. В годы войны своей деятельностью они являлись средством пропаганды среди трудящихся г. Магнитогорска самоотверженного труда и помощи фронту.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, рабочие корреспонденты, периодическая печать, Магнитогорск, социальное поведение, пропаганда.*

В годы Великой Отечественной войны значимая роль в социально-психологической мобилизации населения отводилась советской пропаганде. Её основные усилия были направлены на формирование патриотизма, ненависти к врагу, веру в победу. В качестве эффективного средства пропагандистского воздействия была задействована советская журналистика.

Проблемы использования прессы как средства пропаганды большевистских идей и способа формирования нового социального поведения являлись приоритетными темами советского руководства – В.И. Ленина [5, с. 106], Л.Д. Троцкого [12], И.В. Сталина [10]. С посыла власти тема печати и журналистики с первых лет советского режима прочно вошла в исследовательское поле историков. В современной историографии проблемы использования властью пропаганды в качестве модели дисциплинирования и мобилизации социума в предвоенный период рассматриваются в работах А.Н. Макарова [2], Н.Н. Макаровой [3], А.А. Слезина [7; 8], О.Ю. Стародубовой [11], Н.В. Черновой [13]. Особенности функционирования советской журналистики в годы Великой Отечественной войны затрагиваются в работах И.В. Кузнецова [1], Р.П. Овсепян [4]. Вопросы организации рабселькоровского движения получили раскрытие в исследованиях Д.А. Сафонова [6], В.А. Скребнева [9].

Для эффективного функционирования коммунистической прессы, помимо работы профессиональных журналистских кадров, использовался труд представителей широких рабочих масс – рабочих корреспондентов. Идея принадлежала В.И. Ленину, который рассматривал их как органическую часть периодической печати, отвечающую за ее жизнеспособность [5, с. 106]. Рабочим корреспондентом (рабкор) мог стать любой рабочий с производства, пишущий статьи и заметки в газету. Как человек максимально приближенный к производственной среде, рабкор являлся выразителем и проводником общественного мнения трудящихся. В кругозор рабкора входили темы быта, нравов, экономических условий проживания, проблемы функционирования предприятия. Особенности рабкоровского движения являлись массовость, добровольность, постоянная текучесть кадров. По мнению И.В. Сталина, оно представляло собой «вольную организацию общественной инициативы», идейное руководство которыми осуществляли редакции газет [10, с. 262]. Идеологическое сопровождение индустриализации потребовало выработки для рабочих корреспондентов четких функций и новых форм работы. Рост рабкоровского движения приходится на 1930-е гг., когда процесс социалистического строительства потребовал активных помощников партии в деле пропаганды социалистического соревнования и ударничества.

У истоков формирования рабкоровского движения в Магнитогорске стояли писатели В.А. Святозаров и В.А. Макаров. Их усилиями в середине 1930-х гг. был создан кабинет рабочих авторов, занимающийся подготовкой рабочих корреспондентов газет и ра-

дио. Активное участие в его работе приняли преподаватели Магнитогорского педагогического института, прибывшие в город из Москвы, Ленинграда и других городов СССР.

Главной задачей магнитогорских рабочих корреспондентов было информационное освещение успехов индустриализации на промышленном гиганте – ММК. Активистами рабкоровского движения в Магнитогорске стали передовики производства А. Грязнов, Н.В. Первушин, Н.В. Путалов и Р. Бейлис.

В тяжелых условиях военного времени газета использовалась властью как «могучее средство агитации, пропаганды и организации масс». На всем протяжении войны на партийный съездах и конференциях ЦК ВКП (б) неоднократно принимал решения о значении, роли и задачах периодической печати. В 1941–1945 гг. газета стала коллективным организатором, пропагандистом и важным центром политической работы в массах.

В годы войны ключевая роль в информационном обеспечении горожан принадлежала органу Городского комитета ВКП (б) общеполитической газете «Магнитогорский рабочий». Помимо нее в городе функционировали многотиражки «Магнитогорский металл», «Магнитострой», стенные и сатирические газеты.

Работу магнитогорских газет контролировал Отдел пропаганды и агитации Городского комитета ВКП (б). В его задачи входило руководство и помощь в организации рабочих корреспондентов, контроль над качеством и регулярностью статей. К тому же данный орган должен был курировать редколлегии стенных газет, сатирических изданий и боевых листов.

В редакции «Магнитогорского рабочего» функционировало три отдела: промышленный, партийный, культуры и быта. Четких разграничений между ними не существовало, и рабочие корреспонденты могли проявить себя в освещении различных общественно-политических тем. Но главной темой оставалась производственная. Своей журналистской деятельностью рабкоры должны были мобилизовать трудовой коллектив на выполнение задач военного времени, быть организаторами и контролерами социалистических соревнований рабочих бригад. В задачи рабочих корреспондентов входили вопросы освещения перестройки работы предприятий на выпуск военной продукции, наращивание темпов производства, организационное сплочение рабочих коллективов на досрочное выполнение работ.

Главной целью редколлегий в первые годы войны стало формирование актива рабочих корреспондентов. Данный процесс был сопряжен

с рядом трудностей. В тяжелых условиях изнурительного труда заниматься рабочему журналистской работой было проблематично. Для привлечения трудящихся к рабкорской деятельности корреспонденты газеты «Магнитогорский рабочий» устраивали ежедневные рейды на производство, вели пропагандистские беседы, использовали пример рабкорцев-стажистов и помощь комсомольского актива.

Среди требований, предъявляемых к рабкором были: инициативность, целеустремленность, активность. Редактора помогали определиться с темой, поправить текст, учили особенностям журналистской работы. Ежегодно 5 мая в газете публиковали фоторяд самых активных рабочих корреспондентов города.

С января 1943 г. в Кабинете рабкора при редакции газеты «Магнитогорский рабочий» Отдел пропаганды и агитации Горкома ВКП (б) стал проводить ежемесячные консультации для рабочих корреспондентов и членов редакционных коллегий стенных газет Магнитогорска. На данных мероприятиях участники получали возможность познакомиться с литературой по вопросам организации стенных газет и примерами их составления. С февраля 1943 г. консультации в Кабинете рабкора стали проводиться еженедельно по вторникам и пятницам, а раз в месяц организовывались совещания с докладами лекторов Горкома ВКП (б) на общеполитические темы и по вопросам практики газетной работы. Совещания для стенгазет городских учреждений и организаций проводились в районных агитационных пунктах Магнитогорска.

Главной темой газет был рассказ о передовиках производства – стахановцах и ударников, достойных примера в работе. В статьях рабкоры сообщали об успехах в социалистических соревнованиях своих цехов и трудовых бригад. К тому же они сигнализировали о случаях тунеядства, указывали на ошибки в организации производства, нарушение производственной и технологической дисциплины. Слишком резкие выпады рабочих корреспондентов, связанные с субъективной, поверхностной оценкой ситуации, держало на контроле партийное руководство предпочитая не оставлять без внимания, а порой и усмирять журналистский пыл.

В 1945 г. численность рабкоров продолжала увеличиваться. На периодических совещаниях членов редакционных коллегий парторганизация знакомила их с новыми задачами партии. Актуальность тем сместилась в сторону освещения проблем народного хозяйства и культурно-бытовых условий.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны рабочие корреспонденты использовались властью для формирования среди тылового населения нужного социального поведения. В своих ста-

тях рабкоры освещали усилия трудящихся по увеличению продукции для фронта, поддерживали и распространяли опыт передовиков производства и трудовых коллективов. Рабочие корреспонденты оказывали помощь в мобилизации трудящихся на своевременное и высококачественное проведение работ на Магнитогорском металлургическом комбинате, преодоление трудностей.

Список литературы

1. Кузнецов И.В. История Отечественной журналистики (1917–2000) [Текст] / И.В. Кузнецов. – М.: Флинта, 2008. – 638 с.
2. Макаров А.Н. Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. [Текст] / А.Н. Макаров // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – №31. – С. 113–125.
3. Макарова, Н.Н. Повседневность чувств эпохи форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.) [Текст] / Н.Н. Макарова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №1 (43). – С. 205–213.
4. Овсепян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики (Февраль 1917 – начало 90-х годов) [Текст] / Р.П. Овсепян. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 208 с.
5. Раскольников, Ф.Ф. Рабкоры и пролетарская литература [Текст] / Ф.Ф. Раскольников // На боевом посту. – 1925. – №1. – С. 105–112.
6. Сафонов, Д.А. Рабселькоры как явление советской действительности 1920–1930-х годов [Текст] / Д.А. Сафонов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2015. – №2. – С. 80–91.
7. Слезин А.А. Задачи рабочих и сельских корреспондентов в воззрениях советских лидеров 1920-х гг. [Текст] / А.А. Слезин, А.А. Арестова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012. – №2–40. – С. 247–253.
8. Слезин А.А. Государственная функция политического контроля: особенности правоприменительной практики [Текст] / А.А. Слезин // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2007. – Т. 13. – №3. – С. 821–825.
9. Скребнев В.А. Становление рабселькорского движения в Тамбовской губернии (1921–1928 гг.) [Текст] / В.А. Скребнев. – СПб.: Нестор, 2006. – 106 с.
10. Сталин И.В. О рабкорах: Беседа с сотрудником журнала «Рабочий корреспондент» [Текст] / И.В. Сталин // Сочинения. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – Т. 6. – С. 261–263.
11. Стародубова О.Ю. Художественная литература как исторический источник: к вопросу формирования образа А.А. Брусилова в 1940-е гг. [Текст] / О.Ю. Стародубова // Проблемы российской истории. – 2010. – №1 (10). – С. 311–332.
12. Троцкий Л.Д. За качество, против бюрократизма, за социализм!: речь на III Всесоюзном совещании рабселькоров 28 мая 1926 г [Текст] / Л.Д. Троцкий // Правда. – 1926. – 2 июня.
13. Чернова Н.Н. «Смешного бояться – правды не любить»: реалии Магнитогорска 1930-х начала 1940-х гг. сквозь призму сатиры [Текст] / Н.В. Чернова // Проблемы российской истории. – 2013. – №1. – С. 165–173.

Суханова Наталья Ивановна

д-р ист. наук, профессор
ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет»
г. Москва

ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1917–1918 гг.

***Аннотация:** в данной статье представлен анализ причин антирелигиозной и антицерковной политики советской власти и реакции на нее со стороны общества и служителей церкви. Проблема уровня религиозного сознания российского общества рассматривается как одна из причин быстрого утверждения атеизма в России.*

***Ключевые слова:** большевики, революция, атеизм, антицерковная политика, православная церковь, духовенство.*

В годы революции и Гражданской войны вопросы, связанные с церковью, религией, религиозным сознанием были в числе тех, которые неоднозначно влияли на ситуацию в стране. Проблемы взаимоотношений новой власти и церкви оказались сложными и многогранными.

Церковь являлась духовно-нравственной оппозицией большевикам, которые претендовали на идеологическую монополию. Кроме идейного противостояния очевидной была борьба светских и духовных тенденций в меняющейся России. 2 декабря 1917 г. на заседании Поместного собора был принят документ «О правовом положении Российской Православной Церкви». После долгого периода, когда РПЦ занимала вторичные места в государстве, она начала претендовать на повышение собственной роли в общественных процессах. Во многих епархиях обновленческие идеи начали распространяться еще с начала XX века.

Как и многие другие процессы, проблема взаимоотношений власти и церкви имела весьма противоречивый характер. Значительная часть населения не отличалась крайним религиозным консерватизмом, поэтому поначалу местные органы советской власти были менее радикальны в реализации антицерковной и антирелигиозной политики. Документы дают основания оценивать её как исполнение приказов сверху, но без особых перегибов и рвения.

Основания традиционной веры в народе были не очень прочны. Российский человек, в отличие от западноевропейского, не получал от священства обращения к сущности человека, рационального объяснения православия. «Верую!» – вот что было основой русской религиозности. Обрядовая сторона преобладала над глубинным сущностным проникновением в христианство. В глубине истории отмена патриаршества, бюрократия управления церковью, особенно со времен Петра I, лишили церковь самостоятельного голоса в обществе и права защиты личности перед государством. Последний обер-прокурор Синода К. Победоносцев признавал только инстинктивную религиозность, веру, как систему быта, а не как осознанный поиск [18, с. 21].

В таком виде она существовала в России всегда, только в конце XIX – начале XX вв. вышедшие из марксизма русские философы начали поворот в сторону религиозных исканий. В кризисные времена у части россиян усиливался религиозный фанатизм, у других наступало полное безверие. По выражению Д. Мережковского, связывающего кризис православия с падением самодержавия, народ тогда «раскрестился мгновенно» [17, с. 28]. Сами служители церкви сетовали на пассивность мирян, не идущих массой на защиту церковных интересов, не противостоящих атакам воинствующего атеизма. Сложный и неоднозначный процесс будущего «распространения в России атеизма, ослабления Русской Православной Церкви и низведение ее до уровня безынициативной иерархической структуры – бесправной, затравленной и привыкшей подчиняться советской власти – начался задолго до 1917 г.» [9, с. 5]. Христианство продолжало оставаться официальной религией, а церковь всегда была встроена в государственный механизм. Сама идея «государственной религии» к началу XX века, фактически, изжила себя. Религия, свободная от надзора и давления власти, и власть, свободная от сакральных санкций, построенная на рациональной и демократической основе, – таким, казалось бы, мог стать идеал общества и цель его будущего развития. Но реальная практика утверждения большевистской власти, начавшей антирелигиозную и антицерковную политику, привела к иному результату.

Значительная часть духовенства оказалась неготовой к подобным переменам. Наиболее серьезную опасность они видели в подрыве экономического и юридического статуса Русской Православной Церкви. К этому времени она представляла собой изнуренный внутренними болезнями организм и потому стала сдавать свои позиции. Программа демократизации церкви была выработана еще в годы Первой русской революции. Но духовенство сконцентрировалось только на идее восстановления патриаршества, что не могло не привести к появлению новой церкви. Отказ от реформ православной иерархии и непонимание их необходимости населением уже несли в себе залог трагичности её судьбы. Если добавить к этому перемены в массовом сознании, как низшего духовенства, так и самих верующих, становится очевидной причина победы большевиков в осуществлении церковной политики на том этапе.

РПЦ не смогла уловить сути модернизационных процессов. Православию приходилось сдавать позиции вследствие того, что нарождавшееся гражданское общество требовало более гибких и многообразных форм пастырской деятельности. Церковь нуждалась в реформе. Революционные процессы в послефевральской России подтолкнули часть духовенства к требованию обновленческих реформ церкви. После Октября 1917 г. большевики поддерживали это течение с целью использования его для работы в приходах. Раскол церкви был выгоден большевикам, она переставала быть сильной, духовно объединяющей антисоветские силы.

В постреволюционный период в жизни РПЦ совпали два процесса: переустройство церкви и тотальный контроль её со стороны государства. Необходимость изменения статуса церкви не была учтена в программах многих политических партий. Подтверждением может служить фраза П. Милюкова, сказанная им в годы первой революции: «Ах, мы совсем забыли о Церкви» [19, с. 29]. Поэтому её кризис начала XX века содействовал тому, что большевики сумели ещё более ослабить роль церкви.

Церковь являлась духовно-нравственной оппозицией большевикам. В условиях распада империи, крушения всех ценностей, разгула анархии она призывала к объединению россиян, восстановлению мира и «щадению жизни побежденных» [4, л. 35]. Избрание в ноябре 1917 г. патриарха Тихона и восстановление патриаршества в России было угрозой возрождения монархических идеалов. По

церковным канонам православие освещало только один тип государства — монархию. Совпадение во времени прихода к власти большевиков, и избрание патриарха Тихона имело определенные последствия. Советская власть, претендуя на идеологическую монополию, не могла допустить возрождения идей поверженного монархизма. Опасность объединения антибольшевизма под церковными знаменами толкала большевиков к началу антирелигиозной войны.

2 декабря 1917 г. на заседании Поместного собора был принят специальный документ «О правовом положении Российской православной церкви». Он принимался с уверенностью в том, что советская власть не продержится более одного-двух месяцев. В названном документе предполагалось сохранить «первенствующее положение» православной церкви среди других религиозных объединений.

Союз духовенства готовился к борьбе с новой властью. Для этого, по их мнению, были необходимы «религиозно-воодушевленные руководители, вокруг которых должны создаваться организации из живых и действенных членов церкви» [5, л. 3]. Но события развивались иначе, и церковь была вынуждена подстраиваться под ситуацию в стране и регионах. Если в марте 1918 г. патриарх Тихон в своем послании Совнаркому высказался против гонений, террора, издевательств над верой и верующими, то 8 октября 1919 г. в другом послании он запретил духовенству становиться на сторону белых и публично их поддерживать. Главным направлением в деятельности церкви была борьба за «выживание» и усилия, направленные на сохранение влияния православия в обществе. Она оказалась в неравных условиях по сравнению с политическими силами потому, что не принимала их методы борьбы.

Первые шаги против церкви большевики сделали, лишив её собственности. По Декрету «О земле» от 8 ноября церковь, в целом, а вместе с нею и приходское духовенство, лишались прав собственности на землю. За ним 17 декабря последовал Декрет «О земельных комитетах», по которому все сельскохозяйственные земли, «включая и все церковные и монастырские, отбирались в руки государства». Никаких предварительных переговоров с церковью перед изданием этого Декрета не велось. 24 декабря 1917 г. появился

Декрет «О передаче всех церковных школ в Комиссариат просвещения». 18 декабря был опубликован Декрет ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях, и о введении актов гражданского состояния», признававший юридически недействительным церковный брак. В январе 1918 г. Декретом СНК были ликвидированы духовники в армии, отменены все государственные дотации и субсидии церкви и духовенству [11, с. 99]. 20 января 1918 г. был принят Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», осуществивший отделение церкви от государства, национализацию церковного имущества, и поставивший Русскую Православную Церковь в жесткие рамки всяческих запретов и ограничений — она теряла юридическое лицо, лишалась собственности и права её приобретать [25, с. 70–71]. Всё необходимое для совершения богослужения церковь получала от государства на условиях «бесплатного пользования». Деятельность церкви рассматривалась как частное предпринимательство и, соответственно, облагалась налогом. Государственные инстанции шли на заключение договоров по получении верующими прав на моленные дома только с их общиной.

В 1918 г. вышло много законодательных актов, ограничивающих права церкви. Поместный собор Православной Российской Церкви назвал приход большевиков «нашествием антихриста и беснующимся безбожием». Официальные законодательные акты, направленные на ограничение прав церкви, усиливали с её стороны неприятие власти большевиков. Неприятие духовенством новой законодательной базы, изменившей юридический статус РПЦ в государстве, а также участие священнослужителей в политической борьбе против советской власти, были питательной средой для антицерковных акций со стороны большевиков. В апреле 1918 г. был создан специальный ликвидационный отдел при Наркомате юстиции для проведения в жизнь январского Декрета. Представители церкви в эти комиссии не приглашались [13, с. 14].

В ответ на антицерковную политику большевиков в январе 1918 г. появилось ряд церковных документов: «Послание Патриарха Московского и Всея Руси Тихона», «Постановление церковного Собора по поводу декрета» СНК «Об отделении церкви от государства», «Соборное воззвание по поводу «Декрета о свободе совести» [8, с. 665]. Эти документы содержали призыв к населению

страны выступить против принятых советской властью антицерковных декретов. Позиция официальной церкви нашла отклик во многих регионах страны.

Церковь не могла быть позитивно настроена в отношении государства, которое её уничтожало. Противостояние церкви было упреждающим действием на наступление новой власти. Но при этом все решения Собора сохраняли политический нейтралитет. Церковь призывала к прекращению всякого противостояния и братоубийственной войны [22, с. 215–218]. От церкви отлучались *все, кто терроризировал население*. Но, к её чести, необходимо отметить, что природу насилия она не связывала только с деятельностью большевиков. Московский Поместный собор 1917–1918 гг. говорил о зверствах в отношении церкви, как о «идущих из глубины народной» [21, л. 166].

Большевизм не был родоначальником атеизма. Он был свойственен многим революционным движениям и организациям. Марксизм рассматривал церковь, как орган буржуазной реакции, «служащей защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса» [14, с. 416]. В статье «Социализм и религия» Ленин подчеркивал, что «государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен, исповедовать какую угодно религию или не исповедовать никакой, т.е. быть атеистом. Полное отделение церкви от государства – вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви» [16, с. 143–144]. Но за этим следовало категоричное заявление: «Мы должны бороться с религией. Это азбука всего марксизма» [15, с. 418].

Серьезная ошибка большевиков заключалась в том, что они не учитывали долгого взаимодействия религии и культуры в России. По мнению Н. Бердяева, «максимисты-ленинисты видят только церковь, как социальный феномен и институт, и ничего за ним не видят. Для них всё выброшено наружу, для них нет духовной жизни, она есть лишь эпифеномен, бытие плоское, двухмерное – нет измерения глубины» [1, с. 140]. Он считал слабостью марксизма то, что он «не видит первооснов бытия, сводя его лишь к экономике» [23, с. 241]. Обыденное сознание рядового русского человека предполагало наличие Бога. Его «отмена» должна была заполняться поисками нового «великого защитника».

Большевистская политика в отношении церкви была направлена на полное вытеснение её из духовной и политической жизни общества. Она выбрасывалась на периферию общественной жизни. Таким статусом церкви большевики ограждали свою власть от ненужной ей конфронтации. Церковь отвлекала, по мнению большевиков, массы от социалистического строительства. Советским правительством применялись различные формы и методы влияния на РПЦ: от идеологического воздействия до репрессивной политики «регулирования церковной жизни».

В статье 13 Конституции РСФСР 1918 г. говорилось: «В целях обеспечения трудящимся действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [12, с. 133]. Во Второй программе партии утверждалось, что в области религиозных отношений она «стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, а также к фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма» [16, с. 118].

В противоречие с программными требованиями вступала большевистская практика. Антицерковный террор большевиков действовал по всей стране. В главных храмах городов проводились казни, глумления над христианскими святынями. Такая политика вызывала обратную реакцию населения. Чаще она носила мирный характер в виде крестных ходов, мирных демонстраций, охраны храмов, помощи семьям репрессированных священников.

Вслед за решением СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» последовали практические меры. Местное руководство начало проводить описи движимого и недвижимого имущества помимо церковных помещений и церковной утвари.

Политика большевиков в отношении церкви была подчинена решению политических и экономических проблем Гражданской войны и государственного строительства. Крестьянство получало прибавку земли, в том числе и за счет земель РПЦ, национализированных большевиками. Средства от национализации церковного имущества направлялись, в первую очередь, на военные нужды. 30 июня 1918 г. в разгар формирования регулярной Красной армии был принят Декрет СНК «О набатном звоне». Он решал несколько

задач: переплавку колоколов на оружие, запрет колокольного звона, объявление звонарей врагами народа.

В июне 1918 г. начались массовые гонения властей на православную церковь. Газетная антирелигиозная кампания, закрытие храмов, монастырей, духовно-учебных заведений, передача культовых сооружений государственным и военным учреждениям, многочисленные факты глумления над предметами поклонения верующих – это был новый виток большевистской антирелигиозной политики в условиях разрастания Гражданской войны.

В ответ на решение большевиков изъять у церкви помещения и храмы, церковь просила верующих не сопротивляться, но и не распадаться, а продолжать богослужения на частных квартирах. Она готовила народ к нелегальному существованию церкви. Изданные 30 августа 1918 г. «Инструкции к декрету об отделении церкви от государства» окончательно лишили духовенство прав по управлению церковным имуществом. Разрешалось получение в аренду от государства культовых зданий «двадцатками» мирян, как единственному виду общественных объединений. Такой подход грозил подрывом церкви изнутри. Имели место случаи составления формальных договоров между местными властями и церковными общинами.

Политика новой власти нередко носила противоречивый характер. При том, что в 1919 г. был принят декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», на практике он не действовал. В декабре 1918 г. местным властям предписывалось не допускать произвола при закрытии богослужебных зданий и осуществлении различных акций в отношении духовенства. В марте 1919 г. достаточно активно началась реализация постановления «О полной ликвидации культа мощей». Попытки верующих противостоять этому завершались арестами, лагерями и другими наказаниями.

К первой годовщине Октября патриарх Тихон написал послание Совнаркому с решительным осуждением террора. При этом в документе подчеркивался политический нейтралитет церкви в Гражданской войне. Его обращение осталось без ответа. Антицерковный террор продолжался [3, с. 73–79].

За время с июня 1918 по январь 1919 г. в России, по неполным данным было закрыто 94 церкви и 26 монастырей, за «контрреволюционную» деятельность подвергнуты заключению 4 епископа,

198 священников, 8 архимандритов и 5 игуменов [24, с. 14]. По приблизительным подсчетам, в ходе антицерковной политики в России к 1921 г. погибло не менее 12 тысяч мирян, несколько тысяч приходского духовенства и монашествующих [7, с. 205]. Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков отмечала, «что значительное количество священнослужителей поплатилось своей жизнью только за то, что они являлись представителями Церкви». Помимо восстаний и выступлений верующих, их протест выражался в создании союзов и братств верующих, они призывали сохранить традиционный уклад «жизни по вере». Коллективы верующих ходатайствовали перед властями о незаконно арестованных священнослужителях [6, л. 7].

На требование священнослужителей не принимать никаких законов относительно церкви без предварительной консультации с нею, новая власть ответила отказом. Ответом патриарха Тихона стала анафема против врагов церкви. Развернувшийся террор против духовенства провоцировал волнения среди верующих. Он не прекратился и после того, как патриарх опубликовал в сентябре 1919 г. послание «О прекращении духовенством борьбы с большевиками» [2, с. 43].

Попытка уничтожить церковь одним ударом, лишив её экономического фундамента в 1917–1918 гг. не удалась. Необходимы были новые, более эффективные способы давления на неё. Задача переподчинения церкви оказалась очень сложной, несмотря на то, что накануне революции окончился синодальный период её развития. В письме М. Лацису Ф. Дзержинский писал: «Мое мнение: церковь разваливается, этому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать её в обновленной форме. Поэтому церковную политику развала должны вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или неофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели – разложения попов» [20, л. 3]. В итоге секретным отделением IV отдела ВЧК были разработаны и осуществлялись оперативные мероприятия в отношении церкви [10, с. 102].

Государственная политика советской власти в отношении церкви и религии продолжала оставаться непримиримой, направленной на подрыв материальной базы, жесточайшие административные гонения, прямые репрессии и строилась на ущемлении прав

верующих и церкви на правовой основе декрета «Об отделении церкви от государства».

Список литературы

1. Бердяев Н.И. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.И. Бердяев. – 1990.
2. Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917–1927 гг. / О.Ю. Васильева // Вопросы истории. – 1993. – №8.
3. Вострышев М. Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси / М. Вострышев. – М., 1990.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.р. 3431. Оп. 1. Д. 617.
5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 76. Д. 32.
6. ГАСК. Ф. 96. Оп. 3. Д. 121.
7. Голдин В.И. Россия в Гражданской войне / В.И. Голдин. – Архангельск, 2000.
8. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М., 1987.
9. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. 1917–1970. – СПб, 1997. – Т. 1.
10. Источник. – 1994. – №6.
11. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви: В 2х т. / А.В. Карташов. – Париж, 1959. – Т. 1.
12. Конституция (Основной закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов 10 июня 1918 г // Справочник. Советские конституции. – М., 1963.
13. Крестный путь церкви в России (1917–1987) // Собор. – 1990. – №1.
14. Ленин В.И. Об отношении рабочего класса к религии: Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 17.
15. Ленин В.И. Пункт программы в области религиозных отношений: Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 38.
16. Ленин В.И. Социализм и религия: Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – Т. 12.
17. Мережковский Д. Записная книжка (1919–1920) / Д. Мережковский // Вильнюс. – 1990. – №6.
18. Поспеловский Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века / Д. Поспеловский // Вопросы истории. – 1993. – №1.
19. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 196.
21. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 833. Оп. 1. Д. 33.
22. Регельсон Л. Трагедия русской церкви / Л. Регельсон. – Париж. Имкапресс, 1977.
23. Новиков А.И. История русской философии X–XX вв. / А.И. Новиков. – СПб., 1998.
24. Собор. – 1990. – №1.
25. Хрестоматия по истории СССР. 1917–1945. – М., 1991.

Упоров Иван Владимирович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
г. Краснодар, Краснодарский край

**«...БЫТЬ ИМ НА КАТОРГАХ В РАБОТЕ»:
ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА
ОСУЖДЕННЫХ ПРИ ПЕТРЕ I**

***Аннотация:** в данной работе автор исследует завершающий этап формирования в России государственной политики по эксплуатации труда осужденных. Это произошло в годы правления Петра I, которому для реализации своих реформаторских планов не хватало рабочей силы, и преступники тысячами отправлялись в ссылку на каторгу.*

***Ключевые слова:** ссылка на каторгу, наказание, Петр I, преступники, принудительный труд, лишение свободы.*

Наказание в виде ссылки в каторжные работы как разновидности лишения свободы в завершенном виде в России сложилась в период правления Петра I. Так, в Артикуле воинском эта форма лишения свободы достаточно четко разграничивалась с тюремным заключением. В данном правовом акте ссылка на каторгу встречается в пяти артикулах (арт. 63, 65, 149, 167, 196) [1]. При этом следует заметить, что к началу XVIII в. фактически ссылка применялась весьма широко, по нарастающей, но сначала это была ссылка житье (на поселение), но вот при великом реформаторе государство присоединяет к лишению свободы также принудительные работы. Сама же ссылка и ее исполнение в отношении конкретных лиц регулировалась большим количеством указов; кроме того, различные вопросы ее организации нашли свое отражение в переписке Петра I с различными должностными лицами. При этом основное внимание уделялось труду каторжников, использование которого в решении государственных хозяйственных задач еще более расширилось, оставив на заднем плане все другие цели наказания.

Нам представляется (в порядке гипотезы), что если бы дело дошло до реального составления нового Уложения, которое намеревался создать Петр I, то в нем вопросы ссылки были бы отражены

достаточно полно для того времени. Однако Уложение так и не было составлено. Наша гипотеза подтверждается тем, что когда, спустя столетие, был издан первый систематизированный кодифицированный акт, регулирующий отдельную (уголовно-исполнительную) область общественных отношений, то он касался именно ссылки (Устав о ссыльных 1822 г.).

Рассмотрим некоторые документы. Так, в Указе 1699 г. написано: «Великий государь указал, которые виновны посадские люди, земской староста со товарищи, выборных своих таможенных и кабацких бурмистров от сборов отставили за то, что их старостину прошению ничего не дали и выбрали на места оных, взяли за то с них 120 рублей и тем людям, которые взяли деньги, и которые им те деньги дали и накупились к сборам, сказать смерть и положить на плаху и, от плахи подняв, бить вместо смерти кнутом без пощады и сослать в ссылку в Азов на вечное житье с женами и с детьми и быть им на каторгах в работе» [2, с. 611]. В соответствии с одним из указов 1700 г. преступников предписывалось «отдать в пашенную работу мужикам, по смерть и велеть им питать себя работою земляною и скотопастством» [3].

В письме к князю Ромадановскому в 1703 г. Петр писал: «Ныне же зело нужда есть, дабы несколько тысяч воров (а именно есть ли возможно 2000 человек) приготовить к будущему лету, которых по всем приказам, ратушам и городам собрать по первому пути и которые посланы в Сибирь, а ныне еще в Вологде. Питер» [4, с. 187]. А еще раньше, Петр I предписывает: «завести в Тобольску кирпичные великие заводы и в тех ссыльными и иными людьми делать кирпич, чтоб повсюду наделать самое многое число» [5, с. 67]. В 1707 г., узнав о приостановлении работ на сооружении больверка Трубецкого (Петропавловская крепость), царь писал Кикину: «Того ради донеси господину генералу (Ф.М. Апраксину), чтоб на сию работу каторжных невольников употребить, понеже ныне лето своими тишинами миновалось, а галерам больше дела нет; к тому и холопей государевых прибавилось» [4, с. 188].

Согласно Указу 1703 г. «разбойников смертной казнию не казнить, а учинить им наказание, бить кнутом и, запятнав в щеку, ссылать в Азов на каторгу, на вечное житье» [6]. В том же году был издан еще схожий указ, где делалась ссылка на прежний указ: «и

тех (преступников – авт.) по-прежнему своего великого государя указы, за их вины ссылать в Азов на каторгу» [7]. В Указе 1704 г. Петр I предписывал: «тех, которые кроме вышеописанных вин, по законам достойны смерти (за убийство, воровство, измену и бунт – авт.), бить кнутом и, запятнав новыми пятнами, послать в вечную каторгу; а которые довелись наказанья в дальней ссылке, тех без наказанья ссылать на каторгу же на десять лет» [8]. Соответственно, Указом 1714 г. предусматривалось «разбойников за второй раз вместо смерти послать на вечную каторгу» [9, с. 423]. Указом того же года на галеры предписывалось посылать тех, кто, выходя из слободских посадских людей, оставлял за собой долги, за которые нечем было платить [10]. В 1721 г. на каторгу отправлялись «смертоубийцы», которые добровольно признавались в преступлении [11].

В 1715 г. Петр I, очевидно, недовольный практикой исполнения ссылки на каторгу, требовал: «Каторжных не употреблять в мелкие и разные работы, но на те, кои на одном месте, а именно свай бить и прочие тому подобные» [4, с. 322–323]. По Указу 1717 г. Петр I повелел: «Если рекрут прежде года своей службы в полку побежит, то его за сей побег бить шпицрутенами через полк по разу на три дня, а когда в другой раз убежит или более года кто в службе, тех вместо смерти бить кнутом, и, вырезав ноздри перед полками, сослать в вечную каторгу на галеры» [12, с. 116–117]. Указом 1720 г. император, в частности, предписал: «Послать преступников туда, где делают новую гавань» [9, с. 417]. Следует добавить, что на «галеры» могли послать и тех, «кто штрафован будет денежным штрафом, а платить ему будет нечем ... зачитая по десяти рублей на год» [13].

Частные вопросы порядка отбывания ссылки на каторгу регулировались целым рядом документов. Так, в Указе 1720 г. речь шла о свиданиях осужденных с родственниками и о «свободе» жен осужденных на вечную ссылку: «К каторжным невольникам, которые посланы на урочные годы, женам и детям ходить не возбранно, а которые сосланы в вечную каторжную работу, тех женам, которые похотят идти замуж, или постричься, и в своих приданных деревнях жить, и в том дать им свободу, понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умрет» [4, с. 191].

Таким образом, как подчеркивает И.Я. Фойницкий [14, с. 269], в первой половине XVIII в. каторга была у нас не только и даже не столько уголовным наказанием, сколько местом нужного правительству принудительного труда. Сюда стекались, кроме осужденных преступников, несостоятельные к уплате государственных повинностей и частных долгов для отработки их, тут же находились и люди, приписанные к данным работам, каковы адмиралтейские и артиллерийские служители и заводские рабочие.

Добавим к этому, что такое положение сложилось не вдруг, неожиданно – оно было продолжением той политики, которая велась Московским правительством и до Петра I. Так, еще в 1668 г. известный деятель Андрей Виниус предлагал построить на Каспийском море особые гребные суда или «каторги», обосновывая это тем, чтобы «всяких воров и бусурманских полоняников на каторги сажать для гребли в цепях, чтоб не разбежались и зла не учинили.. и чем таким вора и полоняникам, которых по тюрьмам бывает много, хлеб туне давать, и они б на каторгах хлеб зарабатывали» [4, с. 189].

Однако Петр придал этому процессу сильное ускорение. Его проекты преобразований в России предполагали строительство множества объектов различного характера: жилых зданий, крепостей, портов, заводов, разработки минеральных ископаемых, проведения других крупных, в государственном масштабе работ. Для их осуществления требовалось огромное количество рабочих рук, острая нехватка в которых подталкивала государство к все более широкой эксплуатации труда осужденных преступников.

В начале XVIII в. в сфере исполнения наказаний проблема труда преступников вообще выдвинулась на передний план. Уничтожая одних посредством смертной казни и в большом количестве в целях устрашения, государство, вместе с тем, стремилось получить максимальную выгоду от тех преступников, кого оставляли в живых и лишали свободы (к этому государство подталкивала узость рынка наемной рабочей силы, что, в свою очередь, обуславливалось существованием крепостного права [15, с. 52]). При этом речь идет не только о ссылке на каторгу.

Так, согласно Регламенту главному магистрату (гл. XX) предусматривалось устройство особых смиренных домов («цухтгаузы») для мужчин и прядильных домов для женщин, куда должны были направляться лица «непотребного и невоздержанного жития..., которых никто в службу не приемлет..., люди ленивые, здоровые, нищие и гуляки, которые, не хотят трудиться о своем пропитании, ядят хлеб вотще, и прочие им подобные... таковых надлежит сажать в смиренные дома, кто на какое время по злым его поступкам будет достоин, и посылать их на работу, чем бы они могли пропитание свое заработать, чтоб никогда праздные не были» [16, с. 256].

В «Инструкции или наказе воеводам» 1719 г. [17] Петр I также обращается к теме привлечения для государственных нужд труда лиц, которые нигде не определены. В частности, он требует: «смотреть, чтобы в его провинции никакие гулящие люди не обретались, а увечных высылать в те города и селы, кто откуда скажется, а неувечных в службу или в работу, куда будет требоваться, отсылать». Если же «гулящие и слоняющиеся люди» попадали в полицию, которая обязана была их «хватать и допрашивать», второй или третий раз, то полагалось мужчин бить батогами и ссылат на каторгу, женщин – в шпингаузы (прядильные дома), малолетних – бить батогами и посылать на суконный двор или другие мануфактуры.

В Пунктах, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру, которые были изданы в 1718 г. [18], эта тема находит свое развитие – полагалось для государственных нужд определять не только «гулящих и слоняющихся» людей, но и виновных в сокрытии информации о «проезжих людях». В частности, в соответствии с этим документом требовалось «накрепко смотреть приезжих, какие люди, и чтоб всякий хозяин тотчас объявил, кто к нему станет и какой человек, а буде утаит или непрямым именем скажет – таких хозяев с наказаньем ссылат на галеру».

Как замечает А. Филиппов, «de facto» были созданы лишь прядильные дома, устройство же «цухтгаузов» для мужчин особого успеха не имело; в равной степени не получило большего распространения и наказание в виде тюремного заключения [4, с. 355–358]. Это явление объясняется, по нашему мнению, тем, что государству было невыгодно тратить средства на строительство и содержание тюрем; ведь

организовать труд специально для заключенных в тюрьмах было делом нелегким (оно остается таковым и сегодня), это же касалось и смиренных домов для мужчин, которые должны были работать в основном на строительстве, а не в закрытых помещениях. В этом смысле прядильные дома для женщин оказались более реальными, поскольку для них требовались сравнительно небольшие производственные площади.

Государство Петра I не намеревалось даром кормить не только уже осужденных преступников, но и находившихся в предварительном заключении. Так, согласно Указу 1722 г. «для тех колодников, которые в Москве в коллегиях и канцеляриях и в надворном суде до вершения дела содержатся... и которые из оных, за караулом сидя, прокормить себя не могут... таких колодников мужского пола отсылать для казенных работ, а баб и девок – для работы на мануфактурные дворы» [4, с. 189]. Последнее требование представляется в известной степени вынужденным в связи с последовавшим в 1722 году петровским запретом на сбор заключенными милостыни.

Труд осужденных преступников при Петре I стал определяющим фактором в выборе мест отбывания лишения свободы (в виде ссылки на каторгу). После кратковременного «расцвета» Азова, первоначальным сосредоточением значительного количества каторжников стал Рогервик (Балтийский порт), куда ежегодно, вплоть до окончания строительства (1767 г.) направлялось до 600 человек [4, с. 195]. Каторжане активно использовались на строительстве разных объектов новой столицы – Петербурга, а также Оренбурга, Риги, Ревеля, Таганрога, Екатеринбурга и др. Как отмечал Н.Г. Фельдштейн, «ссылка и каторжные работы, как наиболее необходимые для удовлетворения нужд правительства, играют роль самых употребительных наказаний. Большинство преступлений караются ими ... Каторжные работы почти полностью совершенно сливаются с ссылкой и могут поэтому рассматриваться как самостоятельный вид ее. Рядом с ними получают дальнейшее развитие ссылка на поселение и ссылка на житье» [19, с. 135].

Одновременно применялась и ссылка на поселение (житье), хотя о ней и не упоминается в Артикуле воинском. По утвержде-

нию И.Я. Фойницкого, вследствие иноземного влияния предпринимались попытки ее отмены в 1703 и 1773 гг. (а в дальнейшем в 1840 и 1879 гг.), однако «ссылка не только не прекращается, но даже получает большее развитие, поскольку практические потребности, вызванные, с одной стороны, недостатком мест заключения, а с другой необходимостью заселения отдаленных окраин, оказывается могущественнее иноземных влияний», и, в частности, в 1719 г. появляется кавказская ссылка [14, с. 267].

В завершении следует заметить, что печально известный сталинский ГУЛАГ, как видно, не является изобретением советской власти – уже более двух веков до этого государственная политика по эксплуатации труда осужденных для государственных нужд была апробирована, и государство получило немалые выгоды, принося в жертвы тысячи своих поданных. И при Петре I, и при Сталине использование этой политики было сопряжено с масштабными реформами, двинувшими страну вперед. Изложенное показывает, что история России представляет собой чрезвычайно сложное и противоречивое явление, которое не может быть описано в черно-белых тонах.

Список литературы

1. Артикул воинский 1715 г. // Законодательство Петра I. – М., 1997. – С. 764, 779, 784, 789.
2. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. – СПб., 1865. – С. 611.
3. Памятники сибирской истории. – СПб., 1882. – Т. 1. – С. 65.
4. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. – М., 1891. – С. 187.
5. Памятники сибирской истории. – СПб., 1882. – Т. 1. – С. 67.
6. ПСЗ. Собр. первое. №1924.
7. ПСЗ. Собр. первое. №1951.
8. ПСЗ. Собр. первое. №1957.
9. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX столетия). – СПб., 1899. – С. 423.
10. ПСЗ. Собр. первое. №2812.
11. ПСЗ. Собр. первое. №3755.
12. Викторский С.Н. История смертной казни в России. – М., 1912. – С. 116–117.
13. Законодательство Петра I. – М., 1997. – С. 123.
14. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – СПб., 1889. – С. 269.
15. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. – 1992. – №4–5. – С. 52.
16. Российское законодательство X–XX веков. – М., 1986. – Т. 5. – С. 256.
17. Инструкция или наказа воеводам 1719 г. // Законодательство Петра I. – М., 1997. – С. 428–437.
18. ПСЗ. Собр. первое. №3203.
19. Фельдштейн Н.Г. Ссылка во Франции и России. – М., 1883. – С. 135.

Ялтаев Дмитрий Анатольевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОЦЕНКА МЕСТНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЕ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО РЕВИЗИИ М.Е. КОВАЛЕВСКОГО В 1880–1881 гг.

***Аннотация:** в статье на основе сопоставления с имеющимися архивными данными и сведениями историографии проанализированы выводы, представленные в отчете ревизии, проведенной М.Е. Ковалевским в Казанской губернии в 1880–1881 гг. Определены выделенные им проблемы местного самоуправления в вопросах его состава, делопроизводства и взаимодействия с административными органами.*

***Ключевые слова:** Казанская губерния, Ковалевский, крестьяне, волостные правления, земства.*

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15–11–21003.

Местное самоуправление в сельской местности – предмет постоянных споров и государственных реформ в России на протяжении уже нескольких веков. Крестьянский вопрос всегда оставался актуальным и для научного изучения и административных действий. Как в XIX в., так и в начале XXI в. продолжают споры о необходимости и степени вовлеченности населения аграрных районов в местное и региональное управление. В этой связи вызывают интерес результаты ревизии М.Е. Ковалевского 1880–1881 гг., к материалам которой обязательно обращаются ученые, изучающие историю административных, полицейских, судебных и экономических преобразований, происходивших во второй половине XIX в. как в России в целом, так и в регионах Поволжья и Приуралья в частности.

Михаил Евграфович Ковалевский (1829–1884 гг.), один участников разработки судебной реформы 1864 г. входил в состав Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Меликова. После

ропуска комиссии ему было поручено расследование дел о хищениях башкирских земель. В связи с этим 11 августа 1880 г. император Александр II поручил ему провести ревизию Уфимской и Оренбургской губерний, а также дел оренбургского генерал-губернаторства, после чего он обследовал и Казанскую губернию. 17 января 1881 г. царь назначил его членом Государственного Совета. Подробное изучение региональных структур власти и самоуправления изначально связывалось с проектной деятельностью по преобразованию государственных учреждений в период «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова. В связи с этим организовали серию сенаторских ревизий. Параллельно С.А. Мордвинов обследовал Воронежскую и Тамбовскую, А.А. Половцов – Киевскую и Чениговскую, а И.И. Шамшин – Саратовскую и Самарскую губернии. Выводы ревизий охватили довольно широкий круг вопросов, включавших помимо выше упомянутых оценку крестьянского бытования, состояние податной системы, экономического развития регионов и др. К сожалению, большая часть материалов осталась не востребованной и осела в архивных фондах. С другой стороны, часть сделанных выводов была реализована в реформах, коснувшихся вопросов создания института податных инспекторов, раскольников, переселенческой политики, реформ полиции и земских начальников [1, с. 84–95]. Проводившие ревизии сенаторы вошли в состав Кахановской комиссии 1881–1885 гг., созданной для составления проектов преобразования местного управления.

Положения и выводы, сделанные М.Е. Ковалевским по материалам проведенной ревизии, были напечатаны типографским способом в 1887 г. и в связи с этим получили определенную известность. Обозрение Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний осуществлялось помимо вышеупомянутого указа на основании высочайших повелений от 2 сентября 1880 г. и 19 января 1881 г.

М.Е. Ковалевский дал довольно интересные оценки состояния крестьянских хозяйств. Он писал, что в «Казанской губернии наиболее исправны в хозяйстве – русские». К наиболее ответственным с точки зрения государственных требований национальностям Казанской губернии он отнес чувашей, указывая на то, что они были «самыми многочисленными из инородцев (360 000 душ) и в неурожайные 1878 и 1879 гг. безнедоимочно уплачивали свои подати». К «наименее исправным» были отнесены татары, которые «при

трезвой жизни, не расположены к земледельческому труду». Указывалось, что в неурожайные годы «татарское население ложилось тяжелым бременем на земский продовольственный бюджет» [3, с. 2].

Относительно крестьян, освободившихся от крепостной зависимости, отмечалось, что они составляли 93 809 душ. Из них дарственники – 29 700 человек, которые получили по 1 десятине на душу. Указывалось, что при отсутствии местных промыслов и свободных земель, которые бывшие владельческие крестьяне могли бы арендовать на стороне, они вынуждались арендовать земли у бывших своих помещиков, причем в большинстве случаев платили не деньгами, а отработками. Сначала за 1 десятину аренды крестьянин обрабатывал столько же у помещика, но затем с ростом населения пропорция ужесточилась [3, с. 2].

В рамках традиционных охранительных представлений XIX в. М.Е. Ковалевский писал, что «одно только сельское управление является учреждением нормальным и отвечает потребностям и условиям внутренней жизни сельской общины. Как сельское управление, так и сельские общины должны остаться в настоящем виде. Законы только должны ограждать ее от внешнего расстройств. Узаконения выработаны жизнью» [3, с. 3]. Противоположное отношение высказывалось к волостному управлению. Делался вывод о том, что «крестьянских дел, в узком смысле слова, в их заведовании нет». Из состава направлений деятельности волостных правлений были особо выделены:

- наблюдение за исправным отправлением крестьянами лежащих на них податей и других государственных и земских повинностей;
- охранение безопасности;
- обнаружение преступлений, совершаемых в пределах волости;
- ведение посемейных списков крестьян для контроля за своевременным отбыванием ими воинской повинности.

В отчете делался вывод о том, что «все учреждения, как правительственные, так и общественные, вынуждены для своих сношений с местным населением прибегать к содействию волостных правлений, возлагая на них выполнение разного рода поручений, касающихся всех проживающих в волости лиц, не только крестьян-

ского, но нередко и других сословий» [3, с. 3–4]. Все статистические сведения собирались через волостные правления. В некоторых из них переписка достигала 5000 и более бумаг в год. При этом на содержание волостных правлений крестьянами ежегодно тратилось по 800–2000 руб. Исходя из того, что волостные старшины часто оказывались безграмотными, а, следовательно, не могли справиться со своими обязанностями, главным руководителем становился наемный писарь.

Наличие проблем в волостных правлениях, отмечавшихся М.Е. Ковалевским, вполне коррелируются с данными о текучести кадров. К примеру, в Чебоксарском уезде по данным 1880 г. работали 12 волостных старшин. Из них только трое были грамотными. Первый год на должности состояли 6 человек, второй – 3, третий – 3, четвертый год и более – не было никого [4, л. 143 (об.), 145 (об.)]. Цифры четко говорят о том, что крестьяне неохотно шли на работу в волостные правления, что отрывало их от хозяйства. Интересно, что и среди наемных писарей также отмечалась «текучка кадров»: из 11 человек на этой должности четыре и более лет работали только 3 человека, остальные – только по одному-два года [4, л. 143 (об.), 145 (об.)].

Согласно отчету, управление государственными имуществами в Оренбургской и Уфимской губерниях было плачевно. В Казанской – более утешительно, поскольку эта губерния избежала различных отчуждений казенных земель и лесов в частные руки. Здесь имелось чуть менее 1,5 млн десятин угодий, большей частью лесных, приносящих казне 1,5 млн руб. ежегодного дохода. Отмечалось, что в сравнении с пространством лесов доход был невелик, но с 1871 г. (730 000 руб.) удвоился [3, с. 8–9]. Вероятно, это обстоятельство было следствием относительно эффективных реформ П.Д. Киселева, проведенных ранее в этом регионе [2, с. 72–77].

Относительно новым явлением были земские учреждения, которые в Казанской губернии ввели с 1865 г. По смете 1880 г. на все расходы земств ассигновалось 1 078 625 р.:

- 11% – содержание земских распорядительных органов;
- 30% – выполнение обязательных повинностей, возложенных на земство;

– 22% – содержание правительственных учреждений (мировых судей и съездов, крестьянских присутствий, статистического комитета, на пособие чинам полиции и проч.);

– 12% – на народное образование;

– 25% – на врачебную часть [3, с. 9].

Отмечались недостатки общественных учреждений:

1) крестьяне смотрели на земство как на повинность, в гласные от них попадали случайные люди;

2) неопределенность отношений к местным представителям администрации (определялось в отчете главным недостатком).

Из ведения администрации были изъяты и переданы в образованные общественные учреждения многие дела, касавшиеся хозяйства, образования и здравоохранения: При этом земствам в большинстве случаев предоставлялось законом возможности приведения в исполнение их постановлений. Обязанности эти по-прежнему оставались за полицией и другими исполнительными органами, подчиненными высшей губернской администрации. Наблюдение за взысканием всех сборов также лежало на полиции. В отчете делался вывод, что земства вынуждались за приведением в исполнение каждого своего решения обращаться к губернатору, от которого зависели исполнительные органы [3, с. 11]. Таким образом, выполнение решений органов местного самоуправления часто оставалось за полицией [7, с. 56–62.]. Это приводило к прямому вмешательству уездной полиции в дела местного самоуправления и ее конфликтам с крестьянами как в Казанской [6, с. 195–201], так и соседних губерниях [5, с. 26–32].

Обобщая, можно отметить, что М.Е. Ковалевский сохраняя присущие его времени идеализированные представления о крестьянской общине, довольно критично был настроен к таким новым формам самоуправления, как земства, и обновленным после реформ государственной деревни волостным правлениям. К главным негативным чертам он относил: материальную незаинтересованность крестьян в работе в общественных учреждениях; запутанность дел, из-за чего главными действующими лицами становились не делегированные от населения лица, а наемные писари; сохранившееся переплетение ад-

министративной деятельности выборных учреждений с полицейскими органами власти. Одним из ведущих факторов он считал национальные черты и особенности населявших регион народов.

Список литературы

1. Евдокимова А.Н. Система управления сельским населением Чувашского края в церковной документации XIX века [Текст] / А.Н. Евдокимова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения). – Чебоксары: ООО Центр научного сотрудничества Интерактив плюс, 2015. – С. 84–95.
2. Зотиков А.В. Система мер по обеспечению пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии во второй трети XIX века [Текст] / А.В. Зотиков // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №4. – С. 72–77.
3. Ковалевский М.Е. Извлечение из всеподданнейшего отчета члена Государственного совета и сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской [Текст] / М.Е. Ковалевский. – СПб.: [б. и.], 1887. – 16 с.
4. Национальный архив Республики Татарстан. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 4761.
5. Юстус Т.В. Крестьянские выступления в мордовских селениях Алатырского уезда Симбирской губернии в годы первой русской революции [Текст] / Т.В. Юстус // Актуальные направления развития научной и образовательной деятельности. – Чебоксары: ООО Центр научного сотрудничества Интерактив плюс, 2014. – С. 26–32.
6. Ялтаев Д.А. Обеспечение продовольственной безопасности в Казанской губернии на основе реформы 1900 года [Текст] / Д.А. Ялтаев // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №4. – С. 195–201.
7. Ялтаев Д.А. Преобразования в уездной фискальной системе в России в конце XIX в. (По материалам Казанской губернии) [Текст] / Д.А. Ялтаев, В.А. Морозов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2012. – №3 (23). – С. 56–62.

Научное издание

**ЧЕЛОВЕК ТРУДА В ИСТОРИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ, АРХИВОВЕДЕНИЯ
И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ. III СМИРНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Сборник материалов
III Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)
Чебоксары, 25 марта 2016 г.

Редактор *О.Н. Широков*
Компьютерная верстка и правка *Н.А. Митрюхина*

Подписано в печать 21.03.2016 г. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 24,8775. Заказ К-81. Тираж 500 экз.
Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75

8 800 775 09 02
info@interactive-plus.ru
www.interactive-plus.ru

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru